

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ УРАЛА XVIII–XX ВВ.:
ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ**

Сборник научных статей и материалов
памяти Евгения Юрьевича Рукосуева

Екатеринбург
2021

УДК 94 (470.5) «18/20»

ББК 63.3.(235.55)

С 69

Социально-экономическая история Урала XVIII–XX вв.: проблемы и решения: Сборник научных статей и материалов памяти Евгения Юрьевича Рукосуева. — Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2021. — 296 с.

ISBN 978-5-907502-13-0

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН*

Рецензенты:

д.и.н., проф. *О. С. Поршнева*

д.и.н. *Н. В. Суржикова*

Ответственный редактор: к.и.н. *К. И. Зубков*

Сборник посвящен памяти ведущего научного сотрудника ИИиА УрО РАН, доктора исторических наук Евгения Юрьевича Рукосуева. В сборник вошли биография Евгения Юрьевича, список его научных трудов, краткий отчет о последнем проекте Е. Ю. Рукосуева, научные статьи и публикации источников. Тематика статей и опубликованных материалов отражает проблематику, которой занимался Е. Ю. Рукосуев: история горной и горнозаводской промышленности Урала и других регионов России, история институтов государственной власти, казачества, история предпринимательства и инженерного дела, история здравоохранения, история транспорта, роль технического прогресса в социально-экономическом развитии, геральдика. Сборник адресован специалистам, преподавателям ВУЗов, студентам исторических факультетов, а также всем, кто интересуется социально-экономической историей Урала.

© ИИиА УрО РАН, 2021

© Авторы, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>В. В. Алексеев.</i> Предисловие	5
Основные биографические данные <i>Е. Ю. Рукосуева</i>	8
Список трудов <i>Е. Ю. Рукосуева</i>	9
Участие <i>Е. Ю. Рукосуева</i> в грантах	42
<i>К. И. Зубков, Е. А. Курлаев, Г. Н. Шумкин.</i> Евгений Юрьевич Рукосуев: веги научного творчества	44
<i>Е. Ю. Рукосуев, Е. А. Курлаев, Г. Н. Шумкин.</i> Последний проект <i>Е. Ю. Рукосуева:</i> «Динамика горнозаводской промышленности Урала в XVIII — начале XX вв.: факторы роста, рыночная конъюнктура и модели развития»	64
Исследования	80
<i>А. А. Бессолицын.</i> Съезды горнопромышленников Юга России и Урала: вклад в решение проблемы повышения качества человеческого капитала на рубеже XIX–XX вв.	80
<i>К. Д. Бугров.</i> Индустриальная идентичность центров медной промышленности Урала: символика и геральдика	92
<i>Е. В. Годовова.</i> О золотодобывающей промышленности на землях Оренбургского казачьего войска	105
<i>С. В. Голикова.</i> От телятников к бактериологическому институту: изготовление оспенных вакцин земскими учреждениями Пермской губернии	112
<i>В. В. Запарий.</i> Производство цинка на Урале в конце XX — начале XXI века: тенденции и проблемы	123
<i>К. И. Зубков.</i> Уральская область и колонизация Севера (1920-е гг.)	127
<i>Е. Ю. Казакова-Анкаримова.</i> Прогресс в уральской провинции во второй половине XIX – начале XX века: pro et contra	139
<i>Н. С. Корепанов.</i> Санарский рудник — серебряная надежда Урала	152
<i>С. В. Любичанковский.</i> Кризисное состояние уездной полиции в Оренбургской губернии в начале XX века	161
<i>В. П. Микитюк.</i> Екатеринбургские предприниматели Яринские	171
<i>Е. Г. Неклюдов.</i> Казенные горные заводы в России и «приватизационные кампании» XVIII – начала XX в.	187
<i>В. А. Шкерин.</i> Александр Кеммерер — человек, назвавший минерал перовскитом	219

Публикации источников	231
<i>М. И. Вебер.</i> «Ограбление церковью безусловно восстанавливало население против нас»: дело о мародерстве полкового священника колчаковской армии Семена Трейерова	231
<i>Л. А. Дашкевич.</i> «Эта несчастная проклятая война...» (записки белого офицера)	250
<i>М. В. Михеев, Г. Н. Шумкин.</i> Вопрос об Обь-Урало-Беломорской железной дороге, в связи с новыми обстоятельствами последнего времени	280
Сведения об авторах	291

ПРЕДИСЛОВИЕ

14 июля 2020 г. не стало Евгения Юрьевича Рукосуева, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Центра экономической истории Института истории и археологии УрО РАН.

Евгений Юрьевич Рукосуев родился 7 декабря 1958 г. в Хабаровске в семье служащих. В 1985 г. окончив с красным дипломом исторический факультет УрГУ, он несколько лет проработал учителем в школе № 161 г. Свердловска, создал семью (со своей супругой Ириной Альбертовной воспитал двух сыновей). В 1988 г. в составе Уральского отделения Академии наук СССР был основан Институт истории и археологии. В числе других лучших выпускников исторического факультета Евгений Юрьевич был приглашен в аспирантуру Института. Под руководством Д. В. Гаврилова он подготовил и защитил в 1991 г. кандидатскую диссертацию «Золотоплатиновая промышленность Урала и ее рабочие в период капитализма (1861–1917 гг.)», после чего остался работать в Институте.

Стержневой темой его исследований стала золотопромышленность Урала, к этой теме он обращался на протяжении всей своей жизни. Из нее вырос более широкий интерес к истории горнозаводской промышленности, предпринимательства и предпринимательских организаций, транспорта, рабочих кадров. Все это многообразие научных интересов нашло отражение в докторской диссертации Евгения Юрьевича «Съезды горно- и золотопромышленников Урала в конце XIX — начале XX века: организация и направления деятельности», успешно защищенной в 2013 г. Евгений Юрьевич был среди тех историков, кто начинал работу по изучению индустриального наследия Урала. Он принимал активное участие в международных форумах, на которых обсуждалась данная проблематика, в частности, в работе XI конгресса по экономической истории, состоявшегося в Милане в 1994 г.

Другое направление научных интересов Е. Ю. Рукосуева — военная история — связано с его происхождением из казаков (его предки с XVII в. служили на Волге, а затем на Дальнем Востоке). С этим тесно связан интерес Евгения Юрьевича к комплексу вспомогательных исторических дисциплин — униформологии, геральдики, вексиллологии, нумизматике, бонистике, сфрагистике и исторической географии. В одном интервью корреспонденту студенческой газеты на вопрос: «В каком бы периоде истории Вы хотели бы жить?», Евгений Юрьевич назвал XIX в. По сути, он в нем и жил, разрабатывая различные проблемы социально-экономической и военной истории России XIX в.

Евгений Юрьевич, возможно, не был теоретиком, мастером широких обобщений, скорее наоборот, — он был великолепным эрудитом, умеющим понимать смысл факта. Изучая какую-либо проблему в мельчайших деталях, он старался дать исчерпывающий ответ на нее, закрыть тему. Из-под его пера вышло более 250 публикаций, в т.ч. 24 монографии, 5 сборников документов, несколько справочников и энциклопедий. Среди них особое место занимает трехтомник «Правители стран мира с древнейших времен до наших дней», в котором были собраны сведения обо всех правителях всех стран мира с момента возникновения государственности и до 1990-х гг. Этот справочник был высоко оценен не только коллегами, но получил признание в Министерстве иностранных дел РФ и на международном уровне.

Евгений Юрьевич стремился к тому, чтобы его обширные знания имели прикладное значение. Он являлся членом Геральдического совета Свердловской области, выступал экспертом по историко-культурным ценностям, консультантом — на съемках художественного кино, участвовал в разработке концепций музейных экспозиций. На протяжении двух десятилетий он прививал любовь и интерес к истории студентам УрГПУ и УрФУ. Е. Ю. Рукосуев создал герб Института истории и археологии УрО РАН, который до сих пор используется на официальных документах Института, храня память о своем авторе.

Дисциплинированность и доброжелательность, ответственность и тонкое чувство юмора, умение «гасить» конфликты неоднократно помогали Евгению Юрьевичу решать сложные организационные вопросы, которые поручались ему администрацией Института. С 1992 по 1995 г., в самое сложное время становления ИИА УрО РАН, он был ученым секретарем института.

Этот сборник — дань памяти Евгения Юрьевича Рукосуева. В первой части сборника представлены биографические данные Е. Ю. Рукосуева, список конкурсных проектов, в которых он принимал участие, список публикаций Е. Ю. Рукосуева, а также в сжатом виде изложены результаты по последнему проекту, инициатором и руководителем которого он являлся; во второй части — статьи, написанные коллегами по темам, которыми занимался Евгений Юрьевич, а в третьей — публикации документов.

В. В. Алексеев, академик РАН

ОСНОВНЫЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ Е. Ю. РУКОСУЕВА

Родился 7 декабря 1958 года в Хабаровске в семье служащих.

1976–1978 гг. — слесарь-ремонтник в Дегтярском рудоуправлении.

1978–1980 гг. — служба в Советской армии.

1980–1985 гг. — учеба на очном отделении исторического факультета Уральского государственного университета.

1985–1988 гг. — учитель истории в средней школе № 161 г. Свердловска.

1988–1991 гг. — очная аспирантура Института истории и археологии УрО РАН.

1991 г. — защита диссертации на соискание степени кандидата исторических наук по теме «Золотоплатиновая промышленность Урала и ее рабочие в период капитализма (1861–1917 гг.)» (руководитель — д.и.н. Д. В. Гаврилов).

С 1991 г. — научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

1992–1995 гг. — ученый секретарь Института истории и археологии УрО РАН.

С 1996 г. — старший научный сотрудник ИИА УрО РАН.

В 1998–2013 гг. — доцент кафедры истории России исторического факультета УрГПУ.

В 2001–2013 гг. — доцент кафедры истории науки и техники УГТУ–УПИ.

2013 г. — защита диссертации на соискание степени доктора исторических наук по теме «Съезды горно- и золотопромышленников Урала в конце XIX — начале XX века: организация и направления деятельности».

С 2015 г. — ведущий научный сотрудник ИИА УрО РАН.

2017 г. — член диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д.004.011.01 при Институте истории и археологии УрО РАН.

**СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ НАУЧНЫХ
ТРУДОВ РУКОСУЕВА ЕВГЕНИЯ ЮРЬЕВИЧА**

**МОНОГРАФИИ, НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ ИЗДАНИЯ,
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ТРУДЫ**

АВТОРСКИЕ РАБОТЫ

1992

1. Золотоплатиновая промышленность Урала и ее рабочие в период капитализма (1861–1917 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Екатеринбург, 1992. – 20 с.

1993

2. Березовские золотые промыслы. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1993. – 14 с.

3. Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук: Буклет. – Екатеринбург, 1993. (в соавт. с С. П. Постниковым).

1994

4. Боны: бумажные денежные знаки для коллекционирования. Копии. Вып. 1. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1994. (в соавт. с Л. А. Харламовым).

5. Кыштымский горный округ. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1994. – 32 с. (в соавт. с С. В. Устьянцевым).

1996

6. Горные и металлургические заводы Урала. XVII — начала XX вв. (Указатель). – Екатеринбург: УрО РАН, 1996. – 54 с.

7. Короли, президенты, премьеры. – Екатеринбург: УрО РАН, 1996. – 306 с.

1997

8. Металлургические заводы Урала. 1629–1996 годы: План-перспектив энциклопедии. 300-летию российской металлургии посвящается. – Екатеринбург, 1997. – 80 с.

9. Съезды золото- и платинопромышленников Урала. 1897–1919. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. – 219 с. (в соавт. с С. А. Тарской).

10. Metallurgical Works of the Urals. 1629–1996. Directory. – Yekaterinburg: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, 1997. – 78 p.

1999

11. Военная история России. Программа и справочные материалы для специального курса. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. – 39 с.

2001

12. Березовская золотопромышленная компания. 1874–1917 гг. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – 240 с. (в соавт. с Л. В. Сапоговской).

13. Историческая география: Программа курса и методические рекомендации. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 21 с.

2002

14. Путь через века: От Богословского медеплавильного до Карпинского машиностроительного завода. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. – 88 с. (в соавт. с В. П. Брежицким).

2004

15. Березовская золотопромышленная компания (1874–1917 гг.). Изд. 2-е, перераб. и дополн. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004. – 233 с. (в соавт. с Л. В. Сапоговской).

16. Золото и платина Урала: история добычи в конце XIX — начале XX вв. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004. – 196 с.

17. Клейма уральских заводов XVIII–XIX вв. – Екатеринбург: НИСО УрО РАН, 2004. – 92 с. (в соавт. с Н. С. Корепановым).

18. Экономическая история Урала: Библиографический указатель. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 28 с. (в соавт. с В. В. Запарием, Л. Н. Мартюшовым).

2005

19. Военно-промышленные комитеты на Урале в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. – 108 с. (в соавт. с Л. В. Вагановой).

2006

20. Экономическая история России. Библиографический указатель трудов ученых Уральского региона за 2000–2005 годы. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. – 64 с.

2007

21. История России с древнейших времен до конца XVIII века: методические рекомендации и планы практических занятий. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. университет, 2007. – 45 с. (в соавт. с З. И. Гузненко).

22. Медная монета Екатеринбурга: Производство и коллекционирование. – Екатеринбург: Изд-во «Артефакт», 2007. – 143 с. (в соавт. с С. А. Корепановой, Н. С. Корепановым).

23. Официальные символы Свердловской области и составляющих ее муниципальных образований. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2007. – 400 с. (в соавт. с А. К. Грешенштейном, В. К. Кондюриным).

24. Экономическая история Урала: библиографический указатель трудов ученых за 2000–2006 годы. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2007. – 224 с. (в соавт. с В. В. Запарием, Л. В. Шаповой).

2008

25. Правители стран мира с древнейших времен до наших дней. В 3-х кн. – Кн. 1. Европа. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. – 244 с. (в соавт. с Г. В. Григорьевым).

26. Правители стран мира с древнейших времен до наших дней. В 3-х кн. – Кн. 2. Азия. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. – 220 с. (в соавт. с Г. В. Григорьевым).

27. Правители стран мира с древнейших времен до наших дней. В 3-х кн. – Кн. 3. Африка, Америка, Австралия и Океания. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. – 248 с. (в соавт. с Г. В. Григорьевым).

2010

28. Китайские рабочие на Урале в годы Первой мировой войны. Документы и комментарии (Российско-китайский научный проект) / Ред. В. В. Алексеев – Екатеринбург: УрО РАН, 2010. – 326 с. (в соавт. с Г. Н. Шумкиным, Мин Шен).

2011

29. «...Построить и завести большой железной завод...». От Каменского чугуноплавильного до ЗАО «Уралэлектромаш». – Екатеринбург: Издательский дом «Автограф», 2011. – 224 с. (в соавт. с Н. В. Суржиковой).

2012

30. Официальные символы Свердловской области и составляющих ее муниципальных образований. Изд. 2-е, доп. и расшир. – Екатеринбург: Изд-во «Сократ», 2012. – 544 с. (в соавт. с А. К. Гrefенштейном, В. К. Кондориным).

2013

31. Предприниматели Урала XVII – начала XX в. Справочник. Вып. 1. Уральские горнозаводчики. – Екатеринбург: УрО РАН, 2013. – 128 с. (в соавт. с Е. Г. Неклюдовым, Е. А. Курлаевым, В. П. Микитюком).

32. Рабочая программа по дисциплине «Историческая география» / ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2013. – 24 с. (в соавт. с Н. Н. Мельниковым).

33. Съезды горно-и золотопромышленников Урала в конце XIX — начале XX века: организация и направления деятельности: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02 – Екатеринбург, 2013. – 54 с.

2014

34. Геральдический альбом Тюменской области. – Тюмень: «Вектор Бук», 2014 – 336 с. (в соавт. с А. К. Гrefенштейном, В. К. Кондориным, М. Ю. Медведевым).

35. Из Кронштадта в Порт-Артур: Дневник матроса В. М. Ермакова о плавании на крейсере «Диана» в 1902–1904 гг. – Екатеринбург: Издательский дом «Классика», 2014. – 168 с.

2015

36. Съезды горно- и золотопромышленников Урала в конце XIX — начале XX века: организация и направления деятельности. – Екатеринбург: УрО РАН, 2015. – 399 с.

2019

37. Уральский областной военно-промышленный комитет: дела и люди. – Екатеринбург: УрО РАН, 2019. – 228 с. (в соавт. с В. П. Микитюком).

2020

38. Горнозаводская промышленность Урала в XVIII — начале XX века: Благородные металлы. – Екатеринбург: УрО РАН, 2020. – 320 с. (в соавт. с Е. А. Курлаевым, Г. Н. Шумкиным).

КОЛЛЕКТИВНЫЕ РАБОТЫ

1993

39. Екатеринбург: Вехи истории (1723–1993): Буклет. – Екатеринбург, 1993. (в соавт. с Е. Т. Артемовым, С. П. Постниковым, В. А. Шкериным).

40. Индустриальное наследие Урала в фотографиях. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1993. – 159 с. (в соавт. с В. В. Алексеевым, Н. С. Корепановым, С. В. Устьянцевым).

2002

41. История науки и техники. Рабочая программа дисциплины. – Екатеринбург: УГТУ–УПИ, 2002. – 20 с. (в соавт. с В. В. Запарием, А. В. Барминым, А. С. Нефедовым).

2005

42. Историческое краеведение. Учебное пособие / Под ред. проф. Г. Е. Корнилова – Екатеринбург: УрГПУ, 2005. – 240 с. / Глава «Генеалогия» – С. 201–219.

2006

43. История России: теоретико-методологические основания, методологические рекомендации и программа курса. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2006. – 152 с.

2008

44. Военная история Урала: События и люди / Д. В. Гаврилов, В. Н. Земцов, С. И. Константинов, В. А. Ляпин и др. / Под ред. А. В. Сперанского. – Екатеринбург: Изд. дом «Сократ», 2008. – 320 с.

45. Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней / А. Э. Бедель, Е. Т. Артемов, Д. В. Гаврилов, А. П. Зыков и др. / ред. проф. А. В. Сперанский. – Екатеринбург: Изд-во «Раритет», 2008. – 466 с.

2011

46. История и методика ее преподавания. Программа государственного междисциплинарного экзамена / авт. колл. 11 чел. – Екатеринбург: ГОУ ВПО «Уральский гос. пед. ун-т», 2011. – 51 с.

2015

47. Россия 1917 года в эго-документах: Воспоминания / авт.-сост. Н. В. Суржикова, М. И. Вебер, С. В. Голикова, Е. Ю. Лебедеенко,

Н. А. Михалев, К. А. Пахалюк, С. А. Пьянков, О. В. Чистяков; науч. ред. Н. В. Суржикова; Институт истории и археологии УрО РАН. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 510 с.

2016

48. Акторы российской имперской модернизации (XVIII — начало XX в.): региональное измерение / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, О. Н. Богатырева, Л. А. Дашкевич, О. К. Ермакова, К. И. Зубков, Е. Ю. Казакова-Апкаримова, Н. С. Корепанов, Е. А. Курлаев, В. П. Микитюк, Е. Г. Неклюдов, С. А. Нефедов, М. Ю. Нечаева, И. В. Побережников (руководитель проекта), С. А. Пьянков, Е. Ю. Рукосуев / Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. – 316 с.

49. Профессиональные группы и общества как акторы российской позднеимперской модернизации (на материалах Урала второй половины XIX — начала XX в.) / С. Я. Бугаева, Л. А. Дашкевич, Е. Ю. Казакова-Апкаримова, И. В. Побережников (руководитель проекта), Е. Ю. Рукосуев, О. С. Уколова, Г. Н. Шапошников / Институт истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. – 136 с.

2017

50. Россия 1917 года в эго-документах: Дневники / авт.-сост. Н. В. Суржикова, М. Б. Ларионова, Е. Ю. Лебедеко, Н. А. Михалёв, С. А. Пьянков, Е. Ю. Рукосуев, Н. В. Середина, О. В. Чистяков, М. И. Вебер; науч. ред. Н. В. Суржикова; Институт истории и археологии УрО РАН. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 678 с.

2019

51. Россия 1917 года в эго-документах. Письма / авт.-сост. Н. В. Суржикова (науч. ред.), М. И. Вебер, Я. А. Голубинов, Ю. А. Кашаева, Е. Ю. Лебедеко, Н. А. Михалёв, С. А. Пьянков, Е. Ю. Рукосуев; Институт истории и археологии УрО РАН. – М.: Научно-политическая книга, 2019. – 573 с.

СТАТЬИ

1989

52. Административно-правовые условия разработки золотоплатиновых месторождений на Урале в 60–90-х гг. XIX века // Положение и борьба рабочих Урала в период капитализма: Сб. науч. трудов. – Свердловск: НИСО УрО АН СССР, 1989. – С. 56–64.

53. Развитие золотодобывающей техники на Урале в конце XIX века // Взаимодействие технического и социально-экономического развития в период капитализма: Сб. науч. трудов. – Свердловск: НИСО УрО АН СССР, 1989. – С. 42–44.

1990

54. Развитие золотодобывающей промышленности на Урале (1861–1917 гг.) // Проблемы истории регионального развития: население, экономика, культура Урала и сопредельных территорий в досоветский период: Сб. науч. трудов. – Свердловск: НИСО УрО АН СССР, 1990. – С. 74–78.

55. Развитие техники в золотоплатиновой промышленности Урала в 60-х гг. XIX — начале XX вв. // Экономические процессы в горнозаводской промышленности Урала периода капитализма (1861–1917 гг.). – Свердловск: НИСО УрО АН СССР, 1990. – С. 41–61.

56. Условия труда рабочих золотоплатиновой промышленности Урала в 90-х гг. XIX века // Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма (1861–1917 гг.). – Свердловск: НИСО УрО АН СССР, 1990. – С. 37–47.

57. Фонды окружных инженеров как источник для изучения социально-экономического положения рабочих Урала в конце XIX — начале XX вв. // Методология, историография и источники изучения исторического опыта регионального развития: Тезисы докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. – Свердловск: НИСО УрО АН СССР, 1990. – С. 48–50.

1992

58. Добыча золота на землях Оренбургского казачьего войска // Казачество Оренбургского края XVI–XX веков: Сб. науч. трудов. – Оренбург: Оренбургский гос. пед. институт, 1992. – С. 31–33.

1993

59. Оренбургское казачье войско в конце XIX — начале XX вв.: проблемы историографии // Казачество на государственной службе: Материалы науч. конф. Екатеринбург, 17–19 мая 1993 г. — Екатеринбург: НИСО УрО РАН, 1993. — С. 68–69.

1994

60. А. А. Ауэрбах — инженер и организатор // Ползуновские чтения: Тез. науч.-практ. конф. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1994. — С. 54–56.

61. Хорошая новость для историков // Наука Урала. — 1994. Декабрь. — № 20.

62. Заводские музеи Урала // Сохранение индустриального наследия: Мировой опыт и российские проблемы: Сб. науч. трудов. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1994. — С. 229–232. (в соавт. с К. Н. Федорининым).

63. Семь малоизвестных фактов из жизни А. А. Ауэрбаха // Карпинский рабочий. — 1994, 24 февраля. — № 24.

64. Слово истории // Вечерний Екатеринбург. — 1994, 17 ноября. — № 221.

De geschiedenis van het Goroblagodatsky mjndistrict // Tjgdschrift voor indvstriele cvjtvvr (ТИС). — 1994. — № 1. — Р. 83–91. (в соавт. с S. V. Usniantchev, Z. S. Nesterova).

1995

65. Дважды первые: Способы добычи золота на Березовском месторождении // Из истории уральского золота. К 250-летию открытия золота на Урале и основания города Березовского. Сб. науч. трудов. — Екатеринбург: Свердловский обл. краевед. музей, 1995. — С. 27–36.

66. Золотоплатиновая промышленность Урала: российский опыт и западное влияние в XIX — начале XX вв. // Опыт изучения и использования памятников индустриальной культуры России. Сб. науч. трудов. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. — С. 63–70.

67. История уральского золота // Наука Урала. — 1995, ноябрь. — № 20.

68. Невьянский завод (1701–1917) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тез. докл. III Междунар. науч. конф. – Ч. 2. Русская колонизация Урала: историко-культурные процессы. Города восточных окраин. – Челябинск: Челябинский гос. ун-т. 1995. – С. 158–163.

69. Railway lines in the Eastern part of Russia: The impact on industrial growth (late 19th — early 20th centuries) // Preservation of the industrial heritage. – Gdansk Outlook II. – Gdansk, 1995 – P. 61–63.

70. The Ural Ironworks and Construction of the Trans-Siberian Trunk Line // The Importance of Ironmaking. Technical Innovation and Social Change. – Vol.1. – Stockholm, 1995. – P. 397–404.

1996

71. Государственный контроль за добычей золота и платины на Урале // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург. – 1996. – № 3. – С. 110–120.

72. Дополнительные материалы к указателю литературы по вексиллологии // Гербовед. – 1996. – № 4 (12). – С. 41–51.

73. «Золотая свинья» (записки долгожителя) // Уральский следопыт. – 1996. – № 3–6. – С. 156.

74. Новые технологии добычи золота и платины на Урале в начале XX века // Россия и Западная Европа: Взаимодействие индустриальных культур. 1700–1950. – Т. 1. Сб. науч. трудов. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1996. – С. 84–89.

75. New technology of gold and platinum mining in the Urals in the early 20th century // Russia and West Europe: interaction of industrial cultures. 1700–1950. Vol. 1. – Yekaterinburg: Банк культурной информации, 1996. – С. 80–85. (на англ. языке).

1997

76. Военная повинность казачества в конце XIX — начале XX в. // Первые уральские военно-исторические чтения: Материалы регион. науч. конф. – Екатеринбург: УрГУ, 1997. – С. 38–41.

77. Периодизация истории золотодобывающей промышленности Урала // Урал индустриальный: Материалы регион. науч.-практ. конф. 17 октября 1996 г. – Екатеринбург: УГТУ–УПИ, 1997. – С. 16–20.

78. Александр Андреевич Ауэрбах // Уральский узел. – 1998. – № 1. – С. 59–62.
79. Березовские золотые промыслы // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 81–82.
80. Брусницын Лев Иванович // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 97.
81. Гербы губерний и городов, утвержденные до 1917 г. // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 144–145.
82. Горно-полицейская стража на золотых и платиновых промыслах Урала в конце XIX — начале XX вв. // Проблемы истории России. – Вып. 2: Опыт государственного строительства XV–XX вв.: Сб. науч. трудов. – Екатеринбург, 1998. – С. 244–253.
83. Грамотность и культурное развитие рабочих золотоплатиновой промышленности Урала в конце XIX — начале XX вв. // Вторые уральские историко-педагогические чтения. Сб. науч. трудов. – Екатеринбург: УрГПУ, Банк культурной информации, 1998. – С. 96–100.
84. Инженеры Урала // Уральский узел. – 1998. – № 2. – С. 1.
85. История разработки коренных месторождений золота на Урале в конце XIX — начале XX в. // Уральский геологический журнал. – 1998. – № 6. – С. 58–66.
86. К истории Нижне-Исетского завода // Екатеринбург — вчера, сегодня, завтра: Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции, посвященной 275-летию г. Екатеринбурга. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 1998. – С. 49–52.
87. Казачество: права и обязанности сословия // Вопросы истории. – 1998. – № 5. – С. 137–143.
88. Кочкарские золотые промыслы // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 279–280. (в соавт. с Р. К. Хайратдиновым).
89. Марков Ерофей (Дорофей) Сидорович // Уральская историческая энциклопедия – Екатеринбург, 1998. – С. 324.
90. Развитие золотодобывающей промышленности на Урале (1861–1917 гг.) // Урал в прошлом и настоящем: Материалы

научной конференции. Ч. 1. – Екатеринбург: НИСО УрО РАН, Банк культурной информации, 1998. – С. 333–336.

1999

91. Добыча золота и платины на Урале // Третьи уральские историко-педагогические чтения. – Екатеринбург: УрГПУ; Банк культурной информации, 1999. – С. 69–71.

92. Исторический опыт добычи и обработки железной руды на Урале в XVIII — начале XX вв. // Вторые Татищевские чтения. Екатеринбург, 28–29 апреля 1999 г. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН; УрГУ, 1999. – С. 135–140.

93. Когда появились солдатские жетоны // Независимое военное обозрение. – 22 октября 1999 г. – № 44 (167).

94. О серебряной руде в Чердынском уезде // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России: Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию Чердынского краевед. музея им. А. С. Пушкина. – Пермь, 1999. – С. 173–177.

95. Урал в прошлом и настоящем // Отечественная история. – 1999. – № 1. – С. 194–196. (в соавт. с А. В. Сперанским).

2000

96. Березовские золотые промыслы // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 83–84.

97. Брусницын Лев Иванович // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 99.

98. Гербы губерний и городов, утвержденные до 1917 г. // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд. перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 146–147.

99. Горные ревизоры Урала на рубеже XIX–XX веков // Чиновник. – 2000. – № 4 (10). – С. 70–73.

100. История Урала: новые интерпретации (к итогам конференции) // Уральский исторический вестник. – 2000. – № 5–6. – С. 426–429. (в соавт. с А. В. Сперанским).

101. Кочкарские золотые промыслы // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд. перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 284. (в соавт. с Р. К. Хайрятдиновым).

102. Марков Ерофей (Дорофей) Сидорович // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд. перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С. 330.

103. Окружные инженеры на Урале в конце XIX — начале XX века // Урал на пороге третьего тысячелетия. Материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 14–15 декабря 2000 г. – Екатеринбург, 2000. – С. 105–108.

104. Съезды уральских промышленников в конце XIX — начале XX в. как особая форма взаимодействия правительства и предпринимателей // Уральский исторический вестник. – 2000. – № 5–6. – С. 334–339.

2001

105. Архангельский (Аксыйский) медеплавильный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия. – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 38.

106. Архангельский (Шаранский) медеплавильный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия. – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 38–39. (в соавт. с Д. В. Гавриловым).

107. Архангельский чугуноплавильный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия. – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 39.

108. Ауэрбах Александр Андреевич // Инженеры Урала: Энциклопедия. – Екатеринбург: Изд-во «Уральский рабочий», 2001. – С. 32.

109. Барабошкин Николай Николаевич // Инженеры Урала: Энциклопедия. – Екатеринбург: Изд-во «Уральский рабочий», 2001. – С. 45.

110. Благодатный медеплавильный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия. – Екатеринбург, 2001. – С. 78.

111. Богородский железоделательный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия. – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 79–80.

112. Богословский железоделательный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия. – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 84. (в соавт. с Д. В. Гавриловым).

113. Богоявленский медеплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия.* – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 90–92. (в соавт. с В. П. Микитюком).
114. Боровской чугуноплавильный и железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия.* – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 92.
115. Бурлинский медеплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия.* – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 93.
116. В. Н. Земцов. Битва при Москве-реке. Армия Наполеона в Бородинском сражении. М.: «Рейтар», 1999. 208 с. [рецензия] // *Новая и новейшая история.* – 2001. – № 1. – С. 240–241.
117. Вагранский медеплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия.* – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 98.
118. Вельсовский (Велсовский) чугуноплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия.* – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 99–100. (в соавт. с Д. В. Гавриловым).
119. Всеволодо-Благодатский медеплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия.* – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 162.
120. Гумешевский медеизвлекательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия.* – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 177. (в соавт. с Д. В. Гавриловым).
121. Елизавето-Нердвинский железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия.* – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 196. (в соавт. с Д. В. Гавриловым).
122. Зигаинский чугуноплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия.* – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 201–202. (в соавт. с Д. В. Гавриловым).
123. Златоустовская оружейная фабрика // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия.* – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 204–205. (в соавт. с Д. В. Гавриловым).
124. Златоустовский металлургический завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия.* – Екатеринбург:

«Академкнига», 2001. – С. 205–209. (в соавт. с Д. В. Гавриловым, В. М. Макаровым).

125. Златоустовский нижний (Нижнезлатоустовский) завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия.* – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 210.

126. Златоустовский чугуноплавильный и железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия.* – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 210–218. (в соавт. с Д. В. Гавриловым).

127. Ирбитский чугуноплавильный и железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия.* – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 231–233.

128. Иргинский верхний (Тохтамышский) железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия.* – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 233–234. (в соавт. с В. П. Микитюком).

129. Ирлянский (Ирнянский) медеплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия.* – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 236. (в соавт. с В. П. Микитюком).

130. «Историческая записка о составе горной администрации» в 1806–1861 гг. и реформа горного законодательства в начале 60-х гг. XIX в. // *Уральский исторический вестник.* – 2001. – № 7. – С. 375–395. (в соавт. с Е. С. Тулисовым).

131. Каргалинские медные рудники // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия.* – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 256.

132. Кусье-Александровский чугуноплавильный и железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия.* – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 282–283. (в соавт. с В. В. Мухиным).

133. Кушвинский чугуноплавильный и железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия.* – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 287–289. (в соавт. Л. С. Холодовой, Г. Н. Шапошниковым).

134. Кыновский чугуноплавильный и железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия.* –

Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 289–290. (в соавт. с Д. В. Гавриловым, В. В. Мухиным).

135. Мотовилихинский медеплавильный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия. – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 327–328.

136. Нейво-Рудянский (Нейвинско-Рудянский) чугуноплавильный и железоделательный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия. – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 334–335.

137. Нейво-Шайтанский чугуноплавильный и железоделательный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия. – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 335–336.

138. Нижнетроицкий железоделательный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия. – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 348.

139. Николаевский оружейный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия. – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 354–355.

140. Осинцев Михаил Александрович // Инженеры Урала: Энциклопедия. – Екатеринбург: Изд-во «Уральский рабочий», 2001. – С. 404.

141. Висимский медеплавильный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия. – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 150–151. (в соавт. с Н. С. Корепановым, В. П. Микитюком).

142. Кизеловский чугуноплавильный и железоделательный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия. – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 265–267. (в соавт. с В. В. Мухиным).

143. Соймоновский медеплавильный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия. – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 434.

144. Шайтанский железоделательный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия. – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 514.

145. Шаквинский медеплавильный и железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия.* – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 516–517.

146. Шермяитский (Ольгинский № 2) медеплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия.* – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 518. (в соавт. с Н. С. Корепановым).

147. Шилвенский (Боровецкий) медеплавильный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия.* – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 518–519. (в соавт. с Н. С. Корепановым).

148. Шурманикольский (Средне-Шурминский) чугуноплавильный и железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия.* – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 520–521.

149. Шурминский (Нижнешурминский) медеплавильный и железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия.* – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 521. (в соавт. с Н. С. Корепановым).

150. Шурминский верхний (Верхнешурминский) железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия.* – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 521.

2002

151. Деятельность горной администрации по охране жизни и здоровья рабочих золотоплатиновой промышленности Урала (конец XIX — начало XX вв.) // *Четвертые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений.* Екатеринбург, 18–19 апреля 2002 г. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2002. – С. 194–198.

152. Заработная плата и питание рабочих на золотых и платиновых промыслах Урала в конце XIX – начале XX вв. // *Проблемы отечественной и зарубежной истории, теории и методики обучения истории: Сб. науч. статей.* – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2002. – С. 31–40.

153. Нижне-Исетский чугуноплавильный и железоделательный завод // *Энциклопедия.* – Екатеринбург, 2002. – С. 391–392.

154. Памятники золотодобывающей промышленности Урала // Туризм Уральского региона: проблемы, привлекательность, перспективы, технологии / Материалы Междунар. науч.-практ. конф. под эгидой ЮНЕСКО. – Т. 2. – Екатеринбург, 2002. – С. 285–287.

2003

155. Добыча благородных металлов на Урале в XIX – начале XX вв. // Урало-Сибирская науч.-практ. конф. Материалы докладов. – Екатеринбург, 2003. – С. 139–141.

156. «Неизвестный» завод в Златоусте // Первые Бушуевские чтения: Сб. мат.-лов. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. – С. 82–83.

157. Попытка создания оружейного завода на Среднем Урале в 50-е гг. XIX в. // Урал в военной истории России: традиции и современность / Материалы Междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2003. – С. 118–121.

158. Развитие техники и технологии добычи золота и платины на Урале в XIX – начале XX вв. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения / Материалы V регион. науч. конф. – Екатеринбург, 2003. – С. 189–201.

159. Тулисов Евгений Станиславович // Историки Урала XVIII–XX вв. – Екатеринбург: УрО РАН, 2003. – С. 371–372.

160. Удивительные странствия золотоискателя // Туризм Уральского региона: проблемы, привлекательность, перспективы, технологии. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. под эгидой ЮНЕСКО. – Т. 4. – Екатеринбург, 2003. – С. 161–163.

161. Уральские металлургические заводы и строительство Транссибирской магистрали // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 2003. – № 9. – С. 149–155.

2004

162. Динамика добычи золота и платины на Урале в конце XIX — начале XX веков // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Материалы VI Всерос. науч. конф. – Т. 1. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2004. – С. 280–289.

163. Золотодобывающая промышленность Урала: вопросы периодизации // Россия в контексте мирового экономического развития во второй половине XX века: Тезисы докладов и сообщений

Международ. науч. конф. Москва, 24–25 ноября 2004 г. – М., 2004. – С. 165–168.

164. Использование труда заключенных при добыче благородных металлов на Урале // Региональные модели исторического общего и профессионального образования: Сб. науч. статей. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – С. 196–198.

165. История уральского золота // Уральский рынок металлов. – 2004. – № 9 (82). – С. 62–64.

166. Кампания 1914 года: упущенные возможности // Вооруженные конфликты на рубеже XIX–XX вв.: Материалы межрег. науч. конф. студентов и аспирантов, посвященной 90-летию начала Первой мировой войны. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2004. – С. 110–114. (в соавт. с Е. С. Ситниковым).

167. Производство артиллерийских орудий в Златоустовском горном округе в середине XIX века // Вторые Бушуевские чтения: Сб. материалов. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. – С. 72–76.

2005

168. «Добыча золота внутри страны приобретает очень важное значение». Доклад Совета рабочих депутатов на приисках Кочкарской системы Временному правительству. 1917 г. // Исторический архив. – 2005. – № 5. – С. 94–107. (в соавт. с Р. К. Хайрядиновым).

169. Ирбитский завод – самый восточный из уральских заводов // Исследования по истории Урала: Сб. статей. – Пермь: Пермский гос. ун-т, 2005. – С. 118–129.

170. Л. И. Футорянский. Казачество России в огне Гражданской войны [рецензия] // Уральский исторический вестник. – 2005. – № 10–11. – С. 325–327. (в соавт. с С. П. Постниковым).

171. Передача казенного Богословского горного округа в частные руки во второй половине XIX века // Материалы Первой регион. краеведческой науч.-практич. конф. «Походяшинские чтения» (3–4 июля 2003 г., г. Верхотурье). – Екатеринбург, 2005. – С. 130–139.

172. Правовой статус военнопленных в годы Первой мировой войны // Россия в войнах начала XX века: К 100-летию Русско-японской войны и 90-летию Первой мировой войны: Всероссий-

ская науч. конф., проведенная 27–28 ноября 2004 г.: Доклады. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2005. – С. 229–238.

2006

173. Вопросы строительства железных дорог на Урале (по материалам съездов уральских золотопромышленников) // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвященной 350-летию Н. Д. Антуфьева–Демидова. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2006. – С. 159–162.

174. Особый комитет Уральского горного управления 1838–1844 гг. // Индустриальное наследие: материалы II Междунар. науч. конф., г. Гусь-Хрустальный, 26–27 июня 2006 г. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2006. – С. 150–152. (в соавт. с М. В. Котовым)

175. Политика пермского губернатора в отношении китайской миграции на Урал в начале XX в. // Материалы межрег. науч.-практ. конф. «Административно-территориальные реформы в России». – Пермь, 2006. – С. 193–196. (в соавт. с Г. Н. Шумкиным)

176. Технология разведки, добычи и обогащения железных руд на Урале в XVIII – начале XX вв. // Шестые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 20–21 апреля 2006 г. / Под ред. С. П. Постникова. В 2-х т. Т. 1. – Екатеринбург: УрО РАН, 2006. — С. 125–130.

2007

177. Банки и биржа на съездах золотопромышленников Урала // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Материалы VIII Всероссий. науч. конф. 27 – 28 апреля 2007 г. Т.1. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2007. – С. 210–213.

178. Система государственного контроля промышленных предприятий Урала в конце XIX – начале XX веков // Историческая наука и историческое образование: опыт взаимодействия. Сб. науч. ст. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007. – С. 197–202.

179. Технология производства и качество уральского кровельного железа в начале XX в. // Индустриальное наследие: мат-лы III Междунар. науч. конф., г. Выкса, 28 июня – 1 июля 2007 г. –

Саранск: Изд. центр Историко-социол. ин-та МГУ им. Н. П. Огарева, 2007. – С. 761–763.

2008

180. Китайцы на Урале: конфликты на Кизеловских угольных коях в годы Первой мировой войны // Запад, Восток и Россия: национально-культурная идентичность в историческом контексте: Вопросы всеобщей истории. – Вып. 10. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2008. – С. 30–37. (в соавт. с Г. Н. Шумкиным).

181. Кушвинский завод // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия: в 2-х т. Т. 1. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2008. – С. 1194–1196.

182. Модернизация технологии добычи благородных металлов на Урале в начале XX века // Культура Урала в XVI–XXI вв.: исторический опыт и современность. Мат-лы докладов и сообщений Всерос. науч. конф., посвящ. 75-летию профессора В. Г. Чуфарова. – Кн. 2. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. – С. 414–421.

183. Рукосуев Е. Ю. Жилищные условия и медицинское обслуживание рабочих на золотых и платиновых приисках Урала в конце XIX — начале XX в. / Е. Ю. Рукосуев // Экономическая история России XVII–XX вв.: динамика и институционально-социокультурная среда: Сб. ст. памяти Л. В. Сапоговской. – Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – С. 281–288.

2009

184. Записка Совета Съездов горнопромышленников Урала о проблемах начального технического образования в регионе // Урал в зеркале тысячелетий. В 2-х кн. – Кн. 2. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. – С. 127–136.

185. Материальная помощь Съездов горнопромышленников Урала студентам и учащимся в начале XX века // История науки и техники в системе современных знаний. Материалы научной конференции, посвященной 10-летию кафедры истории науки и техники УГТУ–УПИ. Екатеринбург, 14 декабря 2009 г. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2009. – С. 204–206.

186. Организация промышленной буржуазии в контексте раннеиндустриальной модернизации России (на примере Съездов горнопромышленников Урала) // РГНФ-Урал: история, экономика, культура. Свердловская область: Результаты научных работ, полученные за 2009 год: анотац. отчеты. – Екатеринбург: Изд. дом «Автограф», 2009. – С. 49–51.

187. Представительные организации российской буржуазии в отечественной историографии // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: материалы Всероссийской научной конференция, 2–3 июля 2009 г. / отв. ред. И. В. Побережников. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. – С. 139–146.

188. Применение зарубежных технологий добычи благородных металлов на Урале в конце XIX — начале XX веков // Диффузия европейских инноваций в Российской империи. Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 10–11 ноября 2009 г. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, Банк культурной информации, 2009. – С. 277–297.

189. Формы организации и способы действия предпринимательских объединений в России (конец XIX — начало XX вв.) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы IX Всерос. науч. конф., посвящен. 85-летию д.и.н., проф. А. В. Бакунина. Екатеринбург, 8–9 окт. 2009 г.: в 2 т. – Екатеринбург: Изд. дом «Автограф», 2009. – Т. 1. – С. 286–295.

2010

190. Впечатления войны. Из дневника матроса крейсера «Диана» Василия Марковича Ермакова // Веси. – № 10 (65). – 2010. – С. 24–28.

191. «Желтый труд» в России: документы о событиях 1916 г. на Кизеловских угольных копях // Веси. – № 8–9 (64). – 2010. – С. 9–11. (в соавт. с Г. Н. Шумкиным).

192. Законодательная основа применения труда китайских рабочих на Урале в годы Первой мировой войны // Сотрудничество и связи России и СССР с народами зарубежных стран XX вв.: Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию РУДН. Москва, 20–21 мая 2010 г. – М.: РУДН, 2010. – С. 80–92.

193. Изменения в системе старательства на золотых приисках Урала в конце XIX — начале XX века (на примере Березовских промыслов) // Аграрная сфера в контексте модернизаций XVIII–XX веков: микро- и макропроцессы: сб. статей / науч. ред. Г. Е. Корнилов, В. А. Лабузов. – Оренбург: Изд-во «РЦРО». 2010. – С. 470–479.

194. Крымские владельцы Богословского горного округа (1875–1884 гг.) // История как ценность и ценностное отношение к истории: XIV всероссийские историко-педагогические чтения. / ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Ч. III. – Екатеринбург, 2010. – С. 10–19.

195. Снабжение уральских горных заводов минеральным топливом: дискуссии на съездах горнопромышленников Урала в конце XIX — начале XX вв. // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации: сб. статей и документов. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, Изд-во АМБ, 2010. – С. 118–128.

2011

196. Военно-промышленные комитеты на Урале в годы Первой мировой войны // История науки и техники в современной системе знаний. Первая ежегодная конференция кафедры истории науки и техники УрФУ. Екатеринбург, 8 февраля 2011 г. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2011. – С. 125–131.

197. Национальный состав рабочих на золотых промыслах Урала в конце XIX – начале XX вв. // История народов России: Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции. Москва, РУДН, 19–20 мая 2011 г. – М.: РУДН, 2011. – С. 326–330.

198. Постоянная совещательная контора золото- и платинопромышленников // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы X юбилейной Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 27–28 сент. 2011 г. – Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2011. – Т. 1. – С. 341–346.

199. Приватизация казенных предприятий Урала во второй половине XIX века // Строгановское историческое собрание: материалы Всерос. науч. конф. «Реформы 1860–1870-х гг. в контексте модернизационных процессов на Урале», 10–11 июня 2011 г. – Пермь: Координационный центр непрерывного гуманитарного образования, 2011. – Вып. 6. – С. 82–90.

200. Проекты строительства железнодорожных линий на Южном Урале в конце XIX века // Индустриальное достояние Южного Урала: к 100-летию электрометаллургического комплекса «Пороги»: материалы электронной конференции / под ред. В. В. Алексеева. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2011. – С. 194–203.

201. Рецензия на монографию Саломатиной С. А. «Коммерческие банки в России: динамика и структура операций, 1864–1917 гг.» // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2011. – № 4 (36). – С. 162–164.

2012

202. Акционерное общество Николае-Павдинского горного округа // Индустриальная Россия: вчера, сегодня, завтра: материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 3 декабря 2012 г. / под. ред. В. В. Запария. – Екатеринбург: Изд. УМЦ-УПИ, 2012. – С. 78–88.

203. Знаки отличия на головных уборях. Николай I. Новая форма и новые знаки // Старый Цейхгауз. – 2012. – № 6 (50). – С. 14–34.

204. Знаки отличия на головных уборях. Эпоха Александра I. Появление новой награды // Старый Цейхгауз. – 2012. – № 3 (47). – С. 2–11.

205. Золото и платина Урала: статистические сведения о добыче в конце XIX – начале XX веков // Подготовка инновационных кадров для рынка труда в условиях непрерывного образования: материалы Международной научно-практической конференции. Нижний Тагил, 20–21 января 2012 г. В 4-х ч. – Ч. 2. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2012. – С. 144–152.

206. Новые технологии военного производства на Урале в первой четверти XIX века (на примере Каменского казенного завода) // Запад, Восток и Россия: война – мир – память: Вопросы всеобщей истории: Сб. науч. и уч.-метод. трудов. Вып. 14. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2012. – С. 99–106.

207. Передача государственных предприятий Урала в частную собственность в 60–70-х годах XIX века // Реформы и реформаторы в истории России: к 150-летию Великих реформ: Мат-лы XVI Всеросс. научно-теоретич. конф. Москва, РУДН, 17–18 мая 2012 г. – М.: Изд-во РУДН, 2012. – С. 451–458.

208. Профессионализация в контексте российской раннеиндустриальной модернизации (на материалах Урала второй половины XIX — начала XX в.) // Региональный конкурс «РГНФ-Урал: история, экономика, культура» в Свердловской области. Результаты научных работ, полученные за 2011 год: аннотационные отчеты. – Екатеринбург: Изд. дом «Автограф», 2012. – С. 35–39. (в соавт. с И. В. Побережниковым, Л. А. Дашкевич, Е. Ю. Казаковой-Апкаримовой).

209. Старатели на золотых промыслах Урала в конце XIX — начале XX вв. // История науки и техники в современной системе знаний. Вторая ежегодная конференция кафедры истории науки и техники УрФУ. Екатеринбург, 8 февраля 2012 г. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2012. – С. 148–158.

210. Техническое образование в регионе: дискуссии на съездах горнопромышленников в конце XIX – начале XX вв. // Профессионализация сферы образования в контексте раннеиндустриальной модернизации на Урале: проблемы теории и истории: сб. науч. ст. / УрО РАН, Институт истории и археологии; отв. ред. И. В. Побережников. – Екатеринбург, 2012. – С. 30–54.

211. Турьинское горное училище: Исторический опыт существования начального технического учебного заведения в составе частного горнозаводского округа в конце XIX — начале XX вв. // Известия высших учебных заведений. Горный журнал. – 2012. – № 8. – С. 116–124.

2013

212. Движение за создание высшего технического учебного заведения на Урале в конце XIX – начале XX вв. // Известия высших учебных заведений. Горный журнал. – 2013. – № 8. – С. 165–174. (в соавт. с Л. А. Дашкевич).

213. Непременные работники на Екатеринбургских горных заводах в первой четверти XIX века // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв.: материалы XI Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 26–27 сентября 2013 г. / ФГБУН ИИиА УрО РАН; отв. ред. Д. В. Гаврилов. В 2-х тт. – Екатеринбург: ООО «Изд-во УМЦ УПИ», 2013. – Т. 1. – С. 367–371.

214. Организации предпринимателей в России в конце XIX — начале XX вв. // Уральский исторический вестник. — 2013. — № 3 (40). — С. 99–109.

215. Очерк истории Турьинских медных рудников // История науки и техники в современной системе знаний. Третья ежегодная конференция кафедры истории науки и техники УрФУ. Екатеринбург, 8 февраля 2013 г. — Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2013. — С. 139–152.

216. Профессионализм в контексте российской модернизации (на материалах Урала второй половины XIX — начала XX вв.) // Региональный конкурс РГНФ — «Урал: история, экономика, культура»: Свердловская область: Результаты научных работ, полученные в 2012 году: Аннотационные отчеты. — Екатеринбург, 2013. — С. 31–35. (в соавт. с И. В. Побережниковым, Л. А. Дашкевич, Е. Ю. Казаковой-Апкаримовой).

217. Среднее техническое образование на Урале в конце XIX — начале XX вв. // Актуализация исторического знания и исторического образования в современном обществе. Ежегодник. XVII всероссийские историко-педагогические чтения: сб. науч. ст. / ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», Ин-т истории и археологии УрО РАН. — Екатеринбург, 2013. — Ч. II. — С. 50–66. (в соавт. с Л. А. Дашкевич).

218. Строительство железных дорог на Урале в конце XIX — начале XX вв. как способ преодоления изолированности региона // Гуманитарные исторические науки Урала: приоритеты и перспективы исследовательского поиска. Мат-лы Всерос. науч. конф. 17–18 июня 2013 г. — Екатеринбург: АНБ, 2013. — С. 208–215.

219. Урал в начале XIX века: влияние наполеоновских войн на специфику региональной модернизации // Региональный конкурс РГНФ — «Урал: история, экономика, культура»: Свердловская область: Результаты научных работ, полученные в 2012 году: Аннотационные отчеты. — Екатеринбург, 2013. — С. 35–39. (в соавт. с В. Н. Земцовым).

2014

220. Башкирский конный полк 1874–1882 гг. // Старый Цейхгауз. — 2014. — № 5 (61). — С. 24–33.

221. Военно-промышленные комитеты на Урале в годы Первой мировой войны // Веси. — 2014. — № 2. — С. 60–77.

222. Горнозаводская промышленность Урала в первые месяцы Первой мировой войны // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. XII Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию Заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук, профессора Александра Васильевича Бакунина. Материалы. Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г.: в 2-х тт. – Т. 1. – Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2014. – С. 458–466.

223. Екатеринбургское Бюро Совета Съездов горнопромышленников Урала в 1917–1919 гг. // Вестник Пермского университета. Серия: История и Политология. – 2014. – № 4. – С. 84–91.

224. Знаки отличия на головных уборах. Эпоха Александра II: Крым, Кавказ, Средняя Азия // Старый Цейхгауз. – 2014. – № 3–4 (59–60). – С. 37–59.

225. Золото Сеннара: Египет и Судан глазами уральского мастера золотодобычи XIX в. // Quaestio Rossica. – 2014. – № 4. – С. 295–308. (в соавт. с А. В. Антошиным, С. В. Смирновым).

226. Монархия в современном мире // Веси. – 2014. – № 9. – С. 4–9.

227. План развития водных путей в России (1917 г.) (публикация документа) // Запад, Восток и Россия: Историческая политика и политика памяти: Вопросы всеобщей истории: Сб. научных и учебно-методических трудов (Ежегодник). Вып. 16. / под ред. проф. В. Н. Земцова. – Екатеринбург: УрГПУ, 2014 – С. 77–100. (в соавт. с Г. Н. Шумкиным, Т. Г. Шумкиной).

228. Представительные организации предпринимателей в России в конце XIX — начале XX вв. // Оралдың ғылым жаршысы — Уральский научный вестник. Серия: История, Философия, Политология. (г. Уральск, Казахстан) – 2014. – № 39 (118). – С. 28–37.

229. Развитие черной металлургии Урала в 1880–1917 гг. // Историчний архів. Наукові студії : Збірник наукових праць. – Миколаїв: Вид-во ЧДУ ім. Петра Могили, 2014. – Вип. 12. – С. 82–88.

230. Сердце Лабаз-камня. [К 100-летию Дегтярского медного рудника] // Вести Дегтярска. – 2014. – № 36. – С. 10; № 37. – С. 10; № 39. – С. 10; № 40. – С. 10; № 41. – С. 10.

231. Съезды уральских горнопромышленников о строительстве железных дорог на Южном Урале в конце XIX века // Современ-

ная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». М. – 2014. – № 1–2 (январь-февраль). – С. 22–26.

2015

232. Бой под Иканом. 1864. Новые открытия к 150-летию юбилею // Старый Цейхгауз. – 2015. – № 2 (64). – С. 86–90.

233. Очерк истории Северского завода (XVIII — начало XX вв.) // Годы поисков и свершений: кафедра истории науки и техники УГТУ-УПИ-УрФУ. Пятая ежегодная научная конференция кафедры истории науки и техники «История науки и техники в современной системе знаний». 8 февраля 2015 г. / под ред. проф. В. В. Запария. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2015. – С. 186–197.

234. Предпринимательские объединения в России в конце XIX — начале XX вв.: формы организации и способы действия // Экономическое развитие и практика реформ (История мировой экономики, вып. 4): Сб. статей. – М.: Институт экономики РАН, 2015. – С. 166–188.

235. Проекты развития водного транспорта на Урале в конце XIX — начале XX в. // Вопросы истории естествознания и техники. – 2015. – Т. 36. – № 4. – С. 717–731.

236. В.П. Земцов. Наполеон в Москве [Рецензия] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. – 2015. – № 4. – С. 150–153.

237. Создание Екатеринбургской торговой и горнопромышленной биржи в начале XX века // Известия Уральского федерального университета. – Серия 2. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (136). – С. 157–164.

2016

238. Иностранные технологии в золотоплатиновой промышленности Урала в конце XIX — начале XX в.: заимствование и применение // Импортзамещение в области промышленных технологий: доводы «за» и «против». Материалы научно-практической конференции в г. Нижний Тагил, 10 сентября 2015 г. Сб. науч. ст. – Нижний Тагил: АО «Научно-производственная корпорация “Уралвагонзавод”», 2016. – С. 66–76.

239. Каменский завод в период «Великих реформ» (1860-е — 1870-е гг.) // История науки и техники в современной системе

знаний. Шестая ежегодная конференция: кафедра истории науки и техники / Под ред. проф., д.и.н. В. В. Запария. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. – С. 184–190.

240. Особенности предпринимательской деятельности в золотодобывающей промышленности Урала XIX — начала XX века // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). Сб. материалов международной научной конференции / под ред. В. А. Веременко. – СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2016. – С. 85–97.

241. «Осуществление Брестского договора... не может иметь места». Доклад Совета Съезда представителей промышленности и торговли России. Лето 1918 г. // Исторический архив. – 2016. – № 3. – С. 145–152.

242. Перевод металлургических заводов Урала на минеральное топливо в конце XIX — начале XX века (по материалам Съездов горнопромышленников Урала) // Известия высших учебных заведений. Горный журнал. – 2016. – № 7. – С. 86–102.

243. Подготовка и распределение педагогических кадров в России в конце XVIII века // Воспитание и обучение истории в школе и вузе: исторический опыт, современное состояние и перспективы развития. Ежегодник. XX всероссийские историко-педагогические чтения: Сб. науч. ст. / ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», ИИиА УрО РАН. – Ч. II. – Екатеринбург, 2016. – С. 76–79.

244. Уральцы о китайцах // История науки и техники в современной системе знаний. Шестая ежегодная конференция: кафедра истории науки и техники / Под ред. проф., д.и.н. В. В. Запария. Изд-во УМЦ УПИ. – Екатеринбург, 2016. – С. 191–199. (в соавт. с Г. Н. Шумкиным).

2017

245. Восстание китайских рабочих в Алапаевском горном округе в мае 1916 г. // Великая Российская революция: достижения и проблемы научного познания и преподавания. Ежегодник. XXI всероссийские историко-педагогические чтения: сб. науч. ст. / ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2017. – Ч. II. – С. 244–251. (в соавт. с Г. Н. Шумкиным).

246. Клад в пользу раненых воинов // Уральский альманах предметов коллекционирования. – 2017. – № 13–14. – С. 122–126.

247. Мундиры войск, располагавшихся на горных заводах Урала в период царствования Александра I [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. – 2017. – Т. IX. – С. 87–103. <http://www.milhist.info/2017/02/13/lobanov_rykosyev> (13.02.2017). (в соавт. с Д. А. Лобановым).

248. Форма одежды для работников трамвайных хозяйств образца 1936 года // Петербургский коллекционер. – 2017. – № 6 (104) – С. 99–105.

249. Хорол 1917 года в дневнике Владимира Павловича Бирюкова // Люди, які змінюють світ на краще. В.П. Бірюков. – Хорол, 2017. – С. 61–78.

250. Цветная и горнодобывающая промышленность Урала в конце XIX — начале XX века // Урал в судьбе Романовых: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 100-летию со дня расстрела царской семьи. Екатеринбург, 25 октября 2017 г. – Екатеринбург: Изд-во «Союзрегионторг», 2017. – С. 49–57.

2018

251. Дореволюционная отечественная историография об объединениях предпринимателей // Мир историка и пространство истории: сб. статей к юбилею проф. Н. Н. Алеврас / под ред. Н. В. Гришиной, Т. А. Андреевой. – Челябинск: Энциклопедия, 2018. – С. 329–357.

252. Использование транспортных возможностей верховьев реки Белой в 60-е годы XIX века // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сб. статей международной научно-практической конференции / науч. ред. С. В. Любичанковский. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2018. – С. 164–168.

253. «Надо прекратить подачки на содержание организаций революционной демократии фабрик и заводов». Доклад Я. Л. Литтауэра на 7-й сессии Совещания горнопромышленников Урала. Конец октября 1917 г. // Исторический архив. – 2018. – № 2. – С. 125–132.

254. Рост заработной платы и расценок в горнозаводской промышленности Урала в годы Первой мировой войны // Вызовы времени и социально-историческое знание: теоретико-методологические, конкретно-исторические аспекты, практическое значение. Материалы седьмой ежегодной научной конференции кафедры Истории и социальных технологий УрФУ. 8 февраля 2018 г. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2018. – С. 59–65.

255. Хорол 1917 року в щоденнику Володимира Павловича Бірюкова // Полтавський краєзнавчий музей: Маловідомі сторінки історії, музеєзнавство, охорона пам'яток: збірник наукових статей / Департ. культури і туризму Полтав. ОДА; ПКМ імені Василя Кричевського; [ред. кол.: Бабенко Л. Л., Вожаєнко В. В., Гаврилюк Н. О. та ін.; гол. ред. кол. Супруненко О. Б.; наук. ред. Мокляк В. О.]. – Полтава: Дивосвіт, 2018. – С. 181–196.

2019

256. Владимир Павлович Бирюков в 1917 году // XXII Бирюковские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 24–29 марта 2017 г., Челябинск – Сатка / сост. И. А. Новиков; под общ. ред. Т. А. Чумаченко. – Челябинск, 2019. – С. 10–26.

257. Екатеринбург в 1845 году: социально-экономический облик города // Город в контексте микро- и макроисторических процессов: Сб. научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 14 ноября 2019 г. / отв. ред. И. И. Явнова; зам. отв. ред. Р. И. Кантимирова. – Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2019. – С. 69–72.

258. Иностранцы переселенцы и специалисты в России в XVIII веке: условия приезда и пребывания (по материалам Полного собрания законов Российской Империи) // Вестник гуманитарного образования. – 2019. – № 2 (14). – С. 7–21. (в соавт. с О. К. Ермаковой).

259. Советская историография об организациях предпринимателей в России в конце XIX – начале XX века // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2019. – Т. 19. – № 2. – С. 35–47.

260. Уникальное издание по истории Уральских заводов XVIII – начала XIX вв. [Рец. на кн.: Ярцов А. С. Российская горная история. Уральская часть. Книга первая: [рукопись 1810 г.] / науч. ред.

Н. С. Корепанов. – Екатеринбург: Издательский дом «Баско», 2018. – 376 с., илл.] // Исторический архив. – 2019. – № 3. – С. 197–199.

261. «Урал индустриальный: Бакунинские чтения» XIII Всероссийская научная конференция // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2019. – Т. 19. – № 2. – С. 98–109. (в соавт. с В. В. Запарием).

2020

262. Золотодобывающая промышленность Урала середины XVIII — начала XX века: периоды развития // Исторический курьер. – 2020. – № 1 (9). – С. 7–21. (в соавт. с Г. Н. Шумкиным).

263. Производство кирас заказа 1846 г. на Златоустовской оружейной фабрике // Вопросы истории. – 2020. – № 11 (2) – С. 69–81. (в соавт. с Г. Н. Шумкиным).

264. Российское законодательство об иностранцах в конце XVIII — первой четверти XIX века // Двенадцатые Татищевские чтения: всероссийская научно-практическая конференция (Екатеринбург, 19–20 ноября 2019 г.): материалы. – Екатеринбург, 2020. – С. 65–74. (в соавт. с О. К. Ермаковой).

265. Условия труда и быта китайских рабочих на Урале в годы Первой мировой войны // Вестник гуманитарного образования. – 2020. – № 1. – С. 7–21. (в соавт. с Г. Н. Шумкиным).

266. Драги в золотоплатиновой промышленности Урала в начале XX в. // Веси. – 2020. – № 10. – С. 45–47.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ

1993

Нестерова З. С., Устьянцев С. В. Заводы горы Благодать. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1993. – 20 с.

Танкиевская И. Н., Устьянцев С. В. Салдинские железодельные заводы. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1993. – 26 с.

1994

Уральский исторический вестник. К 380-летию восстановления российской государственности (1613–1993). – Екатеринбург, 1994. – № 1. – 184 с.

1995

Соль Земли Камской. – Екатеринбург, 1995. – 144 с.

1998

Человек пришел на Урал: мифы и легенды, были и былички, записанные юными летописцами в уральских селах и деревнях. – Екатеринбург: Банк культурной информации, Изд-во «Сократ». 1998. – 160 с.

1999

Наука и образование в стратегии национальной безопасности и регионального развития / Материалы науч. конф. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гуманитарного института, 1999. – 388 с.

2001

Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – 536 с.

Инженеры Урала: Энциклопедия. – Т. 1. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 2001. – 696 с.

2005

Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности. Материалы междунар. науч. конф., посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2005. – 400 с.

2008

Экономическая история России XVII–XX вв.: динамика и институционально-социокультурная среда: Сб. статей памяти Л. В.Сапоговской. – Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – 304 с.

2018

Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв.: материалы XIII Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.: в 2-х тт. – Екатеринбург: УрО РАН, 2018. – Т. 1. – 488 с.; Т. 2. – 416 с.

СТАТЬИ О Е. Ю. РУКОСУЕВЕ:

1. История кафедр ФОНа – ФГО. Кафедра истории науки и техники. Рукосуев Евгений Юрьевич // ФГО–25. Мгновения истории: Юбилейный сборник. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. – С. 136.
2. Побережников И.В. Рукосуев Евгений Юрьевич // Историки Урала XVIII–XX вв. – Екатеринбург: УрО РАН, 2003. – С. 313–314.
3. Памяти ученого // Веси. – 2020. – № 10. – С. 44.

УЧАСТИЕ Е.Ю. РУКОСУЕВА В ГРАНТАХ:

2004 г. — региональный конкурс РГНФ-Урал № 04-01-83108 а/У «Военно-промышленный комплекс Урала как фактор модернизационной динамики России» (исполнитель, руководитель — д.и.н. А. В. Сперанский).

2006 г. — региональный конкурс РГНФ-Урал № 06-06-83604 а/У «Н. Демидов и промышленная политика в стратегии российской модернизации XVIII–XXI вв.» (исполнитель, руководитель — акад., д.и.н. В. В. Алексеев).

2008 г. — региональный конкурс РГНФ-Урал № 08-01-83106 а/У. «Организация промышленной буржуазии в контексте раннеиндустриальной модернизации России (на примере Съездов горнопромышленников Урала)» (руководитель).

2008 г. — региональный конкурс РГНФ-Урал № 08-01-83111 а/У. «Китайцы на Урале в первой трети XX века» (исполнитель, руководитель — акад., д.и.н. В.В. Алексеев).

2011–2012 гг. — региональный конкурс РГНФ-Урал № 11-11-66008 а/У. «Профессионализация в контексте российской раннеиндустриальной модернизации (на материалах Урала второй половины XIX — начала XX в.)» (исполнитель, руководитель — д.и.н. И. В. Побережников).

2012–2013 гг. — региональный конкурс РГНФ-Урал № 12-11-66006 а/У. «Урал в начале XIX века: влияние наполеоновских войн на специфику региональной модернизации» (руководитель).

2014–2016 гг. — основной конкурс РНФ № 14-18-01625 а. «Актеры российской имперской модернизации (XVIII — начало XX в.): региональное измерение» (исполнитель, руководитель — д.и.н. И. В. Побережников).

2015–2017 гг. — целевой конкурс РГНФ. № 15-31-12033 а(ц). «Россия 1917 года в отечественных и зарубежных эго-документах» (исполнитель, руководитель — д.и.н. Н. В. Суржикова).

2018–2020 гг. — основной конкурс РФФИ № 18-09-00611А. «Динамика горнозаводской промышленности Урала в XVIII — начале XX вв.: факторы роста, рыночная конъюнктура и модели развития» (руководитель).

2018 г. — основной конкурс РФФИ № 18-09-20081Г. Проект по организации Всероссийской научной конференции «Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв.». XIII Всероссийская научная конференция (исполнитель, руководитель — д.и.н. И. В. Побережников).

ЕВГЕНИЙ ЮРЬЕВИЧ РУКОСУЕВ: ПУТЬ В НАУКЕ

Статья посвящена памяти доктора исторических наук Евгения Юрьевича Рукосуева. Предпринята попытка определить его вклад в развитие исторической науки; выделены основные этапы в его научном творчестве. Определены факторы, повлиявшие на его становление как ученого. Дана характеристика основных направлений исследований: добыча золота и платины на Урале во второй половине XIX — начале XX вв., горнозаводская промышленность Урала XIX — начала XX вв., деятельность представительных организаций уральских горнозаводчиков в конце XIX — начале XX вв., военная история (история казачества, Первая мировая война), вспомогательные исторические дисциплины, публикация источников. Проанализированы ключевые работы Е. Ю. Рукосуева. Выявлены характерные особенности его научного стиля, отмечено его внимание к деталям, уважительное отношение к источнику и факту. Отмечено, что он не был склонен ни к теоретизированию, ни к широким генерализациям, но был эрудитом и энциклопедистом.

Ключевые слова: историография, Рукосуев, золотоплатиновая промышленность, история Урала, горнозаводская промышленность, съезды горнопромышленников, военная история.

The article is dedicated to memory of Evgeniy Yuryevich Rukosuev, Doctor of Sciences (History). An attempt is made to determine his contribution to the development of historical science; the stages of his scientific work are highlighted. The factors that influenced his formation as a scientist are determined. The characteristic of the main directions of research is given: gold and platinum mining in the Urals in the second half of the 19th — early 20th centuries, the mining industry of the Urals in the 19th — early 20th centuries, activities of the representative organizations of the Urals' mining industry owners in the late 19th — early 20th centuries; military history (history of the Cossacks, World War I), auxiliary historical disciplines, publication of sources. Key works of E. Yu. Rukosuev have been analyzed. The characteristic features of his scientific style are brought to light, his attention to detail, respect for the source and the fact is noted. It is noted that he was not inclined either to theorizing or to broad generalizations. He was an erudite and encyclopaedist.

Keywords: historiography, Rukosuyev, history of the Urals, gold and platinum extraction, history of the Urals, mining industry owners' conventions, mining industry, military history.

Известно, что личность историка находит отражение в его трудах, причем почти неувлимо и поразительно органично — даже тогда, когда он берет на себя роль объективного и беспристрастного регистратора событий. Справедливость этого умозаключения лучше всего можно подтвердить, сославшись на неоднократно сделанные наблюдения: если разрабатываемая тема, что называется, исследователю «по душе», то и работа, как правило, идет легко; это даже не работа, а интересное и увлекательное занятие, захватывающее ученого целиком. Если тема, что называется, «навязана», то ее разработка превращается в тяжелый, изнуряющий труд. Таким образом, если историк пишет легко — значит, ему его ремесло нравится. Евгений Юрьевич Рукосуев писал легко и много. Он жил историей, и ему нравилась любая тема, за которую он брался.

Путь в науку Евгения Юрьевича был, с одной стороны, типичен для большинства историков-профессионалов, а, с другой, — своеобразен, и в этом пути можно наглядно увидеть, из чего слагался его интерес к истории, как формировались особенности его исследовательской «лаборатории». Интерес к прошлому (и, прежде всего, к героическому прошлому Отечества) у него проявился еще в детстве: видимо, повлияли рассказы родственников о смелых предках — казаках, верно служивших Отечеству сначала на Волге, а затем в Сибири. В юности, оставшись без родителей, Евгений Юрьевич пошел работать слесарем — надо было поднимать младшего брата. Как результат, у него, как у многих других историков, начинавших свой путь «от станка», сформировался своеобразный практико-ориентированный «реализм» — стремление досконально знать то, о чем собираешься писать или говорить; подчеркнутый интерес к деталям производственных процессов и технологий, из которых, через цепь последовательных зависимостей, вырастают эпохальные сдвиги в экономике. Затем была срочная служба в Советской Армии, проходившая в Средней Азии. Этот этап в своей жизни Евгений Юрьевич всегда вспоминал с большой теплотой, и он, несомненно, серьезно повлиял на формирование основных жизненных принципов и убеждений будущего историка — патриота, государственника и интернационалиста, понимающего и уважающего культуру любого народа, но

при этом чувствующего величие той цивилизационной миссии, которую исторически брала на себя Россия, объединяя сотни больших и малых народов в сильное единое государство. После армии Евгений Юрьевич поступил на очное отделение исторического факультета Уральского государственного университета, которое окончил в 1985 г. с красным дипломом.

Затем Е. Ю. Рукосуев несколько лет работал учителем в школе, создал семью (со своей супругой Ириной Альбертовной он воспитал двух сыновей). И свою дальнейшую судьбу он, возможно, связал бы с педагогическим поприщем, если бы не открывшийся неожиданно шанс пойти в «большую» науку. Когда в 1988 г., уже на излет советской эпохи, по решению Академии наук на Урале был создан Институт истории и археологии, Евгений Юрьевич, в числе других лучших выпускников исторического факультета, был приглашен в открытую при нем аспирантуру. Под руководством доктора исторических наук, профессора Дмитрия Васильевича Гаврилова он подготовил и защитил в 1991 г. кандидатскую диссертацию «Золотоплатиновая промышленность Урала и ее рабочие в период капитализма (1861–1917 гг.)» (в виде монографии она опубликована в 2004 г. [38]) и приступил к исследовательской работе в качестве сотрудника Института.

Хотя на протяжении научной карьеры Евгений Юрьевич разрабатывал самую разную проблематику (в поле его научного поиска входили социально-экономическая история Урала и в целом России XIX — начала XX вв., военная история, вспомогательные исторические дисциплины и др.), анализ его публикационной активности позволяет выделить два характерных периода. До 2005 г. в тематике публикаций доминировала история золотоплатиновой — и в целом горнозаводской — промышленности Урала XIX — начала XX вв. (на эту тему приходилось около 80 % всех публикаций). Примерно с 2005 г. поле научного поиска Е. Ю. Рукосуева существенно расширяется и становится более разнообразным. Он больше внимания уделяет военной истории, истории общественных организаций, вспомогательным историческим дисциплинам (исторической географии, униформистике, геральдике, нумизматике и др.) — им посвящено более 50 % публикаций. Внимание к истории золотоплатиновой

промышленности сокращается (менее 10%), но интерес к горнозаводской тематике устойчиво сохраняется (40% публикаций).

В первые годы после защиты кандидатской диссертации Евгений Юрьевич продолжал разрабатывать отраженную в ней тематику. По истории золотоплатиновой промышленности им была подготовлена серия статей [19; 32; 33; 39; 45; 47; 51; 52; 53; 62], а также три монографии: две совместные — с С. А. Тарской по истории съездов золото- и платинопромышленников Урала [58] и с Л. В. Сапоговской о Березовской золотопромышленной компании [54; 55] и одна индивидуальная — о развитии золотопромышленности на Урале во второй половине XIX — начале XX вв. [38] В этих работах проявился характерный авторский стиль Евгения Юрьевича — обстоятельность, глубокая проработка источников, пристальное, в чем-то скрупулезное внимание к деталям, на которые исследователи обычно обращают мало внимания (статистика отдельных производственных показателей, особенности производственных технологий, применяемое оборудование, реальные трудовые процессы и т.д.). Техника и технология производства не были для Евгения Юрьевича чем-то «посторонним»: в его работах замечательно показано, как они проникают в ткань социальных отношений, становятся реальными мотивациями далеко идущих изменений в организации производства. Это позволяло Е. Ю. Рукосуеву сделать ряд важных выводов и наблюдений.

В кандидатской диссертации Е. Ю. Рукосуев дал всесторонний анализ золотоплатиновой промышленности Урала. В этой отрасли во второй половине XIX — начале XX вв. наблюдались те же процессы, что и в других отраслях горнозаводской промышленности — концентрация производства и промышленный переворот. Однако, как показал историк, по причине повсеместной распространенности в регионе мелких месторождений, где использовать крупные, технически сложные производства было невыгодно, «чтобы не увеличивать себестоимости добычи», «экономически целесообразным» было «существование даже отдельных старательских артелей» [38, с. 129]. Вследствие этого, распространение новой техники замедлялось, и сохранялось множество мелких производств артельного типа.

Большое внимание Е. Ю. Рукосуев уделил положению рабочих отрасли. Отмечая существенный прогресс в организации труда и быта приисковых рабочих в конце XIX — начале XX вв. (распространение школ, библиотек, страховых и благотворительных обществ и т.п.), он указывает и причину этого: «хозяин прииска зависел от своих рабочих, а они были заинтересованными в нормальной организации труда», что способствовало возникновению отношений «социального партнерства: рабочие очень редко бастовали, хозяева и правительство... старались удовлетворить потребность рабочих в заработной плате, пище, медицинском обслуживании, жилье» [38, с. 130]. Примечательно, что к этим выводам Евгений Юрьевич пришел не в результате характерной для историографии 1990-х гг. смены методологических ориентиров (смены дискурса «классовой борьбы» дискурсом «социального партнерства»), но исключительно путем глубокой проработки исторического материала, идя, что называется, «от предмета».

В монографии по истории съездов золото- и платинопромышленников рассмотрено общее состояние золотоплатиновой промышленности Урала в конце XIX — начале XX вв., история отраслевых съездов (общеуральских, местных, общероссийских), проанализированы обсуждавшиеся на них проблемы. Евгений Юрьевич отметил, что общеуральские съезды стали созываться в связи с начавшимся сокращением добычи золота. Однако, из-за серьезных различий в условиях развития отрасли на Северном, Среднем и Южном Урале, из-за незаинтересованности крупнейших золотодобывающих компаний (Березовской и др.) что-либо менять в организации отрасли, формат общеуральских съездов оказался нежизнеспособным. Более продуктивными оказались местные съезды — золото- и платинопромышленников Пермской губернии и золотопромышленников Оренбургской и Уфимской губерний. Они, помимо обсуждения проблем, связанных с добычей благородных металлов, выработки общей позиции предпринимателей, получили дополнительные функции — им было поручено избирать представителей в раскладочные присутствия, организованные в 1901 г. при казенных палатах (Эти присутствия занимались распределением раскладочного сбора между золото-

промышленниками). В результате, в начале XX в. съезды «теряют представительные функции и превращаются в организации, выполняющие роль налогового и отчасти земского характера» [58, с. 102].

В монографии о Березовской золотопромышленной компании дана панорама становления и развития фирмы в течение 40 лет: плачевное положение золотых промыслов Екатеринбургского горного округа в начале 1870-х гг.; процесс их передачи в частные руки и борьба предпринимателей за право стать их арендатором; юридические условия аренды и их трансформация; расширение Березовской компании; особенности в организации добычи золота (т.н. «другое старательство»); развитие техники и технологий в условиях постепенного истощения месторождений; изменения в составе пайщиков компании и исторические портреты владельцев. В результате у авторов получилась история успешного предприятия, развивавшегося в очень сложных условиях, которое, за исключением первых пяти лет, приносило владельцам стабильную прибыль, несмотря на сложные условия аренды, нараставшее истощение месторождений и непростые отношения с местным населением и рабочими. Отмечены серьезные изменения в фирме на рубеже веков — вместо «государственных деятелей с военным прошлым» «у рычагов управления делом встали новые люди» — предприниматели, промышленники, банкиры, добившиеся больших успехов. «Накануне Первой мировой войны на промыслах компании была к завершению реконструкция рудников по последнему слову техники того времени» [55, с. 176].

В первые годы существования Институт истории и археологии УрО РАН приступил к разработке нескольких перспективных исследовательских направлений. Совместно со шведскими коллегами был реализован проект по сравнительному изучению протоиндустриальной и раннеиндустриальной модернизации металлургических районов Швеции и Урала. Другим направлением стало изучение индустриального наследия, что было особенно актуальным для Урала — самого известного старопромышленного региона России. К работе над данными проектами был привлечен и Е. Ю. Рукосуев [2; 61; 65; 67; 68]. В частности, он принимал участие в оценке

состояния объектов индустриального наследия Кыштымского горного округа [60], Березовских золотых промыслов [24].

Еще в одном амбициозном и общественно-важном проекте Института — подготовке энциклопедии «Металлургические заводы Урала», посвященной 300-летию юбилею уральской металлургии, Евгений Юрьевич сыграл одну из ключевых ролей. В 1996 г. им был составлен указатель заводов [27], а в 1997 г. — план-проспект энциклопедии [43; 66]. На их основе коллективом авторов в очень сжатые сроки был написан этот фундаментальный труд. Для самой энциклопедии Е. Ю. Рукосуев подготовил более 40 статей — как индивидуально, так и в соавторстве (напр.: [5; 21; 22]). Собранные для энциклопедии материалы послужили основой серии отдельных статей [44], а также двух монографий — посвященных Богословскому медеплавильному [50] и Каменскому чугунолитейному заводам [56].

В монографии «Путь через века», состоящей из двух очерков, автором первого, посвященного Богословскому медеплавильному заводу, был Е. Ю. Рукосуев; автором второго — о Карпинском машиностроительном заводе — В. П. Брежицкий. В очерке, посвященной Богословскому заводу, воссоздана история создания М. М. Походяшиным на севере Урала группы металлургических заводов и их превращения (благодаря богатейшим месторождениям медной руды) в мощнейший медеплавильный комплекс во второй половине XVIII в. Евгением Юрьевичем внимательно прослежены и последующие перипетии в судьбе заводов: их переход в казну, постепенное угасание под государственным управлением, приватизация и возрождение Богословского округа в конце XIX в. [50]. Особо подчеркнута автором роль инженера А. А. Ауэрбаха, под руководством которого Богословский округ превратился из одного из самых отсталых в самое передовое хозяйство горнозаводского Урала (ранее Е. Ю. Рукосуев посвятил личности А. А. Ауэрбаха несколько статей [18; 20; 23]).

Во второй монографии, написанной Евгением Юрьевичем совместно с Н. В. Суржиковой, он провел обстоятельное исследование досоветского периода в истории Каменского завода. В прошлом этого предприятия самым ярким был ранний период —

Каменский завод по праву считается пионером доменной металлургии на Урале. Дальнейшая история Каменского завода представляла собой череду организационно-хозяйственных и технологических проблем и попыток их преодоления, что, как показал автор, было в общем-то, не случайно: на протяжении почти двух веков завод изготавливал артиллерийские орудия и снаряды, работая преимущественно на оборону страны, и его продукция всегда сравнивалась с лучшими мировыми образцами. Кроме того, на заводе возникали проблемы, характерные для государственного хозяйства. В частности, в книге весьма точно описан комплекс условий, в которых должен был действовать завод накануне «Великих реформ»: мелочная опека военного и горного ведомств; требование «всемерной экономии денежных средств»; обязанность обеспечить работой всех мастеровых, препятствовавшая внедрению новейшей техники [56, с. 41].

В 2013 г. два главных направления в научном творчестве Евгения Юрьевича — история золотоплатиновой и горнозаводской промышленности Урала — были объединены в его докторской диссертации «Съезды горно- и золотопромышленников Урала в конце XIX — начале XX века: организация и направления деятельности» (в виде монографии она выйдет в 2015 г. [57]). В данной работе проанализированы создание и развитие съездов горнопромышленников, золото- и платинопромышленников Урала. В своем фундаментальном исследовании Е. Ю. Рукосуев отметил, что, несмотря на общность задач, ради которых организовывались и созывались съезды (выработка общей позиции предпринимателей по проблемам, представляющим общепромышленный интерес, и доведение ее до правительства), их развитие пошло разными путями. Уральский Съезд горнопромышленников возник в 1880 г. по примеру и в явное подражание съездам отраслевых конкурентов — горнопромышленников Юга России. Однако до конца 1897 г. съезды проходили «весьма малорезультативно». Только после того, как Урал уступил лидирующие позиции в металлургии Югу, возник стимул для более активной деятельности: были созданы постоянный координирующий орган (Совет съездов), стабильный бюджет и собственный печатный орган — «Уральское

горное обозрение». В 1906 г. Совет съездов переехал в столицу, в результате чего его влияние и авторитет выросли — в организацию стали вступать предприятия Западной Сибири. Попытки объединить золото- платинопромышленников Урала общими съездами совпали с начавшимся падением добычи золота, и поэтому они успехом не увенчались. С 1901 г. действовали Съезды золото- платинопромышленников Пермской губернии и золотопромышленников Оренбургской и Уфимской губерний, выполнявшие не только представительные, но и фискальные функции. Анализ программ съездов дает представление о взгляде предпринимательских кругов на проблемы горнозаводской промышленности. Большое внимание они уделяли вопросам развития транспорта, состоянию топливно-энергетической базы, положению рабочих, проблеме профессионального образования, добыче благородных металлов, территориальной организации производства. Материалы съездов наглядно показывают, на основе каких интересов, идей и проектов «формировалась новая модель экономического роста Урала, основанная на коренном технико-технологическом перевооружении уральской... горнозаводской промышленности.... Однако революционные события 1917 года и Гражданская война не позволили приступить к масштабному выполнению намеченных планов и проектов» [57, с. 388–389].

С самого начала своих занятий историей Евгений Юрьевич проявил себя как настоящий энциклопедист и эрудит. В его представлении, максимально полное выявление и верификация конкретных фактов истории — событий, лиц, дат, объектов экономики и культуры — вернее, чем любые экстраполяции, ведут к воссозданию реальных тенденций исторического развития. Интерес Е. Ю. Рукосуева к конкретике исторического факта, к подготовке трудов энциклопедического и справочного характера ярко проявились в работе «Короли, президенты, премьеры», изданной в 1996 г. [41]. В то время это был самый полный свод сведений о правителях всех стран мира с датами их правления. Обновленная и дополненная версия этого справочника в виде трехтомника была издана совместно с Г. В. Григорьевым в 2008 г. [29; 30; 31].

В 1990-х гг. Евгений Юрьевич продолжает изучать историю казачества — тему, которую он разрабатывал еще в студенчестве. По этой теме им было опубликовано несколько статей, в том числе в «Вопросах истории» [25; 40; 46]. Однако наиболее полно интерес к военной истории воплотился в серии публикаций, посвященных военной промышленности [48; 49]. Среди них особое место занимают две коллективные монографии [64] и две книги по истории военно-промышленных комитетов на Урале [3; 13].

В коллективной монографии «Оружие Урала» Е. Ю. Рукосуеву была поручена подготовка раздела по истории военной промышленности Урала в XIX в. (первая половина столетия — совместно с В. А. Ляпиным). Здесь наиболее ярко проявился «почерк» Евгения Юрьевича. Главное внимание было уделено истории отдельных предприятий, описанию производственных технологий и их развитию, смене моделей оружия, изготавливавшегося на Урале. Однако иные аспекты военного производства, такие как динамика выпуска продукции, проблема качества изделий, остались, как позднее признавал сам Е. Ю. Рукосуев, слабо освещенными, поэтому и выводы получились несколько «сглаженными»: «Во второй половине XIX в. Урал продолжал оставаться одним из важнейших арсеналов страны... Оружие, произведенное на Урале, помогло русской армии одержать победу в войне с Турцией 1877–1878 гг., принесшей освобождение болгарскому народу от 500-летнего османского ига» [64, с. 167].

Обратившись к очень краткой по времени и запутанной истории Уральского военно-промышленного комитета (ВПК), Е. Ю. Рукосуев и В. П. Микитюк дали ей такую характеристику. По их мнению, замысел создания Уральского ВПК как организации «для осуществления мобилизации частной промышленности для работы на нужды обороны в масштабах всего Уральского региона», на практике реализован не был [13, с. 149], но «в целом, уральские и областной, и местные военно-промышленные комитеты оправдали свое предназначение. Их деятельность создавала основу для производства предметов вооружения и снаряжения российской армии, способствовала сохранению и наращиванию производственных мощностей большого количества мелких и средних предприятий, сохранению и созданию новых рабочих мест» [13, с. 151].

Такая неоднозначная оценка лишь подчеркивает сложность и противоречивость феномена ВПК периода Первой мировой войны.

С 1990-х гг. Е. Ю. Рукосуев занимался разработкой вспомогательных исторических дисциплин. Особое внимание он уделял униформологии [12; 35; 36; 37; 63], геральдике [26], вексиллологии [34], нумизматике [11] и сфрагистике [10]. Следует особо подчеркнуть, что Евгений Юрьевич не только изучал, но и создавал символы современной России — он принимал активное участие в разработке гербов городов и районов Свердловской и Тюменской областей [6; 7].

Е. Ю. Рукосуев стремился к тому, чтобы результаты его изысканий находили практическое применение. Помимо разработки геральдики Свердловской и Тюменской областей, он являлся экспертом по историко-культурным ценностям, экспертом РАН и ФАНО, консультировал на съемках художественных кинофильмов, разрабатывал концепции музейных экспозиций, на протяжении двух десятков лет прививал любовь и интерес к истории студентам УрГПУ и УрФУ.

Высокая профессиональная культура работы с фактом и источником вместе с такими качествами, как обстоятельность, аккуратность и скрупулезность, проявились у Евгения Юрьевича и в особом отношении к архиву и библиотеке. Если большинство исследователей обращается к ним по мере необходимости — вначале возникает научная проблема и только потом начинается поиск источников, то Евгений Юрьевич, наоборот, любил «погружаться» в мир источников и очень часто находил перспективные направления исследований на листах архивных документов и страницах библиотечных книг и журналов. Для него регулярное посещение Государственного архива Свердловской области и библиотек г. Екатеринбурга превратилось в непрременную часть каждодневной рутины.

Работая в архиве в конце 1990-х гг., Евгений Юрьевич обнаружил пласт ранее неизвестных документов о миграции на Урал китайских рабочих в годы Первой мировой войны. В 2005 г. разработку этой темы поддержал директор Института академик В. В. Алексеев, у которого установились тесные профессиональные

контакты с китайскими коллегами. В 2007 г. от РГНФ был получен исследовательский грант на разработку проекта «Китайцы на Урале в первой трети XX в.», а уже в 2010 г. вышел сборник документов «Китайские рабочие на Урале в годы Первой мировой войны. Документы и комментарии» в составлении которого приняли участие и российские, и китайские историки [9]. В сборник вошли документы пяти архивов — одного центрального (РГИА) и четырех региональных: Пермского края (ГАПК), Свердловской (ГАСО), Оренбургской (ГАОО) и Челябинской (ОГАЧО) областей. Документы доказывают, что, благодаря китайским рабочим, в годы мировой войны были закрыты серьезные бреши в экономике Урала — в частности, с их помощью удалось избежать энергетического кризиса. Однако, культурно-цивилизационные различия, разность менталитетов, несоответствие ожиданий и реалий породили массу конфликтов между нанимателями, посредниками и рабочими, а также в самой среде китайских рабочих. С одной стороны, ожидания администраций относительно обещанной высокой квалификации китайских рабочих часто не оправдывались — на контракт нередко завербовывались те, кому сложно было трудоустроиться на родине (бродячие артисты, мелкие торговцы и т.п.) или те, кто имел проблемы с законом. Попадая в инокультурную среду, китайские рабочие закономерно прибегали к самоорганизации под руководством неформальных лидеров, которыми нередко становились бандиты-хунхузы. С другой стороны, будучи формально обязанными предоставить китайским гражданам права наравне с российскими подданными, предприниматели нередко стремились сэкономить на их зарплате и социальном обеспечении. Нередко китайцы оказывались в значительно худших материально-бытовых условиях, чем военнопленные. Это не могло не приводить к серьезным конфликтам на предприятиях. Возможно, чувство пережитой несправедливости и предопределило выбор китайцев в пользу «красных» во время Гражданской войны в России.

После того, как работа над «китайской темой» была завершена, в руки Евгения Юрьевича попали дневниковые записи Василия Марковича Ермакова, бережно хранимые в семье Каргаполовых. В. М. Ермаков служил артиллерийским квартирмейстером

на крейсере «Диана», был участником русско-японской войны. Первая, основная, часть дневника — «Заметки от моего заграничного плавания» — посвящена переходу отряда кораблей в составе броненосца, группы крейсеров и миноносцев из Кронштадта в Порт-Артур в октябре 1902 — апреле 1903 гг. Написанные в форме дневниковых записей, «Заметки» рисуют живую картину повседневной жизни русских моряков в дальнем плавании, их впечатления от увиденного и пережитого в заморских странах. Во второй части — «Впечатления войны» — описывается служба на «Диане» после прибытия крейсера в Порт-Артур, рисуется картина нарастания напряженности в отношениях с дальневосточным соседом и первых дней русско-японской войны. По-видимому, вести свои записи В. М. Ермаков прекратил из-за начавшихся военных действий. Е. Ю. Рукосуев подготовил публикацию дневника в виде великолепно оформленного издания: на каждом развороте справа размещена фотокопия листа из дневника, слева — расшифровка текста с комментарием, проиллюстрированная множеством фотографий. Документы дополняет предисловие составителя, в котором даются сведения об авторе, описание крейсера «Диана» и характеристика источника [8].

Публикация записок Василия Марковича Ермакова стала частью проекта по изучению эго-документов. Основная часть проекта была реализована в виде четырехтомника «Россия 1917 года в эго-документах». Е. Ю. Рукосуев сыграл ключевую роль в подготовке трех томов: «Воспоминания», «Дневники», «Письма» [15; 16; 17].

Ответственность, трудолюбие и аккуратность Евгения Юрьевича, дисциплинированность и доброжелательность, тонкое чувство юмора, здоровый оптимизм и умение «гасить» конфликты неоднократно помогали ему решать сложные организационные вопросы, поручавшиеся ему администрацией Института. Эти черты достаточно рано были отмечены руководством — в 1992–1995 гг. Евгений Юрьевич был ученым секретарем Института, позже его часто приглашали к участию в различных проектах. Он был исполнителем в семи проектах, поддержанных грантами РГНФ, РФФИ иРНФ, и руководителем — в трех. Среди «грантовых»

проектов наиболее масштабным был проект «Акторы российской имперской модернизации (XVIII — начало XX в.): региональное измерение», руководителем которого был И. В. Побережников. В данном проекте Евгений Юрьевич занимался изучением статуса иностранных специалистов, представительских организаций и партий начала XX в., развития системы профессиональных учебных заведений во второй половине XIX — начале XX в. и становления высшего технического образования на Урале [1, с. 126–148, 296–309; 14, с. 35–61].

В последнем проекте «Динамика горнозаводской промышленности Урала в XVIII — начале XX вв.: факторы роста, рыночная конъюнктура и модели развития» планировалось собрать базу статистических данных о выпуске продукции, занятости рабочих, ресурсной базе заводов и рудников. С ее помощью предполагалось преодолеть сложившееся в историографии отношение к статистике как к иллюстративному материалу, который лишь подтверждал выводы исследователя. Выстроенные погодные ряды показали, что скрупулезный анализ статистики позволяет ей говорить «самой за себя», открывает новые перспективы исследований. Сопоставление статистико-динамических рядов позволяет выявить важные зависимости между факторами исторического процесса, Так, если одни периоды подъемов и спадов в динамике производства сопоставимы с конъюнктурными циклами или влиянием социально-политических событий, то другие — лишь рельефнее подчеркивают существующие проблемы, требуя дополнительных изысканий. Сопоставление динамических рядов заставило существенно скорректировать представление о характере развития горнозаводской промышленности Урала, особенно в период раннеиндустриальной модернизации. Одним из результатов работы по данному проекту стала книга «Горнозаводская промышленность Урала в XVIII — начале XX века: благородные металлы». В первой части книги изложены история поиска драгоценных металлов на Урале в XV–XVIII в. и история добычи золота, платины, серебра и осмистого иридия в XVIII — начале XX в.; вторая часть — «Приложения» — состоит из таблиц со статистическими данными по добыче золота, платины и серебра в XVIII — начале XX в. [42]. Основной вклад в подготовку

данного издания внес Евгений Юрьевич Рукосуев. В июне 2020 г. он успел вычитать верстку книги, а затем заболел. 14 июля 2020 г. доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Центра экономической истории Института истории и археологии УрО РАН, одного из крупнейших специалистов по истории горнозаводской промышленности Урала XIX — начала XX вв. и крупнейшего специалиста по истории золотоплатиновой промышленности Урала данного периода Е. Ю. Рукосуева не стало. Так случилось, что путь Евгения Юрьевича в науке оборвался на той же теме, с которой начиналась его блистательная, так много обещавшая научная карьера, — истории золотоплатиновой промышленности Урала.

В одном интервью корреспонденту студенческой газеты на вопрос: «В каком бы периоде истории Вы хотели бы жить?» Евгений Юрьевич назвал XIX век. По сути, он в нем и жил, погружаясь в него мыслями и сердцем, скрупулезно исследуя не только проблемы, но и сами приметы и дух той эпохи. Он не был ни глубоким теоретиком, ни мастером широких обобщений. Скорее, наоборот, он был поклонником факта, эрудитом, энциклопедистом: разрабатывая какую-либо проблему в мельчайших деталях, старался достичь такой полноты исторической картины и дать такой исчерпывающий ответ на проблему, что после этого тема могла считаться «закрытой». Эту сверхзадачу Евгений Юрьевич и старался реализовать всей своей жизнью историка-профессионала. Из-под его пера вышло более 250 работ, в т.ч. 24 монографии, 5 сборников документов, несколько справочников и энциклопедий.

Список литературы

1. Актеры российской имперской модернизации (XVIII — начало XX в.): региональное измерение / отв. ред. И.В. Побережников. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. — 316 с.
2. Алексеев В. В., Корепанов Н. С., Рукосуев Е. Ю., Устьянцев С. В. Индустриальное наследие Урала в фотографиях. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1993. – 159 с.
3. Ваганова Л. В., Рукосуев Е. Ю. Военно-промышленные комитеты на Урале в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. – 108 с.
4. Военная история Урала: События и люди / Д. В. Гаврилов, В. Н. Земцов, С. И. Константинов, В. А. Ляпин, Н. Н. Мельников, Е. Ю. Рукосуев, П. А. Са-

енко, А. В. Сперанский / Под ред. А. В. Сперанского. – Екатеринбург: Изд. дом «Сократ», 2008. – 320 с.

5. Гаврилов Д. В., Рукосуев Е. Ю. Архангельский (Шаранский) медеплавильный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия. – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 38–39.

6. Грефенштейн А. К., Кондюрин В. К., Медведев М. Ю., Рукосуев Е. Ю. Геральдический альбом Тюменской области. – Тюмень: «Вектор Бук», 2014. – 232 с.

7. Грефенштейн А. К., Кондюрин В. К., Рукосуев Е. Ю. Официальные символы Свердловской области и составляющих ее муниципальных образований. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2007. – 400 с.

8. Из Кронштадта в Порт-Артур: Дневник матроса В. М. Ермакова о плавании на крейсере «Диана» в 1902–1904 гг. – Екатеринбург: «Издательский дом “Классика”», 2014. – 168 с.

9. Китайские рабочие на Урале в годы Первой мировой войны: документы и комментарии: российский-китайский научный проект / сост.: Е. Ю. Рукосуев, Г. Н. Шумкин, Мин Шен. – Екатеринбург: УрО РАН, 2010. – 324 с.

10. Корепанов Н.С., Рукосуев Е.Ю. Клейма уральских заводов XVIII–XIX вв. – Екатеринбург: НИСО УрО РАН, 2004. – 92 с.

11. Корепанова С. А., Корепанов Н. С., Рукосуев Е. Ю. Медная монета Екатеринбурга: Производство и коллекционирование. – Екатеринбург: Изд-во «Артефакт», 2007. – 143 с.

12. Лобанов Д. А., Рукосуев Е. Ю. Мундиры войск, располагавшихся на горных заводах Урала в период царствования Александра I // История военного дела: исследования и источники [Электронный ресурс]. 2017. Т. IX. С. 87–103. Режим доступа: http://www.milhist.info/2017/02/13/lobanov_rykosyev

13. Микитюк В. П., Рукосуев Е. Ю. Уральский областной военно-промышленный комитет: дела и люди. – Екатеринбург: УрО РАН, 2019. – 228 с.

14. Профессиональные группы и общества как акторы российской позднеимперской модернизации (на материалах Урала второй половины XIX — начала XX в.) / отв. ред. И. В. Побережников. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. – 136 с.

15. Россия 1917 года в эго-документах: Воспоминания / авт.-сост. Н. В. Суржикова, М. И. Вебер, С. В. Голикова, Е. Ю. Лебеденко, Н. А. Михалёв, К. А. Пахалюк, С. А. Пьянков, Е. Ю. Рукосуев, О. В. Чистяков; науч. ред. Н. В. Суржикова. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 510 с.

16. Россия 1917 года в эго-документах: Дневники / авт.-сост. Н. В. Суржикова, М. Б. Ларионова, Е. Ю. Лебеденко, Н. А. Михалёв, С. А. Пьянков, Е. Ю. Рукосуев, Н. В. Середа, О. В. Чистяков; науч. ред. Н. В. Суржикова. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 678 с.

17. Россия 1917 года в эго-документах: Письма / авт.-сост. Н. В. Суржикова, М. И. Вебер, Я. А. Голубинов, Ю. А. Кашаева, Е. Ю. Лебеденко,

Н. А. Михалёв, С. А. Пьянков, Е. Ю. Рукоусев; науч. ред. Н. В. Суржикова. – М.: Научно-политическая книга, 2019. – 428 с.

18. Рукоусев Е. Ю. А. А. Ауэрбах — инженер и организатор // Ползуновские чтения: Тез. науч.-практ. конф. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1994. – С. 54–56.

19. Рукоусев Е. Ю. Административно-правовые условия разработки золото-платиновых месторождений на Урале в 60-90-х гг. XIX в. // Положение и борьба рабочих Урала в период капитализма. – Свердловск: НИСО УрО АН СССР, 1989. – С. 56–65.

20. Рукоусев Е. Ю. Александр Андреевич Ауэрбах // Уральский узел. – 1998. – № 1. – С. 59–62.

21. Рукоусев Е. Ю. Архангельский (Аксыйский) медеплавильный завод // Metallургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия. – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 38.

22. Рукоусев Е. Ю. Архангельский чугуноплавильный завод // Metallургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия. – Екатеринбург: «Академкнига», 2001. – С. 39.

23. Рукоусев Е. Ю. Ауэрбах Александр Андреевич // Инженеры Урала: Энциклопедия. – Екатеринбург: изд-во «Уральский рабочий», 2001. – С. 32.

24. Рукоусев Е. Ю. Березовские золотые промыслы. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1993. – 14 с.

25. Рукоусев Е. Ю. Воинская повинность казачества в конце XIX — начале XX в. // Первые уральские военно-исторические чтения: Материалы регион. науч. конф. – Екатеринбург: УрГУ, 1997. – С. 38–41.

26. Рукоусев Е. Ю. Гербы губерний и городов, утвержденные до 1917 г. // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 144–145.

27. Рукоусев Е. Ю. Горные и металлургические заводы Урала. XVII — начала XX вв. (Указатель). – Екатеринбург: УрО РАН, 1996. – 54 с.

28. Рукоусев Е. Ю. Государственный контроль за добычей золота и платины на Урале // Уральский исторический вестник. – 1996. – № 3. – С. 110–120.

29. Рукоусев Е. Ю., Григорьев Г. В. Правители стран мира с древнейших времен до наших дней: В 3-х кн. – Кн. 1: Европа. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. – 244 с.

30. Рукоусев Е. Ю., Григорьев Г. В. Правители стран мира с древнейших времен до наших дней: В 3-х кн. – Кн. 2: Азия. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. – 220 с.

31. Рукоусев Е. Ю., Григорьев Г. В. Правители стран мира с древнейших времён до наших дней: В 3-х кн. – Кн. 3: Африка. Америка. Австралия и Океания. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. – 248 с.

32. Рукоусев Е. Ю. Дважды первые: способы добычи золота на Березовском месторождении // Из истории уральского золота. К 250-летию открытия

золота на Урале и основания города Березовского. – Екатеринбург: Свердловский обл. краевед. музей, 1995. – С. 27–36.

33. Рукоусев Е. Ю. Добыча золота на землях Оренбургского казачьего войска // Казачество Оренбургского края XVI–XX вв. – Оренбург: Оренбургский гос. пед. институт, 1992. – С. 31–33.

34. Рукоусев Е. Ю. Дополнительные материалы к указателю литературы по вексиллологии // Гербоведъ. – 1996. – № 4 (12). – С. 41–51.

35. Рукоусев Е. Ю. Знаки отличия на головных уборах. Николай I. Новая форма и новые знаки // Старый Цейхгауз. – 2012. – № 6 (50). – С. 14–34.

36. Рукоусев Е. Ю. Знаки отличия на головных уборах. Эпоха Александра I. Появление новой награды // Старый Цейхгауз. – 2012. – № 3 (47). – С. 2–11.

37. Рукоусев Е. Ю. Знаки отличия на головных уборах. Эпоха Александра II: Крым, Кавказ, Средняя Азия // Старый Цейхгауз. – 2014. – № 3–4 (59–60). – С. 37–59.

38. Рукоусев Е. Ю. Золото и платина Урала: история добычи в конце XIX — начале XX вв. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004. – 196 с.

39. Рукоусев Е. Ю. Золотоплатиновая промышленность Урала: российский опыт и западное влияние в XIX — начале XX в. // Опыт изучения и использования памятников индустриальной культуры России. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. – С. 63–70.

40. Рукоусев Е. Ю. Казачество: права и обязанности сословия // Вопросы истории. – 1998. – № 5. – С. 137–143.

41. Рукоусев Е. Ю. Короли, президенты, премьеры. – Екатеринбург: УрО РАН, 1996. – 302 с.

42. Рукоусев Е. Ю., Курлаев Е. А., Шумкин Г. Н. Горнозаводская промышленность Урала в XVIII — начале XX века: благородные металлы. – Екатеринбург: УрО РАН, 2020. – 320 с.

43. Рукоусев Е. Ю. Metallургические заводы Урала. 1629–1996 годы: План-проспект энциклопедии. 300-летию российской металлургии посвящается. – Екатеринбург, 1997. – 80 с.

44. Рукоусев Е. Ю. Невьянский завод (1700–1917) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия Тез. докл. III междунар. науч. конф. – Ч. 2. Русская колонизация Урала: историко-культурные процессы. Города восточных окраин. – Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1995. – С. 158–163.

45. Рукоусев Е. Ю. Новые технологии добычи золота и платины на Урале в начале XX в. // Россия и Западная Европа: взаимодействие индустриальных культур. 1700–1950 гг. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1996. – С. 84–89.

46. Рукоусев Е. Ю. Оренбургское казачье войско в конце XIX — начале XX вв.: проблемы историографии // Казачество на государственной службе: Материалы науч. конф. – Екатеринбург: НИСО УрО РАН, 1993. – С. 68–69.

47. Рукосуев Е. Ю. Периодизация истории золотодобывающей промышленности Урала // Урал индустриальный. – Екатеринбург: УГТУ–УПИ, 1997. – С. 16–20.

48. Рукосуев Е. Ю. Попытка создания оружейного завода на Среднем Урале в 50-е гг. XIX в. // Урал в военной истории России: традиции и современность. Материалы междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2003. – С. 118–121.

49. Рукосуев Е. Ю. Производство артиллерийских орудий в Златоустовском горном округе в середине XIX века // Вторые Бушуевские чтения: Сб. материалов. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. – С. 72–76.

50. Рукосуев Е. Ю. Путь через века: От Богословского медеплавильного до Карпинского машиностроительного завода. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. – С. 5–53.

51. Рукосуев Е. Ю. Развитие золотодобывающей промышленности на Урале (1861–1917 гг.) // Проблемы истории регионального развития: население, экономика и культура Урала и сопредельных территорий в досоветский период. – Свердловск: НИСО УрО АН СССР, 1990. – С. 74–78.

52. Рукосуев Е. Ю. Развитие золотодобывающей техники на Урале в конце XIX в. // Взаимодействие технического и социально-экономического развития в период капитализма. – Свердловск: НИСО УрО АН СССР, 1989. – С. 42–44.

53. Рукосуев Е. Ю. Развитие техники золотоплатиновой промышленности Урала в 60-е гг. XIX в. // Экономические процессы в горнозаводской промышленности Урала периода капитализма (1961–1917). – Свердловск: НИСО УрО АН СССР, 1990. – С. 41–51.

54. Рукосуев Е. Ю., Сапоговская Л. В. Березовская золотопромышленная компания. 1874–1917 гг. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – 240 с.

55. Рукосуев Е. Ю., Сапоговская Л. В. Березовская золотопромышленная компания (1874–1917 гг.). – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004. – 233 с.

56. Рукосуев Е. Ю., Суржикова Н. В. «...Построить и завести большой железной завод...». От Каменского чугуноплавильного до ЗАО «Уралэлектромаш». – Екатеринбург: Издательский дом «Автограф», 2011. – 221, [2] с.

57. Рукосуев Е. Ю. Съезды горно- и золотопромышленников Урала в конце XIX — начале XX века: организация и направления деятельности. — Екатеринбург: УрО РАН, 2015. – 399 с.

58. Рукосуев Е. Ю., Тарская С. А. Съезды золото- и платинопромышленников Урала. 1897–1919. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. – 219 с.

59. Рукосуев Е. Ю. Условия труда рабочих золотоплатиновой промышленности Урала в 90-е гг. XIX в. // Социально-экономическое и правовое

положение рабочих Урала в период капитализма (1861–1917 гг.). — Свердловск: НИСО УрО АН СССР, 1990. — С. 37–47.

60. Рукосуев Е. Ю., Устьянцев С. В. Кыштымский горный округ. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1994. — 32 с.

61. Рукосуев Е.Ю., Федоринин К.А. Заводские музеи Урала // Сохранение индустриального наследия. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1994. — С. 229–232.

62. Рукосуев Е. Ю. Фонды окружных инженеров как источник для изучения социально-экономического положения рабочих Урала в конце XIX — начале XX вв. // Методология, историография и источники исторического опыта регионального развития. — Свердловск: НИСО УрО АН СССР, 1990. — С. 48–50.

63. Рукосуев Е. Ю. Форма одежды для работников трамвайных хозяйств образца 1936 года // Петербургский коллекционер. — 2017. — № 6 (104). — С. 99–105.

64. Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времён до наших дней / ред. проф. А. В. Сперанский. — Екатеринбург: Изд-во «Паритет», 2008. — 466 с.

65. Nesterova Z. S., Usniantchev S.V., Rukosuev E. Yu. De geschiedenis van het Goroblagodatsky mijndistrict // Tijdschrift voor industriële cultuur (TIC). — 1994. — № 1. — P. 83–91.

66. Rukosuev E. Yu. Metallurgical Works of the Urals. 1629–1996. Directory. — Yekaterinburg, 1997. — 78 p.

67. Rukosuev E. Yu. Railway Lines in the Eastern Part of Russia: The impact on industrial growth (late 19th — early 20th centuries) // Preservation of the industrial heritage. Gdansk Outlook II. — Gdansk, 1995. — P. 61–63.

68. Rukosuev E. Yu. The Ural Ironworks and Construction of the Trans-Siberian Trunk Line // The Importance of Ironmaking. Technical Innovation and Social Change. — Vol. 1. — Stockholm, 1995. — P. 397–404.

Е. Ю. Рукосуев, Е. А. Курлаев, Г. Н. Шумкин

**ПОСЛЕДНИЙ ПРОЕКТ Е. Ю. РУКОСУЕВА:
«ДИНАМИКА ГОРНОЗАВОДСКОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА В XVIII —
НАЧАЛЕ XX ВВ.: ФАКТОРЫ РОСТА, РЫНОЧНАЯ
КОНЬЮНКТУРА И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ»**

В статье приведены основные результаты работы по проекту «Динамика горнозаводской промышленности Урала в XVIII — начале XX вв.: факторы роста, рыночная конъюнктура и модели развития», реализованному в 2018–2020 г. под руководством Е. Ю. Рукосуева. Цель проекта заключалась в том, чтобы на основе базы статистических данных развития горнозаводской промышленности Урала в XVIII — начале XX в. проследить взаимосвязь в изменении ресурсной базы, конъюнктуры, ассортимента и объема выпуска продукции и провести верификацию теоретических моделей, предлагаемых для объяснения развития горнозаводской промышленности Урала: «модернизация», «догоняющее развитие», «периферийный капитализм», «диффузия европейских инноваций», «промышленный переворот», «мобилизационная экономика». В статье дана характеристика проведенного исследования и основных результатов.

Ключевые слова: горнозаводская промышленность Урала, динамика производства, ресурсная база, конъюнктура, численность рабочих, инвестиции, добыча минералов, металлургия, металлообработка.

The article presents the main results of the project «Dynamics of the Ural mining industry in the 18th — early 20th centuries: growth factors, market conditions, and development models», fulfilled during 2018–2020 under the guidance of E. Yu. Rukosuev. The aim of the project was to use the statistical database on the development of the mining industry in the Urals in the 18th — early 20th centuries, to trace the relationship between changes in the resource base, market conditions, product range and output, and to verify the theoretical models which were proposed to explain the development of the mining industry in the Urals: «modernization», «catching up development», «peripheral capitalism», «diffusion of European innovations», «industrial revolution», «mobilization economy». The article describes the fulfilled research and its main results.

Keywords: mining industry of the Urals, production dynamics, resource base, market conditions, number of workers, investments, mining of minerals, metallurgy, metalworking.

14 июля 2020 г. не стало замечательного человека, нашего друга и коллеги — Евгения Юрьевича Рукосуева, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Центра экономической истории Института истории и археологии УрО РАН. Его жизнь оборвалась в самом расцвете творческой деятельности. Он уже был в больнице, и никто из нас, участников проекта, не предполагал, что наши звонки ему по будущей книге станут последними. А планы его, как руководителя проекта, были грандиозные. По итогам выполнения проекта, сверх заявленных обязательств, Евгений Юрьевич предполагал подготовить три монографии с данными о статистике производства благородных, цветных и черных металлов. В итоге вышла только книга со статистическими данными о производстве благородных металлов, над изданием которой он трудился до последних дней [6].

Цель исследовательского проекта, получившего финансовую поддержку в РФФИ (№ 18-09-00611а), предусматривала на основе базы статистических данных о развитии горнозаводской промышленности Урала в XVIII — начале XX в. проследить взаимосвязь трансформации ресурсной базы, конъюнктуры, ассортимента и объема выпуска продукции и на основе такой корреляции верифицировать теоретические модели, предлагаемые для объяснения особенностей развития горнозаводской промышленности Урала: «модернизация», «догоняющее развитие», «периферийный капитализм», «диффузия европейских инноваций», «промышленный переворот», «мобилизационная экономика».

В задачи проекта входили: сбор и обработка статистических материалов о площади горнозаводских округов, лесов, сельскохозяйственных угодий; об объемах заготовки лесных материалов для производства; о состоянии водных ресурсов и гидротехнических сооружений, состоянии энергетического хозяйства; о численности и структуре населения, его вовлеченности в горнозаводское производство; о состоянии основных фондов и их структуре (производственные мощности, объекты социального назначения и т.п.); о строительстве и по ремонту оборудования; о финансовом положении горнозаводских предприятий; по добыче золота, платины, металлических руд, нерудных ископаемых, добычи соли;

по производству металлов, металлических изделий; об уровне цен на продукцию, сырье, оборудование, уровне оплаты труда; проведение внешней и внутренней критики статистических источников; оформление полученных материалов в виде базы данных; анализ динамики производства, выявление причинно-следственных связей между изменением ресурсной базы и объемом выпуска продукции; верификация объяснительных моделей, предлагаемых в качестве обобщающих выводов о характере и направленности развития промышленности XVIII — начала XX вв. («догоняющее развитие», «периферийный капитализм», «диффузия европейских инноваций», «промышленный переворот», «мобилизационная экономика»). Последняя задача реализуется путем сопоставления выявленных трендов развития горнозаводской промышленности Урала с выводами, сделанными в историографии на основе данных теоретических конструкций.

В процессе сбора и обработки статистических материалов участниками проекта проведен поиск и сбор статистических материалов в РГАДА — фонд 271 (Берг-коллегия); РГИА — фонды 37 (Горный департамент), 560 (Канцелярия Министерства финансов); ГАСО — фонды 24 (Уральское горное управление), 43 (Канцелярия главного начальника Уральских горных заводов), 55 (Главный лесничий Уральских горных заводов); ГАПК — фонды 65 (Канцелярия Пермского губернатора), 276 (Пермские пушечные заводы); архиве г. Златоуста — фонды 19 (Златоустовский горный округ), 24 (Златоустовская оружейная фабрика); а также библиотеках Москвы (РГБ), С.-Петербурга (РНБ, библиотека РГИА), Екатеринбурга (библиотека СОКМ, СОУНБ им В. Г. Белинского) и Перми (ПГКУБ им. А. М. Горького).

Были собраны данные по добыче благородных металлов, выплавке чугуна, стали, меди, изготовлении железа и металлических изделий в XVIII — начале XX вв., о площади горнозаводских округов, лесов, о заготовках лесных материалов, состоянии энергетического хозяйства; о численности рабочих, добыче металлических руд, нерудных ископаемых в XIX — начале XX вв. Выявлены ранее не включавшиеся в научный оборот материалы: из РГАДА — данные о производстве меди, железе и чугуне и изделий

на заводах Демидовых в 1702–1733 гг., ведомости о демидовских заводах за 1746 г., другие сведения о выплавке металла по казенным и частным заводам; из РГИА — материалы отчетов Департамента горных и соляных дел за 1827–1854 гг.; из ГАСО — сведения по заводам первой четверти XVIII в., ведомости о выплавке и выделке металлов в 1797–1807 гг., сводные данные о выделке чугуна, железа и меди на частных заводах Урала в 1807–1837 гг. Основной массив материалов по XIX в. почерпнут из опубликованных источников. В 2020 г. из-за введенных в стране карантинных ограничений и гибели от пневмонии руководителя проекта Е. Ю. Рукосуева работа по поиску источников существенно сократилась, вследствие чего сведения по ресурсной базе, добыче соли, производству черных металлов (вторая и третья четверть XVIII в., 1840–1858 гг.) были собраны фрагментарно.

При работе с документами выявлены особенности сбора и обобщения статистических материалов в отчетной документации. В XVIII — первой половине XIX вв. горная администрация собирала сведения о производительности заводов, в первую очередь, для фискальных целей: учитывались объемы производства для определения объема налоговых требований. В первой половине XVIII в. сведения о производительности заводов записывались текстом и заполняли собой десятки страниц отчетной документации. В середине XVIII в. стали появляться сводные таблицы с данными в виде чисел. Нередко сведения представлялись только за полгода, обычно с марта; обобщенно по всем заводам, принадлежавшим одному владельцу, или о продукции, только запланированной к изготовлению. Сводные данные подготавливались также при разделе имущества между наследниками, при расследовании фактов уклонения от налогов и т.д. В начале XIX в., в связи с реформой горнозаводской промышленности, были подготовлены обзоры, включающие статистические данные за несколько лет и сведения о производственном потенциале и оборудовании предприятий (И. Ф. Герман и др.).

С 1819 г. материалы производственной статистики стали включаться в отчеты Горного департамента. Эти «Отчеты» обосновали расход бюджетных средств, поэтому основное внимание в них

уделялось деятельности государственных предприятий и их капиталам. С 1891 г. «Отчет Горного департамента» стал публиковаться отдельным изданием, с данными о выпуске продукции как казенными предприятиями, так и частновладельческими округами. В 1820-е гг. в связи с развитием золотодобывающей промышленности в Министерство финансов стали отсылааться полугодовые ведомости о добыче золота и платины. Значительная часть этих сведений регулярно публиковалась в «Горном журнале».

В 1860-х гг. Горный ученый комитет приступил к сбору и ежегодной публикации статистических обзоров по всей горнозаводской промышленности России. В 1862–1865 гг. эти обзоры были включены в «Памятные книжки для русских горных людей»; в 1864–1867 гг. выходили в виде отдельных изданий — «Сборников статистических сведений по горной части»; с 1868 г. ежегодно публиковались на страницах «Горного журнала». В 1908 г. началась реформа статистического учета горного ведомства, подготовка «Сборников» усложнилась, а во время войны их публикация приостановилось (подробнее о «Сборниках» см: [18]).

Статистику центральных и региональных институтов управления дополняют материалы делопроизводственной документации предприятий и горных округов, статистика съездов горнопромышленников, публикации в профильной периодике («Горном журнале», «Артиллерийском журнале», «Уральском горном обозрении» и др.), а также статистические материалы ведомств-заказчиков (Военного, Морского и других министерств). Данные статистики заказчиков интересны в плане выявления противоречий с материалами горного ведомства. Эти противоречия свидетельствуют о том, что часть продукции, учтенная горным ведомством, была заказчиками забракована, т.е. приемку не прошла.

При сведении собранных статистических материалов в базу данных наиболее рациональной оказалась схема с распределением заводов по горнозаводским округам, несмотря на то, что система горнозаводских округов формировалась в течение XVIII в. и со временем их состав менялся. База данных оформлена в виде «умных таблиц» в Excel. Общий объем базы данных составил около 30 п.л.

Конкретно-историческая часть проекта предусматривала решение двух задач: анализ динамики производства, выявление причинно-следственных связей между изменением ресурсной базы и объемом выпуска продукции и верификацию моделей, предлагаемых для объяснения направления и характера развития горнозаводской промышленности Урала XVIII — начала XX вв.: «догоняющее развитие», «периферийный капитализм», «диффузия европейских инноваций», «промышленный переворот», «мобилизационная экономика».

На основе собранной базы данных по 190 чугуноплавильным и железоделательным, 102 медеплавильным заводам, 2 денежным дворам была проанализирована динамика производства. В черной металлургии выделяются следующие периоды: 1) рост (XVIII в.); 2) депрессия, вызванная изменением структуры рынка (1800-е — первая половина 1830-х гг.); 3) подъем (вторая половина 1830-х — 1850-е гг.); 4) кризис, вызванный изменением ресурсной базы, отменой крепостного права и сокращением возможностей кредитования (1860–1869 гг.); 5) медленный подъем, прерывавшийся краткосрочными спадами (в 1873, 1877, 1882, 1886 гг.) и воспринимавшийся как застой (1870–1886 гг.); 6) рост в 1887–1901 гг.; 7) кризис (1901–1910 гг.); 8) подъем (1911–1914 гг.) и 9) кризис в годы Первой мировой войны.

В медеплавильном производстве колебания в уровне добычи были более выражены, что было обусловлено нестабильностью разработки месторождений медистых песчаников. Уже в середине XVIII в. был достигнут тот уровень производства, на котором медеплавильная промышленность находилась вплоть до начала XX в. — 100–210 тыс. пудов в год. Исключением стал период 1835–1866 гг., когда данный уровень был превзойден (в 1835–1848 гг. добывалось 250–300 тыс. пудов, в 1849–1858 гг. — 320–390 тыс. пуд.), но в 1867 г. медеплавильная промышленность Урала упала до прежних объемов производства — 100–210 тыс. пудов. Выплавка меди стала стабильно расти только с 1905 г., когда в строй вступили современные медеплавильные заводы.

В развитии золотодобывающей промышленности Урала выделяется два периода: «уральский» (1754–1828 гг.) и «всероссийский»

(1829–1920); в рамках каждого выделяются по четыре «ступени», различающиеся по объему добычи: 1) 1754–1762 гг. — средний объем добычи 1 пуд.; 2) 1764–1785 гг. — 4,4 пуд.; 3) 1786–1797 гг. — 8,3 пуд.; 4) 1798–1821 гг. — 17,4 пуд.; 5) 1824–1829 гг. — 219,5 пуд.; 6) 1830–1840 гг. — 428,3 пуд.; 7) 846–1868 гг. — 1566,6 пуд.; 8) 1869–1916 гг. — 2280,5 пуд. Выявлена и определенная закономерность в развитии «ступеней»: их продолжительность увеличивается (в первой четверке с 8 до 24 лет, во второй — с 7 до 48 лет), а высота подъема относительно предыдущей ступени уменьшается (в первой четверке — с роста в 4,4 раза до роста в 2 раза; во второй — с роста в 3,6 до роста в 1,4 раза). Такая динамика может рассматриваться в качестве проявления убывающей отдачи ресурсов. «Всероссийский» период на Урале разделяется на два цикла: «феодално-крепостнический» и «буржуазный». Первый включал резкий подъем в начале цикла; резкий спад при его завершении; два пиковых значения в добыче золота в 1832 г. (384,6 пуд.) и в 1855 г. (412,4 пуд.) и длительную стагнацию между ними (с 1834 по 1852 гг.). Второй цикл состоял из двух фаз: 32-летнего периода роста добычи (с 1861 по 1893 г.) и 28-летнего периода сокращения объемов добычи, вызванного истощением месторождений [9].

Было проанализировано также влияние циклов деловой активности на динамику производства металлов. Колебания в добыче золота с 1847 г. до начала 1890-х гг. (до завершения повышательной фазы «буржуазного» цикла) полностью совпадают с циклами мировой экономики; определенная синхронность с фазами циклов деловой активности прослеживается также и в динамике черной металлургии с 1870-х гг., но она до начала 1890-х гг. была выражена слабо; в медеплавильной промышленности связь с циклами не выявлена. В качестве гипотезы предложено рассматривать не только прямую причинно-следственную связь между добычей золота и циклами (ухудшение рыночной конъюнктуры вызывало падение добычи), но и обратную. Основанием для того, чтобы рассматривать обратную причинно-следственную связь служит следующее: во-первых, золото было не товаром, а финансовым инструментом, деньгами; во-вторых, спады в добыче золота на

Урале, как правило, начинались на год–два раньше экономического кризиса в Европе; в-третьих, Россия являлась крупнейшим производителем золота в Европе, при этом значительная часть добытого золота шла на обслуживание внешнего долга; в-четвертых, согласно количественной теории денег (модель Фишера), состояние рынка (количество товаров и уровень цен) зависит от объема денежной массы и скорости обращения денег: $MV = QR$ (где: M — денежная масса, V — скорость её обращения, Q — количество товаров, P — уровень цен).

В отечественной историографии развитие черной металлургии, медеплавильного производства и золотоплатиновой промышленности рассматриваются как параллельно протекающие, не связанные друг с другом процессы. Однако при сопоставлении данных по этим отраслям прослеживаются определенные взаимосвязи. Например, резкий рост золотодобычи в 1820-е гг. совпал с сокращением производства чугуна и железа в ряде округов, что может свидетельствовать о перераспределении ресурсов (прежде всего, трудовых) из одного производства в другое. Это дает основание поставить вопрос о создании единой картины развития горнозаводской промышленности Урала.

В качестве материала для обсуждения предлагаются следующие этапы смены лидерства отраслей: 1) 1701–1720 гг. — становление черной металлургии; 2) 1721–1753 гг. — доминирование черной металлургии и становление медеплавильной отрасли; 3) 1754–1773 гг. — становление золотодобычи и лидерство медеплавильной отрасли (соотношения выплавленной меди к чугуну достигло максимума (5–7,5%)); 4) последняя четверть XVIII в. — лидерство черной металлургии; 5) 1801–1820 гг. — застой без явного лидера; 6) 1821–1847 гг. — золотодобыча; 7) 1848 — начало 1860-х гг. — выплавка меди; 8) 1860-е — начало 1890-х гг. — золотодобыча; 9) 1890-е — 1905 гг. — черная металлургия; 10) 1906 — 1917 гг. — черная металлургия и медеплавильная промышленность.

В ходе работы над проектом было прослежено влияние природных ресурсов на особенности развития горнозаводской промышленности. Для Урала характерно широкое распространение

полиметаллических руд. Необходимость очистки чугуна и железа от примеси меди послужила причиной возникновения на Уктусском заводе медеплавильного производства в 1712 г. В дальнейшем на многих заводах на одной заводской площадке действовали оба вида производства — выплавка чугуна и меди. Освоение технологий переработки полиметаллических руд послужило причиной разработки месторождений хромистого железняка, производства зеркального чугуна во второй половине XIX в., роста добычи золота и серебра, извлеченных химическими методами в начале XX в.

Ключевым ресурсом для металлургической промышленности Урала были леса, обеспечивавшие предприятия и население топливом, деловой древесиной. Как особо подчеркивалось в литературе XIX — начала XX вв. объем производства определялся объемом ежегодного прироста древесной массы. В связи с этим впервые в исторической науке предлагается рассматривать горнозаводскую промышленность в категориях социоестественной истории, а территорию округа — в качестве «вмещающего» ландшафта. Межевание границ горнозаводских округов было проведено в конце XVIII — первой четверти XIX в. После определения площади округов и заводских лесов развернулась работа по упорядочению лесного хозяйства, поиску технологий сбережения леса и рабочих рук, участвующих в его заготовке, оптимизации производственной структуры округов. Естественный прирост населения вел к сокращению площади леса, приходящейся на одного жителя (в 1834–1859 гг. она сократилась в среднем на 19%). Накануне отмены крепостного права горнозаводские округа были в разной степени обеспечены лесом. Освобождение горнозаводского населения открыло возможность более гибко подходить к использованию рабочей силы. При этом обсуждение проблемы дефицита древесного топлива и нормирования его потребления, начавшееся в середине XIX в., отражало тот факт, что металлургия Урала достигла пределов «вмещающего» ландшафта, и дальнейшее развитие было связано с освоением технологий, сокращавших потребление древесного топлива. Зависимость горнозаводской промышленности от земельных и лесных ресурсов прослеживается

в динамике площади дач и лесов горнозаводских округов в конце XIX — начале XX вв. Статистика показывает цикличность изменения площади горнозаводских земель: увеличение во время экономического подъема и резкое сокращение во время кризиса. Так, в 1911 г. площадь дач увеличилась на 10 %, и это совпало с оживлением уральской металлургии [13].

В начале XX в. лес оставался основным источником горючего для металлургии Урала. Доля минерального топлива хотя и росла, но оставалась незначительной — 10 % в 1900-е гг. (минеральным топливом могли пользоваться передельные и комбинированные заводы, удобно расположенные к средствам доставки нефти и каменного угля — на берегу судоходных рек Камы, Чусовой и Белой или рядом с железными дорогами). К концу XIX в. большинство уральских заводов оказались в ситуации острого дефицита древесного топлива. Поскольку чугун изготовлялся исключительно на древесном угле; древесный уголь всё больше становился топливом домен: если в начале 1880-х гг. они потребляли 60 %, то в 1911 г. — весь объем заготовленного древесного угля. Дрова и минеральное топливо являлись горючим для передельных и вспомогательных производств, поэтому рост выпуска продукции обеспечивался распространением энергосберегающих технологий в передельных производствах. В результате за 30 лет их энергоэффективность выросла в 5 раз [16].

Зависимость металлургии Урала от «вмещающего» ландшафта заводских дач проявилась в особенностях индустриализации. Рост энерговооруженности труда в 1880-х — 1911 гг. осуществлялся за счет повышения производительности труда рабочих вспомогательных производств, занятых на заготовке топлива и минералов. Другим направлением роста энерговооруженности стала замена гидравлических двигателей на паровые за счет распространения технологий утилизации печных газов и применения минерального топлива [15].

Влияние природных ресурсов обнаруживается в характере протекания индустриализации. Анализ индустриализации в золотоплатиновой промышленности Урала в конце XIX — начале XX вв. показал, что новейшие технологии (драги, механизмы в шахтном

хозяйстве, химические методы извлечения золота) были нацелены не столько на вытеснение ручного труда и на повышение производительности труда, сколько на увеличение эффективности переработки сырья. К 1911 г. не менее половины золота и платины на Урале добывались с помощью индустриальных технологий.

Если рассматривать динамику производительности труда, то ее роста по основным металлургическим производствам в конце XIX — начале XX вв. не наблюдалось. Таким образом, интенсификация производства в горнозаводской промышленности Урала в период раннеиндустриальной модернизации шла не в направлении трудосберегающего, но по пути природосберегающего развития, оно решало задачи экономии топливно-энергетических ресурсов и компенсации истощения месторождений полезных ископаемых [17].

Для описания процессов, протекавших в период индустриализации, была предпринята попытка применить графический инструментарий экономической теории — кривую производственных возможностей и равновесие производителя, которые были модифицированы в соответствие с предметным полем исторического исследования.

Переход передельных производств от изготовления сварочного железа пудлинговым и кричным способами к производству литой мартеновской стали в конце XIX — начале XX вв. был проанализирован с помощью вектора равных затрат при выпуске двух продуктов. Наблюдения дают основание утверждать, что вытеснение железоделательного производства сталелитейным в целом завершилось до начала экономического подъема кануна Первой мировой войны. Метод вектора равного выпуска был апробирован на материале добычи железной руды конца XIX — начала XX вв. В историографии распространено мнение, что данная отрасль не была затронута процессом индустриализации. Однако построение вектора показало тенденцию вытеснения ручного труда машинами. При этом вектор равного выпуска показывает, что во время экономического подъема 1890-х гг. выросла капиталоемкость производства, а в период экономического кризиса — росла эффективность производства за счет снижения трудоемкости и капиталоем-

кости [11]. Применение методов вектора равных затрат и вектора равного выпуска позволяют более точно описывать процессы, протекавшие в промышленности в период индустриализации.

На динамику выпуска продукции, помимо состояния ресурсной базы и технологий, большое влияние оказывала экономическая и политическая конъюнктура. Выявить эти влияния можно с помощью моделей социально-экономического развития: «мобилизационной экономики», «догоняющего развития», «периферийного капитализма».

Период становления горнозаводской промышленности Урала в первой четверти XVIII в. наиболее адекватно описывается в категориях мобилизационной экономики. Инициатором создания на Урале металлургических заводов выступило государство, после получения в 1696 г. сведений о крупных залежах железных руд. Для строительства заводов и последующей их эксплуатации государство привлекало на Урал специалистов — русских из Тульско-Каширского и Олонецкого промышленных районов, а также иностранцев. Первые заводы имели военное назначение, но до начала Северной войны они закладывались с определенными задачами: «для защиты Сибирского царства», т.е. Сибири и южных рубежей страны [2]. С началом войны со шведами строительство пошло ускоренными темпами, а вся произведенная продукция направлялась на западный театр военных действий. При этом эффективность военных производств на Урале оказалась невысокой. Практически, с первых лет работы заводов из-за низкого качества на них было запрещено производить пушки, а в готовой продукции стало преобладать высококачественное железо и изделия из него. Тем не менее, производство артиллерии и боеприпасов периодически возобновлялось. Всего в первой четверти XVIII в. (с учетом неполных сведений об Алапаевском заводе) на Урале было отлито 2237 орудий для флота, крепостной артиллерии и продажи на внутреннем рынке (пушки для купеческих судов), 111 813 ядер и бомб, 222 863 картечных пуль, 923 981 ручных гранат (распространенные в литературе данные о количестве изготовленных снарядов ошибочны, они являются результатом сложения трех типов боеприпасов) [1; 3; 4; 5].

В дальнейшем горнозаводская промышленность Урала действовала в режиме мобилизации, как правило, не достаточно эффективно. Это показал опыт привлечения частных предприятий к выполнению военных заказов в XVIII — начале XIX вв. (например, к концу 1816 г. уральскими частными заводами по нарядам 1811–1812 гг. было изготовлено 573 тыс. боеприпасов (ядер, бомб, дроби), в числе которых 138 тыс. излишних, и при том в недоимке оставалось еще 428 тыс.). После наполеоновских войн частные заводы к выполнению государственных заказов не привлекались, правительство пошло по пути развития казенного сектора [8]. Однако способность государственных заводов к мобилизации ресурсов также оказалась недостаточно высокой, что наглядно показал опыт Крымской войны. Более того, рост количества отливавшихся орудий обернулся падением их качества [14]. Всю горнозаводскую промышленность Урала механизмы мобилизационной экономики охватили во время Первой мировой войны, что вызвало диспропорции в различных компонентах горнозаводского хозяйства (в частности, в оплате труда [7]).

Модель «периферийного капитализма» наиболее адекватно описывает горнозаводскую промышленность середины XVIII — первой половины XIX в. Со второй четверти XVIII в., благодаря благоприятной рыночной конъюнктуре, началось активное промышленное освоение Урала. Во второй половине XVIII в. Урал стал крупнейшим экспортером железа. Хотя в историографии горнозаводскую промышленность Урала XVIII — первой половины XIX вв. не принято рассматривать как элемент капиталистической экономики (подчеркивается почти полное отсутствие свободного найма рабочей силы, организация горнозаводских округов на принципах феодальной латифундии — с замкнутостью хозяйств, ориентацией на самообеспечение, преобладанием труда различных категорий феодально-зависимого населения), в ней легко увидеть параллели с другими экономиками доиндустриального капитализма, интегрированными в общемировую систему разделения труда в роли периферии. Быстрый рост уральской металлургии в XVIII в. стал возможен благодаря благоприятной конъюнктуре на внешних рынках, где уральские заводы сбывали

продукцию с низкой добавленной стоимостью — полосовое железо, которое производилось с помощью внеэкономической эксплуатации горнозаводского населения.

Середина XIX — начало XX вв. описывается в категориях «догоняющей» экономики. Так можно рассматривать политику горного ведомства по преодолению отставания в военных производствах после Крымской войны. В 1856–1866 гг. на строительство 4-х новых предприятий было потрачено около 3 млн руб. В 1861–1871 г. стоимость военного производства выросла в 8 раз (в т.ч. артиллерийских орудий — в 30 раз, снарядов — в 24 раза), а ее доля в общей стоимости продукции казенных горных заводов Урала увеличилась с 10 до 40 %. При этом проблема качества оставалась не решенной. За заводами годами накапливались «недоимки» невыполненных нарядов. Эффективность прочих отраслей государственного хозяйства — золотодобычи, производства меди, чугуна и железа — снижалась: при фактической стагнации производства, затраты казны в 1860-е гг. выросли в 2–2,5 раза, в результате чего себестоимость продукции приблизилась к ценам вольного рынка. Государство объективно не могло нести на себе весь этот груз расходов, следствием чего стала программа приватизации значительной части казенных горных заводов Урала, принятая в 1871 г. [10; 12] Хотя в целом этот опыт приватизации в историографии получил негативные оценки, анализ динамики добычи золота на приватизированных приисках показал, что их эффективность после передачи в частные руки выросла. А в целом в горнозаводской промышленности Урала приватизация дала значительный положительный эффект.

По итогам выполнения проекта был сделан вывод о том, что ни одна из названных концепций не является универсальной для оценки развития уральской промышленности. Концепция «мобилизационной экономики» хорошо описывает влияние политической конъюнктуры (периоды войн), модель «периферийного капитализма» — влияние экономической конъюнктуры XVIII — первой половины XIX вв., модель «догоняющего развития» — политическую и экономическую конъюнктуру середины XIX — начала XX вв.

Список литературы

1. Курлаев Е. А. Военное производство на востоке России в XVII — начале XVIII вв. // Мир оружия: история, герои, коллекции. Сб. материалов VII Международной научно-практической конференции. 16–18 октября 2019 г. — Тула, 2020. — С. 304–313.
2. Курлаев Е. А. Металлургические заводы Урала XVII — начала XVIII вв. (организационный и технологический аспекты): Автореферат дис. ... канд. истор. наук / Ин-т истории и археологии УрО РАН. — Екатеринбург, 1998. — 21 с.
3. Курлаев Е. А. О статистике производства пушек на Урале в первой четверти XVIII в. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы XIV Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 16–17 ноября 2020 г. В 2 т. — Т. 1. — Екатеринбург, 2020. — С. 104–112.
4. Курлаев Е. А. Промышленное освоение Урала: о статистике производства боеприпасов // Двенадцатые Татищевские чтения: всероссийская научно-практическая конференция (Екатеринбург, 19–20 ноября 2019 г.): материалы. — Екатеринбург, 2020. — С. 377–385.
5. Курлаев Е. А. Формирование центров производства военной и металлургической продукции на Урале в XVII — первой четверти XVIII вв. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация в XVIII–XXI вв.: материалы XIII Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.: В 2-х т. — Екатеринбург, 2018. — Т. 1. — С. 53–62.
6. Рукосуев Е. Ю., Курлаев Е. А., Шумкин Г. Н. Горнозаводская промышленность Урала в XVIII — начале XX века: благородные металлы. — Екатеринбург, 2020. — 319 с.
7. Рукосуев Е. Ю. Рост заработной платы и расценок в горнозаводской промышленности Урала в годы Первой мировой войны // Вызовы времени и социально-историческое знание: теоретико-методологические, конкретно-исторические аспекты, практическое значение. Материалы седьмой ежегодной научной конференции кафедры Истории и социальных технологий УрФУ. 8 февраля 2018 г. — Екатеринбург, 2018. — С. 59–65.
8. Рукосуев Е. Ю. Шумкин Г. Н. Производство кирас заказа 1846 г. на Златоустовской оружейной фабрике // Вопросы истории. — 2020. — № 11 (2) — С. 69–81.
9. Рукосуев Е. Ю., Шумкин Г. Н. Золотодобывающая промышленность Урала середины XVIII — начала XX века: периоды развития // Исторический курьер. — 2020. — № 1. — С. 7–21.
10. Шумкин Г. Н. «Всеподданнейшие отчеты государю императору» о динамике производства Златоустовского горного округа в 50–70-х годах

XIX века // Архив в социуме — социум в архиве. Материалы региональной научно-практической конференции. — Челябинск, 2018. — С. 122–127.

11. Шумкин Г. Н. Векторы равного выпуска продукта как метод изучения индустриализации (на материалах железорудной промышленности России конца XIX — начала XX в.) // Экономическая история. — 2020. — Т. 16. — № 4. — С. 361–374.

12. Шумкин Г. Н. Государственное горнозаводское хозяйство Урала середины 1850-х — начала 1870-х гг.: динамика производства и причины приватизации // Российская история. — 2020. — № 5. — С. 59–76.

13. Шумкин Г. Н. Землевладение предприятий черной металлургии Урала в 1882–1911 гг.: масштаб, динамика, структура (по материалам публикаций Горного ученого комитета) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. — 2019. — № 3 (31). — С. 258–275

14. Шумкин Г. Н. Проблема качества чугунных орудий Каменского завода в середине XIX века // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв.: материалы XIII Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.: в 2х т. — Екатеринбург: УрО РАН, 2018. — Т. 1. — С. 260–272.

15. Шумкин Г. Н. Структура топливно-энергетического баланса предприятий черной металлургии Урала в конце XIX — начале XX века (по материалам «Сборников статистических сведений о горнозаводской промышленности России» 1882–1911 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. — 2020. — № 3 (35). — С. 173–193.

16. Шумкин Г. Н. Топливо-энергетические ресурсы черной металлургии Урала в конце XIX — начале XX вв. (по материалам «Сборников статистических сведений горнозаводской промышленности России» 1882–1911 гг.) // Genesis: исторические исследования. — 2019. — С. 55–70.

17. Шумкин Г. Н. Энерговооруженность труда в черной металлургии Урала в конце XIX — начале XX вв. // Историко-экономические исследования. — 2020. — Т. 21. — № 4. — С. 497–528.

18. Шумкин Г. Н., Шумкина Т. Г. Военное производство казенных горных заводов в отражении статистических обзоров Горного ученого комитета // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы XIV Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 16–17 ноября 2020 г. в 2 т. — Т. 1. — Екатеринбург, 2020. — С. 353–361.

ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. Бессолицын

СЪЕЗДЫ ГОРНОПРОМЫШЛЕННИКОВ ЮГА РОССИИ И УРАЛА: ВКЛАД В РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА НА РУБЕЖЕ XIX — XX ВВ.

Статья посвящена вкладу горнопромышленников Юга России и Урала в решение проблемы повышения качества человеческого капитала в условиях экономической модернизации на рубеже XIX–XX вв. В этот период образовательные технологии, прежде всего, специальное образование (техническое и коммерческое), начинают играть важную роль в подготовке кадров нового уровня, адекватных формирующейся в условиях модернизации конкурентоспособной промышленности.

Важную роль в организации промышленного образования, особенно нижнего и среднего уровня, государство отводило общественным организациям предпринимателей, в том числе, отраслевым съездам, которые объективно были заинтересованы в повышении качества человеческого капитала. Говоря о создании сети низших и средних горнотехнических школ, съезды горнопромышленников проводили определенную работу, направленную на развитие этого сектора образования. Однако главным препятствием к более масштабной работе в этом направлении оставался вопрос финансирования.

Ключевые слова: отраслевые съезды, человеческий капитал, техническое образование, финансирование.

The article is devoted to the contribution of the mining entrepreneurs of the South of Russia and the Urals to solving the problem of improving the quality of human capital in the conditions of economic modernization at the turn of the 19th–20th centuries. During this period, educational technologies, first of all, those in special education (technical and commercial), began to play an important role in the training of personnel of a new level, being adequate to the competitive industry that is being formed under the conditions of modernization.

An important role in organizing of industrial education, especially at the lower and middle levels, was assigned by the state to the public organizations of entrepreneurs, including industry conventions, which were objectively interested in improving the quality of human capital. Speaking about the creation of a network of lower and secondary mining schools, the conventions of mining entrepreneurs carried out certain work aimed at the development of

this sector of education. However, the problem of funding was still the main obstacle to more large-scale work in this direction.

Keywords: industry conventions, human capital, technical education, financing.

На рубеже веков Россия вступила в период экономической модернизации, что потребовало новых кадров для развивавшейся промышленности. Одним из ключевых процессов модернизации, в узком понимании, стало формирование адекватного ее требованиям человеческого капитала посредством быстрого развития массовых форм образования, прежде всего, связанных с распространением новых технологических знаний. В условиях бурного роста промышленного производства, появления новых для России отраслей, обострения конкуренции с ведущими европейскими странами образовательный уровень технических и рабочих кадров должен был соответствовать этим технологическим вызовам.

Известный общественный деятель, автор проекта закона о всеобщем образовании в России Е. П. Ковалевский, говоря о необходимости развития технического образования, подчеркивал: «Низкое состояние отечественного фабричного, заводского и ремесленного дела рядом с многочисленными усовершенствованиями, сложными машинами и орудиями, сделавшимися почти обязательными, как в крупной, так и в некоторых отраслях мелкой промышленности, ясно указывают на необходимость распространения среди населения технических и вообще теоретико-прикладных знаний, без которых народная производительность не может правильно развиваться и двигаться вперед» [6. с. 53].

Безусловно, речь шла о развитии не только всех форм общего образования, но и образования специального, ориентированного на подготовку конкретных кадров для меняющейся в условиях модернизации экономики страны. Прежде всего, это касалось постановки разного уровня профессионального образования (технического и коммерческого), получившего в литературе общее определение «промышленное образование». Впервые этот термин появляется в 1888 г. в связи с Высочайше утвержденными «Основными положениями о промышленных училищах». С этого времени можно говорить о создании системы среднего и низшего

профессионального образования в России. Хотя, как подчеркивает исследователь российского образования Э. Д. Днепров, «не стоит питать иллюзий относительно понятия “система”. Речь шла только о технических учебных заведениях, состоящих в ведении Министерства народного просвещения» [5, с. 576–577].

Основными положениями о промышленных училищах устанавливалось три типа учебных заведений: средние технические, низшие технические и ремесленные.

Средние технические училища должны были готовить техников и формировать у них знания и умения, необходимые им, как «ближайшим помощникам инженеров и других руководителей промышленного дела». Низшие технические училища должны были готовить десятников или мастеров. Ремесленные училища имели цель «практического обучения приемам какого-либо производства и сообщению знаний и умений, необходимых для осмысленной в сем производстве работы» [3, с. 21].

Недостатком этой системы являлось то, что в ней были установлены нормы только среднего и низшего образования, но ничего не говорилось о высшем техническом образовании. В России в конце XIX в. насчитывалось всего 4 высших технических вуза, в которых на 1 января 1898 г. обучалось чуть более 3,6 тыс. слушателей, а также несколько ведомственных вузов: Горный институт в Петербурге, Институт гражданских инженеров императора Николая I, электротехнический институт, институт инженеров путей сообщения императора Александра I и два политехнических вуза — в Варшаве и Киеве [12, с. 393–394].

Министерство народного просвещения разворачивалось крайне медленно, и за пять лет (1888–1893 гг.) число новых промышленных учебных заведений среднего и низшего уровня выросло незначительно. Были преобразованы два училища — в Красноуфимске и Иркутске; открыто два ремесленных училища — в Макарьеве и Одессе [5, с. 578]. Согласно переписи 1897 г., в стране всего насчитывалось 10 средних технических училищ, из которых половина была основана после 1894 г.; 11 низших технических училищ и 21 ремесленное училище.¹ По данным статистики

¹ Подсчитано по: Россия: Энциклопедический словарь. С. 394.

за 1890 г., на 22 510 фабриках и заводах Российской империи было только 482 технолога [4, с. 23].

Новый этап в развитии промышленного образования начинается с 1893 г., когда в связи с утверждением Программы экономического развития (Программа Витте), встал вопрос об учреждении новых типов учебных заведений, в соответствии с требованиями промышленности [9, с. 101–102]. Витте добился передачи в ведение Министерства финансов ряда уже существующих коммерческих учебных заведений, а также получил право учреждать новые коммерческие училища.

Особый интерес тема постановки промышленного образования вызвала среди отраслевых съездов предпринимателей, которые представляли интересы различных отраслей промышленности и начали активно учреждаться в 1870–1880-х гг. Следует отметить, что, хотя вопрос об участии отраслевых съездов в подготовке специалистов для нужд промышленности в литературе специально не рассматривался, в контексте изучения деятельности самих предпринимательских организаций второй половины XIX — начала XX вв. эта тема получила определенное освещение. В частности, роли отраслевых съездов в повышении качества человеческого капитала посвящены публикации автора статьи [1; 2], а вопросы подготовки технических кадров в Уральском регионе рассмотрены в монографии Е. Ю. Рукосуева, посвященной становлению и развитию съездов горно- и золотопромышленников Урала в конце XIX — начале XX в. [13].

В данной статье предпринята попытка рассмотреть более узкую проблему, связанную с финансированием профильных учебных заведений и участием в этом процессе ведущих горнопромышленных организаций Юга России и Урала.

Первыми заявили о себе съезды горнопромышленников Юга России, образованные в Харькове в 1874 г.; они же первыми заявили о необходимости развития специального образования (путем устройства горнотехнических училищ). Что касается уральских горнопромышленников, то они объединились позднее, в 1880 г., в Екатеринбурге. Появление этих представительных организаций во многом объяснялось темпами развития добывающих отраслей

промышленности. Особенно этот процесс усиливается на рубеже XIX–XX вв. По сведениям русского экономиста В. Т. Судейкина, одного из авторов «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона», добыча каменного угля в стране выросла с 331 млн. пуд. в 1894 г. до 1 773 млн. пуд. в 1913 г., т.е. на 436 %, и до 2 101 млн. пуд. в 1916 г. (без Домбровского района). Добыча железной руды выросла с 30–40 млн. пуд. до более чем 500 млн. Такой же подъем наблюдался в отношении других ископаемых [14, с. 31–32].

Надо заметить, что в целом Урал по темпам и объемам производства отставал от Юга России. По сведениям, приведенным проф. И. Х. Озеровым, Юг России выделял в начале XX в. на 27 заводах почти 80 млн. пуд. готового железа и стали, а Урал свои 24 млн. пуд. производил на 120 заводах [8, с. 7]. При этом производительность на Урале была ниже, чем на Юге: в расчете на одного доменного рабочего было выплавлено чугуна на уральских заводах 5 548 пуд., а на южных — 16 180; на одного рабочего произведено железа и стали на Урале 443 пуд., а на одном южнорусском заводе — 2 675 [8, с. 9].

Тем не менее, проблема повышения общей культуры и просвещения рабочего населения и на Юге России, и особенно на Урале стояла чрезвычайно остро. Как отмечает П. И. Фомин, изучавший историю становления и развития съездов горнопромышленников Юга России, эти представительные организации рассматривали открытие профессиональных училищ в качестве одного из важнейших условий для развития всей железодельной промышленности Юга. Правда, первая специальная школа (штейгерская в Лисичанске), была открыта при финансовой субсидии съездов только в 1896 г. [20, с. 41–42]. Следующее десятилетие (1896–1906 гг.) также оказалось в этом плане безрезультатным, о чем прямо указывалось в докладе, сделанном на XXX съезде, когда было заявлено, что «ничего не сделано в постановке среднего и низшего образования», а из всех постановлений съездов «ни одно не выполнено и положение вопроса остается почти таким же, как было 10 лет тому назад» [18, с. 1].

Лишь в 1910 г. на XXXV съезде вопросы постановки профессионального образования были, наконец, поставлены и рассмотрены

комплексно. В частности, был поднят вопрос о преобразовании Лисичанской школы в среднее горнотехническое учебное заведение, а также подготовлен ряд ходатайств, связанных с организацией горнозаводских школ разного уровня:

1. Об открытии низшей горнозаводской школы в Юзовке;
2. О субсидировании Горловского училища им. С. С. Полякова;
3. Об устройстве специальной школы для кочегаров и вечерних курсов для рабочих;
4. О скорейшем рассмотрении вопроса о преобразовании Екатеринославского высшего горного училища в Горный институт.

Наконец, были сформулированы поручения Совету съезда связаться с Учебным отделом Министерства торговли и промышленности, чтобы проработать вопрос о финансировании этих проектов и только после выделения средств приступить к их осуществлению [19, с. 12–13].

Таким образом, съезды горнопромышленников Юга России, понимали необходимость развития промышленного образования разного уровня, ориентированного на подготовку кадров для отрасли, однако, решение этого вопроса увязывали с финансированием от казны.

Организацию промышленного образования, прежде всего, низшего и среднего уровня, обсуждали и съезды уральских горнопромышленников. Вопрос о подготовке специалистов для горной промышленности Урала был поднят уже на первом съезде. При этом в качестве одной из основных проблем отрасли было указано на недостаток специалистов со средним техническим образованием [15, с. 21–23].

На «дурное управление уральскими заводами» как одну из причин упадка Урала указывал в своем исследовании проф. И. Х. Озеров. Он, правда, смотрел на проблему шире и увязывал ее не только с уровнем образования управленческих кадров, но также отмечал, что «во главе обычно стоят горные инженеры, лица, мало знакомые с коммерческой организацией предприятия, недостаточно обращающие на это внимания, зачастую не обладающие административными талантами...» [8, с. 18].

По мере развития техники и постепенной модернизации производства появляется острая необходимость иметь на заводах все больше квалифицированных кадров, причем не только мастеров и техников, но и рабочих. Поэтому вопрос о развитии горнотехнических школ становится предметом постоянного обсуждения на съездах. Помимо организации горнотехнических школ и горных училищ, съезды приняли активное участие в создании в Екатеринбурге Горного института, который должен был завершить систему подготовки технических специалистов для промышленных предприятий региона. Однако главное внимание в решении этого вопроса было сосредоточено не на финансировании самого учебного заведения, а на поддержке конкретных студентов, которые должны были обучаться в вузе и после его окончания вернуться на производство. Подобный подход приводил к тому, что решение, казалось бы, уже согласованных вопросов об открытии новых учебных заведений затягивалось на многие годы. В частности, указ об открытии на Урале Горного института с ежегодным приемом до 140 учеников, который начал обсуждаться еще в 1896 г. был окончательно одобрен лишь в марте 1915 г. на XX съезде [17, с. 379–380].

Именно отсутствие регулярного финансирования являлось главным препятствием к открытию в регионе новых технических школ. Нельзя сказать, что горнозаводчики не видели данной проблемы, более того, эти вопросы регулярно поднимались на съездах. Так, на пятом съезде (1896 г.) было обращено внимание на крайнюю недостаточность количества горнотехнических школ на Урале вообще и почти полное отсутствие низших профессиональных школ, которые готовили бы работников для отрасли. Высказывалось мнение о слабой работе Министерства народного просвещения, в ведение которого в 1879 г. были переданы заводские школы и окружные училища, в результате чего связь училищ с заводами прекратилась, а из их программ было исключено всё, что готовило учащихся к практической деятельности на производстве [16, ч. II, с. 90–91].

В основном за счет казны шло финансирование низших и средних технических и горнотехнических школ, открытых на основе Устава, утвержденного Министром народного просвещения

от 17 сентября 1889 г. Таких технических училищ, находившихся в ведомстве Министерства народного просвещения, на Урале было всего четыре: Красноуфимское промышленное, Воткинское механико-техническое (при Воткинском заводе), Златоустовское механико-техническое и Горнозаводское отделение при Пермском Алексеевском реальном училище. Из них прямое отношение к горной промышленности Урала имело только последнее, организованное по типу средних учебных заведений горнозаводской специальности. При поддержке съезда в 1911 г. педагогическим советом училища было возбуждено ходатайство о его преобразовании в Пермское среднее горнозаводско-техническое училище с приготовительным классом [17, с. 384–389].

Однако вопрос о преобразовании этого училища в окончательном виде был отложен в связи, как отмечалось, с «неурегулированностью» финансовых вопросов. Основную долю расходов на содержание училища несла казна. На эти цели ежегодно выделялось чуть более 21 тыс. руб. при необходимых 26,6 тыс. руб. Это недофинансирование сдерживало развитие училища; при этом съезды не спешили выделять необходимые средства на дофинансирование, мотивируя это решение тем, что на 1 января 1914 г. в горнозаводском отделении состояло всего 47 учеников, из которых уроженцами Пермской губернии были только 12 человек. Чтобы увеличить число учащихся и укрепить связь горнозаводского отделения с местным населением, было предложено открыть при нем приготовительный класс, в который могли бы поступать окончившие курс городских училищ. Пособие на это дело постановила выделить Пермская городская дума [17, с. 388–389].

Второе среднее техническое училище, которое также требовало преобразования, Уральское горное в Екатеринбурге, готовило техников по рудной и горнозаводской части. Училище также содержалось за счет казны и выпускало в год до 30 человек, которые работали не только на уральских предприятиях, но и на Юге России. При этом потребность в получении образования в Уральском горном училище была весьма высока и достигала 120–140 человек при приеме в 40–45. В докладе съезду рекомендовалось разделить преподавание специальных предметов на горный и металлургический

отделы с переоборудованием металлургической и физической лабораторий [17, с. 393–394].

Кроме того, на съезде обсудили ситуацию с постановкой преподавания в Нижнетагильском низшем четырехклассном техническом училище, открытом еще в декабре 1709 г. как «цифирная школа» при Невьянском заводе. В 1778 г. школа была переведена в Нижний Тагил и к концу XIX в. была преобразована на основании Устава, утвержденного Министерством народного просвещения в марте 1896 г., в горнозаводское училище. Попечительский совет училища ходатайствовал о преобразовании его из низшего училища в среднее, с горной и горнозаводской специальностью. Съезд уральских горнопромышленников поддержал это ходатайство [17, с. 400–402].

Результатом обсуждения проблем технического образования на Урале явились данные Совету съезда поручения, с тем, чтобы тот разработал ряд ходатайств с целью перевода этих училищ из ведения Министерства народного образования в ведение Министерства торговли и промышленности. Это решение, по мнению съездов, должно было с одной стороны расширить возможности средних горнотехнических училищ, усилить их специализацию, а главное — решить вопрос с их финансированием. Решение финансовых вопросов практически перекладывалось на казну, а также адресовалось Съездам деятелей по техническому образованию, земствам и городам Уральского края [16, ч. II, с. 113–115].

Промежуточные итоги решения проблемы промышленного образования в России подвел исследователь этого вопроса И. Максин, который опубликовал статью «К вопросу о реформе промышленного образования», где попытался оценить результаты этой работы более чем за 20 лет (с 1888 по 1910 гг.). Он пришел к выводу, что «... система промышленного образования через 20 лет своего существования мало удовлетворяет своему назначению». Автор указал на такие проблемы, как обеспечение учащихся заводской практикой, оптимальное сочетание общеобразовательных и специальных предметов, дифференциация школ в зависимости от степени развития промышленности разных районов страны и т.д. Кроме того, Максин указал на необходимость разработки общего плана преобразования промышленного образования [7, с. 36].

Главная проблема развития промышленного образования, как отмечалось в профильном журнале «Техническое и коммерческое образование», заключалась в том, что промышленные училища разного уровня не имели единого учредителя. Действительно, значительная часть этих специальных учебных заведений находилась в подчинении Министерства народного просвещения. Всего в его ведении на 1 января 1917 г. состояло 1817 профессиональных школ. В том числе: 6 высших учебных заведений, 45 средних и низших технических училищ, 30 ремесленных училищ. При этом в самом Министерстве подчеркивали, что наиболее целесообразный путь к возможно быстрому развитию профессионального образования заключается во всемерной и энергичной поддержке частной и общественной инициативы в этой области [11, с. 23–25]. После учреждения в 1906 г. Министерства торговли и промышленности к нему также перешли коммерческие и технические училища, политехнические и коммерческие вузы, которые ранее курировало Министерство финансов. В ведении Учебного отдела нового Министерства в 1913–1914 учебном году насчитывалось 794 профессиональных учебных заведений, включая и коммерческие. К 1915 г. их число возросло до 1045 (12 высших учебных заведений, 630 коммерческих училищ, торговых школ, классов и курсов, 69 технических и 13 горных учебных заведений, 21 ремесленная учебная мастерская, 89 сельских ремесленных учебных мастерских, 126 художественно-промышленных учебных заведений и 86 школ кройки и шитья) [11, с. 20–21].

Что касается горнопромышленников, то они после 1906 г. вошли в состав вновь образованных Съездов представителей промышленности и торговли, которые, в свою очередь, претендовали на то, чтобы представлять интересы всей промышленности, а также отдельных ее отраслей перед правительством и законодательными учреждениями. Тем не менее, главным образом эти съезды выражали интересы угольной, металлургической и нефтяной промышленности. Именно поэтому в Совете съездов доминировали харьковские и бакинские деятели. Интересы уральских горнопромышленников представляла Совецательная контора золота и платинопромышленников, образованная в 1903 г. в Петербурге,

а также член правления Южно-Уральского металлургического общества А. Л. Гринберг, который входил в состав избранных членов съезда [10, с. 1].

Однако вопросы технического образования в работе этих съездов, несмотря на то, что в годы Первой мировой войны проблема обеспечения промышленности квалифицированными кадрами чрезвычайно обострилась, практически оставались вне поля зрения. На этом фоне вклад съездов горнопромышленников в развитие профессионального образования можно оценить как незначительный. Признавая необходимость развития всех форм технического образования, при приоритете низших и средних учебных заведений, а также огромное значение практической направленности обучения, съезды крайне избирательно подходили к вопросу финансирования учебных заведений этого типа. Коллективное участие горнопромышленников в содержании специальных школ, как правило, не встречало сочувствия среди заинтересованных лиц. Подобная позиция негативно отражалась на решении в целом проблемы повышения качества человеческого капитала в условиях становления национальной конкурентоспособной экономики.

Список литературы

1. Бессолицын А. А. Государство и съезды предпринимателей в России (вторая половина XIX — начало XX в.) / ИРИ РАН. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. — 326 с.
2. Бессолицын А. А. Роль бизнеса в формировании человеческого капитала через развитие промышленного образования в России на рубеже XIX–XX вв. // Экономическая история. — 2017. — № 1 (36). — С. 77–91.
3. Гаршин Евг. Среднее техническое образование в его соотношении с общим // Техническое образование. — 1897. — № 1. — С. 21–24.
4. Григорьев-Александров М. По поводу одного взгляда на технологов // Техническое образование. — 1898. — № 3. — С. 19–25.
5. Днепров Э. Д. Российское образование в XIX — начале XX века. — Т. 1. Политическая история российского образования. — М.: Мариос, 2011. — 648 с.
6. Ковалевский Е. П. Образовательный ценз руководителей русских фабрик и заводов по официальным данным // Техническое образование. — 1893. — № 4–5. — С. 53–65.

7. Максин И. К вопросу о реформе промышленного образования // Техническое образование. – 1910. – № 1. – С. 28–43.
8. Озеров И. Х. Горные заводы Урала. – М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1910. – 79 с.
9. Представление С.Ю. Витте в Государственный Совет «Об изменении штатов Департамента торговли и мануфактур» 30 октября 1893 г. // Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. – М.: Наука, 2006. – Т. 4. – Кн. 1. – С. 47–135.
10. Положение об общеимперских съездах представителей промышленности и торговли. – СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1906. – 15 с.
11. Профессиональные учебные заведения ведомства Министерства народного просвещения // Техническое и коммерческое образование. – 1917. – № 2-3-4. – С. 20–27.
12. Россия: Энциклопедический словарь. СПб., 1898. Репринтное издание. Л.; Лениздат, 1991. – 922 с.
13. Рукосуев Е. Ю. Съезды горно- и золотопромышленников Урала в конце XIX — начале XX века: организация и направления деятельности. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. – 399 с.
14. Старый Профессор [Судейкин В. Т.] Император Николай II и его царствование (1894–1917) (По материалам, собр. старым профессором). – Ницца: Изд. кн. Дм. Дм. Оболенского, 1928. – 60 с.
15. Труды Первого съезда уральских горнозаводчиков. – Екатеринбург: Типолиитография Е. А. Полковой, 1881. – 95, VII с.
16. Труды XIX Съезда горнопромышленников Урала с 25-го по 28-е февраля 1914 г. в г. Екатеринбурге / Совет Съездов горнопромышленников Урала. – СПб.: Типолиитография «Якорь», 1914. – 136, 247 с.
17. Труды XX Съезда горнопромышленников Урала с 27 февраля по 3 марта 1915 г. в г. Екатеринбурге / Совет Съездов горнопромышленников Урала. – Пг.: Типолиитография «Якорь», 1915. – 556 с.
18. Труды XXX Съезда горнопромышленников Юга России. – Харьков: Б.и., 1906. – 779 с. разд. паг.
19. Труды XXXV Съезда горнопромышленников Юга России. – Харьков: Тип. Б. Бенгиса, 1911. – Т. 1. – Ч. 2: Доклады Съезду
20. Фомин П. И. Краткий очерк истории съездов горнопромышленников Юга России. – Харьков: Тип. и лит. М. Зильберберг и сыновья, 1908. – [8], 173 с.

К. Д. Бугров

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЦЕНТРОВ МЕДНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА: СИМВОЛИКА И ГЕРАЛЬДИКА¹

Настоящая статья посвящена проблеме отражения индустриальной идентичности современных центров медной промышленности Уральского региона (Красноуральск, Кировград, Верхняя Пышма, Ревда, Кыштым, Карабаш, Учалы, Сибай, Гай, Медногорск) в локальной символике этих городов — гербах и корпоративных эмблемах. Проанализированы важнейшие этапы складывания символики медных центров (дореволюционная, советская, постсоветская геральдика), выявлены различные стратегии позиционирования индустриальной идентичности городов посредством эмблем.

Ключевые слова: геральдика; медная промышленность; индустриальная идентичность; Урал.

This article is devoted to the problem of reflecting the industrial identity of the modern centers of the copper industry in the Ural region (Krasnouralsk, Kirovgrad, Verkhnyaya Pyshma, Revda, Kyshtym, Karabash, Uchaly, Sibay, Gai, Mednogorsk) in the local symbols of these cities — coats of arms and corporate emblems. The most important stages of the formation of the symbols of copper centers (pre-revolutionary, Soviet, and post-Soviet heraldry) are analyzed, and various strategies for positioning the industrial identity of cities through emblems are identified.

Keywords: heraldry; copper industry; industrial identity; Ural.

Металлургия меди является одной из крупнейших и старейших отраслей металлургии вообще, превосходя — в смысле своего исторического влияния на социальную и экономическую географию — любую другую отрасль цветной металлургии (за вычетом, быть может, золота и серебра). Нам известен ряд государств мира, для которых медная промышленность является фундаментом национального благосостояния, и в этих государствах целые провинции и большие города основывают свою идентичность на медной индустрии: достаточно назвать Чили и Конго.² Относится к числу

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 19-78-10095 «Индустриальная идентичность территорий России: уральские региональные сообщества и дискурс об Урале в культуре XVIII–XX вв.»

² В 1970-х гг. область Верхняя Катанга, где сконцентрирована конголезская медная индустрия, носила имя Шаба, в перевод с суахили — «Медь».

наиболее важных медных провинций мира и Уральский регион. И, хотя определяющим элементом в уральской идентичности является, пожалуй, черная металлургия, медь тоже занимает здесь почетное место.

На протяжении столетий карта медеплавильных центров Урала менялась; сегодняшняя география уральской меди практически не совпадает с той, которая существовала в XVIII–XIX вв. Крупные производства, связанные с производством меди, работают в 10 уральских городах; все они принадлежат либо «Уральской горно-металлургической компании» (УГМК), либо «Русской медной компании» (РМК). Карта медеплавильных городов Урала окончательно сложилась к середине XX в. Эти города можно разделить на несколько групп в зависимости от времени возникновения. Первая группа — это медеплавильные центры, возникшие на рубеже XIX–XX вв., до революции 1917 г. (Кыштым, Карабаш, Кировград). Вторая группа — медеплавильные центры, созданные в межвоенные годы (Красноуральск, Верхняя Пышма, Ревда). Третья группа — медеплавильные центры, созданные в послевоенный период: добывающие (Учалы, Сибай, Гай) и перерабатывающие (Медногорск). Помимо этих городов, географию медной индустрии формируют также рудники, шахты и горно-обогатительные комбинаты, не привязанные к крупным городам.

Предмет анализа настоящей работы — гербы и эмблемы, связанные с отмеченными центрами уральской медной индустрии.¹ Г. А. Туник предлагает следующие этапы развития «территориальных символов»: гербы, созданные до 1917 г.; советские и постсоветские гербы и, наконец, гербы, созданные после принятия регламентирующего федерального закона 2003 г. [12, с. 35]. Данную классификацию можно считать обоснованной, однако

¹ В статье описания ныне уже не действующих советских и постсоветских городских гербов даны на основе материалов веб-сайта heraldicum.ru — наиболее полного из известных собрания городских эмблем России и СССР. Эти данные, в свою очередь, ссылаются на материалы, собранные геральдистом В. Марковым, и на фундаментальный обобщающий каталог В. И. Меликаева и В. В. Сержана [7]. Описания ныне действующих гербов даются в соответствии с информацией, размещенной на официальных веб-сайтах соответствующих органов власти; такие описания по некоторым из областей Урала систематизированы в изданиях за авторством профессиональных геральдистов [2; 8]. Корпоративные эмблемы рассматриваются по материалам официальных веб-сайтов предприятий.

применительно к изучаемому нами материалу она требует определенной доработки.

Ни один из сегодняшних центров медной индустрии Урала не имел до 1917 г. городского статуса, а, следовательно, — и геральдической традиции. Однако для того, чтобы выяснить особенности развития индустриальной символики уральских гербов, следует обратиться, в первую очередь, к дореволюционной геральдике и эмблематике региона. По ряду причин промышленный профиль уральского хозяйства практически не находил отражения в системе городских гербов. Среди 43 городов Урала, получивших гербы до 1917 г. [13, с. 146–147], промышленная символика присутствовала только у трех: Екатеринбург («серебряная плавильная печь и рудокопная шахта»), Алапаевск («железный молот, которым выделывается железо») и Соликамск («соляной колодезь с опущенным в него ведром для вынужения соли») [1, с. 1, 40, 140]. В 1735 г. В. Н. Татищев разработал целую систему клейм для казенных заводов Урала [11, с. 187]: Екатеринбургский завод получил колесо (связанное, видимо, со святой Екатериной), Каменский завод — алхимическую эмблему железа (копье Марса), Полевской завод — эмблему меди (зеркало Венеры), Юговской завод — лук со стрелой, Северский завод — восьмиконечную Полярную звезду. Как правило, заводы использовали для клеймения своей продукции аббревиатуры своих названий — например, Кушвинский завод использовал буквы «К. З.», а Кыштымский завод — «Кыш. З.»; одна из таких аббревиатур имеет хождение и сегодня — «В.И.З.», обозначающая Верх-Исетский завод [4]. Конечно, имелись и исключения — Лысьвенский завод клеймил продукцию шуваловским единорогом, Северский завод — турчаниновской цаплей, заменившей татищевскую Полярную звезду, Воскресенский завод — соколом, а целый ряд заводов использовал знаменитого соболя. Однако подобные эмблемы составляли крохотное меньшинство. Дореволюционная геральдика была в своей основе лишена сложного подтекста и символики, и — хотя прямолинейность обычно считают качеством эмблем, созданных при социализме, — были вполне прямолинейными. Например, на гербе Глазова был изображен «человеческий открытый глаз, означающий имя сего города», на гербе Кургана —

«два серебряных кургана», а на гербе Верхнеуральска — горностаи «в знак изобилия оных» в городских окрестностях [13, с. 147]. Как замечает Е. В. Пчелов, система городских гербов Российской империи, как она сложилась к концу XVIII в., в основном представляла «занятия жителей», «природные обстоятельства» либо «гласные гербы»: «В целом для городской геральдики екатерининского времени характерны предельная ясность и очевидность» [10, с. 11].

В 1920-е гг. вчерашние заводские поселки начинают массово становиться городами. Несмотря на то, что о гербах в годы революционной ломки старых культурных основ общества речи не шло, вопрос о визуальной стороне символической политики, конечно, вставал в повестку дня. Что может символизировать индустриальный город? Индустрию вообще? Ответ вовсе не был очевидным. Характерный символизм татищевских эмблем уже был забыт; в качестве клейм уральские заводы, как правило, использовали аббревиатуры; своей геральдической традиции у новых городов не было, а та традиция, что имела, все равно отражала главным образом зоологическое разнообразие региона. В этой ситуации роль символов начали играть памятники новой, революционной, эпохи, начавшие появляться в уральских городах-заводах в 1920-х гг. Недаром на самых ранних эскизах гербов Ревды и Карабаша появляется одна и та же эмблема — силуэт памятника «Героям, павшим за революцию», изображающий рабочего с ружьем в одной руке и молотом — в другой. В 1920-х гг. по единому эскизу было отлито не менее 10-ти его чугунных экземпляров, установленных в старых заводских городах Урала — Златоусте, Карабаше, Каслях, Верхнем и Нижнем Уфалейх, Полевском, Сысерти, Ревде, Лысьве, в селе Армизонское (Тюменская область), а еще один — из цемента — был помещен в Карпинске. Эти памятники и становились зримыми выражениями советской идентичности старых заводских городов.

Годы индустриализации СССР изменили отношение к символическому аспекту индустриального: причиной тому было не только идеолого-пропагандистское доминирование соответствующей тематики, но и огромная, зачастую определяющая культурно-социальная роль, которую в условиях плановой экономики

играли конкретные промышленные предприятия.¹ На рубеже 1950-х — 1960-х гг. началась эпоха советского герботворчества (стоит, однако, заметить, что интерес к городской геральдике в СССР наблюдается в еще более ранний период, 1946–1947 гг.) [14, с. 104–107], и к концу советской эпохи своими гербами обзавелись почти все центры уральской медной индустрии. Герб Медногорска (1966) создали Ю. Т. Артамонов и Р. З. Алиев, поместившие на него узнаваемый профиль двух горных вершин, а также эмблемы градообразующих предприятий — «Уралэлектромотора» и Медногорского медно-серного комбината. Эмблему Кыштыма (1967) разработал А. И. Чичков, изобразивший две горные вершины, озерную гладь и оленя; вся эта комбинация была еще и вписана в силуэт анода, отсылавшего к медной специализации города, и шестерни, символизировавшей кыштымское машиностроение. Герб Сибая (1980), созданный А. Набиевым, изображал золотой ковш на фоне горных вершин, окруженный колосьями и элементом башкирского национального орнамента. Герб Красноуральска (1981) был разработан художником В. В. Зеленцовым, и в этом гербе доминировали промышленные символы — ковш красного «медного» цвета, обозначающий медеплавильную индустрию, и реторта, символизирующая химическую промышленность. Герб Верхней Пышмы (1983) был создан коллективом под руководством архитектора Л. П. Бандровской и целиком был основан на промышленной символической: анод и медная пластина — «Уралэлектромедь», колба — Уральский завод химических реактивов, изоляторы — Среднеуральская ГРЭС. Наконец, герб Ревды (1987) являл собой промышленную комбинацию с золотым ковшом, зубчатым колесом (половина которого представляла собой пилу, а другая половина — шестеренку), колосом и изображением соболя — безусловно, демидовского заводского клейма, «старого соболя». Нетрудно заметить, что двумя ключевыми темами,

¹ Е. А. Манжурич, характеризуя городские гербы советского времени, относит «серп и молот, шестеренку и колос, колбу и атомную орбиту» к проявлениям доминирующего символического языка, универсальным «советским символам», противоположенным «местным» и «национальным» [6, с. 119]. Важно, однако, заметить, что для индустриальных городов, не имевших не то что своих дореволюционных гербов, но и вообще символической традиции, шестеренки и колбы могут считаться вполне «местной» символикой.

присутствующими почти во всех этих эмблемах, являются стремление авторов отразить природно-ландшафтную и индустриальную специфику своего города. На всех гербах присутствуют индустриальные символы: ковш металлургов, колба либо реторта химиков. Особенно интересен тот факт, что в двух случаях (Верхняя Пышма, Кыштым) металлургия меди была представлена не ковшем, общим для советских металлургических эмблем, а анодом. Это было технологически точным изображением особенностей промышленного производства в этих городах, поскольку предприятия Верхней Пышмы и Кыштыма специализируются не на плавке, а на электролизе меди. На многих гербах присутствовали также символические изображения окружающего ландшафта, причем общим правилом можно считать следующее: встретить ландшафтно-природный символ на гербах городов Южного Урала можно было чаще, чем на гербах городов Среднего Урала. Высоты уральских гор, большие озера, река Урал — эти природные объекты присутствуют на гербах Медногорска, Кыштыма, Сибая. Если характеризовать данную политику в категориях современного португальского исследователя символического аспекта локальной идентичности К. да Сильвы,¹ то очевидным будет доминирование тематик природного окружения и локальной традиции хозяйственной деятельности.

К этой картине следует добавить и фирменные эмблемы, созданные медными предприятиями Урала. С 1967 г. СУМЗ использовал логотип, созданный В. Беляевым, — своеобразную комбинацию из двух треугольников и ромба, в которой «зашифрованы» буквы аббревиатуры названия завода. В Верхней Пышме «Урал-электромедь» выпустила несколько серий значков с начертанной особым стилем аббревиатурой УЭМ (один из таких значков был выполнен в форме анода); в 1990-е гг. на смену этим символам пришел логотип с начертанием «Элем», используемый и сегодня. Медногорский медно-серный комбинат имеет логотип, основанный на картографическом обозначении серы.

¹ К. да Сильва выделяет 4 базовых содержательных элемента городских гербов Португалии: природное окружение, локальная история, культурная специфика (включая религиозную), локальные традиции хозяйственной деятельности [15, с. 952].

Теперь кратко охарактеризуем трансформации геральдической символики в постсоветской России. Герб города Учалы (1993) изображает ящерицу¹ в короне на фоне зеленых гор, в верхней части герба помещался цветок курая. Позднее герб был изменен (2013): теперь ящерица стала золотой и утратила корону, место которой занял цветок курая — символ Башкирии, размещенный прямо над повернутой вправо головой ящерицы. Новый герб Ревды (1994) авторства художника и журналиста Ю. Шарова включал следующие элементы: ящерица в короне, скрещенные молоты, серебряная лента (река Ревда) и всё тот же демидовский «старый соболь». Позднее для Ревды был разработан новый герб (2002), автором которого стал А. К. Грефенштейн: здесь медведь и соболь (опять соболь, но теперь уже поднявшийся на задние лапы и утративший сходство с демидовским клеймом) поддерживают алхимический символ железа (Марс). Новый герб Сибая (1995) изображал бегущую куницу, национальный орнамент и соцветие курая — уже упоминавшийся элемент национального герба Башкирии. В 2004 г. герб был утвержден повторно, причем куница сменила направление своего бега. Вместо красно-золотых цветов советского герба теперь была использована башкирская бело-синезеленая гамма. Проект нового герба Верхней Пышмы (1998) был создан видным пышминским краеведом В. Г. Непомнящим вместе с художницей, специалистом в сфере промышленного дизайна М. И. Бызовой; герб изображал белого грифона в лазоревом поле. На этой базе А. К. Грефенштейном был разработан официальный герб (2001), изображавший всё того же грифона, держащего в лапе алхимический символ меди (зеркало Венеры).² Герб Гая (1999) изображает скрещенные молот и обушок, а также серебряную медеплавильную печь. Из общего ряда постсоветских

¹ История увенчанной короной ящерицы как символа Урала требует отдельного исследования. Учалы, принявшие герб одними из первых среди уральских городов постсоветской поры, удачно «застолбили» этот популярный символ, содержательно связанный, конечно, с главной «медной» фигурой уральского культурного наследия — бажовской Хозяйкой Медной горы.

² В 2002 г. М. И. Бызова написала картину «Мой город», изображающую важнейшие архитектурные и культурные доминанты Верхней Пышмы: церковь Успения Богородицы, мечеть имени имама Исмаила аль-Бухари, дворец культуры «Металлург», пруд, рудник и завод «Уралэлектромедь». Однако центральное место на холсте занял герб (в варианте А. К. Грефенштейна), утвержденный за год до того.

эмблем 1990-х гг. выбивается герб Карабаша (1997), разработанный А. Акуловым, Н. Дудиным, Ю. Окуловым и Э. Шамаковым. Здесь изображены узнаваемые силуэты шахты и медеплавильного завода (современного завода, а не стилизованной печи XVIII в.) на фоне золотых гор и красного неба, на берегу синего озера. Однако спустя 6 лет был утвержден новый герб Карабаша (2003), полностью заменивший индустриальную символику геральдическими символами: серебряный сокол («символ высоты духа, храбрости, веры, победы, величия») с черной головой, отсылающей к значению тюркского «кара баш», «черная голова»). Герб Кыштыма (2001) представляет собой образец «краеведческого» подхода. Он изображает «белый дом» над озером и на фоне двух зеленых гор, Сугомака и Егозы. Комбинация зеленых гор и синей озерной глади отсылает к реальному ландшафту той части Урала, в которой находится Кыштым (примерно от Кыштыма начинается уральская «страна озер», к которой с запада подходят отроги хребта, который здесь начинает набирать высоту), а «белый дом» и вовсе является точным изображением важнейшего архитектурного памятника города — усадьбы Демидовых, выстроенной в стиле классицизма в 1-й половине XIX в. Автором идеи герба выступила О. И. Сони́на — инженер-конструктор Кыштымского радиозавода, краевед, ныне преподающая в Центре детского (юношеского) технического творчества. Герб Кировграда (2004) изображает «восстающего волка» над зелеными горами (символизирующие гору Ежовую); интересно, что червлёные зубы волка «указывают на производство в городе твердосплавного инструмента». На гербе Красноуральска (2006) изображен «золотой тигель с червлёным расплавом в нем, из которого выходит золотая фигура в виде лилии, вместо среднего лепестка имеющая пламя», а также «острие, сложенное из 15 золотых беличьих шкурок». С боков композицию обрамляют золотые «леопардовые львы». Тигель на гербе символизирует металлургию, львы — «добычу и обработку золота и меди, а также производство серы, сопутствующее выплавке последней», а беличьи шкурки являются символом рудных богатств. Герб Медногорска (2008) был создан профессиональным геральдистом К. Ф. Моченовым. Здесь были сохранены две горные вершины (правда,

теперь они сравнивались по своей высоте), а также синяя лента реки Урал. Однако производственная символика была трактована принципиально иным образом: вместо эмблем заводов на гербе появились золотой горный молоток и красный камень.

Как показывает этот краткий обзор новых гербов, появившихся у медных городов Урала в постсоветское тридцатилетие, можно выделить две основные стратегии, связанные с тем, какие коллективные акторы занимались их созданием. Одна стратегия была связана с деятельностью краеведческого (в широком смысле) сообщества и исходила из того, что герб должен воплощать ключевые местные образы в виде узнаваемых символов: памятников архитектуры, природного ландшафта либо промышленной специализации. Эта стратегия была одновременно близкой к советской индустриальной геральдике и разительно от нее отличалась.

Вторая стратегия была связана с работой профессиональных геральдистов и одновременно — с систематизацией и кодификацией разработки гербов в России (в 1999 г. был создан Геральдический совет при Президенте РФ). Наибольшее распространение эта стратегия получила в Свердловской области, где с 1997 г. работала Уральская геральдическая комиссия, которую возглавлял В. К. Кондюрин; геральдистами выступали С. И. Ворошилин, Б. С. Слукин, А. К. Грэфенштейн, историки Д. А. Редин и Е. Ю. Рукосуев. Подавляющее большинство гербов Свердловской области было создано геральдистами. Принимали участие в создании уральских гербов и геральдисты из других городов страны. Данная стратегия подразумевала строгое следование правилам классической геральдики. Подготовленный в 2007 г. В. К. Кондюриным, А. К. Грэфенштейном и Е. Ю. Рукосуевым альбом «Официальные символы Свердловской области и составляющих ее муниципальных образований» получил высокие оценки в среде геральдистов [9].

Советская традиция закрепила индустриальные символы как базовый элемент символической идентичности. Даже после ревизии большинства советских эмблем (которая была вовсе не легкой и быстрой, поскольку, как можно судить по откликам самих профессиональных геральдистов, привычные и понятные индустриальные символы имели своих сторонников) вектор, заданный

в советское время, оставался доминирующим: геральдика XVIII в., оказавшаяся индифферентной к промышленной специализации Урала, была замещена характерной индустриально-природной символикой времен социализма. Создание гербов по правилам соответствующего искусства, безусловно, виделось масштабным культурным проектом, призванным заместить прямолинейно-грубоватую советскую символику и, разумеется, не исчерпывавшимся лишь наделением муниципалитетов региона эмблемами для официальных бланков, сайтов и значков. Этот проект был ориентирован на создание нового языка символов. Индустрию в нем символизировали не ковши и реторты, а стилизованные кирки, молоты и тигли либо алхимические символы. Но создание таких геральдических эмблем не означало и восстановления прерванной советским периодом традиции: подавляющее большинство городов Урала не имели до революции городского статуса и, соответственно, герба. В интервью с геральдистами на рубеже 1990-х и 2000-х гг. журналисты, как правило, задавали один и тот же вопрос: почему новые гербы такие непонятные? Но смысл создания нового символического языка именно в том и заключался, чтобы новые символы и эмблемы поддавались расшифровке лишь при использовании особого ключа, знания скрытых значений визуальных образов, проникновения в своеобразную тайнопись. И хотя новейшую отечественную геральдику часто характеризуют как возрождение дореволюционной традиции, геральдический проект XXI в. стал именно новым языком, отличающимся как от зоологическо-бытовой ясности (птицы, рыбы, ульи) гербов XVIII в., так и от производственной однозначности (реторты, ковши, электроды) гербов советского времени.

Неудивительно, что медная специализация в новой геральдике уральских городов оказалась представлена разными способами. Казалось бы, стоило ожидать, что «зеркало Венеры», символически обозначающее медь, будет часто встречаться на гербах центров медной индустрии Урала.¹ Однако оно появляется лишь единожды —

¹ Например, целый ряд шведских городов, исторически связанных с металлургическими производствами, в XX в. обзаводились гербами, в которых индустриальный профиль подчеркивался с помощью астрологических символов — например, в гербе Фалуна (1932) использовано «зеркало Венеры», а в гербе Карлскоги (1940) — «копье Марса».

на гербе Верхней Пышмы (появляется этот символ и на гербе Полевского [3, с. 82], основанного когда-то в качестве медеплавильного завода, но к XX в. утратившего этот хозяйственный профиль). Совершенно не представлено «зеркало Венеры» и в эмблемах медеплавильных заводов и компаний Урала — это тем более интересно, что именно этот символ используется в логотипах крупнейших медных компаний, таких, как «Codelco» (Чили) и «Gecamines» (Демократическая Республика Конго). Однако популярность в Верхней Пышме, официально называющей себя «медной столицей» Урала, приобрело не «зеркало Венеры», а грифон. Придуманный местным краеведческим сообществом, доработанный профессиональными геральдистами, этот фантастический зверь быстро стал узнаваемым символом — так, один из ведущих новостных Интернет-порталов города называется GrifonInfo. Здесь, возможно, сказывается определенная популярность грифонов как символов (они также присутствуют на гербах исторического факультета Уральского государственного педагогического университета, Уральского государственного экономического университета, ведущего баскетбольного клуба области «Урал»), которая усиливается еще и тем фактом, что эти существа присутствуют и на гербе Свердловской области.

Другим ярким примером «нарратива» медеплавильной индустрии на языке геральдических символов является герб Красноуральска. Сам Красноуральск, хотя и был создан как одна из новостроек первой пятилетки, не обладал собственной краеведческой традицией с доминантами типа кыштымского «белого дома». Важнейшим памятником города считается монумент первой плавке, представляющий собой округлой формы металлургический ковш, установленный на постаменте близ проходной Красноуральского медеплавильного комбината. И центральным элементом нового герба оказалось — как и в предыдущем случае — изображение медеплавильного производства, только теперь прямолинейное изображение заводского ковша уступило место символическому отображению в виде плавильного тигля (он даже выглядит более похожим на ковш-памятник, чем красный ковш с рисунка Зеленцова), поддерживаемого золотыми львами — пролетарскую символику сменила более тонкая, «алхимическая».

В Гае же медеплавильная индустрия была представлена геральдическими средствами куда прямолинейнее: скрещенные молоты и медеплавильная печь с хорошо узнаваемой дымовой трубой. Таким образом, все три случая прямой репрезентации медной индустрии на гербах уральских городов используют разные эмблемы — «зеркало Венеры», золотые львы с тиглем и молоты с печью.

Совершенно иная ситуация с гербом другого центра медной индустрии — Ревды. Он украшен эмблемой железа, хотя именно в этом городе расположен крупнейший Среднеуральский медеплавильный завод (СУМЗ). Однако герб отражает историю более раннего периода истории Ревды, являвшейся в XVIII–XIX вв. центром производства железа. Не только герб, но и историческая справка о городе, его гимн, размещенные на официальном сайте Ревдинского городского округа, полностью игнорируют медную тему. Очевидно, часть городского сообщества не склонна растворять городскую идентичность в производственной.

Интересно заметить также, что многие из предприятий региона до сих пор сохраняют свои заводские эмблемы, появившиеся еще в советское время. Так, УГМК, созданная в 1999 г. и объединяющая большинство уральских предприятий медного профиля, обладает собственной узнаваемой корпоративной символикой: кольцо расплавленного металла характерного красно-оранжевого цвета. Вместе с тем, входящие в корпорацию «Уралэлектромедь» и СУМЗ продолжают использовать несколько модернизированные старые эмблемы. Другой ведущий производитель меди на Урале — «Русская медная компания» (РМК) — с 2013 г. использует единый для всех предприятий корпорации логотип в форме кристалла меди, объединяющий цвета российского флага с разными оттенками «медного» красно-оранжевого. В 2020 г. стараниями РМК в Екатеринбурге появился и, возможно, крупнейший визуальный символ отечественного медного производства: здание штаб-квартиры корпорации, разработанное архитектурным бюро Н. Фостера. Цвет здания, ставшего одной из эффектных доминант центра Екатеринбурга — всё тот же узнаваемый медно-оранжевый.

Гербы центров медной металлургии Урала отражают сложное взаимодействие двух символических стратегий, которые мы,

с долей условности, назвали краеведческой и геральдической; взаимодействие не только между собой, но и с предшествующей советской традицией, продолжающей оказывать влияние на создание новых эмблем. Кроме того, процесс создания гербов и эмблем в XXI в. столкнулся с другим процессом — брендингом и созданием коммерческих логотипов. Сложное соотношение разных визуальных стратегий территориального символизма — городские гербы, заводские эмблемы, корпоративные бренды — оказывает непосредственное влияние на формирование и развитие современной региональной идентичности «Большого» Урала.

Список литературы

1. Винклер П. П., фон. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи. — СПб.: Тип. И. М. Комелова, 1899. — 530 с.
2. Грешенштейн А. К., Кондюрин В. К., Рукосуев Е. Ю. Официальные символы Свердловской области и составляющих ее муниципальных образований. — Екатеринбург: Средне-Уральское книжное изд-во, 2007. — 399 с.
3. Кирьянов И. К., Назукина М. В. Символика недропользования в современной геральдике и брендинге уральских городов // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. — 2020. — № 2. — С. 76–88.
4. Корепанов Н. С., Рукосуев Е. Ю. Клейма уральских заводов XVIII–XIX вв. — Екатеринбург: НИСО УрО РАН, 2004. — 92 с.
5. Малкова И. Г. Символические репрезентации уральских городов // Уральский исторический вестник. — 2008. — № 1. — С. 8–13.
6. Манжурин Е. А. Воображаемая преемственность: дореволюционное геральдическое наследие в советской городской символике (1953–1991) // Вестник Пермского университета. История. — 2015. — № 3. — С. 116–122.
7. Меликаев В. И., Сержан В. В. Каталог современных городов, поселков и сел СССР: В 6 ч. / Всесоюз. объединение клубов фалеристов, Секция геральдистов. — Минск, 1989–1991.
8. Моченов К. Ф., Туник Г. А. Официальные символы Челябинской области и муниципальных образований. — М.: Русский раритет, 2004. — 296 с.
9. Печуркина Р. Все МО теперь с гербами! // Областная газета. 23 ноября 2010 г.
10. Пчелов Е. В. Городская геральдика дореволюционной России: основные тенденции исторического развития // Вестник РГТУ. — 2018. — № 4. — С. 109–116.
11. Рукосуев Е. Ю. Очерк истории Северского завода (XVIII — начало XX вв.) // Годы поисков и свершений: кафедра Истории науки и техники УГТУ-УПИ — УрФУ в 1999–2014 гг. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2015. — С. 186–197.

12. Туник Г. А. Современная российская геральдика как фактор отражения специфики Российского государства: историко-политологический анализ. Автореф. ... д-ра полит. наук. – М., 2008. – 54 с.
13. Уральская историческая энциклопедия. – Изд. 2-е, перераб. и доп. / Гл. ред. В. В. Алексеев. – Екатеринбург: «Академкнига», 2000. – 640 с.
14. Яшук А. В. Городская геральдика советской Украины в проектах управления по делам архитектуры 1946–1947 гг. (по материалам ЦДАВО Украины) // Гиля: Научный вестник: сб. науч. тр. – 2015. – Вып. 102. – С. 104–107.
15. Silva C. M., da. Geodiversity and Sense of Place: Local Identity Geological Elements in Portuguese Municipal Heraldry // Geoheritage. – 2019. – № 11. – P. 949–960.

Е. В. Годовова

О ЗОЛОТОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ЗЕМЛЯХ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

В статье дается характеристика развитию золотопромышленности на землях Оренбургского казачьего войска. Опираясь на архивные данные, автор приходит к выводу, что в развитии золотопромышленности на войсковых землях были заинтересованы все: государство — в пополнении казны, войско — в увеличении войсковых и станичных капиталов, казаки — в возможности дополнительного заработка. Однако все попытки властей увеличить выделяемые государством субсидии на добычу золота на территории Оренбургского казачьего войска не имели результата, и количество действующих приисков к концу XIX в. сокращалось. Кроме того, хищническое использование золотодобытчиками приисковых местностей ухудшало экологическую обстановку.

Ключевые слова: *Е. Ю. Рукоусев, Оренбургское казачье войско, оренбургское казачество, золотопромышленность, Оренбургская губерния, добыча золота.*

The article characterizes the development of the gold industry on the lands of the Orenburg Cossack host. On the basis of archival data, the author comes to the conclusion that everyone was interested in the development of the gold industry on the host lands: the state — in replenishing the treasury, the host — in increasing the host and stanitsa capitals, the Cossacks — in the possibility of additional earnings. However, all the attempts of the authorities to increase the subsidies allocated by the state for the extraction of gold on the territory of the Orenburg Cossack host had failed, and the number of mines in active work by the end of the 19th century decreased. In addition, the rapacious use of gold mining sites by gold-diggers worsened the environmental situation.

Keywords: *E. Yu. Rukosuyev, Orenburg Cossack host, Orenburg Cossacks, gold industry, Orenburg province, gold mining.*

В 2000 г., когда я только начала изучать историю оренбургского казачества, в одном из сборников по итогам конференции я прочитала статью Евгения Юрьевича Рукосуева о развитии золотодобывающей промышленности на землях Оренбургского казачьего войска [5]. Именно эта публикация способствовала тому, что один из аспектов моей работы над кандидатской диссертацией был связан в дальнейшем с исследованием этой проблемы.

По природным богатствам своей территории Оренбургское казачье войско (далее — ОКВ) занимало третью позицию среди всех казачьих войск — после Донского и Кубанского. Приток населения и капиталов способствовал их активной разработке. Особенное развитие получила здесь, в частности, золотодобывающая промышленность.

В 1835 г. по ходатайству Оренбургского военного губернатора В. А. Перовского для увеличения войсковых доходов правительство даровало войску права на недра в пределах занимаемой им территории. Но казна оставила за собой право распоряжаться допуском частных лиц к разработке золотоносных залежей и получения добытого драгметалла, ежегодно перечисляя ОКВ взамен из Государственного казначейства 42 857 руб. серебром (150 тыс. руб. ассигнациями) [4, с. 15]. Войско стало получать эти деньги в том же году, но поиски золота на землях ОКВ, предпринятые казною в 1835, 1836 и 1837 гг., дали неважные результаты. В 1842 г. было утверждено Положение Комитета министров о разрешении частным лицам, в том числе и самим казакам ОКВ, вести поиск золота и основывать прииски на земле Оренбургского войска. Разработка россыпей и добыча золота осуществлялась по правилам, применяемым к частной золотопромышленности на казенных землях Сибири. Предпринимателю, получившему свидетельство на право заниматься добычей золота, давалось 5 лет на поиски залежей и 12 — на их разработку; по истечении этого срока россыпь возвращалась в казну.¹

¹ ПСЗ-2. Т. XVII. № 16259.

Добыча золота на казачьих землях началась в 1843 г. Его первооткрывателем и заявителем на прииск стал хорунжий ОКВ Павел Егорович Колбин, который получил разрешение на освоение залежей, так как «воспользовался сим дозволением по высочайшему повелению и в уважение того, что он первый о том стал ходатайствовать» [1, с. 395–396], хотя Министерство финансов в 1844 г. запретило выдавать свидетельства на разработку золотых приисков лицам, служащим в ОКВ: по закону о золотопромышленности чиновники Оренбургского края не имели права заниматься золотодобычей. В том же 1843 г. открытые П.Е. Колбиным два прииска дали свыше 10 фунтов золота, а в 1859–1860 гг. ставший к тому времени есаулом Павел Колбин заявил об открытии им приисков в районе р. Черной и в устье р. Каменки.¹

Новые прииски появились на землях Кундравинской, Травниковской и Уйской станиц, но наибольшую известность получил прииск, открытый купцом П.Е. Бакакиным и расположенный в районе поселка Кочкарь Кособродской станицы. Этот прииск, названный Каменно-Павловским, с 1845 по 1894 г. дал 87 пудов 33 фунта золота [4, с. 16]. Особенностью Кочкаря было то, что здесь добывалось и россыпное, и жильное золото [5, с. 32]. К 1875 г. в Кочкарском районе, по сведениям В.К. Павловского, действовало уже 70 приисков [4, с. 16].

В 50-х гг. XIX в. были открыты золотые прииски в вершине реки Сувундук, а затем в ее низовьях, при впадении в р. Урал; наиболее богатые из них принадлежали Колчину, Рязанову и Казицыну. В 1852–1853 гг. действовали также Петропавловские войсковые прииски, управляемые подполковником Карповым.² В 1851 г. были произведены отводы земель ОКВ под следующие прииски: Андреевский, заявленный надворным советником Шухуриным, Спасский — уволенным от службы статским советником Шиповым, и Александровский, — екатеринбургским купцом второй гильдии Зотовым. Но разработка этих залежей началась лишь в 1858 г.³

¹ Оренбургские губернские ведомости. 1859. № 42; 1860. № 7.

² ГАОО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 730. Л. 1.

³ Там же. Ф. 185. Оп. 1. Д. 8. Л. 3 об. — 4 об.

В 40-е гг. XIX в. Войсковое правление по предложению военного губернатора генерала В. А. Обручева потребовало с частных золотопромышленников плату не только за недра, но и за поверхность земли, занятой под прииски. Министерство финансов, рассмотрев данный вопрос, 3 марта 1847 г. постановило взимать ежегодно с предпринимателей по 3 руб. серебром за десятину луговой земли и по 1 руб. 35³/₄ коп. серебром в год за десятину нераспаханной пахотной земли. Кроме того, за землю, подготовленную под посев, надлежало уплатить единовременно 4 рубля серебром за десятину.¹

Однако после принятия закона от 3 марта 1847 г. возникли споры между казаками и золотопромышленниками. В 1855 г. генерал-адъютант В. А. Перовский обратился к министру финансов с жалобой от казаков на злоупотребления со стороны золотопромышленников, так как последние за удобную землю выплачивали меньше денег, чем положено по закону. Казаки требовали от предпринимателей выплаты не только за луговые и пахотные земли, но и за сенокосные. Министр финансов статс-секретарь П. Ф. Брок отверг притязания казаков, сказав, что оренбургские золотопромышленники получают небольшую прибыль от своего промысла, потому что на землях ОКВ немного золотоносных пластов, денег же выплачивают достаточно и войску, и казне, следовательно, «частные золотопромышленники своей деятельностью удовлетворяют потребности государства и об увеличении взимаемых с них платежей не может быть и речи».

Войсковое правление имело претензии и к горному начальству. Поэтому генерал-губернатор В. А. Перовский, обращаясь к министру финансов, ходатайствовал вменить горному начальству следующие обязанности: предписать землемерам не приступать к отводам площадей золотопромышленникам до согласования с жителями; запретить отводы осенью, когда выпадет снег; в плане отвода подробно обозначать количество земель, отведенных под прииск, соблюдать нормы отвода (250 кв. саж. на прииск); обязать предпринимателей вносить годовую плату за землю в войсковые

¹ РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Т. 3. Д. 7. Л. 2–8; ПСЗ-2. Т. XXII. № 20963.

или станичные суммы в полном объеме (с учетом качества земли) и домохозяевам — за использование земли под домами и огородами казаков. Министр предписал Главному начальнику Уральских заводов исполнить предложенные В. А. Перовским меры для устранения недоразумений, возникающих между горными чиновниками и оренбургскими казаками в результате отвода площадей под золотые прииски [2, с. 222–227].

Однако данное обязательство золотопромышленниками не выполнялось. В 1856 г. бывший депутат (т.е. выбранный от общества для наблюдения за ходом дела — *Е. Г.*) по отводу площадей под золотые прииски, войсковой топограф Вечёрин сообщил в Войсковое правление, что золотопромышленник Рязанов, управляющий Шырымскими приисками, расположенными в Уйской даче, накопил на земле, отведенной под промысел, 28 стогов сена, не заплатив при этом войску. При рассмотрении данного обстоятельства Войсковым правлением выяснилось, что Рязанов с момента открытия им прииска в 1847 г. не внес ни копейки в «общественную станичную сумму» за 250 тыс. квадратных сажень земли, занятых под прииск. Горный исправник Частных золотых промыслов I-го округа уведомил полковое правление, что всем золотопромышленным управлениям «предписано вовремя вносить надлежащую плату и ему не известно, почему предприниматель Рязанов не исполняет предписания».¹ Подобную безнаказанность предпринимателей можно объяснить тем, что деятельность оренбургских золотопромышленников поощрялась правительством.

О каждом новом прииске на землях ОКВ Главный начальник Уральских заводов сообщал Оренбургскому генерал-губернатору, причем указывал не только название и площадь прииска, но и качество земли. Сам же золотопромышленник или его доверенное лицо в полковом правлении оставляли о себе следующие сведения: звание, имя, фамилия, число рабочих, место проведения разведки и количество золота в 100 пудах промытого песка. Все эти подробности полковые правления сообщали в Войсковое правление, а оно, в свою очередь, докладывало генерал-губернатору.

¹ ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 3а. Л. 11.

В течение 1857 г. было сделано 23 доклада о 23 приисках с содержанием золота в 100 пудах промытого песку от 9 до 30 долей [2, с. 449].

Всего к 1865 г. на земле ОКВ, по данным В. К. Павловского, действовало 140 приисков, на которых за 21 год было добыто золота 951 пуд 32 фунта, а правительство за это же время внесло в войсковую казну 899 997 руб. серебром [4, с. 98].

Таким образом, в развитии золотопромышленности на землях ОКВ были заинтересованы все: государство — в пополнении казны, войско — в увеличении войсковых и станичных капиталов, казаки — в возможности дополнительного заработка. Но со временем количество действующих приисков на территории ОКВ стало сокращаться. Причиной этого было столкновение интересов золотопромышленников и оренбургских казаков [3, с. 23], так как добыча золота на землях ОКВ вызывала их повреждение, ухудшала экологическую обстановку.

Достаточно часто оренбургские казаки обращались с жалобами на золотопромышленников, отмечая, в частности, разрушение ими природной среды на станичных землях. Так, в 1909 г. жители Третьяковского поселка подали в Войсковое хозяйственное правление жалобу на то, что рядом с их поселком есть лог¹ под названием «Кардонный», впадающий в р. Гумбейку. Раньше, т.е. до открытия здесь прииска и начала работ, этот лог был пуст. Но после того как в двух с половиной верстах от этого лога золотопромышленником Закиром Рамеевым была поставлена машина для промывки золота, овраг переполнился илом, который, попадая в р. Гумбейку, делал ее воду мутной и непригодной для питья.²

Согласно статье 717 Устава Горного, горнопромышленники были обязаны производить работы так, чтобы они не представляли опасности для жизни и здоровья рабочих и соседних жителей, поэтому Войсковое хозяйственное правление, рассмотрев жалобу, постановило:

Во-первых, назначить для исследования дела на месте Комиссию под председательством помощника атамана 2 отдела в составе: участкового врача и атамана Магнитной станицы, доверенных

¹ Лог — здесь: овраг с пологими задернованными склонами и плоским дном.

² ГАОО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 275. Л. 1.

от Требиатского поселка, владельца золотопромывательной машины господина Рамеева и представителя от местного горного надзора или полиции;

Во-вторых, если по произведенному комиссией на месте осмотру, подтвердится жалоба требиатцев, то Комиссия должна будет представить поселковому обществу соответствующие акты, а с господином Рамеевым будут разбираться в судебном порядке.¹

Закончив работу, Комиссия пришла к выводу, что в результате работы золотопромывательной машины в реке Гумбейке вода не только мутная, но и содержит ртуть и другие вредные примеси, что, естественно, делает ее непригодной для питья.² Было ли возбуждено против золотопромышленника Рамеева дело, из документа не ясно, но факт загрязнения окружающей среды в районах приисков был налицо. В своей статье «Золотопромышленный кризис в войске» горный инженер М. Попов отмечал: «Когда вы подъезжаете к золотопромышленному поселку, то за много верст видно уже кучи, а иногда и целые горы желтого, красного и белого цвета, бесчисленное множество дудок, канав и ям, расположенных без всякой системы. Одним словом, здесь был золотопромышленник».³

Список литературы

1. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. – Вып. 10. – Оренбург, 1910. – 472 с.
2. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. – Вып. 12. – Оренбург, 1915. – 817 с.
3. Махрова Т. К. Казачье хозяйство Оренбургской губернии. – Челябинск: Еманжелинская городская типография, 1999. – 96 с.
4. Павловский В. К. Оренбургская золотопромышленность за 100 лет, правовые отношения к ней Оренбургского казачьего войска и современное положение золотопромышленности вообще. – Екатеринбург: Типогр. газеты «Урал», 1905. – 100 с.
5. Рукосуев Е. Ю. Добыча золота на землях Оренбургского казачьего войска // Казачество Оренбургского края XVII–XX вв. Сб. науч. тр. – Оренбург: Оренбург. гос. пед. ин-т, 1992. – С. 31–33.

¹ ГАОО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 275. Л. 1 об.

² Там же. Л. 13 об.

³ Оренбургский казачий вестник. 8 ноября 1917 г. № 73.

**ОТ ТЕЛЯТНИКОВ К БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОМУ
ИНСТИТУТУ: ИЗГОТОВЛЕНИЕ ОСПЕННЫХ
ВАКЦИН ЗЕМСКИМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ
ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ**

В статье рассматривается проблема изготовления животных противоспешных вакцин в учреждениях, основанных земствами Пермской губернии. Показаны многочисленные малорезультативные попытки наладить работу оспенных телятников. Прослежено становление производства оспенного детрита на базе бактериологического института при Пермской губернской земстве.

Ключевые слова: вакцинация, оспенный телятник, бактериологический институт, земство, натуральная оспа.

The article examines the problem of manufacturing anti-inflammatory vaccines in institutions founded by the zemstvos of the Perm province. Numerous unsuccessful attempts to establish the work of smallpox calf-sheds are shown. The formation of the production of smallpox detritus on the basis of the bacteriological Institute at the Perm Provincial Zemstvo is traced.

Keywords: vaccination, smallpox calf-sheds, bacteriological institute, zemstvo, smallpox.

Для человечества коровья оспа была первой предохранительной вакциной, и с начала XIX в. она стала входить в повседневный обиход людей во всем мире. Однако через полвека после открытия Э. Дженнера, к середине XIX в. в оспопрививании наметились кризисные черты, прежде всего, связанные с качеством прививочного материала. Оказалось, что такая обыденная процедура, как прививка предохранительной оспы «с ручки на ручку» гуманизированной (т.е. взятой у человека) лимфой таит в себе опасность переноса от донора реципиенту серьезных заболеваний — сифилиса и рожи [1, с. 63]. Тем более что человеческой лимфы для массовой вакцинации не хватало; нужная «ручка» с «оспенной материей» имела в распоряжении врачей и оспенников не всегда; присылаемый в провинцию в «стеклышках» из воспитательных домов Москвы и Санкт-Петербурга «оспенный материал» быстро портился, иногда плохо прививался.

Начались эксперименты с получением животных вакцин, однако довольно скоро выяснилось, что коровья оспа — заболевание достаточно редкое, соответственно, и добыть такой прививочный материал в большом количестве не удастся. По данным И. А. Веревкина, в России она встречалась на коровах в Харьковской, Курской, Полтавской и некоторых других губерниях [1, с. 71]. Но на Урале, когда по предложению врача И. И. Моллесона в 1870-х гг. Шадринское земство для «обновления» вакцины учредило премию в размере 5–10 рублей «за объявление натуральной оспы на корове», болезнь обнаружить не удалось, и награда осталась невостребованной [5, с. 3]. Из положения решено было выходить, прививая телятам человеческую лимфу. Она прививалась у них не хуже собственной коровьей, но оказалось, что через обратную прививку к людям от животных переходят возбудители не менее опасных болезней — чаще всего, туберкулеза и ящура. Высокую степень прививаемости как к другому теленку, так и к человеку дает, как правило, только лимфа, непосредственно взятая из свежих оспин с живота привитого теленка, а ее хранение и пересылка вредно влияют на качество прививного материала. Требовалась массовая, качественная, долго не теряющая своих свойств вакцина.

Дискуссии о том, каким путем улучшить оспопрививание, пришли на годы создания в России земства, к которому как учреждению ведавшему «народным здравием», перешла и вакцинация. И. И. Моллесон, докладывая в 1872 г. первому съезду врачей Пермской губернии о реформировании оспенного дела, ориентировался на животную лимфу [4, с. 1]. 4 сентября того же года Пермское губернское земство открывает оспенный институт (телятник). Его возглавил большой энтузиаст вакцинопрофилактики Михаил Михеевич Первушин. Писать доступные народу брошюры и «открытые листы» о привитии детям предохранительной оспы он начал, будучи священником. Тогда же он установил контакт с Вольным экономическим обществом (ВЭО). До передачи дела земствам именно оно курировало в России постановку предохранительных прививок от натуральной оспы и охотно спонсировало издания М. М. Первушина [11; 12]. Занявшись организацией губернского телятника, он оставил духовный сан. К 1 ноября того же года ему

удалось привить 24 теленка, с них было снято 709 трубочек оспенной лимфы, из них 559 разослали по уездам [2, с. 135]. Окрыленные первым успехом, земцы на следующий год назначили институту смету в 1500 руб. и собирались арендовать для снятия детрита уже сотню телок [15, с. 336]. В этом же году Шадринское уездное земство в селе Верхтеченском открывает собственный телятник [5, с. 3]. Получение же животной лимфы в губернском стало осуществляться с переменным успехом. В ноябре-декабре 1873 г. оспа не привилась ни на одном из семи находившихся в институте телят, несмотря на упорные повторные попытки. В январе-феврале 1874 г. ее, хотя и «не совсем удовлетворительно», удалось привить всем шести вновь поступившим телятам. Лимфы, которую удалось с них снять, хватило на заполнение 791 трубочки и 15 пар стеклышек [3, с. 145–146]. Вольное экономическое общество, по старой памяти, не только снабжало хорошо известного им заведующего свежей оспенной лимфой (30 декабря оно прислало ее в 15 трубочках и 15 стеклышках), но и помогало ему в организационных вопросах. В 1874 г. М. М. Первушин обратился к заведующему оспопрививанием в ВЭО доктору К. И. Груму по поводу «затруднений, какие встречаются при добывании телячьей лимфы», и получил ошеломляющий ответ, с которым земство через свой печатный орган решило ознакомить широкую публику. Обладавший гораздо большей информацией столичный доктор предупреждал: «...пока не выяснятся хорошо свойства и действия телячьей лимфы, непременно прививайте человеческую оспу». С провинциальными коллегами он поделился также последними новостями: оказывается «надо прививать непременно телятам человечесью лимфу, а не телячью», и вообще «телячья лимфа гораздо реже принимается, чем человечесья и что прививка первой удастся только чаще, если лимфа берется прямо из телячьей пустулы», в трубочках, на стеклышках она быстро теряет прививаемость» [13, с. 143–145]. Земство всё же продолжало содержать телятник, хотя в 1876 г. убавило ему смету по сравнению с 1873 г. вдвое, сократив ее до 750 руб. В ней также появилась строка об уплате «за право снятия гуманизированной лимфы» (т.е. человечесьей), на которую планировалось израсходовать 100 руб. [16, с. 459].

В 1878 г. губернское учреждение (и верхтеченский телятник) закрыли, М. М. Первушин переехал в столицу, заняв почетный и ответственный пост заведующего оспоривательным учреждением при ВЭО, а организация оспопрививания полностью перешла к уездным земствам, которые осуществляли ее различными способами, а в России и за границей не прекращались споры, какой из них лучше. На фоне сильных, с высокой степенью летальности, оспенных эпидемий во время франко-прусской войны в Европе и в 1873–1876 гг. в России, многие деятели здравоохранения (особенно европейские, с принятием законов об обязательной вакцинации) сделали ставку на оспенный детрит и постепенно стали решать проблемы сохранения его качеств и повышения его результативности. Этот материал, консервировавший частицы телячьих оспенных пустил с помощью глицерина, в качестве основного прививочного средства был признан далеко не сразу. Широкий спектр мнений о том, чем прививать предохранительную оспу, хорошо показывает обсуждение в 1887 г. на втором съезде русских врачей выступления заведующей телятником Московского губернского земства П. И. Глушановской-Яковлевой. Против пропагандируемого ею детрита особенно активно выступил врач В. А. Будзько, напомнив, что под микроскопом это вещество представляет собой продукты распада вплоть до гнойных клеток, а занесение гноя в ранку вряд ли проходит бесследно для здоровья привитых. Он хотя бы не исключал прививок свежей как «гуманизированной», так и телячьей лимфой, а его коллега С. И. Сысоев ратовал только за первую, поскольку привитые телячьей нередко заболевали натуральной оспой. А. П. Гурвич, напротив, подчеркивал неоспоримое достоинство животных вакцин — как гарантию от заражения сифилисом. А. Е. Полубояринов, Н. Л. Богоявленский также вступились за детрит, указывая на высокую степень его прививаемости. С ними была согласна А. Н. Шульц, но заметила: способы приготовления детрита еще слишком различны, чтобы рекомендовать какой-то из них для всеобщего употребления. В. Д. Ченькаев предлагал наряду с детритом испробовать глицериновую лимфу Мюллера. Остальные врачи, в том числе и председательствующий Ф. Ф. Эрисман, уклонились от выражения определенной позиции,

согласившись лишь с тем, что опыты по применению новых прививочных материалов следует продолжать [10, с. 91–93].

Этот вопрос дебатировался также на втором съезде земских врачей Пермской губернии в 1884 г., а для его обсуждения на третьем — врач Е. П. Серебрянникова собрала данные о прививочном материале по уездам: в 1886 г. в Ирбитском, Камышловском, Шадринском уездах продолжали использовать «гуманизированную» лимфу; в Екатеринбургском, Верхотурском, Соликамском, Чердынском и Оханском — полностью перешли на детрит, в Красноуфимском, Кунгурском, Осинском — еще применяли оба средства [4, с. 2–4]. На том же съезде поднимался вопрос о «хорошо поставленных телятниках», которые не обязательно было содержать одному уезду, а можно было объединиться с двумя или тремя соседними. Хотя в 1880-е гг. результаты работы этих заведений при уездных земствах вряд ли можно признать положительными. Шадринское земство в 1881 г. вновь открыло телятник, но первые пять лет, несмотря на все старания, в нем не удалось привить ни одного теленка; в 1886 г. выписанная лимфа, наконец, привилась на животных, и уезд получил свежий детрит. Однако вскоре земцы посчитали, что дешевле приобретать его в Петербурге и Казани, и местное учреждение закрыли. До 1900 г. они получали детрит оттуда, затем из телятника ветеринарного врача Д. Д. Беклемишева (Курмышский уезд Симбирской губернии), с 1907 г. — из заведения доктора Спасского в Екатеринбурге [5, с. 3–4, 6]. В 1880-х гг. существовал земский телятник в г. Верхотурье. Поначалу он работал успешно. Например, с марта по сентябрь 1883 г. по уезду из него было разослано 1378 трубочек лимфы. Но с каждым годом она становилась всё менее качественной, а доля неуспешных прививок, сделанных ею, росла. В 1889 г. земское собрание постановило закрыть телятник. К такому решению его подтолкнуло и то, что учреждение находилось в наемном, неудобном для него помещении, а в самом городе и его округе не водились «хорошо упитанные» телята. Качество и дешевизна детрита из Казанского оспопрививательного института больше устраивали местных земцев, и они начали выписывать препарат оттуда [18, с. 48].

Другие земства Пермской губернии (за исключением Ирбитского, которое сохраняло свой собственный телятник) к 1897 г.

стали также выписывать детрит из различных (чаще всего, частных) учреждений. В 1908–1912 гг. большинство из них пользовались услугами нескольких, хорошо известных в России оспенных телятников, возглавляемых ветеринарными врачами, имевшими научные труды и получавшими на выставках грамоты и медали за качество детрита: заведения Константинова в Казани, М. Е. Тарнорудова и Д. Д. Беклемишева — в Курмышском уезде Симбирской губернии, С. К. Живописцева — в Орле, Романова — в Саратове. Местным оставался только один поставщик — доктор Спасский [17, с. 112–113]. По данным шадринских оспопрививателей, качество поставляемой им вакцины оставалось весьма высоким: в 1911 г. доля неудачных прививок ею составила всего 5,6 %, в 1912 г. — 6,2 % [17, с. 102]. Поскольку в Российской империи обязательное оспопрививание отсутствовало, то проблеме качества и стандартизации вакцин не уделялось большого внимания. В тех уездных земствах Пермской губернии, которые имели за 1908–1912 гг. данные о доле прививаемости при первоначальной вакцинации полученным из телятников детритом, она никогда не достигала 100 %. Минимальный уровень в 1908 г. составлял 68 % (Чердынский уезд), в 1910 г. — 78 % (Кунгурский), в 1912 г. — 77 % (Екатеринбургский). Абсолютно провальным для оспопрививания оказался 1911 год в Кунгурском уезде — доля успешно привитых оказалась всего 26 % [17, с. 110–111]. На качество прививочного материала влияли и условия его хранения. Санитарный врач Ирбитского уезда А. М. Левин в 1911 г. сообщал: «...детрит, сохраняющийся в течение лета, судя по сообщениям оспопрививательниц, оказывается никуда не годным». Медик предлагал земству выписывать его свежую партию в начале осени и лишь тогда рассылать по оспенным участкам [8, с. 32].

К недочетам в организации вакцинации вернулись лишь после сильных эпидемий оспы в 1910 г. Внесенный в Третью Государственную думу законопроект об обязательном оспопрививании претерпел там значительные изменения и превратился в принятое 21 июня 1914 г. Положение о предохранительном оспопрививании, в котором обязательность прививок устанавливалась лишь для отдельных (хотя и достаточно больших) групп населения.

Параллельно документ закрепил полную победу детрита, запретив «привитие предохранительной оспы от человека к человеку» [14, с. 34]. Необходимым дополнением к нему стал проект Государственного оспопрививательного института, который в эти же годы разрабатывала Высочайше учрежденная междуведомственная комиссия по пересмотру врачебно-санитарного законодательства. Это учреждение, получившее в литературе название «комиссии Г. Е. Рейна» (по фамилии ее главы), специально было создано для централизации системы здравоохранения и медицины в стране. Подобные такому институту организации уже существовали во многих странах с обязательным оспопрививанием и, в первую очередь, отвечали за качество вакцин. Это признавалось делом государственной важности. Вакцины являлись «сложнейшим веществом, состоящим из живых микробов», для проверки которого было недостаточно физических и химических проб — их приходилось дополнять «бактериологическими, экспериментальными и клиническими испытаниями, производимыми по особо устанавливаемым точным правилам». Поэтому в России требовалось создать орган, не только снабжающий прививным материалом правительственные или общественные учреждения, но и контролирующий «доброкачественность оспенного детрита, приготовляемого ... в оспопрививательных институтах и телятниках». Проблема качества в представленном проекте называлась «краеугольным камнем успешности оспопрививания» [8, с. 3].

Планировалось, что головное правительственное учреждение будет курировать институты «на местах». Свой бактериологический институт Пермское губернское земство открыло в 1912 г. Развившись из основанной в 1897 г. Пастеровской станции, он к этому времени в промышленном масштабе занимался изготовлением антирабической, противодифтерийной, противоскарлатинной сывороток, стрептококковой (от скарлатины) и холерной вакцин, однако оспенным детритом не занимался. Стимулом к появлению в институте особого оспенно-вакцинного отделения стали вспышки оспы в губернии (как и по всей России) в 1910 г. Пересмотр организации оспопрививания вернул в повестку и вопрос о производстве собственной вакцины. На VI совещании санитарных

врачей Пермской губернии, состоявшемся в начале 1914 г., ветеринарный врач С. П. Филадельфов выступил с докладом «К вопросу об учреждении оспенного института губернского земства» [17, с. 93–113]. Целесообразно было открыть его на базе бактериологического института (в качестве его подразделения), дополнительно построив телятник, помещения для операционной и для хранения и приготовления детрита (а также приобрести аппараты для его растирания и фильтрования). Необходимые лабораторные животные, инструменты и приспособления для бактериологических и клинических проверок вакцины (как и обученный персонал) уже имелись. Предполагалось устройство особого обсервационного стойла, в которое на 3 дня попадало привезенное для привития животное. Обычно им был теленок — использовать взрослых животных мешало сильное распространение в их среде туберкулеза (хотя детрита с них собиралось больше). Однако и теленку туберкулином делали пробу Манту, а также наблюдали за общим состоянием его здоровья. В операционной на живот, часть груди и боков ему со строгим соблюдением правил асептики прививали оспенную лимфу. Для этой манипуляции планировалось использовать японский метод с особым (самым производительным) скарификатором, который позволял увеличить собираемый с одного животного детрит в 3 раза по сравнению с традиционным методом производства насечек, и был практически бескровным (кровь размывала и даже смывала прививной материал, втираемый шпателем в рубцы на коже). Затем, надев на привитое животное для соблюдения чистоты фартук особого покроя и с завязками на спине, его переводили на 7 дней в телятник. Сбор детрита также осуществляли в операционной. Желательно было проделывать его на умерщвленном (обескровленном) животном.

Сырой соскоб взвешивали, чтобы знать, с каким количеством глицерина его смешивать, и растирали на приспособлении, изобретенном директором австрийского оспенного института Паулем и венским механиком Чокором (т.н. «мельница Пауль-Чокора»). Измельченный детрит разбавляли от 4 до 10 раз простерилизованным 80 %-ным глицерином, растворенным в поваренной соли, и фильтровали «для освобождения от крупных частичек, волос

и пр.». Бактерицидное действие глицерина приводило к так называемому «самоочищению детрита». Несмотря на соблюдение требований асептики, полученная от животного лимфа всегда содержала очень много «посторонних бактерий», включая патогенные — чаще всего, золотистый стафилококк, иногда и более опасных — столбнячных. В зависимости от концентрации глицерина и температуры (которая могла колебаться от 0 до 10 градусов) детрит «выдерживался» — за 4 недели избавлялся от нежелательной микрофлоры [14, с. 38–40].

Этот этап приготовления вакцины был специалистам знаком и требовал разве что соблюдения стерильности. Далее следовало проверить полученный продукт на безвредность и действенность (последнее называлось «контролем силы детрита»). Здесь на первый план выступала способность сотрудников бактериологического института реализовывать научно-практические цели, поскольку к вакцине предъявлялись «весьма большие требования», а вопросы ее контроля и хранения с научной стороны оставались мало разработанными. С. П. Филадельфов подчеркивал, что «причины разного рода дефектов в области вакцинации весьма разнообразны и сложны». В качестве примера докладчик приводил давно знакомые врачам факты: «Нередкое явление, что вакцина весьма хорошего качества, большой прививной силы от каких-то причин начинает ослабевать и теряет свою силу настолько, что подлежит уничтожению. При выписной лимфе иногда раздаются жалобы, что прислали плохую вакцину, которая не прививается» [17, с. 101–102]. Бактериологический контроль осуществляли высеванием полученной вакцины на питательные среды (агар-агар и желатин) и через двое суток выдерживания их в термостате подсчитывали появившиеся колонии микробов. Это делалось как для определения степени загрязнения детрита посторонними микроорганизмами, так и для изучения его собственной бактериальной флоры [6, с. 77]. Кроме того, было принято прививать свежий детрит лабораторным животным: кроликам — для обнаружения в нем возбудителя рожистого воспаления, морским свинкам — туберкулеза, мышам — столбняка [14, с. 40]. Проверка специфической силы детрита (в современной терминологии его «иммунного ответа») начиналась с прививок кроли-

кам (например, способами, предложенными французскими бактериологами А. Кальметтом и Ж.-М. К. Гереном). Последний считал, что для вакцинации пригодны только те серии вакцины, которые при разведении поваренной солью в пропорции 1 к 100 дают не менее 3–4 оспин в квадратном сантиметре кожи на спинке кролика. Правда, чаще всего прибегали к более простому тесту на внутренней поверхности уха этого животного, которое при прививке давало типичную реакцию покраснения [7, с. 123, 125]. Качество вакцины также проверяли на телятах. Лишь после этого приступали к клиническим испытаниям на людях. В России такими подопытными довольно часто становились питомцы различных приютов. Чтобы сравнить полученный детрит с образцами «установленной и испытанной силы», им делали две прививки. В Перми планировали прививать на правой руке ребенка проверяемую вакцину, а на левой — «стандартизированную вирулентную лимфу».

В том же году 45-я очередная сессия губернского земского собрания разрешила земской управе открыть в 1915 г. при бактериологическом институте оспенный телятник, отпустив на его оборудование 1 545 руб., а на содержание — 1 110 руб. Для устройства лаборатории выделили еще 680 руб. [9, с. 21]. Однако условия военного времени — институт много работал «на оборону» — затормозили открытие оспенного отделения. Телятник (на 8 стойл) удалось ввести в эксплуатацию только в 1916 г., а первый детрит снять в преддверии большевистского переворота — 25 октября 1917 г. [6, с. 66]. Эпоха военных и революционных потрясений внесла в планы ученых значимые коррективы, но бактериологический институт умудрялся выдавать практически «безукоризненный прививной материал» — часто серии детрита оказывались стерильными, выдавая при контроле отсутствие патогенов. В чашках Петри обнаруживались лишь сапрофитные виды бактерий: сенная палочка, фарфоровый кокк, желтая сарцина. В клинических испытаниях доля привитых при первичной вакцинации равнялась 100 % [6, с. 71]. В стране прошли две революции, разгоралась гражданская война, а пермские бактериологи продолжали делать свое дело — выпуск первой серии оспенной вакцины состоялся 18 ноября, раздача его медицинским учреждениям началась 30 декабря 1917 г.

Список литературы

1. Веревкин И. А. История оспы в России и меры к ее уничтожению. — СПб.: Типография Я. Трея, 1867. — 74 с.
2. Деятельность оспенного института при губернской земской больнице // Сборник Пермского земства. — 1872. — Сентябрь и октябрь. — С. 135.
3. Деятельность оспенного института, состоящего при пермской губернской земской Александровской больнице // Сборник Пермского земства. — 1874. — Январь–апрель. — С. 145.
4. Егоровская Р. А. К вопросу об организации оспопрививания в Пермской губернии. — Пермь: Электротипография губернского земства, 1917. — 24 с.
5. Егоровская Р. А. К постановке дела оспопрививания в Шадринском уезде // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. — 1911. — № 6–8. — С. 1–10.
6. Костромин Н. Е. Обзор деятельности оспинно-вакцинозного отделения Бактериологического института за 25 лет // Пермский бактериологический институт. Сб. работ и исторический очерк развития и деятельности за двадцатипятилетие, 1897–1922. — Пермь: 1-я Гос. типография, 1922. — С. 56–79.
7. Костромин Н. Е. Опыт получения и применения «порцины» в качестве родовой штамм-лимфы // Пермский бактериологический институт. Сб. работ и исторический очерк развития и деятельности за двадцатипятилетие, 1897–1922. — Пермь: 1-я Гос. типография, 1922. — С. 117–129.
8. Левин А. М. Несколько слов по поводу организации оспопрививания в Ирбитском уезде // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. — 1911. № 9–10. — С. 29–33.
9. Медицинская часть // Систематический свод постановлений Пермского губернского земского собрания 45-й очередной сессии 1914 года и 52-й чрезвычайной сессии 1915 года. — Пермь: Электротипография губернского земства, 1915. С. 15–22.
10. Отдел общественной медицины // Труды второго съезда русских врачей в Москве. — М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1887. — С. 15–22.
11. Первушин М. М. Что такое натуральная и прививная оспа. — СПб., 1872. — 44 с.
12. Первушин М. М. Прививайте оспу: Воскресные домашние беседы священника со своими прихожанами о прививании коровьей предохранительной оспы. — СПб.: Императорское Вольное экономическое общество, 1872. — 48 с.
13. Письмо доктора Грума об оспопрививании // Сборник Пермского земства. — 1874. — Январь–апрель. — С. 143–145.
14. Приложения // Высочайше учрежденная междуведомственная комиссия по пересмотру врачебно-санитарного законодательства. — Т. 9. — Пг., 1916. — Раздел 6. Проект оспопрививательного института. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_008757995?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения 01.04.2021).

15. Смета на содержании оспенного института в 1873 году // Сборник Пермского земства. – 1873. – Май и июнь. – С. 336–337.

16. Смета на содержании оспенного института в 1876 году // Сборник Пермского земства. – 1876. – № 1–3. – С. 459–460.

17. Филадельфов С. П. К вопросу об учреждении оспенного института губернского земства // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. – 1914. – № 3–4. – С. 93–113.

18. Юдин Н. Доклад по оспопрививанию в Верхотурском уезде // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. – 1913. – № 5–6. – С. 46–53.

В. В. Запарий

ПРОИЗВОДСТВО ЦИНКА НА УРАЛЕ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

В статье дается анализ производства одного из важнейших стратегических металлов — цинка — в России в конце прошлого — начале нынешнего века. Дается характеристика основным тенденциям производства и развития сырьевой базы металлургии цинка в стране, подчеркивается решающая роль Уральского региона в этом деле.

Ключевые слова: цинк, производство, добыча, сплавы, оцинкование, Челябинский электролитный цинковый завод.

The article analyzes the production of one of the most important strategically valuable metals — zinc — in Russia at the end of the last — beginning of this century. The main trends in the production and development of raw material base of zinc metallurgy in the country are characterized, and the decisive role of the Ural region in this activity is emphasized.

Keywords: zinc, production, mining, alloys, galvanizing, Chelyabinsk electrolytic zinc plant.

Производство цинка. Цинк занимает важное место в ряду стратегических материалов. Как цветной металл, по объемам использования он занимает третье место — вслед за алюминием и медью. Он широко применяется не в чистом виде, а в основном в виде сплавов или антикоррозионного покрытия конструкционных сталей. Большая часть этого металла (до 60 % общего объема) используется для оцинкования черного металла. Применение цинка для этих целей способствует увеличению срока службы стальных деталей в три-четыре раза. Оцинкованный лист используется главным

образом в строительной и машиностроительной промышленности, которые потребляют до 90 % производимого в России цинка. Значительная доля его потребления приходится на сплавы на основе цинка (латунь); существенная часть расходуется на производство белил, резинотехнических изделий, химволокон [3, с. 219].

После развала Советского Союза на территории Российской Федерации осталось часть месторождений цинка, которые, по оценкам, содержат до 15 % мировых запасов этого металла. По ряду оценок, это соответствует первому — третьему месту в мире. Однако его производство в России существенно ниже уровня потенциальных возможностей, и на ее долю приходилось в конце XX века только 1,7 % добычи цинкового концентрата и 2,6 % выплавки рафинированного металла. В конце 1990-х — начале 2000 гг. в России наблюдался рост объемов потребления цинка, темпы которого иногда достигали в среднем 9 % в год. Это происходило в основном, благодаря увеличению производства листового оцинкованного железа. Существенный рост внутреннего потребления привел к тому, что в 2003 г. выплавка цинка в России превзошла показатели СССР. При этом почти половина выплавленного в стране цинка экспортировалась [1, с. 219].

В свое время СССР был одним из крупнейших потребителей цинка. К началу 1990-х гг. промышленность страны потребляла до 900 тыс. т цинка, из которых 700 тыс. производилось на собственных заводах страны. Из них РСФСР потребляла 500 тыс. т, из которых 240 тыс. т производилась на предприятиях республики, а остальное завозилось из других республик СССР. Затем, в связи со спадом производства, имел рост импорта этого металла. В начале нового тысячелетия подъем экономики страны привел к быстрому росту потребления цинка российской промышленностью, которое ежегодно увеличивается почти на 9 % [2, с. 39–40].

В России на момент распада СССР действовало три производителя цинка: Челябинский цинковый завод, «Электроцинк» (Владикавказ) и Беловский цинковый завод в Кузбассе. Последний был закрыт еще в 1990-е гг., поэтому к началу XXI в. около 70 % российского цинка производилось на Челябинском заводе (основная часть его продукции — до 70 % — поступает на отечественный

рынок), а оставшиеся 30 % — на заводе во Владикавказе [2, с. 40], который, однако, недавно также был остановлен. Сейчас новый современный цинковый завод строится в г. Полевском Свердловской области.

Сегодня на Урале расположено крупнейшее в России, а сейчас и единственное, предприятие по производству цинка — ОАО «Челябинский электролитный цинковый завод» (ЧЦЗ).¹ Созданное еще в 1930-е гг. предприятие решало важные народнохозяйственные задачи, постоянно модернизировалось. В мае 1993 г., в связи с началом приватизации, завод был преобразован в акционерное общество открытого типа. Сейчас предприятие входит в состав УГМК.²

В конце прошлого века на ЧЦЗ проходил очередной этап реконструкции основного и вспомогательного производства, в ходе которой предприятием было освоено производство товаров народного потребления — таких, как изделия из листовой и оцинкованной стали, комплектующие изделия для мебели, бытовой техники из пластмасс, кухонная посуда и др. Несмотря на существенные трудности 1990-х гг., развивалась и социальная сфера предприятия.

С началом нового века продолжалась модернизация производства, что нашло свое воплощение в такой инновации, как пуск в июле 2003 г. в эксплуатацию автоматизированного комплекса электролиза цинка. Такие комплексы существуют только на 20 из 130 имеющихся в мире цинковых заводов, что позволило выпустить металл высшего качества. В том же году был завершен второй этап реконструкции завода, обеспечивший увеличение выпуска

¹ Осенью 1930 г. строители приступили к возведению зданий и сооружений Челябинского цинкового завода. Первыми были построены заводоуправление, деревообрабатывающая и механическая мастерские, пожарное и паровозное депо, лаборатория, железнодорожные ветки. Первоначально срок запуска Челябинского цинкового завода наметили на октябрь 1932 г. Но это было невозможно из-за проблем с финансированием и задержки поставок оборудования. 6 ноября 1934 г. на опытной установке из калатинского концентрата был получен первый катодный цинк.

² В феврале 1993 г. путем преобразования государственного предприятия «Челябинский электролитный цинковый завод» было создано акционерное общество открытого типа «Челябинский электролитный цинковый завод». В мае 2002 г. оно было переименовано в открытое акционерное общество «Челябинский цинковый завод» (ОАО «ЧЦЗ»). В 2009 г. контрольный пакет акций компании был приобретен консорциумом независимых инвесторов, среди которых — Русская медная компания и Уральская горно-металлургическая компания. С 2016 г. более 95 % акций предприятия владеет УГМК.

до 200 тыс. т в год цинка чистотой 99,995 %, что соответствует требованиям Лондонской биржи металлов [3, с. 221].

Как результат основательной модернизации технического и технологического оборудования, произошедшей за последние годы, Челябинский цинковый комбинат сегодня представляет собой современный металлургический комплекс, в состав которого входят отделения очистки растворов, производства кадмия, разливы цинка, получения сплавов, электродов, порошка и другие объекты. Итогом этих преобразований стало заметное улучшение показателей рентабельности производства: производительность труда возросла в 1,6 раза; затраты электроэнергии — уменьшены на 7,5 млн. кВт; на 700 тыс. м³ в год воды сократился расход воды и ряда вспомогательных материалов. Новый комплекс электролиза цинка позволил предприятию войти в число крупнейших заводов-производителей мира не только по количественным, но и по качественным показателям [3, с. 221–222].

На цинковом заводе, наряду с металлическим цинком и сплавами на его основе, организовано получение таких ценных материалов, как металлический кадмий, индий, свинецсодержащие продукты, серная кислота, производимая из обжиговых газов.

Одной из важнейших проблем цинкового производства является сырьевая. Предприятие имело лицензию на переработку цинкового концентрата в режиме толлинга из разных стран. В дальнейшем система толлинга была отменена. Однако для производства цинка на предприятии исходным сырьем все-таки являются цинковые концентраты уральских обогатительных фабрик, а также импортное сырье и цинксодержащие полупродукты.¹ Большой проблемой является то, что расходы на транспортировку сырья и особенно цена на импортный концентрат существенно удорожают производство цинка. В результате сейчас доля сырья в себестоимости продукции ЧЦЗ составляет 60 % [2, с. 40].

¹ В 2006 г. ОАО «Челябинский цинковый завод» приобрело 100%-ный контроль над компанией «Nova Цинк», которая представляет сырьевой комплекс компании и является оператором по добыче свинцово-цинковых руд месторождения Акжал в Республике Казахстан, производя цинковый и свинцовый концентраты. Добыча руды на Акжалском месторождении ведется открытым способом. Потребности металлургического комплекса ОАО «ЧЦЗ» за счет концентратов, поставляемых ТОО «Nova Цинк», обеспечиваются на 20 %.

Дальнейшее увеличение производства цинка во многом зависит и будет зависеть от решения сырьевой проблемы и, соответственно, от разработки новых месторождений цинксодержащих руд на Урале и в ближайших регионах.

Список литературы

1. Буньков С. М., Дубнов А. И., Капустина Л. М., Запарий В. В. и др. Стратегические приоритеты Урала в глобальной экономике. – Екатеринбург: Пирогов, 2004. – 353 с.
2. Игнатенко Т. Цинковое будущее // Уральский рынок металлов. – 2005. – № 8. – С. 39–40.
3. Набойченко С. С. Заводы цветной металлургии Урала: учеб. пособие для вузов. – 2-е изд., доп. – Екатеринбург: УГТУ–УПИ, 2005. – 269 с.

К. И. Зубков

УРАЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ И КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРА (1920-е гг.)

Статья посвящена анализу соперничества Урала и Сибири за территорию Тобольского Севера в ходе кампании по районированию, обстоятельства включения этого обширного края в состав Уральской области и значения планов по широкой колонизации лесных районов Севера для политики восстановления и развития уральского хозяйства в 1920-е гг. Доказывается, что стремление уральского руководства разрешить путем лесопромышленной колонизации северных окраин области проблему снабжения топливом металлургии региона отражало самостоятельные подходы уральских руководителей к проблеме районирования и обрело черты устойчивого экономического курса, который одновременно открывал новые возможности для экономического подъема Севера. Анализируются также связанные с лесопромышленной колонизацией транспортные проекты и причины их свертывания в конце 1920-х гг.

Ключевые слова: Урал, Уральская область, Сибирь, Тобольский Север, районирование, лесопромышленная колонизация, древесноугольная металлургия, железная дорога Тавда — Тобольск.

The article is devoted to analyzing the rivalry between the Urals and Siberia over the territory of the Tobol'sk North during the regionalization campaign, the circumstances of joining this vast region to the Urals' Oblast', and the importance of the plans for broad colonization of the Northern forestry areas for the policy of rehabilitation and development of the Urals' economy in the 1920s. It is argued that the striving of the Urals' leaders for solving

the problem of the fuel supply for the regional metallurgy by means of the timber industry colonization of the Oblast's northern outlying areas reflected self-independent approaches of the Urals to the problem of regionalization and acquired the traits of steady economic course which at the same time opened new opportunities for the North's economic upsurge. The transport projects related to the timber industry colonization and the reasons for their curtailment in the late 1920s are also analyzed.

Keywords: *the Urals, Ural Oblast', Siberia, Tobol'sk North, regionalization, timber industry colonization, charcoal metallurgy, railway Tavda — Tobol'sk.*

Тема настоящей статьи во многих своих аспектах отсылает мою память к нашим интереснейшим беседам и дискуссиям с Евгением Юрьевичем Рукосуевым о том, насколько проектировки экономического будущего горнозаводского Урала и конфигурации его межтерриториальных связей, выдвигавшиеся в позднеимперский период дальновидными представителями деловых кругов региона, совпадали с аналогичными представлениями нарождающейся советской региональной бюрократии 1920-х гг. Это касалось не только решения кардинально важной для Урала проблемы минерализации топливного баланса путем установления магистральных транспортных связей с Кузнецким бассейном и Экибастузом, но и изыскания резервов для сохранения профильной для региона древесноугольной металлургии путем освоения северных лесов Обского бассейна. Как отмечал Е. Ю. Рукосуев, в начале XX в. эти вопросы неизменно стояли в повестке съездов горнопромышленников Урала (особенно XII съезда, прошедшего в марте 1912 г.) [8, с. 210–212, 218, 228].

Революция и гражданская война стали лишь моментом прерывности в действии этих объективно назревших, долгосрочных тенденций, и поэтому с начала 1920-х гг. партийно-советское руководство Урала в своей восстановительной работе должно было, по существу, иметь дело с той суммой хозяйственных предпосылок и проектировок, которая сложилась перед 1917 г. Однако, в 1920-е гг. неотложный характер выбору путей дальнейшего развития уральского хозяйства и формирования его пространственного ареала придавали два решающих обстоятельства. С одной стороны, это — развернувшаяся в стране масштабная кампания

по административно-хозяйственному районированию, призванная учесть не только стихийно состоявшиеся сдвиги в локализации центров экономического тяготения и хозяйственных связях регионов, но и новые — плановые — принципы построения экономического организма страны. С другой стороны, пришедшая на смену т.н. «распредовскому» периоду (военному коммунизму — *К. 3.*) обстановка НЭПа с ее приоритетами скорейшего оживления хозяйственной жизни (в первую очередь, за счет мелкотоварного сектора) и известной коммерциализации экономических связей — должна была на известное время отодвинуть реализацию перспективных плановых установок, заставляя считаться, прежде всего, с требованиями текущей хозяйственной конъюнктуры. Этой же обстановкой объяснялось и стремление создаваемых в процессе районирования областей и краев административно подчинить себе как можно больше территорий — с их налогооблагаемой базой и со всем разнообразием ресурсов, представляющих какой-либо коммерческий интерес.

В этих условиях вполне объяснимым было настойчивое стремление политического руководства Урала включить в состав проектируемой области обширные территории Тобольского Севера. Решению ВЦИК от 3 ноября 1923 г. об образовании Уральской области и включении в ее состав Тобольского Севера на временной основе — «впредь до разрешения общего вопроса о районировании Сибири» [7, с. 1] — предшествовали, однако, острые споры уральцев с руководством западносибирских губерний и представлявшим их интересы Сибревкомом (с закономерными в таких случаях апелляциями к авторитету Госплана и его исходным установкам). Хотя ни одна их сторон, отстаивавших свои притязания на Тобольский Север, не имела четких представлений о том, какими перспективными ресурсами обладает этот холодный и почти безлюдный край и в каком направлении он должен развиваться, их позиции всё же наглядно отразили два довольно разных взгляда и на экономическое будущее Тобольского Севера, и на методологию районирования в целом. В развернувшейся в августе 1923 г. на Омском межгубернском совещании по районированию Обской (Западно-Сибирской) области острой дискуссии представители

Омска (как проектируемого центра новой области), педантично следуя установкам Госплана, настаивали на включении в ее состав не только всех аграрных уездов Зауралья, но и необъятных просторов Тобольского Севера. Позиция Омского губисполкома исходила из разработанной Госпланом методологии районирования, согласно которой возрождаемая экономика страны должна была строиться как взаимодополняемое сочетание крупных экономических районов, отличающихся ярко выраженной однородностью своей хозяйственной специализации. В соответствии с этими установками, проектируемая Обская область, как доказывали омские плановики, должна была представлять собой единый «район сельскохозяйственного назначения», в составе которого предполагалось выделить три хозяйственные зоны: южную — земледельческую; среднюю — «животноводственную» и северную — «лесоводственную и рыболовственную» (т.е. собственно Тобольский Север). О том, какой общий производственный интерес будет связывать аграрные житницы Зауралья с лесопромышленными и промысловыми районами Севера, речи в данных проектировках пока не шло — если не считать объединяющей функции сквозной транспортной связи. Омск рассчитывал на то, что, контролируя водный путь по Иртышу, он сможет в равной степени преуспеть как в снабжении лесом степных районов, так и в организации его выхода по реке на важнейшие транспортные магистрали экспортного назначения (Северный морской путь, проектируемая Северная железнодорожная магистраль).¹ Довольно умозрительный характер таких проектировок не укрылся от участников совещания и вызвал немало критики; смысл пресловутой идеи «однородности» хозяйства в данном случае свелся лишь к доктринерской попытке создать госплановскую область исключительно по признаку ее неиндустриального характера.

На фоне предложений Омского губисполкома, позиция Уральской плановой комиссии по «северной проблеме» выглядела более гибкой и практичной, хотя и ее — с учетом полемических моментов — нельзя было считать законченной и ясной во всех деталях.

¹ Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. 241р. Оп. 2. Д. 2352. Л. 52–52об.

Выступая на Омском совещании, представитель Урала, председатель секции районирования Уралплана Б.В. Дидковский первым делом подверг резкой критике тезис о том, что лесное дело, призванное стать направлением специализации для Севера, — это отрасль, связанная исключительно с сельским хозяйством. Он убедительно доказывал, что лесное хозяйство — это вполне самостоятельная отрасль, которая, по сложившимся условиям, гораздо больше связана с интересами промышленности и что, с этой точки зрения, Тобольский Север «никакого отношения к южным губерниям Сибири не имеет».¹

Достаточным доказательством этому служила уже обозначившаяся тенденция втягивания почти нетронутых богатейших лесных запасов ближнего Тобольского Севера в орбиту уральского хозяйства. В связи с быстрым истощением собственных лесных запасов Урала, его металлургическая промышленность уже к началу XX в. остро нуждалась в крупном притоке древесного топлива извне. В 1916 г., в разгар Первой мировой войны, по настоянию уральских заводчиков была построена Северо-Восточно-Уральская железная дорога от Екатеринбурга до с. Каратунка на реке Тавде. Дорога позволила вовлечь в хозяйственный оборот значительные массивы лесов по течением Туры и Тавды; если до прокладки дороги дровяной лес здесь почти не имел сбыта, а строевой сплавлялся на переработку в Тюмень, то сразу после ее постройки все лесосеки по верховьям Тавды были раскуплены. К началу 1920-х гг. у ст. Тавда уже действовали два лесопильных завода и 40 углевыжигательных печей, переугливающих 8 тыс. куб. сажень дров в год [9, с. 220]. На Омском совещании 1923 г. установившаяся производственная связь Урала с бассейном Тавды служила весомым аргументом за оставление этого района в составе проектируемой Уральской области «в интересах сохранения лесов для промышленности», что никем уже не оспаривалось. В силу давно установившихся связей с Уралом, подобная перспектива намечалась и в отношении других частей Тобольского Севера (например, района Березова).²

¹ Там же. Л. 55–56.

² Там же. Л. 55.

Выход на Тавду, по существу, должен был стать только оправданным моментом в прокладке целого ряда небольших железнодорожных веток, призванных по широкому фронту обеспечить уральским заводам доступ к перспективным источникам древесного топлива. В материалах секции районирования Уралплана за 1920–1921 гг. сохранилась записка «Об эксплуатации Тавдинских лесов», относящаяся, как можно судить по отсылкам в ее содержании, ко времени завершения строительства линии Екатеринбург — Тавда.¹ В этом документе в качестве выходов к районам первоочередных лесозаготовительных работ предлагалось сооружение таких веток, как Самский рудник — Лозьвинская пристань, Лозьвинская пристань — верховья Пелыма, Надеждинский завод — верховья Пелыма, с продолжением их в дальнейшем до Тобольска, Самарова и Березова. Однако, магистральной транспортной «осью» связи уральской металлургии с лесными районами Зауралья должна была стать Северная Сибирская магистраль, строительство которой предлагалось осуществить в ближайшее время по направлению на Тобольск и далее на Томск и Енисейск. Как часть этого проекта, в перспективе двух-трех ближайших лет после районирования предполагалось продлить Северо-Восточно-Уральскую железную дорогу от Тавды до Тобольска (187 км). Тем самым расстояние от Екатеринбурга до Тобольска сокращалось до 480 км, открывая тем самым прямой и кратчайший выход с Урала в Обь-Иртышский речной бассейн.²

В отличие от сибиряков, руководство Урала подходило к обоснованию новой схемы районирования своей области уже с чем-то похожим на реалистичную хозяйственную программу, рассматривая северо-восточную ориентацию производственных связей уральской металлургии как устойчивый, долгосрочный курс хозяйственной политики. Хотя переход Урала на минеральное топливо уже считался неизбежным, технические и финансовые проблемы, связанные с доставкой кокса из Кузнецкого бассейна, отдаляли тот момент, когда это вопрос мог быть переведен в практическую

¹ Ряд текстуальных и содержательных совпадений с позднейшими документами позволяют обоснованно приписывать авторство этой записки В.Е. Грум-Гржимайло.

² ГАСО. Ф. 241р. Оп. 2. Д. 2320. Л. 46об.–47.

плоскость. В то же время с истощением близлежащих к уральским заводам лесов (как и ростом потребления лесоматериалов со стороны сельского хозяйства, целлюлозно-бумажной промышленности и экспортных организаций) экстенсивный путь прироста запасов древесного топлива за счет освоения всё более удаленных лесных массивов верхней Камы и рек Обь-Иртышского бассейна даже в середине 1920-х гг. виделся единственно возможным и надежным решением проблемы [1, с. 17]. При этом уральские специалисты полагали, что даже при освоении плавки чугуна на минеральном топливе металлургия региона должна, по возможности, сохранить в существенных объемах свой уникальный специализационный профиль — производство железа высокой чистоты и сопротивления, которое могло стать и важной статьёй экспорта. Известный ученый-металлург В. Е. Грум-Гржимайло писал в этой связи: «При правильной постановке железного дела на Урале, при снабжении его др.[есным] углем из обширных лесов севера России и Сибири, при проведении северной сибирской магистрали мы можем организовать массовый ввоз в Европу железа высших сортов» [4, с. 4].

В июне 1924 г. в подготовленном для Уралплана «Кратком обосновании оставления Тобольского Севера в Уральской области» Грум-Гржимайло высказывал еще более смелую идею. Он доказывал, что уральское металлургическое хозяйство, последовательно расширяя через производство древесного угля зону своего влияния на западную часть Обского бассейна, в конечном итоге, превратит Тобольский Север в «несомненный Урал ближайшего будущего» — по крайней мере, сделает его «неотъемлемой и вполне законной частью Урала».¹ Действительно, по мнению уральских плановиков, рациональная эксплуатация лесов Тобольского Севера и наличие удобных речных выходов к экспортным магистралям (Северный морской путь) создавали уникальную комбинацию предпосылок для формирования на Тобольском Севере комплексного хозяйства индустриальной направленности — с возможностью вывозить строевой лес на экспорт, а остальной дровяной материал перерабатывать в древесный уголь и химические

¹ ГАСО. Ф. 241р. Оп. 2. Д. 2331. Л. 14–14об.

продукты сухой перегонки, из которых первый будет поступать на уральские заводы, а вторые — опять же на экспорт [9, с. 479].

Таким образом, в дискуссиях и спорах о районировании сильной, подкупающей стороной уральских инициатив в отношении Тобольского Севера стала способность уральских плановиков связать необходимость экономического и культурного подъема этого пустынного, неосвоенного края с перспективами его широкой индустриализации — прежде всего, путем постепенного втягивания его ресурсного потенциала в производственную систему уральской промышленности. По-видимому, это стало одним из решающих факторов, повлиявших на позицию Госплана (как и Москвы в целом) в вопросе включения Тобольского Севера в состав Уральской области — притом, что Госплану, безусловно, не могла imponировать своеобразная, противоречащая его методологии трактовка руководителями Урала самих принципов районирования. Полемизируя с госплановским подходом, предусматривавшим образование областей и краев по принципу укрупненной однородной специализации (промышленной или аграрной), руководители Урала категорически возражали против того, чтобы их будущая область, за вычетом земледельческих и промысловых районов, свелась только к «географической карте Урала» (т.е. Уральского хребта — *К. З.*).¹ В ходе кампании по районированию на Урале, в соответствии с его давними традициями организации горнозаводского хозяйства, сложилась и была проведена в жизнь собственная оригинальная концепция «смешанного» производственного комбината, в самодостаточной структуре которого ведущая роль промышленности должна была подкрепляться мощной сельскохозяйственной — продовольственной и сырьевой — базой. При этом состав Уральской области должен был формироваться не в соответствии с «чистотой» производственного признака, а на основе стихийно проявляющих себя сил «хозяйственного тяготения», т.е. реальных товарных потоков и связей экономической кооперации между территориями [5, с. 110–111]. Примерно этим же установкам — расчету на практическую заинтересованность мест в связях с Уралом — следовала и позиция уральцев по «северной

¹ ГАСО. Ф. 241р. Оп. 2. Д. 2352. Л. 55.

проблеме». На Омском совещании 1923 г. Б. В. Дидковский, доказывая необходимость гибкого и дифференцированного отношения к хозяйственным перспективам северных территорий («нельзя все районы Севера смешивать в одну кучу»), выступал против излишней директивности и «старых, авантюристских подходов» к руководству северными промыслами из центров, расположенных «за тысячи верст», за большую управленческую автономию и хозяйственную самостоятельность северных исполкомов.¹

Если взгляды Уралплана на развитие Севера плохо согласовывались и даже вступали в противоречие с установками Госплана, то они, несомненно, находили свою идейную опору в другой значимой хозяйственно-политической тенденции 1920-х гг. — попытках перевода старой инерции крестьянских переселений в новое экономическое и социальное качество, а именно — в усилиях по развертыванию промышленной колонизации северных окраин. Смещение векторов колонизации в северном направлении виделось, с одной стороны, вынужденной мерой, поскольку было обусловлено структурой свободного колонизационного земельного фонда. Так, по колонизационному плану Уральской области на 1925–1935 гг. для вселения вновь прибывающих переселенцев было определено «удобных» земель: 350 тыс. десятин в наиболее осваиваемой лесостепной зоне (Ишимский, Курганский и Тюменский округа); 750 тыс. десятин — в более засушливой, но обжитой степной зоне (Троицкий округ); 500 тыс. десятин — в ближней лесотаежной зоне (север Тюменского округа, южная часть Тобольского округа, Ирбитский округ) и 1800 тыс. десятин — в более северных частях Верх-Камского, Тагильского и Тобольского округов [2, с. 114]. С другой стороны, движение на север являлось и хозяйственно-целесообразной перспективой, поскольку общее экономическое оживление, привносимое крестьянской колонизацией в неосвоенные, безлюдные местности, создавало предпосылки для более быстрого и надежного вовлечения в народнохозяйственный оборот еще не затронутых эксплуатацией обширных лесотаежных массивов ближнего севера Урала и Сибири. Одновременно, с учетом того, что при

¹ Там же. Л. 69об.–70.

суровом и более влажном климате таежных местностей, плохих почвенных условиях (подзолы, пески, сильная заболоченность), невозможности использовать привычную агротехнику, земледелие становилось более трудоемким и менее продуктивным, оно, как считалось, «едва ли и в отдаленном будущем может стать исключительным занятием населения». Поэтому в лесотаежных местностях колонизация неизбежно должна была видоизменять свой характер, превращаясь из чисто аграрной в лесную, или лесопромышленную. Целевой установкой колонизации таежных местностей становилось «комбинированное колонизационно-промышленное и транспортное освоение» [2, с. 114, 117]. Данный путь развития колонизации как нельзя лучше отвечал текущим потребностям уральской металлургии в приросте ресурсов древесного топлива.

Это объясняет, почему руководство Урала и в середине 1920-х гг. настойчиво стремилось к расширению лесопромышленной базы региона. В докладе Уралоблисполкома на Всесоюзном совещании работников районирования (1926 г.), указывалось, что «северо-восточное устремление области», реализуемое даже в нарушение сетки районирования Госплана, отнюдь «не случайно», поскольку именно узость энергетической базы Урала «имела своим результатом втягивание в орбиту Урала лесов Туры, Тавды, Конды, Тобола». Сплав древесины для нужд уральской экономики по рекам Обь-Иртышского бассейна уже к 1925 г. составил 210 тыс. куб. саженей, а продолжение железной дороги от Тавды до Тобольска, по мнению авторов доклада, «резко усилит эксплуатацию гибнущих тобольских лесов».¹

Проект железнодорожной линии Тавда — Тобольск приобретал для Урала особое значение, поскольку призван был кардинально разрешить проблему соединения уральской металлургии с лесным хозяйством Обь-Иртышского речного бассейна, а, следовательно, подвести прочные и убедительные основания под стремление сделать административную связь Свердловска и Тобольска уже не временной, а постоянной. Уральские плановики, однако, смотрели на этот вопрос шире, предвидя, что эта транспортная артерия

¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 577. Л. 26–27.

способна будет осуществить переворот и в межрегиональных хозяйственных связях Урала. В «Генеральном плане хозяйства Урала на период 1927–1941 гг.» строительство линии Тавда — Тобольск обосновывалось уже исходя из нескольких взаимосвязанных целей развития: (1) привлечения грузовых потоков Обь-Иртышского бассейна и развития здесь системы смешанных железнодорожно-водных перевозок; (2) стимулирования процессов аграрной колонизации южных районов Тобольского Севера и вовлечения в сферу уральского хозяйства новых лесных массивов; (3) содействия наращиванию экспортно-импортных оборотов Карской экспедиции по Северному морскому пути и стремления обеспечить «новый выход Урала на окраинные рынки и возможность установления с ними широких товарообменных сношений» [3, с. 577].

Строительство железной дороги к Иртышу казалось уже решенным делом. Проект опирался на достаточно солидную расчетную базу (вплоть до оценок общей сметной стоимости проекта), а его многоцелевой характер при довольно скромных масштабах предполагаемого строительства служил дополнительным аргументом в пользу его реалистичности. Первоначально линия Тавда — Тобольск общей сметной стоимостью 20 млн. руб. (в ценах 1927 г.) предполагалась к завершению уже в пределах первой пятилетки. Для осуществления начального цикла организационных работ (1927–1928 гг.) на проект было запланировано выделение 500 тыс. руб. [3, с. 588]. Сооружение дороги было внесено в плановые задания первой пятилетки для РСФСР по разделу нового железнодорожного строительства: уточненная протяженность линии определялась в 192 км, а ее назначение связывалось не только с возможностью «эксплуатировать новые значительные лесные массивы», но и с планами вовлечения всего «громздного массива» Тобольского Севера в «общехозяйственный оборот» [6, с. 103].

Однако, столь долго ожидавшееся и всесторонне подготовляемое строительство так и не состоялось. В связи с происходившей с конца 1920-х гг. кардинальной переориентацией уральской черной металлургии на использование каменноугольного кокса, под сомнение была поставлена стержневая хозяйственная мотивация, положенная в основу проекта новой железной дороги, —

потребность в организации широкомасштабной эксплуатации лесных массивов Тобольского Севера для нужд уральской металлургии. Постройка линии Тавда — Тобольск была сначала отложена на конец первой пятилетки, а затем и вовсе признана нецелесообразной [5, с. 108]. Как только отпала руководящая хозяйственная мотивация проекта, спасти его уже не могли ни ссылки на общее транспортно-экономическое назначение дороги, ни даже подчеркивание ее потенциальной экспортной роли. Судьба этого нереализованного проекта символизировала и закат весьма перспективной и всерьез обсуждавшейся идеи широкой колонизации природных богатств Севера путем вовлечения их в производственные связи с более развитыми южными районами страны.

Список литературы

1. Андроников В. Перспективы развития металлургии в СССР и роль Урала в этом развитии // *Хозяйство Урала*. – 1925. – № 2. – С. 8–20.
2. Воскобойников М. Значение Уралобласти для государственной колонизации // *Весь промышленный и торговый Урал, 1927* / [ред. Д. М. Бобылев]. – Свердловск: Газетное издательство Уралоблисполкома, [1927]. – С. 113–118.
3. Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (Материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). – Свердловск: Уралплан, 1927. – 728 с.
4. Грум-Гржимайло В. Е. Промышленные возможности Урала в связи с экспортом // *Экономический бюллетень Уралвнешторга*. – 1922. – № 1 (Октябрь — ноябрь). – С. 3–4.
5. Зубков К. И. Начальный этап формирования советской политики освоения Севера: Уральская область и Тобольский Север в 1920-е гг. // *Урало-Сибирский Север в развитии российской цивилизации*: Сб. науч. ст. – Екатеринбург: Банк культурной информации; ИИиА УрО РАН, 2005. – С. 102–118.
6. Контрольные цифры пятилетнего плана народного хозяйства и социально-культурного строительства РСФСР (1928/29–1932/33 гг.). – М.: Изд. Госплана РСФСР, 1929. – Ч. III. [Районы]. – 231 с.
7. Материалы по районированию Урала. – Т. 1 [Отд. оттиск] – М.: Изд. Уралэконо, 1923. – 30, [1] с.
8. Рукосуев Е. Ю. Съезды горно- и золотопромышленников Урала в конце XIX — начале XX века: организация и направления деятельности. – Екатеринбург: УрО РАН, 2015. – 399 с.
9. Урал: Техничко-экономический сборник / Под общ. ред. проф. В. Е. Грум-Гржимайло. – Вып. 6. – Екатеринбург: Изд. Уральского Областного Экономического Сопещания, 1923. – 501, III с.

Е. Ю. Казакова-Апкаримова

**ПРОГРЕСС В УРАЛЬСКОЙ ПРОВИНЦИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
PRO ET CONTRA**

Статья исследует проблему восприятия прогресса в уральской провинции во второй половине XIX — начале XX в. Прогресс, прежде всего, связанный с приближением к науке, стал мощным культурно-мировоззренческим вызовом для провинциалов. Передовая общественность понимала, что оптимальным ответом на него является восприятие передовых достижений науки и технических инноваций при условии сохранения культурно-цивилизационных основ, базирующихся на идеалах православия.

Ключевые слова: прогресс, культура, наука, знания, Урал, провинция, регион, общественные организации, общественность.

The article examines the problem of perceiving progress in the Ural province in the second half of the 19th — early 20th century. The progress, primarily related with bringing science to society, has become a powerful cultural and ideological challenge for the provincial communities. The advanced public opinion understood that the optimal response to it is the perception of advanced scientific achievements and technical innovations, provided that the cultural and civilizational foundations based on the ideals of Orthodoxy are preserved.

Keywords: progress, culture, science, knowledge, the Urals, province, region, public organizations, public.

В пореформенное время даже в российской глубинке провинциалы стали ощущать, что XIX век, действительно, можно назвать «веком науки», «веком естествознания». Современные специалисты справедливо утверждают: «Размах научного творчества, успехи науки, особенно ее многообразные практические приложения, поражали современников. Они выглядят достаточно впечатляюще даже в наши дни, с высоты современной ступени научно-технического прогресса» [11, с. 330]. Сама идея Прогресса, заимствованная XIX столетием от предшествующего века Просвещения, предполагала ее непосредственную связь с образом Науки.

Влияние науки на экономику и быт, мировоззрение и культуру заметно меняли ее значение и роль в обществе даже на российской периферии. Так, известный «певец Урала» Д. Н. Мамин-

Сибиряк вспоминал о пореформенной эпохе: «Шестидесятые годы были отмечены даже в самой глухой провинции громадным наплывом новой, популярно-научной книги. Это было яркое знамение времени. ...Это была наивная и счастливая вера в ту науку, которая должна была объяснить все и всему научить, а сама наука заключалась в тех новых книгах, которые стояли на полочке в приисковой конторе» [9]. Писатель вспоминал свое первое знакомство с научной книгой в пятнадцатилетнем возрасте: «От нашего завода верстах в десяти были знаменитые платиновые прииски. Управителем, или по-заводски доверенным, поступил туда бывший студент Казанского университета Николай Федорыч. Мы с Костей уже бродили с ружьями по соседним горам, бывали на прииске, познакомились с новыми людьми и нашли здесь и новую книгу, и микроскоп, и совершенно новые разговоры. В приисковой конторе жил еще другой бывший студент, Александр Алексеевич, который главным образом и посвятил нас в новую веру. В конторе на полочке стояли неизвестные нам книги даже по названию. Тут были и ботанические беседы Шлейдена, и Молешот, и Фогт, и Ляйель, и много других знаменитых европейских имен. Пред нашими глазами раскрывался совершенно новый мир, необъятный и неудержимо манящий к себе светом настоящего знания и настоящей науки» [9].

Благодаря прогрессу транспорта уральцы могли приобщаться к столичной культуре. Так, воспитанницам Стахеевского епархиального женского училища неоднократно удалось посетить первопрестольную. Об одной такой поездке летом 1910 г. у них остались восторженные свидетельства. Программа экскурсии была весьма насыщенной. Им удалось, в частности, посетить известные музеи, например, художественно-промышленный музей им. Александра II при Строгановском училище, где посетительницы познакомились со стариной церковного зодчества, коллекциями художественных рисунков, дорогих вещей; особенно их заинтересовал восточный отдел, — изделия из Японии, Китая, Индии и Египта, знаменитые египетские мумии, саркофаги. Всё это богатство было собрано здесь путешественником Поповым, затратившим на это до 2 миллионов рублей. Политехнический музей также поразил

провинциалок богатством имеющихся в нем коллекций. Цель этого музея заключалась в распространении в народе прикладных знаний. «Весьма важную роль в этом деле, — делились информацией современницы, — играют популярные чтения, устраиваемые для народа в вечерние часы и по воскресеньям и пользующиеся огромной популярностью... Несколько десятков тысяч слушателей заполняют обширнейшие залы музея, превращая их в живые аудитории... Целые лабиринты многочисленнейших зал уставлены интереснейшими коллекциями, демонстрирующими пред нами отделы прикладной зоологии, физики, технический, сельскохозяйственный, архитектурный... Нужно не день, не два, а целые месяцы жить здесь, чтобы изучить всё это богатство и ориентироваться в его сокровищах. Мы рассеялись по этому лабиринту, и каждая рассматривала то, что наиболее ее интересовало. Сколько знаний, сколько света льется из этого просветительного учреждения! А сколько бедных, нищих духом уходит отсюда нравственно удовлетворенными и освещенными искрой полезного знания!» [1, с. 1284–1285].

Расширение научной деятельности и рост творческой активности ученых в пореформенное время происходили в русле широкого общественно-культурного движения. Общественность объединялась для решения поставленных исследовательских задач, собирая для этого необходимые средства. В последней четверти XIX в. за пределами столиц работало свыше двух третей научных обществ страны, делавших важные шаги в изучении фольклора, истории и археологии отдельных местностей, их природы и полезных ископаемых, хозяйственной и духовной жизни населения [11, с. 384]. Уральский регион в данном контексте не был исключением. Во второй половине XIX — начале XX в. на Урале, как и в других регионах России, появлялись, функционируя на принципах самоорганизации, самоуправления и самофинансирования, общественные организации, объединявшие передовую, прогрессивно мыслящую творческую и техническую интеллигенцию. Такие общества и кружки (большинство из которых имели оформленный, легальный характер) имелись не только в таких крупных центрах, как Пермь, Екатеринбург, Вятка, Уфа или Оренбург, но

и в других городах Урала. Так, Е. П. Пироговой удалось установить факт создания 36 научно-краеведческих обществ в Пермской губернии, возникших по инициативе преимущественно общественности, реже — по инициативе государства и земств [12].

В рассматриваемое время научно-краеведческие и культурно-просветительные общества стали заметным явлением в общественной жизни Уральского региона, они внесли значительный вклад в развитие провинциальной культуры, занимаясь популяризацией науки, устраивая лекции, выставки и иные культурные мероприятия. Именно с их деятельностью во многом связано появление на Урале музеев и общественных библиотек, открытие профессиональных учебных заведений. Общественные организации в значительной степени восполняли пробелы и недочеты государственной политики в социокультурной сфере, дополняли работу органов городского самоуправления в этой области. О существовании некоторых из этих общественных организаций знали далеко за пределами России. Общественные связи Урала (например, УОЛЕ — Уральского общества любителей естествознания) с зарубежными странами показательны с точки зрения интеграции российской периферии в мировой научно-культурный процесс [7].

Понимая важность деятельности ученых обществ в любимом Екатеринбурге, Д. Н. Мамин-Сибиряк указывал на первоначальные трудности (недостаток финансирования, известный скепсис со стороны других горожан) функционирования трех ученых обществ: УОЛЕ, отделения Императорского технического общества и отделения Общества для содействия русской торговле и промышленности. Писатель отмечал, что последние два общества лишь числились на бумаге, а УОЛЕ было весьма ограничено в средствах и существовало благодаря самоотверженной деятельности таких людей, как О. Е. Клер [10, с. 375–376].

С Онисимом Егоровичем и Модестом Онисимовичем Клерами, руководителями Уральского общества любителей естествознания поддерживал общение еще один известный краевед — В. П. Бирюков. Личностный фактор многое определял в уральской провинции. Именно благодаря энтузиазму отдельных краеведов распространялись научные знания.

Так, даже революционные потрясения 1917 г. не смогли отвлечь Владимира Павловича Бирюкова от любимого дела. Благодаря введенным в научный оборот Е. Ю. Рукосуевым дневниковым записям В. П. Бирюкова известно, что в это непростое время он работал с коллекцией и писал заметки по истории Зауралья в газету. Вечером 3 декабря 1917 г. в земской управе он прочитал доклад «О находках в курганах близ села Долговского Шадринского уезда»: «Собралось народу более 100 человек. Я говорил не совсем складно, но все-таки ладно. Самой интересной, пожалуй, частью был обмен мнениями, причем приходилось объяснять публике самые азы археологии и доказывать, что последняя, в сущности, есть такая же естественноисторическая наука, как палеонтология, ботаника и др. Как мне передавали, будто бы кто-то из публики, расходясь с доклада, говорил: “Почаще бы устраивали такие доклады”» [13, с. 22–24]. В дальнейшем по его инициативе в Шадринске велась подготовка к открытию «Научного хранилища» и первой выставки, назначенной на 27 декабря. Выставка состоялась и имела большой успех [13, с. 25].

В Перми просветительскую работу успешно вел научно-промышленный музей, устраивая экскурсии, чтение лекций, проведение выставок. Музей объединял научные силы края, его почетными членами являлись известные краеведы, такие как Ф. А. Теплоухов, Н. Н. Новокрещенных, геолог А. П. Карпинский, палеонтолог А. А. Штукенберг, географ П. И. Кротов, ботаник Н. В. Сорокин, этнограф Д. Н. Анучин [2]. Многие для музея сделал «дедушка пермского прогресса» врач П. Н. Серебренников. Современники отмечали, что не было в Перми ни одного важного общественного дела, ни одной общественной организации, «преследующей те или иные цели культуры и прогресса», в которых этот энтузиаст не являлся бы «инициатором или самым деятельным сотрудником». Благодаря таким «людям с молоточками» (чеховское выражение), «русская провинция стряхнула с себя чары тяжелого сна и постыдного индифферентизма» [8, с. 14. 19].

В сознании современников научно-технический и социокультурный прогресс ассоциировался с европеизацией. Так, ссылаясь на пример Екатеринбурга, Д. Н. Мамин-Сибиряк утверждал, что

«и в далекой провинции можно жить по-европейски»; с каждым годом в горнозаводской столице Урала, по его словам, увеличивался контингент людей, которые могут составлять «общество» в полном смысле этого слова. В пореформенный и последующий периоды произошли важные изменения в жизни уральской провинции. Писатель отмечал: «Провинция перестает быть той глушью, которая еще так недавно пугала всякого живого человека, почему-нибудь принужденного расстаться с жизнью в столице, тем более, что усовершенствованные пути сообщения все более и более сближают окраины с центром. В недалеком прошедшем все мало-мальски выдающееся из-под общего уровня неизбежно стягивалось в столицы, теперь всякая провинциальная сила найдёт себе приложение на месте, если она действительно “сила”, а не “пустоцвет”» [10, с. 375–376].

Техническая интеллигенция края находила «приложение» своим силам в научно-технических обществах, например, в Обществе уральских горных техников, открытом в Екатеринбурге в начале XX в. Как и другие научно-технические общества, оно издавало свой технический журнал «Уральский техник». Т. Г. Шумкина справедливо подчеркивает значение этого многоотраслевого печатного издания, выполнявшего информационную, исследовательскую и просветительскую функции, а также его роль в процессах консолидации и профессионализации технических кадров Урала. «Уральский техник» активно пропагандировал новейшие достижения науки и техники, так, предметом особого внимания журнала стал мартеновский способ передела чугуна в железо и сталь, который в конце XIX — начале XX вв. на Урале пришел на смену кричному и пудлинговому способам. Будучи научно-технической и профессиональной организацией, Общество уральских горных техников проявляло интерес к работе различных технических съездов и съездов промышленников горнозаводского Урала [15].

Е. Ю. Рукосуев, исследуя историю существования съездов горнопромышленников и золотопромышленников на Урале в конце XIX — начале XX в., приходит к выводам о формировании элементов гражданского общества — возможно, и не такого быстрого, как хотелось бы современникам: «Общественные организации

оказывали воздействие на развитие экономики, способствовали рационализации методов хозяйствования, профессионализации, распространению научных знаний и культуры в обществе. Однако эти процессы в общественной и политической сферах, как и в области социально-экономических отношений, имели незавершенный характер». Исследователь скрупулезно изучил через историю деятельности съездов горнопромышленников и золотопромышленников на Урале условия формирования новой модели экономического развития, основанной на коренном технико-технологическом перевооружении металлургии и всей уральской горнозаводской промышленности, на полной перестройке ее организационно-экономической структуры. Ученый убедительно показал, что представительные организации предпринимателей являлись важнейшим звеном в системе прямой и обратной связи между капиталом и правительством [14].

Деревня значительно медленнее и труднее воспринимала новые знания и инновации. Знакомство с периодикой того времени показывает обилие примеров того, как трудно прививались те или иные передовые явления и знания, здесь были примеры и неудач, и попятного движения или топтания на месте. Так, один современник, горячо откликаясь на опыт другого провинциала, писал: «Я долго раздумывал о причинах неуспешности всех благих начинаний автора, тем более, что и самому мне пришлось пережить подобные „дефекты“: и я кое-что начинал делать, пробовал плыть на своем челноке благих начинаний в сторону лучших интересов, но каждый раз мой челнок встречал на своем пути те или другие препятствия и все я оказывался на мели „сидящим“».

Вступая в полемику о причинах и неудачах тех или иных прогрессивных начинаний, готовности или неготовности крестьян воспринимать нововведения, автор газетной статьи задавал вопрос, полагая, что ответ надо искать у таких наших писателей, как Ф. М. Достоевский: «Слов нет, мы, русские, привыкли брать широко, но неужели только потому мы и терпим крах, что не умеем взять поуже?». Далее автор повествовал о своем неудачном опыте на должности земского агронома, делился трудностями работы учителем в одной из «глухих школ медвежьего захолустья», а их

было немало. Так, ему пришлось убедиться, «что с крестьянином у меня мало осталось общего: семилетнее пребывание в агрономических школах ... поселили во мне духовную рознь с деревней...». Проводя в школе вечерние занятия для взрослых (беседы по улучшению сельского хозяйства в целом и, в частности, по садоводству и огородничеству), ему удалось, однако, найти общий язык с крестьянами, школа сближала их «на почве практических знаний, необходимых в крестьянском быту».

При этом, однако, современника не покидали сомнения духовно-мировоззренческого плана, связанные с противопоставлением духовного и материального начал. Ход его мыслей был следующим: «Крестьянин кое-что поймет из моих лекций, попробует ввести рациональные способы обработки земли, научится искусственному травосеянию и через то будет иметь лишних 50 пудов хлеба в год, а от введения искусственного травосеяния — увеличится количество корма для скота и, значит, вместо одной коровы крестьянин будет иметь возможность держать двух коров или лошадей, через что увеличится количество навоза, — будет ежегодно удобряться большая площадь земли и в конце концов бюджет крестьянина может увеличиться на 100–150 рублей больше прежнего». «Материальная польза очевидна, — ставит он важный для себя вопрос, — но будет ли крестьянину лучше от этого в моральном отношении?» [3, с. 5]. Далее современник размышлял, что с подъемом крестьянского благосостояния возрастут и его потребности, крестьянин пожелает «кирпичный» чай заменить «фамильным», жестяной самовар — медным, лапти — лакированными сапогами, простую телегу — тарантасом, сарафан жены — платьем, захочет приобрести часы и калоши. Очевидец указывал на некоторые преимущества традиционного уклада и привычного быта: «Теперь крестьянин ходит в лаптях, в сермяжном армяке, баба в самотканом сарафане, но в семье их царит мир, патриархальность; успехи и не успехи они приписывают Промыслу Божию и, так или иначе, нравственно удовлетворены».

Сравнивая крестьян с «фабричным и подгородным» населением, имеющим более высокие заработки, а, соответственно, и несколько иные потребности, очевидец критиковал такие явления в их среде,

как «франтовство, пьянство, дикий разгул, разврат», а также недостаток семейного согласия и живой веры в Бога. Современник приходит к выводу о необходимости сохранения традиционных духовных идеалов: «Не лучше ли учить народ довольствоваться малым и жить в простоте души по старине, патриархально? Но, нет, подобное мое суждение назовут нелепым. Значит, надо вести народ по пути экономического и политического прогресса и, в то же время, нужно, чтобы народ и нравственно прогрессировал, чтоб он был благочестив в лучшем смысле сего слова...» [3, с. 6–7]. Сам автор газетной статьи прошел жизненный путь от агронома и учителя до священника [3, с. 8]. Показательно, что его размышления оказались созвучны мыслям другого современника, сославшегося на Г. Спенсера: «Хотя передовые идеи, установившись раз, влияют на общество и содействуют его дальнейшему прогрессу, но установление таких идей зависит все-таки от подготовленности общества к их восприятию. Народный характер и социальное состояние определяют, какие идеи должны получить ход в обществе, а не идеи определяют социальное состояние и народный характер» [5, с. 432].

Вопрос сохранения самобытных культурно-цивилизационных основ в условиях ухудшения морально-нравственного состояния общества, усиления в нем негативных социальных явлений горячо волновал местное духовенство, что было типично и для других регионов России. В заметке с показательным названием «Заботы о поднятии нравов» говорилось о соответствующих особенностях новой эпохи и примере борьбы Новгородского епархиального начальства с печальными явлениями современной жизни, такими как «утрата строгости быта личной, семейной и общественной жизни», что было актуально и для Уральского края. С распущенностью рекомендовалось бороться проповедями и личными беседами, приобщением народа к церковно-приходским библиотекам, целенаправленным просвещением родителей в делах воспитания детей и другими религиозными способами поднятия народного благочестия [4, с. 439–440].

Духовенство на Урале вынуждено было вести соответствующую работу с интеллигенцией, для которой конфликт между традиционными и новыми ценностями, религиозными взглядами

и научными представлениями был особенно актуальным. В Елабуге, например, с 1910 г. с разрешения архиепископа Филарета действовал комитет по устройству религиозно-нравственных и церковно-исторических чтений для интеллигенции. Его возглавлял инспектор Стахеевского епархиального женского училища священник Сергей Танаевский. К их организации привлекался хор в составе воспитанниц Стахеевского епархиального училища, диаконов, псаломщиков и любителей церковного пения под управлением члена комитета, псаломщика Елабужского Спасского собора Н. Дьяконова. Чтения устраивались в зале образцовой церковно-приходской школы. Они были направлены на поднятие нравственного уровня слушателей и по возможности должны были давать ответы на духовно-мировоззренческие вопросы современности.

Так, 12 декабря 1910 г. состоялось чтение, предложенное священником Николаевской церкви Елабуги А. Вечтомовым на тему: «О грехе и спасении», 19 декабря 1910 г. — преподавателем епархиального училища В. Головиным на тему: «Христианство и современная жизнь». В 1911 г. в период времени от Рождества Христова до Великого поста были проведены четыре мероприятия: 23 января — священником С. Танаевским на тему: «О счастье человеческом»; 30 января законоучителем реального училища и женской гимназии священником П. Дерновым на тему: «О графе Л. Н. Толстом, по поводу отзывов печати о нем», 6 февраля протоиереем Спасского собора М. Зосимовским на тему: «Забытый путь к познанию Бога»; 13 февраля — протоиереем женского монастыря И. Скарданицким на тему: «О правах человека, выражаемых словами: “братство, равенство и свобода”». В дни Великого поста были устроены соответствующие по тематике чтения: 27 февраля — преподавателем епархиального училища А. Неуньловым на тему: «Вера в ее отношении к мирозерцанию человека», 6 марта — священником Николаевской церкви А. Вечтомовым на тему: «Об идеале христианской жизни и о покаянии апостола Петра»; 13 марта — преподавателем епархиального училища А. Сергиевым на тему: «Библия, наука и вопрос о днях творения»; 20 марта священником приютской церкви А. Листовым на тему: «Почему

так много обрядов в православной церкви»; 27 марта преподавателем епархиального училища В. Егоровым на тему: «О двойственности человеческой природы»; 3 апреля священником Николаевской церкви А. Вечтомовым на тему: «Об отношении христианина к непонятым истинам Евангелия». Каждое чтение начиналось молитвой «Царю Небесный» и оканчивалось «Достойно есть». Очевидно, что потребность в таких культурно-просветительных мероприятиях была высока: «аудитория большею частью бывала переполнена, часто не хватало места всем желающим послушать», присутствовало от 200 до 350 слушателей, не считая воспитанниц училища, «порядок все время был образцовый». Чтения являлись «в высшей степени полезными и для воспитанниц трех старших классов епархиального училища», «посещая чтения, они имели возможность с большим удовольствием и пользой для себя прослушать ряд очень интересных, по их словам, чтений на богословско-философские темы» [4, с. 803–807].

Одной из самых актуальных тем для находящихся в поисках ориентиров и идеалов провинциалов являлся вопрос о взаимоотношении науки и веры. В одной из лекций, опубликованной в Екатеринбургских епархиальных ведомостях, современник стремился ответить на этот вопрос, полагая, что не наука формирует мировоззрение человека: «мировоззрение человека делает науку для одного безбожной, а для другого — религиозной» [6, с. 396]. Лектор задавал и отвечал на вопрос: «отвергает ли существование Бога истинная, беспристрастная наука в лице своих главных представителей или нет? Оказывается — нет». В доказательство он ссылался на представителей многих наук, включая одного из столпов естествознания: «Линней, например, окончив наблюдения над организацией растений, восклицает: “Вечный, беспредельный, всеведущий и всемогущий Бог прошел мимо меня”» [6, с. 396]. Лектор полагал, что верующий ученый не будет тормозить движение науки вперед: «Христианство не только не отвергает, но напротив рекомендует пытливость человеческого ума и такой ученый будет только осторожнее относиться к гипотезам и прежде, чем принять их, сравнит их и Божественными Откровениями, будучи уверен, что истина может быть только одна и она не может противоречить

Откровению, так как Бог, открывший истину в Откровении, не мог в творении сказать другое» [5, с. 434].

В размышлениях лектора звучал некоторый скепсис в отношении прогресса: «Правда, наука теперь сделала массу открытий и изобретений. Можно подумать, что мы двигаемся гигантскими шагами по пути прогресса, но при внимательном отношении к этим открытиям мы увидим, что они концентрируются на весьма небольшом районе — только около вещества и его проявлений» [5, с. 436]. Новые знания не давали, по его мнению, ответов на «коренные вопросы человека о смысле жизни, о сущности явлений и об условиях их возникновения» [5, с. 436]. На его взгляд, истинная наука должна «всеми мерами способствовать этому определению, охватывая все стороны человеческой жизни, все области знания в полном объеме, т. е. не только то, что содействует материальной культуре, улучшает и телесную жизнь, но и то, что содействует и моральной культуре, возвышает и облагораживает душу человека» [5, с. 433–434].

Очевидно, что в рассматриваемое время прогресс, связанный с вестернизацией, являлся культурно-мировоззренческим вызовом для россиян, включая жителей провинции, ответом на него было приобщение к передовым достижениям науки и благам научно-технического прогресса при осознании необходимости сохранения культурно-цивилизационных основ, базирующихся на идеалах православия. Данный процесс сопровождался социально-экономическими и социокультурными трансформациями в Уральском регионе, как и во всей стране, усилением социокультурного раскола уральского социума и очевидным разрывом в эволюции города и деревни.

Список литературы

1. В матушку-Москву. Вторая экскурсия воспитанниц Стахеевского епархиального женского училища летом 1910 года. (Продолжение) // Вятские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. – 1910. 4 ноября. – № 44. – С. 1284–1285.
2. Ваганов А. А. Пермский научно-промышленный музей в дореволюционный период // Исторические издания: материалы I Междунар. науч.

конф. (г. Уфа, 2012. С. 28–34. URL: <http://moluch.ru/conf/hist/archive/54/2407> (дата обращения: 25.02.2021).

3. Вятские епархиальные ведомости. Неофф. отд. – 1911. 6 января. – № 1. – С. 5–8.

4. Заботы о поднятии нравов // Вятские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. – 1911. 19 мая. – № 20.

5. Екатеринбургские епархиальные ведомости. Неофф. отдел. – 1915. 7 июня. – № 23.

6. Екатеринбургские епархиальные ведомости. Неофф. отдел. – 1915. 24 мая. – № 21.

7. Казакова-Апкаримова Е. Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале во второй половине XIX — начале XX в. – Екатеринбург, 2008. – 289 с.

8. Краткий отчет научно-промышленного музея за 1916 год. – Пермь: Электро-тип. губернского земства, 1917. – 44 с.

9. Мамин-Сибиряк Д. Н. Из далекого прошлого // URL: <http://mamin-sibiryak.lit-info.ru/mamin-sibiryak/proza/iz-dalekogo-proshlogo/knizhka.htm>.

10. Мамин-Сибиряк Д. Н. От Зауралья до Волги // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полное собрание сочинений. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. – Т. 4. – С. 375–376.

11. Очерки русской культуры XIX века. – Т. 2. Власть и культура. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 480 с.

12. Пирогова Е. П. Научно-краеведческие общества Пермской губернии в пореформенный период. Дисс. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1989. – 236 с.

13. Рукосуев Е. Ю. Владимир Павлович Бирюков в 1917 году // XXII Бирюковские чтения. – Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. гуманитар.-пед. ун-та, 2019. С. 22–24.

14. Рукосуев Е. Ю. Съезды горно- и золотопромышленников Урала в конце XIX — начале XX века: организация и направления деятельности: Автореф.... дисс. докт. ист. наук. — Екатеринбург, 2013. — 54 с.

15. Шумкина Т. Г. (Екатеринбург) Журнал «Уральский техник» как источник по истории индустриального развития горнозаводского Урала в начале XX в. // URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/1446/47.pdf> (дата обращения: 25.02.2021).

САНАРСКИЙ РУДНИК — СЕРЕБРЯНАЯ НАДЕЖДА УРАЛА

В статье рассматривается малоизвестная история открытия и начала разработки серебряного рудника в Исетской провинции (современная Челябинская область) в 1760-е гг. На основе редких архивных материалов приведены данные об организации и технологии разработки свинцово-серебряного месторождения в приграничных с казахскими землями местах. Автор подчеркивает значимость поиска и открытия серебряных месторождений для уральской горнозаводской традиции.

Ключевые слова: Урал XVIII в., Санарский серебряный рудник, Санарская крепость, свинцово-серебряная руда, горные специалисты.

The article highlights the little-known history of the discovery and development of a silver mine in the Iset province (modern Chelyabinsk region) in the 1760s. On the basis of rare archival materials, data on the organization and technology of the development of a lead-silver ore deposit in sites bordering with the Kazakh lands are presented. The author emphasizes the importance of the search and discovery of silver deposits for the Ural mining tradition.

Keywords: *The Urals of the XVIII century, Sanara silver mine, Sanara fortress, lead-silver ore, mining specialists.*

В отличие от истории золотодобычи, история уральского серебра крайне редко затрагивается исследователями. Достаточно сказать, что чуть ли не основными известиями о реальной добыче серебра в крае в XVIII в.¹ остаются сведения о Подволошном руднике на Чусовой, упоминаемом В.И. Генниным [1, с. 72; 2, с. 72, 232, 360]. Разработка его велась менее двух лет в 1720-е гг., в то время как количество объявленных и разработанных серебряных рудников Урала в одном только XVIII в. превысило, по крайней мере, десяток. А разработка некоторых велась десятилетиями.

Здесь мы рассмотрим начало действия, вероятно, самого значительного в XVIII в. серебряного рудника Урала. Во всяком случае, его можно ставить в один ряд с теми уральскими рудниками, что привлекали внимание столиц, притягивали к себе сотни, даже тысячи, людей и возбуждали невероятные надежды специалистов.

¹ Мифологизированная история уральского серебра, безусловно, заслуживает отдельного разговора.

На основании указа Берг-коллегии в Канцелярию Главного правления заводов в Екатеринбурге (далее — Главное правление) от 3 августа 1766 г. можно судить, что медный прииск на р. Санарке (приток р. Уй) близ Санарской деревни в Исетской провинции был открыт в 1757 г. казаками Михаилом Акунковым и Федором Федоровым. Прииск был продан ясачному татарину Исмаилу Назирову, а от него уступлен в 1761 г. «в вечное и потомственное владение» директору Троицкой таможни ассессору Якову Таузакову. Началась его разработка наемными людьми, и, видимо, тотчас в руде обнаружилось содержание серебра. Естественно, ассессора вскоре же поставили в известность, что Санарский медный и серебряный рудник «подлежителен» в казну.¹

Спустя несколько лет таможенный директор, уже в чине надворного советника, называл бывший свой рудник Козьмодемьянским, требовал сагисфакции и уверял, что так вообще не делается: «Небезызвестно мне учинилось, что заводчик Походяшин не в подобие того рудника, но гораздо лучше в меди содержащие металлы серебряные имеет, а рудник в его собственное владение отдан. А баронессе Марье Строгановой для приращения Государственной пользы и казенной прибыли золотые и серебряные руды на пусте лежащих, и никем не заселенных, и ни на что не употребленных местах приискывать позволено.... Наподобие чего и заводчику Твердышеву дозволение дано. Следственно, и мне тем же пользоваться надлежит, ибо в помянутом руднике серебра содержащей руды во всей разработке весьма малое число было».² По словам Таузакова, об открывшемся серебре он, на свою голову, сам известил казну: «В 1761 году в Санарском моем медном руднике оказался серебряный металл, о котором, усердствуя пользе Государственной, не упустя ни малейшего времени, в Канцелярии Главного заводов правления объявил».³

В казенном ведении рудник находился, по крайней мере, с ноября 1762 г., а организация работ велась там с весны следующего

¹ Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 1890. Л. 259.

² Там же. Д. 1777. Л. 348–348 об.

³ Там же. Д. 1951. Л. 771.

года. Туда прибыл унтер-штейгер Савватей Балакин с тремя рудокопами и с задачей подготовить к работе «водяную машину» — насос. К заготовке леса для рудничных надобностей были привлечены крестьяне Нижнеуvelьской слободы с лошадьми (по запросу Главного правления в Исетскую провинциальную канцелярию).

Летом 1763 г. побывал на Санарке берг-мейстер Даниэль Келлер — член Екатеринбургской горной экспедиции золотых производств (администрация региональной золотодобычи). Он подтвердил наличие того, что называлось тогда свинцово-серебряной рудой, и, видимо, оценил возможность устройства сереброплавильного завода. (Во всяком случае, на его мнение ссылались потом в Берг-коллегии). Имя его было хорошо известно в горном ведомстве: на Урале он служил уже почти 30 лет и едва ли не первым из специалистов обратил внимание на местный малахит.

С сентября 1764 г. под надзором обер-штейгера Готфрида Бахмана началась разработка Санарского рудника. Кстати, несколько позже он высказался о квалификации Балакина и рекомендовал того в штейгеры: «Оказал себя прочным в произвождении горных работ, в построении ручных насосов и маховых конных машин... Во всем себя приводит искусным и своими руками исправить смыслит».¹

Теперь во вспомогательные работы было привлечено за плату полсотни бобылей и крестьян Екатеринбургского, сел Бобровского и Горного Щита, в дальнейшем к работам высылали на замену по полусотне, а затем и по сотне, приписных Екатеринбургского ведомства, преимущественно Арамилской и Красномысской слобод. По-прежнему возлагались на них заготовка леса на крепеж горных выработок и выжиг угля для опробования руд. Но, по недостатку рудокопов, приходилось крестьянству спускаться и в штольни. Естественно, часто случались побег.

Известно, что на первых порах работники располагались по квартирам ближней Санарской крепости, но после не прекращавшихся конфликтов с казаками к осени 1765 г., по настоянию Бахмана, при руднике последовательно выстроили балаганы, «земляную

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1777. Л. 399.

избу» с печью, кузницу, баню и т.п. В Санарской же крепости выделили амбар под руду.

Сохранившиеся материалы позволяют судить и о собственно горной работе.

Гитен-фервальтер Петр Яковлев и унтер-шихтмейстер Дмитрий Коморников свидетельствовали: «1764 году ноября 20 повелено к точному сведению и положению руд при Санарском руднике и благонадежности жил во всех штреках, так и состояния работ, производимых обер-штейгером Бахманом, нимало [не] медля, осмотреть и взять из каждого сорту по несколько пудов».¹

Согласно их докладу, работа велась тремя шахтами, приходилось бить и осушительные шахты (кунст-шахт) и даже намечать водоотводной канал до ближней речки Теплой, или Грязнухи. Добываемое в недрах представляло собой следующее: «Руда медная, в которой сыскивается блей-гланц и самородная медь».² Сказано было и о заводе: «Для построения к тому пристойного вододействующего к плавке руд завода место под плотину поблизости обыскивать нынешним зимним временем неудобно. И за тем оно оставляется до летнего времени».³

В добытой тогда руде серебра не оказалось (по крайней мере, до лабораторного освидетельствования). Однако многозначительным было само назначение Петра Яковлева: несколько лет он возглавлял сереброплавильный Нерчинский завод, оценивал возможность устройства серебряного завода на Алдане, освидетельствовал недра на тихоокеанских берегах.⁴

В целом же разработка серебряно-свинцового месторождения для Урала была редкостью.

От Главного правления Бахман получил образцовый «штуфец» блей-гланца — внешне похожей на самородное серебро основной руды свинца. Утверждены были три шахты, во всех шла синяя глина с медной рудой разных видов и блей-гланцем: «Ополаскивается чрез

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д.1741. Л. 564.

² Там же.

³ Там же. Л. 565.

⁴ Подробнее см.: Корепанов Н.С. Первая геологическая экспедиция на Камчатку, Курильские и Командорские острова, 1753–1755 гг. // Третьи Татищевские чтения. Екатеринбург, 2000. С. 48–51.

насос пропущенною из штолен водою, в коей находится крупный блей-глянец. А мелкий пропускается сквозь сито проволочное и потом на шлем-грибене промывается... Коего уже и получено изоста [пудов породы. — *Н. К.*] 10 пуд».¹ Попадалось и серебро: «По оной синей земле оказались с мелким чистым блей-глянцем серебряной руды прожилки неубогого свойства».² По лабораторному расчету, от «центнера» руды должно было получаться 75 золотников серебра.³

Ежемесячно в 1765 г. проводился разбор добытой блей-глянцевой руды, по предварительному расчету содержащей от 3 до 5 и более фунтов серебра.⁴ Упоминал Бахман и о мелком серебряном шлихе, а по проходке по штрекам отмечал помимо синей глины и медной руды: «С блей-глянцем серебряной руды камня, имеется и купфер-кис».⁵

По проведенной же в феврале 1765 г. в Екатеринбургской лаборатории пробе в серебряном шлихе, намытом из синей санарской глины, весу оказалось менее золотника. От расчетных ста пудов «блей-глянца» получено было 65 фунтов свинца и чуть более фунта серебра.⁶ В марте от «блей-глянца» разных видов получено было уже около 5 фунтов серебра.⁷ Последующие пробы оказались сопоставимы, но, конечно, на серьезную прибыль от рудника рассчитывать не приходилось. За год получаемое из того же «блей-глянца» сопутствующее серебро и на Нерчинских, и на Кольванских заводах мерялось на десятки пудов.

Впрочем, в 1765 г. пробу санарской руды провели непосредственно при лаборатории Берг-коллегии: «Оказалась как меди, свинца, так и серебра неубогого содержания».⁸ От Берг-коллегии же (вице-президент А. Э. Мусин-Пушкин) высказались о необходимости приписки крестьян к новым промыслам и даже о вероятности особого серебропромывального и плавильного завода.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1890. Л. 270 об.

² Там же. Д. 1890. Л. 268 об.

³ Там же. Л. 270

⁴ Там же. Л. 271, 272, 273, 274/

⁵ Там же. Д. 1777. Л. 376.

⁶ Там же. Д. 1777. Л. 354 об.

⁷ Там же. Л. 428 об.

⁸ Там же. Д. 1890. Л. 259 об.

Для обер-штейгера Бахмана работа на Санарке оказалась последней. Скончался он в сентябре 1765 г. от какой-то скоротечной болезни, погребен был в Екатеринбурге.

Отметим здесь, что и его назначение было неслучайным — с русским серебром он познакомился еще в 1740-е гг. в Восточной Сибири [3, с. 12–14, 16, 17, 25].

Умершего Бахмана временно сменил присланный обер-штейгер Готфрид Шнейдер, затем команду принял унтер-штейгер С. Балакин. Весной 1766 г. работу возобновлять не стали, управитель сдал имущество рудника под охранение старшин Санарской крепости.

Санарский рудник не трогали четыре года. За тот срок несколько раз выражал неудовольствие Яков Таузаков, но рудник оставался в казне. Ибо надежду не теряли.

Ранней весной 1770 г. освидетельствовать Санарку направили обер-штейгера Иоганна Кирхнера. (Как и Бахман и Шнейдер, подобно многим саксонцам в то время, он трудился на Березовских золотых промыслах, и стараниями его начинал когда-то действовать первый на Урале и в России Уктусский золотопромывальный завод.) Он констатировал: «Чрез такое долгое время весьма может быть, что крепление в шахтах, штольнях и штреках уже обвалилось. Хотя ныне еще и кажется, что крепко, но, примечается, от того, что в зимнее время от морозу замерзает... В выработанных местах, где вода состоит, везде, как в шахтах, так и штреках и гезенгах мягкую пловущую землю и глину водою выполоскало. И тако все выработанные места от того засадило, и наполнились, что никаким способом вскорости и без великой опасности очистить невозможно будет».¹ И предлагал начинать все заново — бить новые шахты.

Оказалось, от рудника многого ожидают.

Возобновлять его назначен был ассессор Михаил Башмаков, член Главного правления, что свидетельствовало о весьма высокой значимости предприятия. В команду его, помимо Кирхнера, входили 15 человек: унтер-шихтмейстеры и унтер-штейгеры,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2004. Л. 2 об.

берг-гауэры и рудокопщики, пробирный ученик и кузнецы. Назначен был наряд на двести крестьян из Нижнеуельской и других ближних слобод.

В июне 1770 г. он рапортовал: «С командою горных и прочих служителей я ездил и по приезде на оный с присланными от Исетской провинции крестьянами начал производить разработку — вначале расчищать проходную вассер-штольну, также и устанавливать для выливки из горных работ воды машины».¹

А далее дело остановилось — подошли степняки: «От казака уведомился, что воры-киргизы от Степной крепости стоят в лесу верстах в 50-и во многолюдном собрании, примером тысячах в шести, по тому-де у них шесть знаков, а каждый знак содержит тысячу человек».²

Немедленно пришлось собирать тысячу казаков и башкир для возможно отпора, в том числе и от Санарской крепости, но это уж точно была совсем другая история. По уверению М. Башмакова: «При пустом степном и необведенном крепостию месте тем числом двухсот человек безоружейных прикрыть и укрываться будет никак не можно. А надлежит определить полную военную команду человек сот до пяти с исправным оружием».³

Полковник Михаил фон Траубенберг, командовавший тогда в Троицкой крепости, уверял, впрочем, что асессор преувеличил угрозу: «Г-н асессор Башмаков с работными людьми оставался в закрытом линиею месте и дальнейшей опасности быть ему при том разрабатывании рудника не находилось. Однако ж он, несмотря на то мое ему уверение июня 17 числа со всею его командою в Екатеринбург выехал».⁴

Из накопанной же тогда руды напробовали сколько-то меди и свинца и 3 лота серебра.⁵

Наступало, а потом и наступило время потрясений. Но Санарский рудник не бросили. Судя по документам, внимание к нему

¹ Там же. Л. 65

² Там же. Л.6 5-65 об.

³ Там же. Л. 66.

⁴ Там же. Л. 72 об.

⁵ Там же Л. 67 об.

не ослабевало, а работы периодически возобновлялись, по крайней мере, до середины 1780-х гг.

Здесь надо признать: повышенный (а может быть, и завышенный) интерес к Санарскому руднику объяснялся, конечно же, его принадлежностью казне. Но не только это. Надежда на большое серебро Урала имела более чем вековую историю, она неотделима от истории края. Ожидание уральского серебра зародилось еще в XVII в. (а может быть, и раньше!), сохранялось и в веке XIX-м. Неслучайно, в частности, серьезный исследователь и организатор промышленности Аникита Ярцев об открытии в 1814 г. серебряного Благодатного рудника на Березовских промыслах (о нем сейчас мало знают даже специалисты-историки!) говорит как об эпохальном событии [4, с. 189–193]. При этом никак не упоминает о якобы совершившемся в том же году открытии золотых россыпей. (В этой связи мы считаем, в том числе полагаясь и на рукопись Ярцева, что историю открытия россыпей на Березовских промыслах следует серьезно пересматривать).

Как известно, большого уральского серебра так и не случилось. Но многочисленные, хоть и не потрясшие державную экономику открытия, небогатые, но и не столь уж редкие серебряные рудники, так же, как и не прекращавшаяся четверть века работа на Санарке, свидетельствовали: уральское серебро — реальность, и полуполюгендарные известия о древних «серебряных копях», «серебряной горе» и т.п. не были только слухами.

Глоссарий

Берг-гауэр — рудный разборщик (занят разбором добытой рудокопами руды).

Берг-мейстер — горный чин 9 класса табели о рангах, соответствовал армейскому капитану.

Блей-глянц (*нем.* Blei-glanz) — свинцовый блеск, галенит (основная руда свинца). Часто содержит примеси серебра.

Вассер-штольня (*нем.* Wasser — вода, Stollen — штольня) — ров или канал для осушения района горных выработок.

Гезенг (*нем.* Gesenk) — горная вертикальная или наклонная горная выработка, соединяющая штольни, без выхода на поверхность.

Гитен-фервальтер — горный чин 12 класса табели о рангах, соответствовал армейскому поручику.

Купфер-кис (*нем.* Kupfer — медь; Kies — колчедан) — медный колчедан, халькопирит.

Унтер-шихтмейстер — нетабельный горный чин, соответствовал армейскому подпрапорщику.

Шлем-грибен (*нем.* Schlamm-graben) — кустарное устройство (деревянный желоб) для промывки горной породы с целью получения шлиха.

Шлих (*нем.* Schlich) — тяжелый металлический осадок после промывки горной породы.

Штейгер (*нем.* Steiger) — высшая рудничная должность (одновременно управительская и техническая). Существовали должности унтер-штейгера, штейгера, обер-штейгера и др.

Меры веса в XVIII в.

Золотник = 1/96 фунта = 4,266 г

Лот = 3 золотника = 12,8 г

Фунт = 96 золотников = 1/40 пуда = 0,409... кг

Пуд = 40 фунтов = 16,38 кг

Центнер — условно-расчетная лабораторная мера веса в 100 фунтов (2,5 пуда).

Список литературы

1. Геннин В. И. Описание уральских и сибирских заводов, 1735. — М.: Гос. изд-во «История заводов», 1937. — 656, [8] с.

2. Геннин В. И. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / Ред.-сост. М. О. Акишин. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. — 467 с.

3. Тамгинский завод и якутское серебро. Сб. документов / Ред.-сост. Н. С. Корепанов. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. — 132 с.

4. Ярцов А.С. Российская горная история. Уральская часть. Кн. четвертая: [рукопись 1814–1815 гг.] / Науч. ред. Н.С. Корепанов. — Екатеринбург: ООО «Издательский дом БАСКО», 2021. — 346 с.

КРИЗИСНОЕ СОСТОЯНИЕ УЕЗДНОЙ ПОЛИЦИИ В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX В.

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот исторических источников (мнения уездных исправников Оренбургской губернии о ситуации во вверенной им полицейской структуре) реконструировано состояние низовых полицейских органов. Выделены проблемы, снижающие эффективность их работы. Сделан вывод, что материальные и организационные основы существования становой полиции были неблагоприятны для ее полноценного нормального функционирования, особенно в условиях разворачивающегося революционного процесса.

Ключевые слова: полиция, уезд, Оренбургская губерния, эффективность.

The article reconstructs the state of the grassroots police bodies on the basis of historical sources introduced into scientific circulation for the first time (the opinions of the district police officers of the Orenburg province on the situation in the police structure entrusted to them). The problems that reduce the efficiency of their work are highlighted. It is concluded that the material and organizational foundations of the existence of the police station were unfavorable for its full-fledged normal functioning, especially in the context of the unfolding revolutionary process.

Keywords: police, district, Orenburg province, efficiency.

Эпоха позднеимперской России попала в сферу исследовательского интереса Евгения Юрьевича Рукосуева, замечательного уральского историка с мировым именем, еще на заре его научной карьеры. Специализируясь в первую очередь на экономической истории, он не мог пройти мимо сюжетов, связанных с развитием аппарата государственного управления, всегда признавая их важными для понимания реализации экономической политики имперского правительства. Настоящая статья посвящается светлой памяти большого ученого и замечательного человека, доктора исторических наук Е. Ю. Рукосуева.

На рубеже XIX–XX вв., в период, непосредственно предшествовавший первой русской революции, правительство Николая II активно разрабатывало планы по преобразованию местного звена аппарата государственного управления Российской империи. К их выработке и обсуждению были подключены региональные власти.

Так, в 1898–1903 гг. губернаторы докладывали в МВД свои соображения по вопросу о губернской реформе [1]. Аналогичным образом перед местным чиновничеством был поставлен вопрос о необходимости их участия в работе над проектом преобразования уездной полиции.

Заместитель министра внутренних дел князь П. Д. Святополк-Мирский в циркулярном письме на имя губернаторов от 3 июля 1900 г. предложил им в четырехмесячный срок сообщить в департамент полиции свои «предположения... по наиболее целесообразной постановке» полицейского дела с учетом «местных условий и данных». Одной из основных составляющих названной проблемы было изучение состояния наиболее приближенной к населению становой полиции.

В Оренбургской губернии реализация указанного поручения была сосредоточена в руках губернского правления — ключевого органа системы губернской власти в исследуемый период [2], власть которого определялась законом как «полицейская, в высшем значении, то есть судебнополицейская...» [3, с. 57, ст. 467]. Выбор учреждения-исполнителя такого высокого статуса был, конечно, не случаен и объяснялся большой значимостью «полицейского вопроса» с точки зрения эффективности управления губернией.

Действительно, роль полиции в системе регионального управления трудно переоценить. Она была не просто основным, но и единственным «силовым» органом, подконтрольным губернатору и выполнявшим при этом не только функции борьбы с уголовной преступностью, но и другие, самые разнообразные, обязанности. Для наглядности перечислим те из них, которые относились непосредственно к становой полиции, речь о которой пойдет в данной статье: наложение дисциплинарных взысканий на полицейских урядников, сотских и десятских; представление о предании подчиненных полицейских чиновников к суду и к наградам; доставление статистических сведений разным учреждениям; составление ведомостей о так называемых «средне-справочных ценах» и выдача сведений об этих ценах соответствующим лицам; выдача охотничьих свидетельств; выдача маршрутов по поездкам должностных лиц в пределах стана; исполнение приговоров судов

о заключении под стражу; организация пересылки арестантов по этапу, снабжение их одеждой, выдача им кормовых денег; исполнение поручений «комитета общественного здоровья»; взыскание разных штрафов, начетов и недоимок; выдача повесток; утверждение в должностях сотских и десятских; учет запасных нижних военных чинов и т.д. [3, с. 76–109, ст. 633–860] Особенно велико было значение полиции в неземских губерниях, к каковым в конце XIX в. относилась и Оренбургская.

Оренбургское губернское правление сумело привлечь к порученному делу всех пятерых начальников местных уездных полицейских управлений — исправников. Предоставленные ими данные подвергались проверке руководящими чиновниками самого губернского правления. В итоге, был создан уникальный по своей информативности и полноте комплекс документов,¹ характеризующий в своей совокупности состояние становой полиции Оренбургской губернии. Он сохранился практически в полном объеме, что также является редкостью. В настоящей статье эта документация будет впервые введена в научный оборот.

В конце XIX в. Оренбургская губерния делилась на пять уездов — Оренбургский, Троицкий, Верхнеуральский, Орский и Челябинский. Причем из всех городов губернии только Оренбург имел особое городское полицейское управление. Уездные города, в том числе Челябинск и Орск, в полицейском отношении входили в сферу ответственности уездной полиции.

Каждый уезд делился на определенное количество полицейских участков — станов. Распределение станов по уездам губернии показано в табл. 1.

Из таблицы видно, что по числу станов уезды губернии делились на три группы (перечислены в порядке убывания количества станов): 1) Оренбургский и Челябинский; 2) Верхнеуральский и Орский; 3) Троицкий. Обращает на себя внимание смещение критериев, по которым строилось это разделение. Так, в первую группу попали территории с наибольшим количеством жителей (около 500 тыс. человек), а во вторую — с наибольшей площадью

¹ Государственный архив Оренбургской области (далее — ГАОО). Ф. 11. Оп. 2. Д. 3357.

Таблица 1

Распределение станов по уездам Оренбургской губернии
в конце XIX века

Уезд	Число станов	Площадь уезда, тыс. км ²		Число жителей уезда, тыс. чел.	
		всего	в среднем на стан	всего	в среднем на стан
Оренбургский (без города Оренбурга)	8	35	4,4	555,452	69,4
Челябинский	8	37	4,6	436,928	54,6
Верхнеуральский	4	50	12,5	235,842	59
Орский	4	40	10	222,597	55,6
Троицкий	3	18	6	226,727	75,6

Источник таблицы: Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 11. Оп. 2. Д. 3357. Л. 1–19.

(около 40–50 тыс. кв. км). Очевидно, имела место попытка положить в основу деления уездов на станы сразу оба критерия. В результате, в наихудшем положении оказались Верхнеуральский (самый крупный в губернии) и Троицкий уезды, станы которых были одновременно наиболее обширными и одними из самых густонаселенных.

Верхнеуральский исправник в своем рапорте Оренбургскому губернскому правлению прямо писал о том, что «число существующих в нем (в уезде. — *С. Л.*) полицейских участков является весьма недостаточным, так как помимо значительного увеличения с каждым годом населения уезда благодаря развитию заводской промышленности..., обширность территории станов не дает возможности гг. Становым Приставам быстро исполнять возложенные на них поручения и строго относиться к своим обязанностям вообще». Троицкий исправник докладывал губернатору, что в его уезде «каждый стан... представляют собою чрезмерно обширные районы со значительным количеством населения, что крайне неблагоприятно отражается на ходе служебного дела».¹

¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3357. Л. 13–17.

Важно отметить, что становой пристав не имел в своем распоряжении канцелярии. И это несмотря на то, что в его адрес шли сотни и тысячи бумаг со всякого рода запросами и поручениями. Пристав обязан был лично заниматься организацией своего делопроизводства. На эту работу ему выделялось 500 руб. в год, но не выделялся штат помощников, что заметно осложняло его деятельность. У пристава не было канцелярии, как у исправника. Трое из пяти уездных исправников (Орский, Челябинский, Троицкий) посчитали важным предложить учредить при приставе должность штатного письмоводителя. Это было абсолютно необходимо, поскольку основную часть рабочего времени становой пристав проводил в разъездах по участку, в результате чего все делопроизводство очень часто оставалась на попечение вольнонаемных писцов, а не штатных полицейских чиновников.

В подчинении у главного лица становой полиции — пристава — находились полицейские урядники. Их количество отражено в табл. 2.

Таблица 2

Численность полицейских урядников
Оренбургской губернии в конце XIX века

Уезд	Число полицейских урядников			
	всего	на стан	один урядник в среднем на	
			площадь территории, км ²	на количество населения, тыс. чел.
Оренбургский	32	От 3 до 5	1094	17,4
Орский	38	От 8 до 11	1053	11,5
Верхнеуральский	21	От 4 до 7	2381	11,2
Троицкий	19	От 6 до 7	947,4	11,9
Челябинский	33	От 3 до 6	1121,2	6,9
Всего	143	От 3 до 11	1319,3	11,8

Источник таблицы: Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 11. Оп. 2. Д. 3357. Л. 47–51.

Таблица позволяет сделать ряд важных выводов.

Во-первых, становится очевидным, что по числу урядников уезды Оренбургской губернии делились на три группы (в порядке убывания численности): 1) Орский; 2) Челябинский и Оренбургский;

3) Верхнеуральский и Троицкий. Обращает на себя внимание, что существующая дифференциация территорий губернии не отражала соотношения ни их площади, ни населенности, ни количества станов (для того, чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить данные таблиц 1 и 2). Так, например, выясняется, что наименьшее количество урядников приходилось как раз на станы наиболее населенных уездов губернии. Это означает, что система распределения урядников между уездами не была адекватна административной и демографической структуре губернии.

Во-вторых, наглядно доказанным можно считать тот факт, что один урядник в Оренбургской губернии обслуживал, в среднем, территорию площадью 1,3 тыс. кв. км с населением около 12 тыс. человек. Для сравнения, на 60 тыс. жителей Оренбурга приходилось в общей сложности 22 полицейских служащих, т.е. 1 на 2727 человек. Следуя этой норме, в губернии должны были служить не 143, а 615 полицейских урядников.

Важно подчеркнуть, что главы уездной полиции — исправники — представляли городскую норму расчета численности нижних полицейских чинов в качестве ориентировочной нормы для сельской местности, тем более что в условиях города не требовалось совершать разъезды на дальние расстояния. И руководство губернского правления соглашалась с таким подходом. Ведь оно не могло игнорировать ситуацию, при которой по своему служебному положению урядник был поставлен ниже околоточного надзирателя в городах; личные доклады урядников своему становому приставу, требуемые инструкцией, были «положительно немыслимы, так как квартиры их слишком удалены»; обширная территория препятствовала «успешности работы полицейских чинов, так как большая часть времени употребляется ими собственно на непроводительную езду по вверенным им районам». Некоторые урядники губернии (например, в Челябинском уезде) вынуждены были заведовать сразу двумя волостями. Аналогичная ситуация имела место и в соседней Уфимской губернии — например, в Бирском уезде.¹

¹ Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И-9. Оп. 1. Д. 622. Л. 45об.

К тому же, полицейская работа в сельской местности Оренбургской губернии осложнялась пестрым этническим составом населения и существованием, в связи с этим, большого количества национальных традиций, противоречащих российским законодательным нормам. Так, по свидетельству челябинского исправника, «некоторые преступления в глазах инородцев и до сих пор не считаются таковыми, а служат, по их мнению, проявлением удали или молодечества».

Следует отметить, что, теоретически, недостаток численности урядников в станах в какой-то степени мог компенсироваться наличием в каждом селении так называемых сотских и десятских — лиц, избираемых на крестьянских сходах, содержавшихся за счет самих крестьян и исполнявших вспомогательные полицейские функции, в том числе по указанию урядника и станового пристава. Их численность в уездах Оренбургской губернии показана в табл. 3.

Казалось бы, можно сделать вывод о том, что к 143 полицейским урядникам губернии следует прибавить еще более 300 «сельских полицейских». Однако этот вывод нельзя признать корректным, поскольку он не согласуется с конкретно-исторической обстановкой исследуемого периода. Все без исключения уездные исправники, несмотря на недостаток числа урядников,

Таблица 3

Численность служащих сельской полиции
в Оренбургской губернии в конце XIX века

Уезд	Число сотских		Число десятских	
	всего	в среднем на стан	всего	в среднем на стан
Оренбургский	571	71	2456	307
Орский	366	92	1306	327
Верхнеуральский	287	72	750	188
Троицкий	155	52	356	119
Челябинский	466	58	2677	335
Всего	1845	69	7545	255

Источник таблицы: Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 11. Оп. 2. Д. 3357. Л. 72–77.

всё же высказались за упразднение сотских и десятских. Они мотивировали такое радикальное предложение тем, что данные должностные лица, избираемые в селах сроком на 1 год, в большинстве своем комплектовались «из людей неспособных, старых и слабосильных», т.е. совершенно не пригодных для исполнения полицейских функций. Было отмечено, что в селах утвердился взгляд на необходимость исполнения полицейских обязанностей как на «нежелательную и тяжелую повинность». И поскольку эта повинность отбывалась без всякого денежного вознаграждения, сотские и десятские относились к своей работе «с явным небрежением в ущерб делу». Таким образом, сельская полиция в конце XIX в. представляла собой своего рода балласт, нисколько не облегчающий труд становой полиции. Именно поэтому исправниками было поддержано предложение департамента полиции о введении вместо выборных сотских и десятских новой государственной службы — полицейской стражи. И это единственное предложение, которое было действительно реализовано в относительно короткие сроки — законом 1903 г.

Серьезной проблемой службы нижних полицейских чинов (впрочем, не только нижних) был малый размер жалованья. Согласно Высочайше утвержденному 4 мая 1889 г. мнению Государственного совета, жалованье пристава составляло, с учетом всех доплат, 675 руб. в год, жалованье урядника — 310 руб. (и квартирное довольствие — натурой). Много это было или мало? Научно определить прожиточный минимум позволяет методика П. А. Зайончковского, которая заключается в сравнении оклада с примерным бюджетом одинокого чиновника. Соответствующие подсчеты показали, что в 1890-х гг. искомый примерный бюджет составлял примерно 300 рублей. Подчеркнем, что вышеуказанная сумма — это минимальный прожиточный уровень одинокого чиновника. Наличие жены и хотя бы одного ребенка объективно увеличивает этот минимум, по меньшей мере, вдвое. Иными словами, получаемая служащими становой полиции зарплата держала чиновников на пределе нормального существования.

Расчеты подтверждаются мнением современников. Все руководители уездной полиции Оренбургской губернии просили свое

непосредственное начальство повысить зарплату становым приставам до 1200–1750 руб. в год, а урядникам — до 400–500 руб. в год. Как свидетельствовал верхнеуральский исправник, «на существующие оклады уряднического жалованья не легко бывает подобрать способных к полицейской службе лиц», а если это всё же удастся, то они «в большинстве случаев стараются потом подыскать себе службу на заводах более спокойную и оплачиваемую гораздо большим содержанием». Аналогичную мысль высказал в исследуемый период в Уфимской губернии златоустовский исправник, который в своей записке по преобразованию уездной полиции характеризовал жалованье становых приставов так — «несчастные деньги». Чиновник указывал губернскому правлению, что «если подсчитать расходы, вызываемые исключительно службою [например, пристав должен был иметь экипаж и дорожную одежду, поскольку постоянно находился в разъездах. — С. Л.], то на свои личные потребности и потребности семьи ничего не останется».¹

Обращаясь к конкретным оценкам местными уездными исправниками состояния становой полиции Оренбургской губернии, следует отметить, что, в общем и целом, эти чиновники указывали своему непосредственному начальству на имевшие место проблемы в завуалированном виде. Они предоставляли в губернское правление фактический материал, который свидетельствовал о беспорядках в организации становой полиции, и ожидали, что соответствующие практические выводы будут сформулированы их высокопоставленными адресатами. И это при том, что такой подход к составлению соответствующей бумаги не был единственно возможным. Жанр «заклучения» на циркуляр МВД предполагал возможность высказывать личное мнение. Однако в наиболее полном объеме воспользовался этим своим правом только челябинский исправник, подчиненные которого находились в самом сложном положении и уже не справлялись с решением текущих задач. Остальные уездные исправники, чьи подчиненные находились в более терпимом положении, предпочли, за отдельными исключениями, приведенными выше, не высказывать личной

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 622. Л. 24.

позиции. В тех случаях, когда они всё же ее высказывали, по своей направленности она совпадала с жесткой тональностью выступления челябинского руководства.

На наш взгляд, всё вышеизложенное можно объяснить специфической ментальностью дореволюционного российского чиновника, сложившейся культурой отношений между подчиненным и руководителем в государственном аппарате Российской империи. Суть ее сводилась к тому, что выводы всегда делал начальник, и подсказывать ему варианты решения было не принято. Такая система, складывавшаяся десятилетиями, имела свои достоинства и оправдывала себя тогда, когда вышестоящая инстанция внимательно относилась к изменению местных условий и своевременно реагировала на них. В конце XIX в. такая реакция, как минимум, запаздывала, что заводило ситуацию с состоянием становой полиции региона в тупик.

Таким образом, состояние становой полиции Оренбургской губернии в конце XIX в. можно охарактеризовать как кризисное. Материальные и организационные основы их существования были неблагоприятны для их полноценного нормального функционирования. Даже если предположить, что исправники и чиновники губернского правления в своих конкретных оценках ситуации несколько сгущали краски, всё же, в целом, справедливость их оценок сомнения не вызывает. Они подкреплены убедительными фактическими данными и совпадают с позицией ряда их коллег из Уфимской губернии. Последнее резко повышает доверие к ним.

При своевременном реагировании на сигналы с мест от практических работников у государства была реальная возможность исправить сложившуюся в становой полиции ситуацию еще в конце XIX в. Однако коррекции подверглась лишь одна из составляющих проблемы — реорганизация сельской полиции. Этого было явно недостаточно.

Видимость относительного благополучия была со всей очевидностью развеяна уже в 1905 г., когда власть не смогла достойно справиться с волной беспорядков. Как было показано выше на примере Оренбургской губернии, причиной тому послужила не только мощь революционного протеста, но и слабость местных правоохранительных органов.

Список литературы

1. Губернская реформа в заключениях губернаторов Уральского региона на рубеже XIX–XX вв.: Сб. документов / Сост. и публ. С. В. Любичанковско-го. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2006. – 135 с.

2. Любичанковский С. В. Структурно-функциональный подход к истории местного управления Российской империи (1907–1917 гг.). – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2005. — 436 с.

3. Свод законов Российской империи. Полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, изданными в порядке ст. 87 законов основных, и позднейшими узаконениями: Неофициальное изд. / Под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. – Кн. 2. – СПб.: «Деятель», 1913. – 440 с.

В. П. Микитюк

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ ЯРИНСКИЕ

В статье рассматривается предпринимательская деятельность трех поколений екатеринбуржцев Яринских, которая пришла на вторую половину XIX — начало XX в. В статье исследуются основные направления деятельности Яринских: поставка руды и провианта на металлургические заводы, мукомольное, колоколотейное, гвоздарное и железодельное производства, разработка золотых приисков, железных рудников и месторождения графита.

Ключевые слова: *предпринимательство, купцы, мещане, г. Екатеринбург, с. Бобровское Екатеринбургского уезда Пермской губернии.*

The article considers the entrepreneurial activity of three generations of the Yekaterinburg residents Yarinsky, which had fallen on the second half of the 19th — beginning of the 20th century. The article examines the main activities of the Yarinskys: the supply of ore and foodstuffs for metallurgical plants, flour milling, bell-making, nail-making, and iron-making industries, the development of gold mines, iron mines, and graphite deposits.

Keywords: *entrepreneurship, merchants, burghers, Yekaterinburg, Bobrovskoye village, Yekaterinburg district, Perm province.*

Мещанско-купеческий род Яринских принадлежал к числу екатеринбургских старожилов, поселившихся в негласной столице Урала едва ли не с момента ее основания. В первой половине XIX в. Яринские состояли в мещанском сословии. Глава семейства, Григорий Евсеевич, родившийся около 1800 г., в ряде документов

называется цеховым. Характер деятельности Г. Е. Яринского не выяснен, но, судя по косвенным данным, он имел отношение к предпринимательству. Успех в делах позволил ему жениться на дочери екатеринбургского купеческого сына Ф. Н. Харитоновой Настасье (ок. 1812 — ?), благодаря чему Яринские породнились с большим и весьма известным родом. Скорее всего, свадьба Григория Яринского и Настасьи (Анастасии) Харитоновой состоялась в конце 1820-х гг. Об этом свидетельствует то, что около 1830 г. у них родился первенец — сын Михаил. Скорее всего, в момент свадьбы Г. Е. и Н. Ф. Яринские были старообрядцами, а затем перешли в единоверие.

В начале 1850-х гг. Г. Е. Яринский посчитал свое материальное положение достаточно прочным и решил приписаться в ряды екатеринбургского купечества. К этому моменту его семейство состояло из восьми человек: помимо главы и его супруги, в него входили неженатый сын Иван и незамужняя дочь Марья, а также семья Михаила Григорьевича (жена Фекла Ивановна и дочери Александра и Анна). Взаимоотношения в семействе были непростыми. Старший сын Михаил, достигший совершеннолетия и сам являвшийся главой семейства, время от времени проявлял свой бунтарский нрав.

Под влиянием ссор с первенцем, Григорий Евсеевич в прошении о перечислении его из мещанского сословия в купечество заявил, что он имеет «намерение перечислиться в купечество по г. Екатеринбург с будущего 1853 года с семейством своим в следующих лицах: сам, с женой Настасьей Федоровой, сыном Иваном и дочерью Марьей». Были в прошении и слова об отношении к первенцу: «старшего сына Михаила с его женой Феклой Ивановой, вышедшей в замужество по силе 9 переписи, и их (181/181 об.) дочерьми, а моими внучками Александрой и Анной, рожденных тоже после 9-й переписи, за послушание и неповиновение родительской власти от права на наследство движимого и недвижимого имущества своего устраняю и оставляю в первобытном их состоянии».¹

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 1456. Л. 181–181 об.

По-видимому, угроза «оставить в первобытном состоянии», т.е. в мещанском сословии, оказалась действенной. Михаил Григорьевич повинился перед отцом и тоже был приписан в купеческое сословие. Произошло это в самом начале 1853 г., а спустя четыре года Григорий Евсеевич покинул ряды купечества и оказался в «первобытном состоянии», т.е. вернулся в мещанское сословие. Эта метаморфоза произошла из-за разорения. В конце 1857 г. Екатеринбургский городской магистрат уведомил горожан о том, что «екатеринбургский мещанин Григорий Евсеев Яринский объявлен несостоятельным должником».¹ Дело о несостоятельности Г. Е. Яринского тянулось неторопливо. 17 февраля 1859 г. Екатеринбургский городской магистрат вынес решительное определение о распределении долгов Григория Евсеевича и вызвал его кредиторов или их доверенных для ознакомления с этим документом. В число основных кредиторов Яринского вошли тульские купцы 1-й гильдии Я. А. и М. В. Лялины, горбатовский купец В. А. Акифьев, нижегородский купец Ф. Долганов и служитель Сысертских заводов В. А. Трубин.²

Скорее всего, после краха Григорий Яринский не вернулся к предпринимательским делам, однако, фамилия Яринских из деловой хроники не исчезла. Остались Яринские и в списках екатеринбургского купечества. Можно предположить, что семейство Яринских, почувствовав угрозу краха, успело принять некоторые превентивные меры. К их числу можно отнести выход Михаила и Ивана Яринских из отцовского дела и их самостоятельную приписку к купечеству. Скорее всего, во время этой процедуры часть движимого и недвижимого имущества Григория Евсеевича была передана сыновьям, а посему и не была продана с торгов на удовлетворение претензий кредиторов.

Иногда переход имущества не укладывался в один прием. А. Ф. Яринская также имела недвижимость, которая при определенном раскладе могла быть выставлена на продажу по желанию кредиторов. 1 марта 1858 г. в Пермской палате уголовного и гражданского

¹ О несостоятельности // Пермские губернские ведомости. 1857. 8 ноября. Часть офиц. От. 1. С. 186–187.

² О вызове к выслушанию решений // Пермские губернские ведомости. 1860. 27 мая. Часть офиц. От. 1. С. 111.

суда была зарегистрирована купчая крепость «на проданный женою екатеринбургского мещанина Анастасиею Федоровой Яринскою екатеринбургскому 3-й гильдии купцу Михаилу Григорьеву Яринскому каменный дом с принадлежащим к нему строением и землею, состоящий в 1-й части г. Екатеринбурга по Успенской улице за 2 300 руб. сер.»¹

Второе поколение предпринимательской династии Яринских, представленное Михаилом и Иваном Григорьевичами, оставило весьма заметный след в деловой хронике Урало-Сибирского региона.

Наибольшей известностью в деловых кругах пользовался Михаил Григорьевич Яринский (ок. 1830 — 20.11.1904), занимавшийся предпринимательством около полувека и бравшийся за этот промежуток времени за самые разные начинания. 5 августа 1855 г., т.е. за два года до разорения отца, М. Г. Яринский приписался в купеческое сословие, став купцом 3-й гильдии. К этому времени он уже имел опыт ведения коммерческих дел. Своеобразную стажировку он прошел у своего отца, а также под руководством купца П. Н. Муллова, у которого некоторое время служил приказчиком.

О самых первых шагах М. Г. Яринского на предпринимательском поприще ничего определенного неизвестно. Скорее всего, он занимался разными торговыми операциями, которые позволили ему скопить некоторый капитал и вложить его в новые начинания. В начале 1860-х гг. Михаил Григорьевич, уже купец 2-й гильдии (из-за упразднения 3-й), стал собственником ряда небольших промышленных предприятий, сосредоточенных в основном в с. Бобровском Екатеринбургского уезда Пермской губернии.

Исключением из этого правила являлся химический завод, купленный М. Г. Яринским в 1862 г. Предприятие находилось близ Екатеринбурга и располагалось на так называемой заимке И. И. Шульца: оно производило хромовые краски и имело небольшую производительность — до 1 тыс. пуд. в год. После семи лет эксплуатации Михаил Яринский продал это предприятие везенбергскому купцу Августу Нимвицкому.²

¹ О совершенных крепостных актах // Пермские губернские ведомости. 1858. 8 марта. Часть офиц. От. 1. С. 53.

² ГАСО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 90. Л. 13.

Остальные промышленные заведения, купленные или основанные Яринским, располагались либо в селе Бобровском, либо рядом с ним. В частности, к 1864 г. Михаил Григорьевич стал владельцем мукомольной мельницы, находившейся близ с. Бобровского и принадлежавшей далматовскому купцу 2-й гильдии С. Т. Сырейщикову, изрядно запутавшемуся в долгах. В этот же период времени Яринский сначала арендовал, а затем выкупил у наследников екатеринбургского мещанина Тетенева колоколотейный завод с производительностью 260 пуд. в год.¹ Это предприятие также находилось в с. Бобровском. В 1865 г. реестр промышленных заведений Михаила Григорьевича пополнился гвоздарным заводом, который находился близ мельницы. Это предприятие производило гвозди «1 до 8 вершков до 3000 пудов в год».² Его устройство было разрешено Уральским горным правлением при условии, что топливом для него станет в основном торф.

Таким образом, к концу 1860-х гг. Михаил Яринский был владельцем четырех промышленных предприятий и вел торговые операции по сбыту муки, хромовых красок, гвоздей и колоколов. Сбыт готовых изделий осуществлялся в с. Бобровском, Екатеринбурге и на Ирбитской ярмарке. Присматривался Михаил Григорьевич и к Сибири. 18 октября 1863 г. в Тюменском окружном суде была зарегистрирована купчая крепость, согласно которой тюменский купец 2-й гильдии И. В. Иконников продал М. Г. Яринскому деревянный дом с пристройками и местом, состоящий в 1-м квартале 2-й части г. Тюмени в соборо-Благовещенском приходе за 600 руб.».³ Подобные сделки, как правило, были следствием коммерческих интересов покупателя.

В этот же период Михаил Григорьевич выходил на рынки ряда других городов Урало-Сибирского региона, о чем косвенно свидетельствуют судебные дела, в которых фигурировала его фамилия. Весной 1864 г. Екатеринбургский городской магистрат через печать вызывал Яринского «по делу о взыскании с него шадринским

¹ ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 527. Л. 25 об.

² Там же. Л. 32 об.

³ О совершенных крепостных актах // Тобольские губернские ведомости. 1864. 1 февраля. Часть офиц. От. 1. С. 30.

купцом Никулиным денег».¹ Это дело изрядно затянулось и продолжалось еще в 1866 г. В том же году Михаил Яринский был участником еще одного процесса: на этот раз он взыскивал с томского купца Вытнова 5125 руб. 2½ коп.² Несколько позже, в 1869 г., Михаил Яринский начал тяжбу с енисейским купцом А. С. Баландиным, требуя через суд взыскания «неустойки и убытков по продаже ему, Баландину, железных и чугунных товаров».³ Для решения последнего дела екатеринбуржец привлек в 1869 г. некоего дворянина В. М. Колдырева, проживавшего в С.-Петербурге. Вероятно, Колдырев ничего не добился, поэтому М. Г. Яринский в январе 1872 г. дезавуировал доверенность, данную петербуржцу.

Значительное количество судебных дел, требовавших и времени, и денег, оказали отрицательное воздействие на предпринимательские начинания Михаила Григорьевича. Дополнительные трудности для предпринимателя создало его стремление осуществлять одновременно несколько разных бизнес-проектов. Испытывая постоянный дефицит оборотных средств, он не смог ни одно из своих предприятий вывести в ранг не только крупных, но даже средних. Некоторым исключением из этого правила является мукомольная мельница, имевшая неплохое оборудование. К концу 1870-х гг. она имела 16 поставов и при пяти рабочих ежегодно производила до 25 тыс. пуд. готовой продукции [3, с. 415].

М. Г. Яринский пытался ликвидировать дефицит оборотных средств разными способами, в частности, он продал химический завод, а позднее стал привлекать к делу компаньонов и брать займы. Однако ни один из вышеозначенных способов не привел к радикальному решению проблемы. Прибыль от продажи химического завода растаяла очень быстро, так как нужно было поддерживать на плаву оставшиеся предприятия. Кроме того, Михаил Григорьевич не удержался от новых начинаний. В начале 1870-х гг. у него обнаружился интерес к золотопромышленности, причем к этому делу он привлек и супругу, Феклу Ивановну

¹ О вызове к выслушанию решений // Пермские губернские ведомости. 1864. 3 апреля. Часть офиц. С. 56.

² О докладываемых делах в Пермской судебной палате // Пермские губернские ведомости. 1866. 19 ноября. С. 380.

³ Об уничтожении доверенностей // Пермские губернские ведомости. 1872. 29 января. С. 39.

(ок. 1830 — ?), которая летом 1871 г. получила дозвожительное свидетельство «на золотопромышленность на землях: Оренбургского казачьего войска, башкирских и казенных, в губерниях, к Уральской горной области принадлежащих».¹ Широкого размаха деятельность золотопромышленников Яринских не достигла. Известно, что Михаил Григорьевич вместе с купцом А. Я. Харитоновым в 1870-х гг. разрабатывал Андреевский золотой прииск, находившийся в Оренбургской губернии. В 1874 г. компаньоны добыли золота 29 фунтов 20 золотников.² В 1879 г. Яринский открыл золотой прииск в Березовской даче (Екатеринбургский уезд).

Золотопромышленность была очень рискованным занятием. О каких-то серьезных достижениях на этом поприще со стороны М. Г. Яринского сведений нет, а вот сомневаться в том, что Михаилу Григорьевичу пришлось потратить немалые деньги на оформление всех необходимых документов, поиск месторождений, отвод приисков и на их разработку, сомневаться не приходится. Впрочем, Яринского это не остановило. Вероятно, им двигал настоящий предпринимательский азарт, не позволявший ему тщательно взвесить все «за» и «против». Скорее всего, именно предпринимательский зуд заставил его приступить к сооружению небольшого металлургического предприятия, место для которого нашлось всё в том же с. Бобровском.

Стоит отметить, что и в этом случае М. Г. Яринский довольно поверхностно оценил ситуацию. Он знал, что крупные уральские металлургические заводы не удовлетворяют запросы потребителей на многие виды изделий из железа и, по-видимому, рассчитывал восполнить этот спрос, построив железодельный и литейный завод. Сложно сказать, откуда Яринский собирался получать чугун, так как приобрести его на рынке было сравнительно сложно, и он был недешев. Иными словами, без надежного источника поступления чугуна предприятие М. Г. Яринского не могло действовать стабильно. Тем не менее, Михаил Григорьевич построил предприятие, которое, не успев набрать обороты, стало жертвой

¹ О выдаче свидетельств на золотопромышленность // Пермские губернские ведомости. 1871. 19 июня. С. 244.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 31. Д. 536. Л. 25.

серьезного пожара, происшедшего летом 1878 г. Предприниматель оценил ущерб от пожара в 36 тыс. руб.¹

Выбраться из сложной ситуации в одиночку М. Г. Яринский не смог, что заставило его начать поиск компаньона. В начале 1880-х гг. этим компаньоном стал екатеринбургский купец 2-й гильдии В. Н. Иванов, ставший совладельцем заведений Яринского, с его помощью Яринский восстановил железодельный завод. По данным уездного земства, в 1883–1884 гг. это предприятие имело два цеха (пудлинговый и генераторный) и обладало следующим оборудованием: 1 пудлинговая печь, 1 сварочная печь, 1 прокатный стан, 1 вагранка, 2 генератора (сварочный и пудлинговый), 2 кузнечных горна, 1 воздуходувная машина, 1 гвоздарная машина, 1 сверлильный станок, 1 самоточка, 1 токарный станок. Все оборудование завода оценивалось земством в 12 030 руб.²

Судя по вышеприведенному описанию, железодельное предприятие, созданное на базе гвоздарного заведения, было предназначено, в первую очередь, для расширения деятельности гвоздарки. Казалось бы, у М. Г. Яринского есть повод для радости, однако он быстро улетучился, так как у владельца завода случился серьезный разлад с компаньоном, сопровождавшийся судебной тяжбой. В ходе этих разбирательств заведения Яринского в с. Бобровском на некоторое время становились собственностью В. Н. Иванова.

В конце концов, бывшим компаньонам удалось договориться: мельница стала собственностью Василия Никитича Иванова, а остальные предприятия, размещенные в с. Бобровском, вернулись к прежнему владельцу — М. Г. Яринскому. Вернув часть владений, Михаил Григорьевич опять взялся за поиски оборотного капитала и начал делать займы разного характера. В каких-то случаях он выписывал векселя, в других — давал долговые расписки. В частности, известно, что 12 октября 1883 г. он выписал вексель на имя В. Н. Иванова и получил по этому документу 6,4 тыс. руб.³ Во второй половине 1880-х и в 1890-е гг. Яринский очень часто пользовал-

¹ Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания IX очередной сессии (1878 г.) и доклады уездной земской управы. Екатеринбург, 1879. С. 170.

² ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 474. Л. 92.

³ О потерянных документах // Пермские губернские ведомости. 1885. 4 сентября. С. 393.

ся услугами екатеринбургского ростовщика В. С. Потапова; кроме того, в 1898 г. Михаилу Григорьевичу удалось получить в екатеринбургской конторе Государственного банка ссуду в размере 2951 руб. Еще одним источников доходов стала продажа приисков: в 1893 г. Яринский продал их товариществу «Варгунин, Танеева и Ко».

Продажа приисков и займы позволили М. Г. Яринскому на некоторое время оживить деятельность своего завода. В 1896 г. предприятие дало 6506 пуд. пудлинговых кусков, затем в 1897 г. оно, по-видимому, было остановлено и в следующем году возобновило производство: «В Восточно-Екатеринбургском горном округе возобновлено действие чугунно и меднолитейного, механического и прокатного Бобровского завода, принадлежащего купцу М. Г. Яринскому» [4, с. 166]. Немалая часть произведенной продукции сбывалась в Екатеринбурге: торговля велась в одном из домов Михаила Григорьевича (ул. Северная, 29/33).

Однако итоги всей этой неустанной деятельности оказались неутешительными. Михаил Григорьевич всё более увязал в долгой трясине. Наиболее сложными были для него отношения с ростовщиком В. С. Потаповым, которому Яринский только в 1893–1896 гг. выдал 26 векселей. Василий Спиридонович был человеком настроения, а потому давал деньги под абсолютно разные проценты. Например, Михаил Григорьевич одни займы получил под 18 % годовых, а другие под 120 %. М. Г. Яринский расплачивался с Потаповым по-разному: иногда деньгами, а чаще готовой продукцией и даже сырьем (медью, оловом).

В конце концов, настал такой момент, когда расплачиваться стало нечем, и М. Г. Яринский подал на ростовщика в суд, состоявшийся в 1899 г. Судебное следствие установило, что ростовщик вел свои дела крайне жестко: «Некоторые лица находились в вечной неоплатной кабале ростовщика, весь свой заработок относили ему и пошады не получали никогда. Многие разорились вконец, один с горя умер. Большинство векселей писалось не на срок, а по предъявлению, с тем умыслом, чтобы держать должника в постоянном страхе, под угрозой немедленной подачи векселя к взысканию, описи и продажи имущества с молотка».¹

¹ Из зала суда // Урал. 1899. 30 января.

Обращение в суд не помогло М. Г. Яринскому, и его материальное положение продолжило ухудшаться. Удары судьбы сыпались на него почти постоянно, причем порой в буквальном смысле. В ночь на 3 июля 1902 г. Михаил Григорьевич вернулся в Екатеринбург из очередной поездки и с вокзала направился домой пешком: по дороге на него напали три грабителя, которые, схватив его за горло, отобрали саквояж и часы.¹ Годом позже на Яринского свалились новые беды. По претензии группы кредиторов 13 декабря 1902 г. было выставлено на продажу разное движимое имущество Михаила Григорьевича (корова, мебель, пожарная машина, токарный станок, резная машина и т. д.).² Чуть позже денежные претензии к нему предъявила екатеринбургская тюрьма. Вероятно, Михаил Григорьевич не выполнил какой-то заказ. В результате по претензии тюремного ведомства 16 апреля 1903 г. на торги была выставлена принадлежавшая незадачливому купцу «стосильная горизонтальная одноцилиндровая, без котла, паровая машина в сборе».³ Серия провалов сломила упорного предпринимателя: 20 ноября 1904 г. Михаил Григорьевич Яринский скончался «от истощения», и 23 ноября после отпевания в Свято-Троицкой единоверческой церкви его тело было предано земле.⁴

М. Г. Яринский был женат дважды: обе его супруги имели отношение к бизнесу. Первая жена, Фекла Ивановна, получала свидетельство на поиск и разработку золотых месторождений, но, по-видимому, смерть, имевшая место в конце 1870-х гг., не позволила ей добиться внятных результатов на поприще золотодобычи. Вторая супруга, Татьяна Яковлевна, числилась владелицей канатного заведения, находившегося в Екатеринбурге. Кроме того, она владела несколькими приисками и вместе с супругом разрабатывала, начиная с 1884 г., два железных рудника в Екатеринбургском уезде. Подобно мужу, Т. Я. Яринская оказалась на грани разорения, поэтому львиная доля ее движимого и недвижимого имущества была продана с торгов. Часть имущества была

¹ Дневник происшествий. Грабежи. // Уральская жизнь. 1902. 7 июля.

² Объявление // Уральская жизнь. 1902. 12 сентября.

³ Там же. 1903. 15 апреля.

⁴ ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 22. Л. 134.

продана в 1908 г. К этому моменту Татьяны Яковлевны уже не было в живых.

Предпринимательская деятельность Ивана Григорьевича Яринского (ок. 1832 — 09.08.1882) оказалась более короткой, нежели у старшего брата. В 1853 г. он приобрел статус купеческого сына, а перед разорением отца вышел из семейного дела и самостоятельно записался в купечество, став купцом 3-й гильдии. В 1863 г. он перешел во 2-ю гильдию. Скорее всего, от отца он унаследовал не только какой-то капитал и недвижимость, но и некоторые направления предпринимательской деятельности. И в 1860-е, и в 1870-е гг. Иван Григорьевич, имея в своем распоряжении арендованные месторождения железной руды, занимался ее поставками в некоторые горные округа. Чаще всего, он имел дело с Сысертскими, Ревдинскими и Сергинско-Уфалейскими заводами. Далеко не всегда данные операции приносили ему прибыль, поскольку заводоуправления нередко крайне неаккуратно расплачивались с поставщиками. Так, в 1864 г. И. Г. Яринский начал судиться с крестьянином Полевского завода Е. В. Трубиным.¹ Евграф Васильевич в Сысертском округе занимал различные должности, но из газетных публикаций о судебной тяжбе не ясно, в каком качестве он выступал, — как представитель горного округа или как коммерсант (Трубин торговал в Полевском и Сысертском заводах).

Этот процесс не был последним. 22 февраля 1867 г. Пермская палата уголовного и гражданского суда рассматривала жалобу «заводоуправления Сысертских заводов на действия Екатеринбургского уездного полицейского управления по делу о взыскании купцом Яринским с одного денег»,² а 3 июля того же года палата собиралась разобрать дело о взыскании «купцом Яринским с крестьянина Трубина 750 руб. с процентами и неустойкой и убытков 105 руб. 35 коп.».³ С Сысертским заводоуправлением Яринский судился не менее двух лет, требуя с него немалую сумму в размере 25 650 руб.⁴

¹ Вызов к суду // Пермские губернские ведомости. 1864. 21 августа. С. 146.

² О докладываемых делах в Пермской судебной палате // Пермские губернские ведомости. 1867. 18 февраля. С. 60.

³ Судебная хроника // Пермские губернские ведомости. 1867. 1 июля. С. 219.

⁴ Там же. 1869. 8 марта. С. 84.

В конце 1860-х гг. И. Г. Яринский пополнил отряд екатеринбургских золотопромышленников, в его собственности оказалось два прииска, по-видимому, не слишком богатых, так как с них в 1870 г. удалось получить всего 9 фунтов 18 золотников драгоценного металла [5, с. 474]. Примерно в это же время Яринский проявил интерес к никелю, найденному на территории Ревдинского горного округа: «В 1867 опекун Ревдинских заводов г. Гессен продал некоторое количество никелевой руды екатеринбургскому купцу И. Г. Ярицкому (Яринскому — *В. М.*), который будто бы плавил ее в Нижне-Исетским казенном заводе и полученный металл будто бы доставлялся петербургскому фабриканту Качу, который также признал его нечистым» [2, с. 460].

Намерения Ивана Григорьевича по отношению к никелю неизвестны. Возможно, он видел во вновь найденном металле шанс выйти из трудного положения, но этого по разным причинам не случилось. Иметь дело и с заводоуправлениями частных горных округов, и с Уральским горным правлением, представлявшим интересы государства, было непросто, отчасти из-за их неторопливости при решении дел. Так, Ивану Яринскому посчастливилось открыть в даче Нижне-Исетского завода два месторождения известкового камня, но он не смог сразу же приступить к их разработке, так как по закону прииски должны были быть выставлены на торги с обязательной переторжкой через три дня. Впервые торги на прииски известкового камня должны были состояться 19 августа 1869 г. в главной конторе Екатеринбургских заводов, но этого не случилось.¹ Новые торги состоялись лишь в апреле 1870 г.² Неизвестно, сумел ли Яринский заполучить прииск известкового камня, но есть данные, что он позднее наладил добычу огнеупорного камня близ с. Бруснянского (Екатеринбургский уезд).

Пока тянулось дело с месторождениями известкового камня, Иван Григорьевич весьма активно занимался поставками железной руды в Сергинско-Уфалейские заводы. Так, в 1870 г. он поставил для этих заводов 77 139 пуд. с Захлыстинского рудника, 7991 пуд. — с Туйкинского, 81 429 пуд. — с Ивановского и 27 736 пуд. —

¹ Торги // Пермские губернские ведомости. 1869. 5 июля. С. 232.

² Там же. 1870. 25 февраля. С. 31.

с Николаевского рудника. Когда Нижне-Сергинский завод предъявил новые требования на руду, Иван Григорьевич быстро поставил 56 074 пуд. с Захлыстинского рудника, 86 965 пуд. — с Николаевского и 18 647 пуд. — с Ивановского.¹

Далеко не всегда у И. Г. Яринского имелись в наличии свободные деньги. В этих случаях приходилось прибегать к займам и залогу недвижимости, причем иногда расплатиться по долгам своевременно не удавалось. Угроза потери одного дома нависла над четой Яринских в 1869 г.: «От Пермской палаты уголовного и гражданского суда объявляется, что от доверенного екатеринбургского 1-й гильдии купеческого сына Михаила Васильева Бородина пермского 2-й гильдии купца Гаврила Григорьева Нечаева 1 сентября 1869 г. предъявлена к взысканию просроченная закладная, совершенная в Пермской палате уголовного и гражданского суда 18 декабря 1867 г., на каменный двухэтажный дом с лавкою, надворным строением и землею екатеринбургской 2-й гильдии купеческой жены Ольги Кириловой Яринской, урожденной Щепетильниковой, состоящий в 1-й части г. Екатеринбурга, по Уктусской улице, в обеспечение занятых Яринскою у Бородина 3500 руб., сроком на два года, т. е. по 1 сентября 1869 года, которая на основании 32 ст. 2-й ч. X Т., к должному исполнению отослана в Екатеринбургское городское полицейское управление».² В конце концов, Яринским удалось заплатить Бородину, и дом остался за ними.

В 1870-е гг. Иван Григорьевич был довольно активен, он продолжал осуществлять старые бизнес-проекты и брался за новые. Он по-прежнему вел дела с Сергинско-Уфалейским округом, поставляя ему преимущественно железную руду. Впрочем, рудой он не ограничивался. Например, 3 ноября 1872 г. он заключил договор на поставку в Верхне-Сергинский завод 15 тыс. пуд. ржаной муки и 5 тыс. пуд. овса.³ Кроме того, Яринский поставлял на заводы округа брусянский огнеупорный камень и иногда по поручениям заводоуправления закупал для заводов медь.

¹ ГАСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 193. Л. 185.

² О предъявленной к взысканию закладной // Пермские губернские ведомости. 1869. 8 октября. С. 371.

³ ГАСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 205. Л. 119.

Не бросал И. Г. Яринский и золотопромышленность. Некоторые прииски Иван Григорьевича разрабатывал вместе с екатеринбургским купцом С. А. Петровым, на других он вел добычу золота самостоятельно. Часть приисков была оформлена на супругу, Ольгу Кирилловну. Особых успехов на поприще золотопромышленности чета Яринских не достигла. Еще одним направлением деятельности И. Г. Яринского стало производство канатов. В 1876 г. Екатеринбургская городская дума отвела Ивану Григорьевичу в 1-й части города, в квартале, примыкавшем к южной ограде Ново-Тихвинского монастыря, место для постройки дома и канатного заведения. В начале 1880-х гг. это предприятие числилось в числе действующих.¹

Активная деятельность и освоение новых бизнес-проектов не спасли И. Г. Яринского от краха. В начале 1880-х гг. он был признан несостоятельным должником, и по его делам было учреждено конкурсное управление, приступившее к распродаже его движимого и недвижимого имущества. В конкурсную массу поступили восемь рудников (семь железной руды и один хромовой), канатное заведение, три золотых прииска и три заявки на золотые прииски, а также мебель, одежда и пр. К их продаже конкурсное управление приступило в конце 1883 г.²

Часть имущества И. Г. Яринского ушла с молотка, а другая часть поступила в опекуное управление. В 1888 г. в печати появилось нижеследующее объявление: «Конкурсное управление по делам несостоятельного должника, умершего екатеринбургского купца Ивана Григорьева Яринского, извещает всех, кому сие ведать надлежит, что Екатеринбургским окружным судом утверждено заключение общего собрания кредиторов Яринского о признании несостоятельности Ивана Григорьева Яринского несчастною».³

К тому моменту, когда судебные власти и кредиторы признали, что в разорении Яринского не было признаков злостного банкротства, Ивана Григорьевича уже почти 6 лет не было в живых.

¹ Протоколы Екатеринбургской городской думы за вторую половину 1877 года. Екатеринбург, 1877. С. 85.

² Объявление // Екатеринбургская неделя. 1883. № 45. С. 742–743.

³ Объявление // Пермские губернские ведомости. 1888. 21 ноября. С. 438.

Он скончался 9 августа 1882 г. 11 августа его тело после отпевания в Свято-Троицкой церкви было погребено на единоверческом кладбище.¹

Вдова И. Г. Яринского, Ольга Кирилловна (ок. 1843 — 25.02.1897), смогла сберечь часть имущества и капитала. Это стало возможным благодаря тому, что она с давних пор вела некоторые предпринимательские дела самостоятельно, поэтому ее движимое и недвижимое имущество не поступило в конкурсную массу, а осталось за ней. Это позволило Ольге Кирилловне после смерти мужа продолжить занятие предпринимательством. Им она занималась еще около 15 лет, продолжая эксплуатировать некоторые железные рудники и разрабатывать золотые прииски.

После смерти представителей второго поколения рода Яринских настало время проявить себя на предпринимательском поприще третьему поколению. Наибольших результатов добились наследники И. Г. и О. К. Яринских, а вот достижения потомков Михаила Григорьевича оказались скромными. У М. Г. Яринского было несколько сыновей (Константин (1858 — ?), Алексей (1871 — ?), Петр (1879 — ?). Скорее всего, они не получили от родителей сколько-нибудь серьезного наследства, поэтому им и не удалось добиться успехов в сфере предпринимательства. Некоторое исключение составляет старший сын М. Г. Яринского, Константин, который еще при жизни отца начал проявлять интерес к золотодобыче, но дальше ранга мелкого золотопромышленника он так и не пошел.

У Ивана Григорьевича также было несколько наследников по мужской линии, в том числе Николай (1865–1882), Петр (ок. 1868 — ?), Иван (1871–1902), Виктор (ок. 1874 — 1892) и Григорий (1878 — ?), причем двое из них умерли в юношеском возрасте. По этой причине в деловой хронике Среднего Урала упоминались в основном Иван, Петр и Григорий. Некоторое время три брата и их мать вели дела вместе, занимаясь разработкой четырех железных рудников в Нижне-Исетской даче, а также добычей золота. В 1902 г. чахотка свела Ивана Ивановича в могилу.²

¹ ГАСО. Ф. 6. Оп. 9. Д. 823. Л. 67.

² Там же. Оп. 13. Д. 22. Л. 30.

В дальнейшем руководство семейной фирмой легло на плечи Петра Ивановича и его супруги Веры Федоровны (урожденной Сырейщиковой). Они продолжали эксплуатировать рудники, но работы велись в небольшом размере. Так, в 1902 г. с двух рудников было получено 393 пуда железной руды. При работах использовались два конных привода в 3 л. с., на рудниках трудилось 75 человек [5, с. 270].

Наследники И. Г. Яринского искали и другие возможности для ведения бизнеса. В 1898 г. они хотели использовать городские свалки Екатеринбурга для выработки кизяка, а в 1900 г. получили разрешение на разработку месторождений цветных камней в Березовской казенной даче. В 1906 г. В. Ф. Яринская запросила разрешение Уральского горного управления на разведку и добычу медной руды в Нижне-Исетской даче.¹

В большинстве случаев начинания Яринских были неудачны, но они продолжали искать новые возможности. П. И. Яринский в 1910-х гг. занялся добычей талька, а его супруга с компаньоном незадолго до начала Первой мировой войны взялись за разработку Боевского месторождения графита. Уже в ходе войны Вера Федоровна организовала товарищество «Русский Графит», в которое, кроме нее, вошел торговый дом «Е. И. Первушин с Сыновьями». Фирма поставляла графит Ижорскому и Пермским пушечным заводам. Порой она получала интересные предложения: «Местная фирма “Русский графит”, занимающаяся добычей и обработкой графита на коях около деревни Боевки, получила от одного одесского финансиста телеграмму с предложением о совместном оборудовании в Екатеринбурге фабрики карандашей. Финансист хорошо знаком с производством карандашей на известной немецкой фабрике Фабера. Фирма ответила принципиальным согласием».² Это предложение поступило в конце 1916 г., и до его реализации дело не дошло: вскоре началась революционная кутерьма, а затем гражданская война. С установлением советской власти торгово-промышленная деятельность Яринских была свернута.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2508. Л. 1–2.

² Зауральский край. 1916. 1 декабря.

Деятельность трех поколений Яринских, продолжавшаяся около 70 лет, — не самая яркая, но интересная и насыщенная событиями страница уральского предпринимательства. Представители рода Яринских, несмотря на различные неудачи, внесли посильный вклад в золотодобычу, разработку месторождений разных полезных ископаемых и в развитие региональной промышленности.

Список литературы

1. Замарин М. И. Материалы для статистики добычи золота в России частными лицами в 1868, 1869 и 1870 годах // Горный журнал. — 1871. — Ч. 3. — Кн. 9. — С. 463–476.
2. Котляревский И. П. Описание частных горнозаводских округов, назначенных к продаже за казенные долги (Ревдинский округ) // Горный журнал. — 1870. — Ч. 2. — Кн. 6. — С. 458–534.
3. Орлов П. А. Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим княжеством Финляндским: Материалы для фабрично-заводской статистики. — СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1881. — [2], X, 754 с.
4. Отчет горного департамента за 1898 год / М-во торговли и пром-сти. — СПб., 1900. — VIII, 523 с.
5. Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1900 году: Сост. по офиц. данным / Сост. К Робук; под ред. И. Попова. — СПб.: Тип. инж. Г. А. Бернштейна, 1903. — [8], LXXVI, 534 с.

Е. Г. Неклюдов

КАЗЕННЫЕ ГОРНЫЕ ЗАВОДЫ В РОССИИ И «ПРИВАТИЗАЦИОННЫЕ КАМПАНИИ» XVIII — НАЧАЛА XX В.

В статье прослеживается процесс формирования казенного сектора горнозаводской промышленности Российской империи, который в течение XVIII — начала XX в. охватывал отдельные районы Уральского, Олонецкого, Замосковского, Донецкого, Польского, Восточносибирского и Кавказского регионов. Представлены также «приватизационные кампании», сопровождавшие его развитие в то время, определены их причины, ход и результаты. Установлено, что формирование казенного сектора горнозаводской промышленности и его действие в течение всего имперского периода были следствием особенной роли этой базовой отрасли, от развития которой напрямую зависело не только общее состояние экономики страны, но и оборонная мощь государства.

Ключевые слова: *Российская империя, горнозаводская промышленность, казенные заводы, приватизация, аренда.*

The article traces the process of formation of the state sector of the mining industry of the Russian Empire, which during the 18th — early 20th centuries covered certain areas of the Ural, Olonets, Zamoskovny, Donetsk, Polish, East Siberian and Caucasian regions. The «privatization campaigns» that accompanied its development at that time are also presented, their causes, progress and results are determined. It was established that the formation of the state sector of the mining industry and its functioning during the entire imperial period were the result of the special role of this basic industry, on the development of which not only the general state of the country's economy, but also the defense power of the state directly depended.

Keywords: *Russian Empire, mining industry, state-owned factories, privatization, lease.*

Исследователи истории российской промышленности неоднократно подчеркивали важную особенность, заключавшуюся в разнообразии форм владения предприятиями, от чего во многом зависели правовые и экономические условия их функционирования.¹ В период империи, когда промышленность достигла индустриального уровня, в различных ее отраслях действовали предприятия, принадлежавшие казне, царскому Кабинету, частным лицам на праве собственности или посессионном праве. Один из наиболее ярких примеров сосуществования различных секторов представляет горнозаводская промышленность — комбинированная отрасль крупного промышленного производства, включавшая добычу руд и их обработку на металлургических заводах. Секторальность образовалась здесь вследствие участия различных акторов в становлении промышленности. Инициатором этого сложного и затратного производства в том или ином регионе выступало, как правило, государство; с его разрешения, а зачастую и с его помощью, к разработке подземных богатств и возведению заводов приступали частные лица разного сословного статуса. Уже с первых шагов развития отрасли возникала проблема приоритета государственного или частного предпринимательства, решавшаяся властями в зависимости от сложившейся ситуации. Попробуем

¹ См., напр., статьи и библиографию в книге «Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд». М., 2000.

в общих чертах проследить процесс формирования казенного сектора отечественной горнозаводской промышленности и определить позицию государства в отношении его судьбы и роли в развитии отрасли.

Как уже упоминалось, появление казенных горных заводов в России было результатом непосредственного участия государства в ее становлении, начавшегося еще в XVII в. [8, с. 56–79]. Но только на рубеже XVII и XVIII вв. казне удалось построить металлургические предприятия, составившие основу этого сектора промышленности на два последующих века его истории. Тогда же было создано специализированное горное ведомство (с 1700 г. в виде Приказа рудокопных дел, с 1719 г. — Берг-коллегии, действовавшей с несколькими перерывами, с 1807 г. — Горного департамента с его региональными органами), в подчинении которого и состояли эти предприятия.

Стимул процессу придал указ Петра I 1697 г. о возведении «большого железного завода» на Урале «в тех местах, где железные руды сысканы и магнитная», в целях «лить пушки и гранаты и всякое ружье для обороны Сибирского царства от всяких иноземцов и для провоза того ружья к Москве и иные понизовые и верховые города». Предполагалось также «делать и лить железо связное и прутовое и дощатое и цренное и кровельное для продажи в разные города к соляным Камским промыслам».¹ Его следствием стало возведение Каменского и Невьянского заводов в 1701 г., Уктусского и Алапаевского — в 1704 г. Начавшаяся Северная война обострила потребность государства в вооружениях и ускорила возведение заводов не только на Урале. В 1703 г. выплавили первый металл Петровский завод в Карелии и Липецкий (Липский) завод в Замосковном крае, оказавшиеся впоследствии в горном ведомстве.

Первый опыт привлечения частного предпринимательства в наиболее перспективном для развития металлургии Уральском регионе тоже был связан с построенным государством заводом: в 1702 г. Невьянский завод передали Н. Д. Демидову с условием

¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 3. № 1588.

рассроченной компенсации затрат на его строительство продукцией предприятия. Как писал В. Н. Татищев в 1738 г., «в России ни один заводчик к строению заводов собою перво не вступил, и завода не построил, но везде сперва казенные построены, а потом помощью оных другие промышленники строить начали, или, взяв казенные, размножили» [17, с. 295]. Хотя первый случай приватизации оказался тогда единственным и по официальному мнению был вызван «нерадением и многими сварами и крамолами приставников», он показал возможность развития частного сектора промышленности в отдаленном и малоосвоенном регионе и послужил поводом для более широкого привлечения предпринимателей к строительству металлургических заводов. Если в 1704 г. заводчик Ф. И. Молодой получил разрешение возводить заводы с условием, что по прошествии «урочных лет» они будут «взяты на нас, великого государя, по оценке» [16, с. 260], то Берг-привилегия 1719 г. разрешила «всем, и каждому... какого б чина и достоинства ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях искать, плавить, варить и чистить всякие металлы», и обнадружила предпринимателей в том, что при условии работы «у них и у наследников их оные заводы отняты не будут».¹

Последовавшее развитие частного сектора промышленности, однако, не остановило возведения казенных предприятий даже после окончания военных действий. На Урале в 1720–1730-е гг. были построены Екатеринбургский и Верх-Исетский, Полевской и Сысертский, Туринский и Кушвинский, Ягошихинский и Мотовилихинский, Сиячихинский и другие металлургические заводы, что превратило Урал в основной район сосредоточения формирующегося казенного сектора промышленности. Причем эти предприятия выпускали не только вооружения по заказам военных ведомств «за установленные цены» и поставляли железо «для казенных строений по требованиям присутственных мест», но и «развозили» его «на вольную продажу в городах» (с наценкой в 10% от себестоимости) и отправляли на экспорт через агентов иностранных фирм, т. е. были реальными конкурентами частным заводам² [17, с. 104–105].

¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 5. № 3464.

² Там же. Т. 25. № 18603.

Если на первых порах строительство заводов серьезно осложняли организационные проблемы, то впоследствии на первое место выдвинулся, видимо, вопрос о финансировании и рентабельности казенных предприятий, обострившийся на фоне успехов частного предпринимательства, в том числе и в выпуске военной продукции [12]. Еще при передаче Невьянского завода на Демидовых, а позже (с 1765 г.)¹ и на других заводчиков, была возложена обязанность не только «чинить поставки железа... по требованиям казенных мест», но и «воинские всякие припасы лить» подобно заводам «иноземцев» Меллеров, что могло отчасти компенсировать казенные поставки [19, с. 68–79].

Следствием этого стали колебания высшей власти в выборе казенного или частного путей развития горнозаводской промышленности. Как сообщал В.Н. Татищев в 1724 г., Петр I повелел ему «для размножения медных заводов в Сибири обретенныя медных руд места на речке Полевой и Гумешках отдать охочим людям в компанию». «Сумнения и неудобства» в организации такого «нового дела», сформулированные В. Н. Татищевым, а также отрицательное мнение В. И. де Геннина на время отложили решение этого вопроса [17, с. 130–131, 285–289]. В литературе имеются также упоминания о выраженном в 1721 г. намерении богатого строгановского крестьянина С. Белопашенцова купить Алапаевский завод на условиях, согласованных с В. Н. Татищевым, и желании Н. Д. Демидова в 1722 г. взять на подобных же условиях Каменский завод [21, с. 553–554]. Однако Берг-коллегия в 1724–1725 гг. согласилась лишь на передачу компании И.Е. Небогатова и Красильниковых бездействовавших Саралинского и Елабужского заводов, построенных казной в Казанской губернии [11, с. 276].

В 1730 г. вопрос о продаже возбудил Сенат, предложив его для обсуждения в Монетной комиссии. Заручившись на этот раз поддержкой В. И. де Геннина, она высказалась в пользу «партикулярных компаний» (заключение подписали А. И. Ушаков, В. Я. Новосильцев и С. Сукин), несмотря на негативное мнение Берг-коллегии. Сенаторы согласились на приватизацию «с таким

¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 17. № 12453.

лишь изъяснением, чтобы... казенная прибыль упущена не была», и предложили обязать компанейщиков «толикое число железа и меди в казенные к портам или Москву магазины ставить, сколько ныне от каждого завода действительно отпускалось, и по такой цене, по чему в казне своими расходы и с провозом и с приложением пошлин становилось, прибавляя к тому по гривне на рубль на каждой год». Обнадеживающим примером для них послужил комиссар Никита Демидов, который, как записано в указе, «казенные заводы получил и дельвано на них железо малое число тысяч по 10 и по 20, а он умножил и ныне у сына его делается, как известно, от 2-х до 300 000 пудов и больше в год».¹ При этом не упоминалось, что Демидовы действовали самостоятельно, а не в компании с другими предпринимателями.

Новая комиссия, созданная по распоряжению Анны Иоанновны в 1733 г. (в составе графа М. Г. Головкина, А. А. Маслова, А. Ф. Томилова и полковника Гарбера), вновь «имела рассуждение, каким образом к лучшему нашему интересу быть может, а именно, на казенном ли коште их содержать или отдать партикулярным людям, и то одному, или многим, и на каких кондициях».² Выразив сомнение «в постоянстве прибыли» казенных заводов, эта комиссия тоже отметила «пользу» от передачи заводов частным компаниям, заключавшуюся в сокращении казенной администрации и повышении оперативности управления. Но с целью выработки «кондиций» она рекомендовала «доверенному лицу» выяснить прежде условия труда на этих предприятиях [17, с. 134–135]. При этом в «Инструкции», данной отправлявшемуся на Урал В. Н. Татищеву в 1734 г., не исключалось не только «поправление» действующих казенных заводов, но и строительство новых ради «умножения» доходов казны.³

Законодательно утвержденное решение о приватизации последовало лишь за передачей горного управления ставленнику фаворита императрицы Бирона саксонскому барону Курту Шёмбергу, инициировавшему создание комиссии 1738 г.⁴ Ее участники

¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 8. № 6108.

² Там же. Т. 9. № 6411.

³ Там же. № 6559.

⁴ Там же. Т. 10. № 7589.

(барон П. П. Шафиров, князь А. Б. Куракин, граф М. Г. Головкин, граф П. И. Мусин-Пушкин, барон Х. В. Миних) в очередной раз рассудили, что ради «высочайшего... интересу полезнее казенные заводы... отдать охочим людям в компании». Поскольку предприятия были «не все равного достоинства», они предложили не устанавливать «генеральных кондиций» для покупателей, а публиковать в столице и «во всем государстве» объявления о продаже, дабы «охочие люди» являлись в комиссию или присылали по почте свои предложения, «с каким договором или кондициями, кто какие заводы содержать желает».¹ Вместе с тем, комиссия выразила сомнение в возможности передачи перспективных Гороблагодатских заводов на Урале (этот производственный комплекс создавался тогда рядом с крупнейшим Гороблагодатским железорудным месторождением) и рудных мест в Лапландии самому Шёмбергу, который сделал такое «представление». Как упоминалось в последующих актах, члены комиссии сочли, что в этом случае «он будет радеть об одной своей партикулярной пользе, а не о государственной прибыли и пользе».²

Последовавшее вскоре мнение кабинет-министров, настроенных в пользу царского фаворита, возложило организацию продажи на заменивший Берг-коллегию Генерал-берг-директориум «для пресечения всяких затруднений», а комиссия была распущена. Причем вызвавшие спор предприятия было предложено самой императрице передать «пристойной компании, в которую удостоены быть могут те, кого Ее Величество, по высокой своей милости, ныне и впредь допустить соизволит». При этом не исключалось и участие в приватизации «управителей горных дел, ибо оные лучшие способы имеют рудокопные дела производить по горному обыкновению».³

Новое направление политики и его мотивация отразились в Берг-регламенте 1739 г. В этом акте от лица императрицы указывалось, что «в Сибири и в других наших пространных провинциях немалое число тех заводов медных и железных казенным

¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 10. № 7600.

² Там же. Т. 11. № 8571.

³ Там же. Т. 10. № 7756.

коштом построено, и со оных довольное число меди и железа производят и не только на государственное употребление и на продажу в народ... но и в иностранные государства...». Несмотря на это, казенные предприятия оказались «для многих околичностей и излишних иждивений, нетоль прибыточны и государству нашему полезны, как оные, которые на иждивении партикулярных людей содержатся». Предполагалось, что покупатели заводов должны будут вернуть в казну затраченные ею деньги на строительство, «расположа погодно», и платить особую горную подать с меди «попудно», а с чугуна «подоменно».¹

Год спустя власти определили и некоторые другие общие правила приватизации. В частности, при продаже не допускалось раздробление заводов, «дабы при отдаче прибыточных заводов, к которым охотники сыщутся, те, которые поскуднее, не остались на казенном коште»; Генерал-берг-директориуму во главе с Шёмбергом предписывалось выбор покупателей производить, «не взирая на первенство просьбы, но кто из надежных людей более за строение даст, или скорейшее в казну возвращение обещает», а «за строение заводов, кроме церквей, всякие припасы, руду, уголь и инструменты» требовать от заводчиков «заплатить в казну деньги настоящую цену... по приеме заводов в пять лет». Промышленникам передавались приписные крестьяне «по пристойному числу», но им рекомендовалось «стараться иные работы наймом и подрядом производить». Поставки чугуна и железа «к казенным делам» с покупателей не снимались, но производить их следовало по «заблаговременным» требованиям и так, «дабы ни казне, ниже заводчикам... ущербу не было». При этом покупателей обнадежили, что «им теми заводами вольно вечно самим владеть, или продать и по себе своим наследникам одному или многим отдать и утвердить». «Апробовать» эти правила и «производить ту отдачу заводов» императрица пожелала «с крайнейшим поспешением и радением».²

Однако «поспешение» коснулось лишь Гороблагодатских заводов и рудных мест в Лапландии, которые были пожалованы Шёмбергу «для учреждения горной компании» одновременно с изданием

¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 10. № 7766.

² Там же. Т. 11. № 8196.

Берг-регламента. Как записано в данной ему императрицей «привилегии», это было сделано с желанием, «как нашим верным подданным, так и всем иностранным рудокопным охотникам, предьявить, коль прибыточно им есть вступать в здешние рудокопные строения, также каким образом и порядком в заведении и произведении горного строения с принадлежностями поступать надлежит».¹ Как и предупреждали члены комиссии 1738 г., опасное по своим последствиям совмещение ролей главы горного ведомства и частного предпринимателя привели к тому, что положительным этот пример не оказался. К 1742 г. выяснилось, что барон (в «берг-компанию» с ним входили также братья фаворита генерал-аншефы Карл и Густав Бироны и «иноземный купец польской нации» Еремей Меэр) «те Гороблагодатские и Лапландские заводы... по своему обязательству не токмо в доброе состояние <не>привел, но и в казну ничего не платил» и тем самым «себя ненадежным в содержании оных впредь быть объявил». На других казенных заводах, которые ему, как руководителю горного ведомства, были поручены «в смотрение», «явилось уменьшение в прибыли» до такой степени, что их «содержать стало нечем». Лишившись поддержки свергнутого покровителя, Шёмберг лишился и переданных ему заводов. В счет огромного долга казне, возникшего не только от продажи заводов, но и от переданных в его распоряжение операций по экспорту металлов, Елизавета Петровна указала предприятия барона «отобрать в немедленном времени» и передать «в казенное содержание» до тех пор, «пока в содержание охочим к тому надежным людям с приращением казенной прибыли <заводы> отданы будут».² Самого Шёмберга арестовали, наложили секвестр на все имущество и вскоре «увололи в свое отечество» [17, с. 135].

Видимо, этот случай временно предостерег власти от подобных скоропалительных решений с непредсказуемыми последствиями, несмотря на поступавшие предложения о покупке от российских и иностранных предпринимателей. В частности, от имени одной английской фирмы в 1739 г. Герман Меэр предложил купить все

¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 10. № 7767.

² Там же. Т. 11. № 8571.

уральские казенные заводы, но на более льготных по сравнению с предложенными властями условиях [21, с. 112]. В 1743 г. на торги выставлялись Липецкие заводы, находившиеся «в запущенном состоянии», однако «ко взятю тех заводов охотников» не нашлось [11, с. 363]. Известно лишь о случае передачи в 1744 г. недействующего Табынского (Воскресенского) медеплавильного завода на Южном Урале И. Б. Твердышеву.¹

Тем не менее, курс на приватизацию, провозглашенный Берг-регламентом, не был отменен; не пропало и желание «партикулярных людей» приобрести казенные заводы. Оно реализовалось в 1750-е гг., когда большинство этих заводов все-таки перешло в частные руки, причем не «компаниям охочих людей», как рекомендовали комиссии 1730-х гг., а индивидуальным предпринимателям. Специальной кампании по продаже тогда тоже не организовывалось. Судя по имеющейся информации, претенденты сами предлагали условия покупки тех или иных предприятий на свой выбор, а окончательные «кондиции» согласовывались вместо Генерал-берг-директориума с восстановленной в 1742 г. Берг-коллегией и Сенатом.² Немаловажное значение имело и мнение Елизаветы Петровны, поскольку большинство заводов было продано лицам из ее ближайшего окружения. Как и в 1739 г., при решении судьбы казенных предприятий вновь возобладали частные интересы на этот раз уже нескольких высокопоставленных чиновников.

Гороблагодатские заводы (Туринский, Кушвинский, Баранчинский и строившийся Нижнетурицкий) в 1754 г. достались графу П. И. Шувалову, как сообщалось в именном указе, «яко к тому содержанию и размножению оных заводов надежной персоне». Вслед за ними отдельные казенные предприятия перешли графу И. Г. Чернышеву (Нижний и Верхний Юговские; 1757 г.), графу С. П. Ягужинскому (Уткинский и Сылвенский; 1759 г.), графам Р. И. и М. И. Воронцовым (Верх-Исетский; 1758 г.; Ягошихинский, Мотовилихинский, Висимский, Пыскорский; 1759 г.), князю П. И. Репнину (Нижний и Верхний Липецкие, Боренский; 1755 г.) и А. Г. Гурьеву (Алапаевский, Синячихинский, Нижний и Верхний Сусанские;

¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 12. № 8921.

² Там же. Т. 11. № 8543.

1759 г.). Исключение из этого ряда «знатных персон» составил титулярный советник и соликамский заводчик А. Ф. Турчанинов (Сысертский, Полевской, Северский; 1757 г.), который впоследствии утверждал, что, «выхаживая заводы, не одни башмаки износил и не одну площадь истоптал» [21, с. 564], но обошел-таки самих Строгановых, претендовавших на те же предприятия. Как позже отмечали специалисты, «непопулярный и привилегированный характер этой меры, которой воспользовалось с целями личного обогащения несколько высокопоставленных лиц, не имел ничего общего с государственными задачами» [2, с. 358].

Во владении вельмож бывшие казенные заводы оставались недолго, что свидетельствует о том, что они оказались не самыми удачливыми и умелыми предпринимателями, которым, по мнению специалистов, была характерна «потребительская манера ведения хозяйства» [11, с. 384]. Вельможи, «не зная прямого заводского в капиталах оборота и управляя ими <заводами> чрез таковых же своих поверенных, пришли почти в неоплатные долги, а потому оные сами просили правительство принять их в казну за налагаемую ими уже немалую цену, что было и исполнено», — писал автор «Российской горной истории» А. С. Ярцов, отразив в начале XIX в. нелицеприятное отношение общества к той приватизации [11, с. 19].

Тем не менее, некоторые из покупателей расширили производство доставшихся им заводов и основали новые. Так, по свидетельству чиновников, решавших в 1763 г. вопрос о способах уплаты долгов умершего П. И. Шувалова, он «как те четыре Гороблагодатские Сибирские <заводы> гораздо преумножил, так и... Воткинской и Ижевской, под именем Камских почитаемые, заводы на свое иждивение выстроил». Приняв это во внимание, они рекомендовали в счет долга Шувалова забрать в казну все его уральские предприятия, что и было сделано.¹ Полковнику А. А. Ирману предписали Гороблагодатские и Камские заводы «в казенное содержание принять», учредить горное начальство, продолжить и «умножить» выделку там сортового железа «для заморского

¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 16. № 11967.

отпуска», а также попытаться возобновить выплавку меди, «которая во время прежнего казенного содержания производилась, а во время партикулярного содержания графа Шувалова <была> запущена». ¹ Доход от продажи железа возвращенных в казну заводов императрица повелела направлять на содержание «сибирских полков», а оставшиеся деньги «отдавать повсягодно в наш Кабинет для приобщения к комнатной сумме». ² В этой связи А. А. Ирман в 1766 г. предложил даже оставить эти предприятия «единственно в ведении Кабинета», подобно Колывано-Воскресенским заводам. Однако действовавшая тогда сенатская комиссия настояла на сохранении Гороблагодатских заводов «под ведением Берг-коллегии, яко учрежденном месте для всех вообще в государстве состоящих горных заводов». ³

В 1770–1780-е гг. за так и не оплаченные долги владельцев в горное ведомство возвратились также Пермские заводы М. И. Воронцова, Юговские заводы И. Г. Чернышева и Липецкие заводы П. И. Репнина. Верх-Исетский и Алапаевские заводы расплаившихся с казной Р. И. Воронцова и А. Г. Гурьева, а также Уткинские заводы С. П. Ягужинского были проданы самими владельцами С. Я. Яковлеву в 1760–1770-е гг. Из «приватизаторов» 1750-х гг. только А. Ф. Турчанинов сохранил Сысертские заводы в своем владении. Уже на излете этой кампании в 1772 г. полковнику Н. И. Маслову был передан заброшенный Лялинский медеплавильный завод на Урале, который он так и не сумел восстановить [21, 567–571; 11, с. 327–386].

Окончательные итоги этой масштабной операции оказались неоднозначными. Из владения казны вышли всего несколько уральских предприятий (впоследствии они составили основу посессионных Сысертского, Верх-Исетского и Алапаевского округов), но возвратились Гороблагодатские, Пермские, а также находившиеся в Центральной России Липецкие заводы, которые вскоре были закрыты. Государственными оказались частные Камские заводы, перешедшие за долги владельца. Кроме того, сохранились во владении

¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 16. № 12085.

² Там же. № 12001, 12002.

³ Там же. Т. 17. № 12684.

нии казны и не поступавшие в продажу Екатеринбургские заводы, в дачах которых располагались Березовские золотые промыслы.

Завершение этой малоуспешной кампании, видимо, не случайно совпало с известным манифестом Екатерины II 1779 г., предоставившим приписным крестьянам некоторые «выгоды и облегчения». «Дабы и самые содержатели заводов по мере пользы, обществу ими приносимой, почувствовали всевозможное облегчение и чрез то новое ободрение получили к распространению своих промыслов», с них была снята обязанность «поставлять в Адмиралтейство и Артиллерию железо и воинские снаряды», переданная заводам, оставшимся во владении казны. Заводчиков предполагалось привлекать только «в случае, когда бы для укрепления границ Империи Нашей или же и в самых обстоятельствах военных настояла крайняя надобность во многом числе артиллерии, воинских снарядов и всяких чугунных и железных вещей, а время бы не дозволяло исправиться тем на казенных заводах».¹ В такой ситуации вопрос о продаже этих предприятий, специализированных на военной продукции, утратил свою актуальность и надолго вышел из приоритетов государственной политики. Более того, с 1809 г. «на вольную продажу» могло поступить лишь бракованное железо уральских казенных заводов, остающееся после выполнения военных заказов.²

Следующее крупное изменение в составе казенного сектора произошло вместе с приобретением государством Богословских заводов Походяшиных и Златоустовских заводов Н. М. Лугинина в 1790-е гг. Покупка этих уральских предприятий была связана с финансовой политикой и отвечала планам «умножения в государстве медной монеты для равновесия с государственными банковыми ассигнациями» [3, с. 109–115]. Для этого казне и потребовались перспективные медеплавильные заводы, имевшиеся в этих горнозаводских округах. Не случайно она выкупила предприятия у неспособных владельцев через Ассигнационный банк. Богословские заводы, приобретенные в 1791 г. за 2,5 млн руб., даже получили новое наименование «Банковские».³

¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 20. № 14878.

² Там же. Т. 30. № 23854.

³ Там же. Т. 23. № 16957.

Сначала оба хозяйства управлялись учрежденной при правлении банка горной экспедицией, но в 1796 г. после очередного восстановления Берг-коллегии (с 1781 г. горная промышленность находилась в подчинении губернских финансово-хозяйственных учреждений) управление было передано ей с условием, чтобы выплавленные металлы отдавались «в полное распоряжение банка для оборотов».¹ Однако отказ от монетной реформы привел к пересмотру этого решения. В 1800 г. Павел I указал «лугининские и походяшинские рудокопные заводы» отдать «в вечное и наследственное содержание партикулярным людям». Намечалась новая «приватизационная кампания», касавшаяся двух уральских казенных хозяйств.

На этот раз были разработаны «особенные условия» продажи, на которые должны были ориентироваться претенденты на покупку. Причем некоторые из этих условий были явно не в пользу государства. Так, «частному содержателю» предоставлялась возможность «сдать после заводы в казну, если он по каким-либо причинам не найдет себя в состоянии содержать сих заводов». Впоследствии это условие и основанные на нем предложения «частных лиц» были признаны «невыгодными для казны». Но именно на их основании все-таки была заключена сделка по Златоустовским заводам.

На скорость принятия решения в данном случае повлияла ситуация, сложившаяся вокруг покупки этих заводов у Н. М. Лугинина в 1799 г.: тогда казна перебила уже заключенную прежде сделку владельца с московским купцом немецкого происхождения А. А. Кнауфом, вследствие чего тот подал иск за понесенные убытки. Чтобы урегулировать возникший спор в 1800–1801 гг. были заключены условия и договор с А. А. Кнауфом, которому заводы (входивший в этот производственный комплекс Миасский завод, в даче которого нашли золото, был отделен и вместе с принадлежавшей ему лесной дачей подчинен Екатеринбургскому горному начальству) отдавались в «вечное и наследственное содержание», более напоминавшее аренду. Ежегодно он должен был

¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 23. № 17005; Т. 24. № 17607.

платить по 6 % от оценочной стоимости заводов (1 780 тыс. руб.) «голландскими облигациями» через банкирский дом в Амстердаме.¹ Это «содержание» продолжилось всего до 1811 г., когда за нарушение условий договора и в преддверии войны с Наполеоном Златоустовские заводы были возвращены в казенное управление [10, с. 387–392]. В 1815 г. они были «соединены в одну округу», включая и ранее отделенный Миасский завод. С помощью «вызванных из Золингена мастеров» во главе с прусским инженером Александром Эверсманом там была возведена знаменитая оружейная фабрика «для выделки белого оружия и разных в общепользовании употребительных вещей из стали»,² что надолго закрепило этот крупный промышленный комплекс за государством.

Судьба же Богословских заводов решилась в 1806 г. К тому времени были исправлены первичные условия продажи и, вследствие этого, отклонены несколько предложений о покупке. Единственным претендентом оставался богатый польский граф А. И. Илинский, состоявший на русской службе. Он предложил выгодные условия, которые, по мнению министра финансов, могли принести казне доход «самый верный и несомнительный». Несмотря на это, Александр I все-таки «признал за благо оставить оные <заводы> в казенном содержании».³ В 1810–1811 гг. с целью упорядочения расчетов Ассигнационного банка «горные банковые заводы» были «обращены в общее государственное имущество» и причислены «к составу Министерства финансов по Департаменту горных и соляных дел». Финансовые операции не только Богословских, но и Златоустовских заводов с этого времени проводились не через банк, а, как и других казенных предприятий, через Государственное казначейство.⁴

Тогда же решилась судьба нескольких предприятий, входивших в комплекс Пермских, Екатеринбургских и Камских заводов. Закрытый еще в 1788 г. Ягошихинский медеплавильный завод в 1804 г. был передан «в пользу города Перми», в черте которого находился,

¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 26. № 19583.

² Там же. Т. 33. № 25295.

³ Там же. Т. 29. № 22342.

⁴ Там же. Т. 31. № 24197, 24307.

«для устройства на нем заведений, какие выгоднейшими для городских доходов признаны будут».¹ В 1806 г. закрыли Екатеринбургский завод «по той причине, что железо с сего завода ни к каким местам не требуется, а употребляется только для продовольствия Монетного двора и золотых промыслов». Кроме того, сочли, что необходимо сберечь окрестные леса и воду в заводском пруде, а также устранить опасность пожаров в центре Екатеринбурга.² Ижевский железоделательный завод в 1807 г. был перепрофилирован в оружейный и передан в ведение Военного министерства.

В течение всего XVIII в. казна оставалась владельцем горнозаводского хозяйства в Олонецком крае, хотя развивалось оно прерывисто, в зависимости от менявшихся военных потребностей государства. В 1766 г. эти заводы (вместе с Каменским на Урале) были даже временно переданы в ведение Адмиралтейской коллегии для восстановления производства чугунных пушек,³ но в 1771 г., после того как следственная комиссия нашла там «неустройства и непорядки», возвращены Берг-коллегии.⁴ Стимул к развитию это запущенное хозяйство получило со строительством Александровского пушечнолитейного завода в 1774 г.⁵ и особенно с 1786 г., когда было предписано этот завод «расположить и перестроить с лучшею выгодою для литья чугунных пушек и снарядов... по методе Карронской» (действовала на Карронском заводе в Шотландии) и возобновить действие смежного Кончезерского завода «для выплавки чугуна, надобного на литье пушек и снарядов... по удобности положения сего места ближе к железным рудникам, ныне на действие Александровского завода употребляемым и вновь отысканным». С целью «усугубления пользы» Кончезерскому заводу разрешалось изготавливать «железо, уклад, сталь и всякие чугунные литые вещи» и для «вольной продажи».⁶ Эти меры были связаны с приглашением на должность директора заводов известного шотландского инженера Карла Гаскойна.

¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 28. № 21386.

² Там же. Т. 29. № 22346.

³ Там же. Т. 17. № 12674.

⁴ Там же. Т. 19. № 13712.

⁵ Там же. № 14159.

⁶ Там же. Т. 22. № 16433.

С ним заключили договор, в соответствии с которым, помимо жалования, ему предоставлялась и половина ежегодной прибыли «в награждение за особый труд его и попечение о пользе казны» [13, с. 46–54]. В 1798 г. было образовано Правление Олонецких и Кронштадтского литейных заводов, «яко непосредственно один с другим имеющих связь в рассуждении распоряжения работ». После кончины директора Олонецкие заводы особым именным указом 1807 г. были «оставлены в казенном управлении»,¹ а в 1827 г. от них отделились смежные петербургские литейные предприятия (это были уже Петербургский и Кронштадтский заводы), которые позже вышли из горного ведомства.²

Гаскойну принадлежит и заслуга изучения залежей железной руды и каменного угля в Донецком крае. По его рекомендации в 1795 г. Екатерина II повелела основать там завод, «видя, сколь великие пользы общественные и частные от устройства оногo завода и ископания каменного угля произойти должны», и отдать его в управление Гаскойна. Сумма на содержание завода отпускалась «при начале наряда отливки вещей, частью из тех мест, которые тот наряд делать будут и которые имеют на приготовление потребных им вещей деньги, штатами положенные, частью из наших казначейств, которые превышающую штатное положение сумму обязаны на заводы доплачивать». С Гаскойном следовало заключить контракт «на том же основании», как по Олонецким заводам.³ На следующий год «новозаведенный» Луганский пушечнолитейный завод поступил в ведомство восстановленной Берг-Коллегии.⁴ Так в горном ведомстве появилось еще одно хозяйство, ставшее основой Луганского горнозаводского округа.

В Восточной Сибири еще с конца XVII в. действовали Нерчинские сереброплавильные заводы, после основания Берг-коллегии находившиеся в ее ведении. В 1756 г. была создана особая Нерчинская экспедиция под руководством главы Монетной канцелярии И. А. Шлаттера.⁵ В 1760 г., когда он был назначен еще

¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 29. № 22546.

² Там же. Собр. 2-е. Т. 2. № 860.

³ Там же. Собр. 1-е. Т. 23. № 17408.

⁴ Там же. Т. 24. № 17618.

⁵ Там же. Т. 14. № 10534.

и президентом Берг-Коллегии, экспедиция возвратилась в ведение этой коллегии, переведенной тогда из Москвы в Петербург.¹ В 1787 г. «для приведения в хозяйственное устройство Нерчинских заводов и для удобнейшего оными управления» они перешли в ведомство императорского Кабинета, став частью дворцового хозяйства.²

В нем к этому времени уже состояло обширное западно-сибирское горное хозяйство — Колывано-Воскресенские заводы, принудительно выкупленные у Демидовых в 1747 г. в связи с обнаружением серебра и золота.³ Уже в 1750 г. они были переданы под управление особой Канцелярии, выведенной из подчинения горного начальства и переданной в Кабинет.⁴ В 1796 г., когда после периода управления «горным промыслом» казенными палатами в очередной раз была восстановлена Берг-коллегия, Нерчинские заводы, как изначально находившиеся под ее ведением, были возвращены «в прежнее их вышеозначенное начальство».⁵ Но уже в 1800 г. их вновь «препоручили» в управление Кабинета, поскольку в том состояла «не только совершенная польза и выгода к умножению кабинетского дохода, но и самая необходимость для Колыванских заводов, кои без нерчинского свинцу существовать не могут».⁶ В 1801 г. специальным указом был подтвержден кабинетский статус и Колывано-Воскресенских заводов.⁷ очередная временная передача Нерчинских и переименованных в Алтайские Колывано-Воскресенских заводов в управление Горного департамента Министерства финансов, который в 1807 г. заменил Берг-коллегию, произошла в 1830 г.⁸ В 1855 г. эти крупнейшие окружные хозяйства, считавшиеся все это время «в собственности Государя императора», окончательно перешли в ведение Кабинета⁹ и оставались там до конца имперского периода.

¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 15. № 11097, 11113.

² Там же. Т. 22. № 16496, 16497.

³ Там же. Т. 12. № 9403.

⁴ Там же. Т. 13. № 9822.

⁵ Там же. Т. 24. № 17567.

⁶ Там же. Т. 26. № 19311.

⁷ Там же. № 19800.

⁸ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 5. № 3604.

⁹ Там же. Т. 30. № 29365.

Таким образом, в начале XIX в. казна оказалась владелицей Екатеринбургских, Гороблагодатских и Пермских заводов, основанных ею на Урале, а также по разным причинам перешедших к ней от частных лиц Камско-Воткинских, Златоустовских и Богословских заводов. Кроме того, ей принадлежали Олонецкие заводы в Карелии и Луганский завод в Донбассе. Эти многоотраслевые хозяйства представляли собой самостоятельные или взаимосвязанные промышленные комплексы, впоследствии получившие наименование горных, или горнозаводских, округов. В историографии укоренилось представление о том, что казенные округа были учреждены в соответствии с первым сводом российского горного законодательства — Проектом горного положения 1806 г., который распространялся на уральские заводы [1, с. 42–79; 20, с. 97, 108, 258–259]. Однако количество округов и их состав там не были определены, а довольно часто встречающийся термин «округа» использовался в нескольких значениях: он, с одной стороны, служил для обозначения «двух, трех или более заводов», соединенных «по удобности... в одну округу» под руководством помощника горного начальника, с другой, — относился к «отводам лесов и земель», приграниченных к каждому заводу, откуда выделялись покосы и пашни для населения и где можно было заводить «разные мануфактуры и фабрики», не основанные на «огненном действии».¹ Вместе с тем, предоставленная горному начальнику возможность учреждать «округи заводов» там, где он, «смотря по местному положению заводов и удобности отправления дел... найдет нужным», стала очередным шагом (первые были сделаны еще в XVIII в. с учреждением нескольких «зональных» горных начальств) к формированию системы казенных округов. Сам же термин «горный округ» был, видимо, введен Комитетом об устройстве горных казенных заводов, созданным в 1824 г. Подготовленные им «штатные положения» 1827–1829 гг. закрепили в окончательном виде состав казенных промышленных комплексов и, наряду с традиционным наименованием их «заводами», использовали термин «горный округ» или «округ заводов», который впоследствии распространился и на подобные же группы частных предприятий.²

¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 29. № 22208. Ст. 6, 8, 15, 743, 756.

² Там же. Собр. 2-е. Т. 2. № 1022; Т. 3. № 1776, 2002; Т. 4. № 2889, 2890.

Важную роль в оформлении казенного сектора сыграло и так называемое «горное межевание», проводившееся на Урале в 1815–1823 гг., когда определялись границы земельных дач, приписанных к каждому заводу. Эти границы были проверены и исправлены «генеральными землемерами» в 1843–1852 гг. «с нанесением на все заводские планы и обозначением в натуре формальными межевыми знаками». В 1824–1842 гг. здесь осуществлялось еще и «генеральное межевание», в ходе которого, «как в натуре, так и на всех горнозаводских планах, обозначались генеральные межи всюду, где земли, приписанные к казенным горным заводам, граничили с землями других ведомств и частных владельцев» [2, с. 163–169].

В течение первой половины XIX в. государство ограничилось развитием производства в рамках сложившихся округов. Однако, как и в XVIII в., оно выступило инициатором строительства металлургических заводов в других перспективных для развития «горного промысла» регионах расширявшейся Российской империи. Там возникли новые территориальные части казенного сектора горнозаводской промышленности.

Одним из таких регионов стало Царство Польское, образованное в составе империи в 1815 г. По свидетельству министра финансов А. И. Васильева, готовившего в 1806 г. Проект горного положения, тогда о польских заводах его ведомству ничего не было известно и только собирались «нужные сведения».¹ В 1815 г. «за неимением в крае частного горного промысла... правительство приступило к нему само», построив здесь металлургические заводы. Эти предприятия группировались в так называемые «отделы» (подобия горнозаводских округов) и действовали «исключительно для частной потребности и в малых размерах», выплавляя не только железо, но и цинк. В 1840-е гг. для управления заводами были образованы два горно-административных округа — Западный (с центром в Домброве-Гурничей) и Восточный (с центром в Сухедеве), находившихся в подчинении Горного департамента в Варшаве. В 1870 г. этот департамент был ликвидирован, и польские заводы подчинены Горному департаменту в Санкт-Петербурге [9, с. 108–109, 318].

¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 29. № 22208.

Казна озаботилась распространением «горного промысла» и на Кавказе после его вхождения в состав Российской империи. Еще в 1785 г., когда образовалась Кавказская губерния, генерал-губернатору Г. А. Потемкину было предписано «освидетельствовать» через «людей искусных в горной части... какие в горах Кавказских имеются металлы, или минералы, предостерегая всякое из того беспокойство или притеснение».¹ В 1801 г. после присоединения Грузии член Берг-коллегии граф А. А. Мусин-Пушкин предложил меры к «учреждению» там горного производства. Предполагалось не только развивать частное предпринимательство акционерного типа для распространения «благоденствия и изобилия, от рудного промысла ожидаемых, на всех поселян», но и «устремить главнейшее внимание на дальнейшее приискание и основательную разведку богатых серебряных и золотых руд, устроить уже и казенные заводы с большими выгодами для государства».² Однако это предположение реализовалось лишь в 1853 г. при наместнике князе М. С. Воронцове, когда в Терской области был пущен Алагирский серебросвинцовый завод с целью «водворения горного промысла» в этом отдаленном крае [9, с. 292–294].³

Наконец, в том же 1853 г. казна основала Николаевский завод в Нижнеудинской округе Иркутской губернии для «снабжения жителей Иркутской и частью Енисейской губерний железом, чугунами и железными изделиями». В соответствии с утвержденными тогда Правилами об управлении, рабочие на этот отдаленный завод набирались из ссыльнокопаторжных, а мастера — с уральских и других казенных заводов.⁴ Однако это предприятие оставалось во владении казны всего 12 лет.

После Крымской войны, которая серьезно подорвала бюджет государства, было объявлено об «обращении в продажу некоторых казенных имуществ в видах уменьшения кредитных билетов». Но тогда казенные горные заводы не рассматривались в качестве объекта приватизации, поскольку, как считалось, «доставляли

¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 22. № 16194.

² Там же. Т. 26. № 20055.

³ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 25. № 23954.

⁴ Там же. Т. 28. № 27812.

казне верную возможность получить всегда по умеренным ценам необходимые для артиллерии и флота металлы и изделия». Кампания завершилась в 1861 г., но отчуждение тех недвижимых казенных имуществ, которые, «по соображению министров и главноуправляющих... признавались для казны ненужными», в дальнейшем могло происходить «на основании закона через публичные торги» [9, с. 161]. «Жертвой» этого решения, видимо, и стал Николаевский казенный завод. Уже вскоре после основания он был признан нерентабельным и в 1864 г. продан с торгов иркутскому купцу Н. К. Трапезникову [9, с. 164–165].

Обратный случай произошел в 1865 г., когда посессионный Кирсинский округ в Вятской губернии с двумя металлургическими заводами перешел казне от Д. Е. Бенардаки в счет его долга. Крупнейший российский винный откупщик пострадал тогда от проведенной государством реформы, заменившей прежнюю систему откупов акцизной системой. Он предложил погасить часть долга казне «натурой», включая принадлежавшие ему на Урале горные заводы. Комитет министров учел, что долг владельца образовался не по его вине, и принял решение принять Кирсинский и Песковский заводы, переименованные в Вятские, с приписанными лесами за условную сумму в 500 тыс. руб. Казною в округе были предприняты меры, направленные на улучшение качества чугуна и железа, которые отправлялись большей частью на располагавшийся поблизости казенный Воткинский завод и на «вольную продажу».

Крестьянская реформа, видимо, послужила поводом к тому, чтобы поднять вопрос и о золотых приисках, разрабатывавшихся на территории четырех уральских казенных округов. По признанию руководителей отрасли, эти прииски к тому времени были доведены до кризисного состояния и требовали значительных капиталовложений, что в условиях перехода на вольнонаемный труд было затруднительно для казны. По просьбе золотопромышленников в 1861 г. было получено разрешение на открытие для частной разработки приисков Гороблагодатского округа. Большую их часть получило созданное в Санкт-Петербурге Товарищество, инициатором которого выступил отставной генерал-майор П. П. Ушаков.

Ему же (а также уральскому заводчику А. М. Пастухову), видимо, принадлежала и инициатива аренды части Богословского округа с Николае-Павдинским медеплавильным заводом, бездействовавшим с 1837 г. Предполагалось не только восстановить выплавку меди, но и вести поиски золота в отведенной к заводу огромной лесной даче. В том же 1861 г. состоялась аренда этого запущенного казной хозяйства Николае-Павдинским товариществом. Но, не справившись со своими обязательствами, в 1864 г. общество распалось [9, с. 167, 306–307].

Эти отдельные события стали предвестниками новой и самой масштабной «кампании по отчуждению казенных горных имуществ в частные руки», которая началась в 1870-е гг. [9, гл. 2]. Она оказалась важной составной частью структурной реформы, которая должна была охватить все сектора российской горнозаводской промышленности, включая и казенный. Первоначально занятые разработкой реформы высшие чины горного ведомства предполагали лишь совершенствовать систему управления государственными заводами, но в 1866 г. с целью сокращения расходов бюджета министром финансов М. Х. Рейтерном с санкции императора была допущена и возможность отчуждения тех горных заводов, которые не приносили выгоды казне. В ходе довольно острой дискуссии в действовавшей при Министерстве финансов Податной комиссии (в ней принимали участие высшие чиновники нескольких министерств, горные администраторы, экономисты и горнозаводчики) даже высказывалось мнение о ликвидации казенного сектора не только как чрезвычайно затратного для государства и в то же время не справлявшегося с выполнением «военных нарядов», но и как совершенно нежизнеспособного в условиях рыночной экономики. Было подвергнуто сомнению и значение таких предприятий как инициаторов внедрения новых металлургических технологий или как регуляторов рыночных цен на металлы, на чем настаивали горные чиновники. Однако политические мотивы, связанные с опасением попасть в зависимость от частного капитала в столь важном для государства вопросе, как производство вооружений, все-таки оказались более действенными. В итоге, было принято компромиссное решение — оставить в собственности

казны лишь те предприятия, которые изготавливали военную продукцию, и обслуживающие их металлургические заводы. В 1871 г. утвердили Правила о продаже казенных горных заводов, предусматривавшие реализацию последних вместе с земельными отводами на публичных торгах «лицам всех состояний, как русским, так и иностранным подданным»; определили подходы к оценке имущества; установили «облегченный порядок» покупки с рассрочкой выплат «по банковским правилам». Был составлен и перечень таких предприятий, в который вошли уральские Богословский и Вятский округа, несколько небольших предприятий, входивших в состав Пермского (Юговский завод), Златоустовского (Артинский), Гороблагодатского (Серебрянский) и Екатеринбургского (Каменский, Нижнеисетский и Екатеринбургская механическая фабрика) округов, а также все казенные золотые промыслы.¹ Позже в этот список включили Екатеринбургский монетный двор, Алагирский завод и Луганский округ. О приватизации польских заводов, совсем не изготавливавших военной продукции, было объявлено еще в 1864 г. в связи с реформами, начатыми тогда в Царстве. После перехода предприятий в ведение Горного департамента в Петербурге, эта операция стала частью общей кампании.

Она принесла свои первые плоды уже в 1872 г., когда состоялась продажа И. А. Пастухову той части Богословского округа с Николае-Павдинским заводом, которая уже состояла в аренде (купчая утверждена в 1875 г.). В 1875 г. С. Д. Башмаков купил другую часть этого округа с Богословским и Петропавловским заводами и золотыми приисками (купчая утверждена в 1878 г.). Еще в 1870 г. (по особому распоряжению) барону А.-Э. С. Френкелю были проданы Стараховицкие заводы, а в 1876 г. А. П. Племянникову и А. Е. Ризенкампу — заводы Гута-Банкова (Домбровские) в Царстве Польском. Около 1875 г. в собственность Л. П. Семечкина и Н. Ф. Мещерина перешел недействующий Петровский завод Луганского округа. В 1880 г. Пастуховы приобрели Вятский округ на Урале, а Ш. М. Шпигельштейн — Сероцкий стальной завод в Польше.

¹ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 46. № 50048.

Осуществилась и запланированная передача в бессрочную эксплуатацию казенных золотых промыслов на Урале. В 1874 г. разработка Березовского золоторудного месторождения перешла к компании В. И. Асташева [18]. Ей же досталась в 1877 г. часть россыпей в Екатеринбургском округе; другая часть была отдана компании П. И. Губонина и В. А. Кокорева, а также А. Э. Коцебу. В 1877 г. Миасские прииски достались компании графа Н. В. Левашова.

Кроме того, в 1870-е гг. намерения приобрести казенные Артинский и Саткинский, Серебрянский и Нижнетурицкий, Каменский и Нижнеисетский, Луганский и Алагирский заводы, а также закрытые Екатеринбургскую механическую фабрику и Екатеринбургский монетный двор высказывали многие покупатели, в том числе и вполне перспективные (например, П. П. Демидов, Д. П. Соломирский, П. В. Берг), но им было отказано по разным мотивам (некоторые из этих предприятий не входили в утвержденный список на отчуждение, или показались невыгодными предложения казны либо предпринимателей). В 1879 г. Серебрянский и Нижнетурицкий заводы Гороблагодатского округа даже выставлялись на торги, но компания купцов А. И. Гоберга и А. А. Ломача была отстранена от сделки за нарушение условий продажи; в 1876, 1879–1881 гг. организовывались, но так и не состоялись торги на опытный Лисичанский завод Луганского округа.

Первый, приватизационный, период кампании по отчуждению казенных имуществ завершился к 1881 г., когда в руках казны оставались еще многие назначенные к продаже предприятия. Их участь решалась министрами государственных имуществ М. Н. Островским и А. С. Ермоловым, допускавшими лишь возможность аренды заводов или даже полное прекращение отчуждения. Это отступление от утвержденного верховной властью курса было вызвано не только трудным ходом приватизации, но и тем, что под влиянием различных обстоятельств (текущего переоборудования заводов; динамичной рыночной конъюнктуры, превращавшей убыточные казенные заводы в предприятия, временно приносящие доход; интенсивности заказов оборонных ведомств, особенно возроставшей в военное время) менялось отношение власти

к вопросу о предназначении казенных горных заводов. Власть колебалась в принятии решения, рассматривая различные варианты — от признания исключительно оборонного профиля таких предприятий до поощрения их широкой коммерческой деятельности, допущенной с 1860-х гг. ввиду сокращения казенных нарядов и привлечения к их выполнению частных заводов. В 1890-е гг. предполагалось даже специализировать казенные металлургические предприятия на производстве чугуна на рынок и организовать их работу «на коммерческих основаниях». Однако в 1910 г., при министре торговли и промышленности С. И. Тимашеве, было все-таки решено деятельность казенных предприятий сосредоточить «на изготовлении предметов государственной обороны с ликвидацией самостоятельного производства рыночных изделий и допущением изготовления сих изделий лишь в виде побочных продуктов при выполнении казенных нарядов в целях главным образом понижения стоимости последних» [15, с. 253].

Вновь был утвержден план отчуждения казенных заводов, не соответствовавших этим критериям, который предполагал их аренду или закрытие. По сравнению с перечнем предприятий, назначенных к продаже в 1871 г., новый список пополнился двумя заводами Гороблагодатского округа (Нижнетурицкий, Баранчинский) и одним заводом Златоустовского округа (Кусинский). Каменский завод, продажа которого еще в 1882 г. была приостановлена, вновь назначался к «отчуждению». В списке остались Серебрянский и Артинский заводы, которые до сих пор не были приватизированы. Судьба Воткинского завода, строившего паровозы для Министерства путей сообщения, должна была решаться «в особом порядке» [15, с. 248–254]. Однако к реализации этого плана приступить не успели в связи с началом Первой мировой войны.

Следствием пересмотра правительственного курса стало то, что на втором этапе отчуждения (1882–1915 гг.) заключались лишь договоры аренды наиболее убыточных заводов, несмотря на просьбы предпринимателей о приобретении их в собственность. Общие правила аренды были подготовлены, но не утверждены [7, с. 294–295], поэтому условия определялись в каждом конкретном случае. В 1892 г. состоялось заключение договора аренды Юговского

завода Пермского округа с инженерами И. Н. Урбановичем и Д. И. Захаровским (аренда была прекращена вместе с закрытием этого предприятия около 1900 г.). Ввиду назначения к ликвидации Нижнеисетского завода расформированного Екатеринбургского округа его взяла в аренду в 1904 г. рабочая артель, действовавшая до 1914 г., после чего это предприятие было причислено к Воткинскому округу. Из имущества, принадлежавшего Лисичанскому заводу, одну каменноугольную шахту удалось в 1882 г. сдать в аренду, другую затопили после неудачных торгов, а остальное имущество распродали в 1883–1885 гг. В 1895 г. Алагирский завод на Кавказе был отдан в аренду Н. В. Фильковичу, который на следующий год передал свои права российско-бельгийскому обществу «Алагир» (вместо устаревшего казенного предприятия оно вскоре построило новый цинкоплавильный завод). В 1891 г. состоялась передача в аренду цинковых заводов Царства Польского компании П. П. фон-Дервиза. В 1893 г. был сдан в аренду Мрочковский завод, в 1898 г. — Бялогонский; в 1904 г. сразу несколько других железоделательных заводов Царства Польского (Бзинский, Мостковский, Реевский и Сельпийский) с торгов поступило в аренду Э. К. Руппу (в 1913 г. вместе с Бялогонским и Самсоновским заводами они были переданы в аренду С. Грабинскому). После безуспешных попыток аренды недействующие Екатеринбургская механическая фабрика и Екатеринбургский монетный двор были переданы в 1883 г. железнодорожному ведомству, а Луганский завод перешел в 1892 г. в подчинение Военного министерства. В 1880-е гг. были высказаны предположения и об отчуждении старинных Олонецких заводов по причине их несокращавшейся убыточности. Но, вместо сдачи в аренду чугуноплавильных заводов Олонецкого округа, власти предпочли их закрыть в 1904–1908 гг., оставив в действии лишь Александровский снарядный завод.

Наконец, последним актом в истории казенного сектора горнозаводской промышленности стало приобретение Холуницкого горнозаводского округа. Это крупное хозяйство, располагавшееся в Вятской губернии, принадлежало И.А. Поклевскому-Козелл, младшему сыну знаменитого «водочного короля» Урала А. Ф. Поклевского-Козелл. После признания его в 1902 г. «несостоятельным

должником» заводы перешли в конкурсное управление, которое вместо того, чтобы заняться продажей имущества, по воле Николая II восемь лет управляло заводами, получая финансовую поддержку от казны «для обеспечения многотысячного населения». Когда долги превысили стоимость всего округа, и в то же время угасла последняя надежда на возврат кредитов, правительство было вынуждено «оставить заводы за собой за сумму казенных претензий». В 1911 г. суд утвердил результаты торгов и «укрепил» Холуницкий округ за новым владельцем в лице Министерства торговли и промышленности. Не действующие и не нужные казне предприятия было решено сдать в аренду, что и было сделано уже во время Первой мировой войны. В 1915 г. Холуницкий округ арендовало Вятское губернское земство «в целях возобновления выплавки чугуна... для удовлетворения потребностей, вызванных военным временем... с тем, чтобы эти условия по окончании войны подвергнуты были пересмотру в соответствии с намеченной земством в будущем организацией сельскохозяйственного машиностроения» [9, с. 300–304, 496–507].

Таким образом, более чем двухвековая история казенного сектора российской горнозаводской промышленности включала как периоды расширения, так и сокращения его состава. Довольно интенсивно он развивался в первое тридцатилетие XVIII в. за счет средств казны; в конце этого столетия вырос путем национализации нескольких частных предприятий (два таких случая произошли еще в середине XIX и в начале XX в.), тогда же и в первой половине XIX в. — распространился на новые регионы империи. В то же время он зачастую подвергался опасности частичной или даже полной ликвидации. Помимо отдельных случаев перехода заводов «в частные руки» (например, Невьянского завода Н. Д. Демидову в 1702 г. или Николаевского завода Н. К. Трапезникову в 1864 г.), казенный сектор пережил несколько крупных «приватизационных кампаний», когда угроза продажи распространялась если не на все, то на многие предприятия.

Одна такая масштабная кампания, начатая в 1739 г. и с перерывом продолженная в 1754–1759 гг., затронула большинство казенных предприятий Урала и Замосковского района. Ее справедливо

называют «номенклатурной» из-за того, что выбор претендента осуществлялся императрицей в отсутствие открытых торгов. Следствием этого стали особый состав покупателей, представленный в основном лицами, близкими к верховной власти, и вполне прогнозируемый итог приватизации, приведший к крупным финансовым потерям и возвращению в казну многих проданных заводов. Другая кампания, связанная с попыткой продажи двух уральских округов, приобретенных с целью реализации монетной реформы в 1790-е гг., была свернута в 1800-е гг. Александр I решил оставить заводы во владении казны, видимо, под влиянием горных специалистов, проводивших тогда реформу отраслевого управления с опорой на казенные предприятия, а также ввиду военной опасности, исходившей от наполеоновской Франции. Следующая — самая масштабная и продолжительная — кампания охватила 1871–1915 гг. и была следствием очередного реформирования отрасли, предполагавшего, в частности, структурную и финансовую оптимизацию разросшегося казенного сектора. Эта кампания носила открытый характер и была тщательно подготовлена. Однако, вследствие трудного хода продажи и перемен во взглядах руководителей отрасли на приватизацию казенных имуществ, она затянулась и с 1881 г. превратилась в «кампанию по отчуждению», предполагавшую лишь аренду заводов, их закрытие или передачу в другое ведомство. Во время Первой мировой войны эта кампания была остановлена, а все оставшиеся во владении и управлении государства предприятия нашли свое место в структуре оборонного комплекса России.

Хотя все «приватизационные кампании» не осуществились в том виде, в котором задумывались организаторами, в результате их казенный сектор российской горнозаводской промышленности, в течение XVIII — первой половины XIX вв. распространившийся на Уральский, Олонецкий, Замосковский, Донецкий, Польский, Восточносибирский и Кавказский регионы, к началу XX в. фактически сжался до Урала и Олонца, причем в обоих районах количество заводов существенно сократилось. Изменилась и структура сектора за счет перехода в частные руки или в другие ведомства медеплавильной, монетной, золотодобывающей, серебряноцинковой

и каменноугольной отраслей. Оставшиеся казенные предприятия занимались рудопромышленностью, черной металлургией, производством военной продукции и машиностроением. Заводы же, которые были приватизированы, в большинстве случаев довольно успешно развивались в руках частных владельцев, что свидетельствует о целесообразности этой операции. На Урале на их основе были образованы крупные Верх-Исетский и Алапаевский округа Яковлевых, Сысертский округ Турчаниновых; Богословский округ после продажи стал крупнейшим североуральским промышленным комплексом во владении Н. М. Половцовой; за счет Вятских заводов был укрупнен Омутнинский округ Пастуховых. Несколько крупных горнозаводских компаний возникло в Царстве Польском (Общество Стараховицких горных заводов, Общество железодельного и сталелитейного завода Гута Банкова в Домброве). Более скромные, а порой и явно неудачные результаты оказывались у аренды казенных предприятий, что свидетельствует о пониженной эффективности этой формы отчуждения.

В целом же формирование казенного сектора горнозаводской промышленности и его деятельность в течение всего имперского периода, несмотря на описанные выше «приватизационные кампании», были следствием особенной роли этой базовой отрасли. От ее развития напрямую зависело не только общее состояние экономики страны, но и оборонная мощь государства. Основывая металлургические заводы в перспективных для этого регионах империи в протоиндустриальный период (он характеризуется относительной слабостью частного предпринимательства), государство тем самым стимулировало развитие «горного промысла» и одновременно организовывало необходимое для обороны производство вооружений. Если по мере развития частного сектора там в основном сосредоточилась продукция гражданского назначения, то военное производство в значительном объеме государство все-таки предпочитало оставлять за собой для того, чтобы всегда иметь под рукой полностью подконтрольные ресурсы и быть независимым от частного капитала. Этим, в первую очередь, и мотивировалось сохранение казенного сектора даже в раннеиндустриальный период (он характеризуется уже отно-

сительно высоким уровнем развития частного предпринимательства), несмотря на сложную финансовую организацию казенного производства, далеко не всегда оправдывавшие вложенные в него бюджетные средства [4; 5; 6; 14; 22; 23].

Список литературы

1. Бакшаев А. А. Формирование казенных горнозаводских хозяйств на Урале в XVIII — первой четверти XIX в. // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. — Вып. 13. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. — С. 42–49.
2. Безобразов В. П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. — СПб.: Изд. Комиссии для пересмотра системы податей и сборов, 1869. — [641] с. разд. паг.
3. Бочкарева Е. С. Переход Златоустовских заводов в казенное владение в конце XVIII в. // Вестник Челяб. гос. ун-та. — 2015. — № 14 (369). — История. — Вып. 64. — С. 109–115.
4. Вяткин М. П. Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. — М.; Л.: Наука [Ленингр отд.], 1965. — 400 с.
5. Гаврилов Д. В. Казенные горные заводы Урала во второй половине XIX — начале XX в., 1861–1904 гг. // Ученые записки Ульян. пед. ин-та. — 1972. — Т. 24, вып. 4. — С. 80–121.
6. Железкин В. Г. Казенные горные заводы Урала в экономической политике царского правительства в период домонополистического капитализма (1861–1900 гг.) // Вопросы экономической истории горнозаводской промышленности Урала периода капитализма (1861–1917 гг.). — Свердловск: Б. и., 1989. — С. 3–26.
7. Клевакин Е. П. Записки провинциального чиновника второй половины XIX в.: Воспоминания и рассказы о жизни и службе на Урале и в Алтае: сб. документов: [В 2 т.] / Сост. П. А. Афанасьев. — Т. 1. — Барнаул: АлтГПУ, 2017. — 416, [3] с.
8. Курлаев Е. А., Манькова И. Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII в.: у истоков российской промышленной политики. — М.: «Древлехранилище», 2005. — 324 с.
9. Неклюдов Е. Г. Горная реформа в России второй половины XIX — начала XX в.: от замысла к реализации. — СПб.: Нестор-История, 2018. — 576 с.
10. Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. — Нижний Тагил: Нижнетагил. гос. соц.-пед. акад., 2004. — 596 с.
11. Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII в.: Заводы и заводовладельцы. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 564, [2] с.

12. Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в.: Промышленная политика и управление. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 536, [3] с.

13. Пашков А. М. Иностранцы-специалисты на Олонецких горных заводах во второй половине XVIII — первой четверти XIX в. // Отечественная история. – 2006. – № 4. – С. 46–54.

14. Поликарпов В. В. Русская военно-промышленная политика. 1914–1917 гг.: Государственные задачи и частные интересы. – М.: Центрполиграф, 2015. – 381, [2] с.

15. Поликарпов В. В. От Цусимы к Февралю: Царизм и военная промышленность в начале XX в. – М.: Индрик, 2008. – 550 с.

16. Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. – М.: Наука, 1972. – 392 с.

17. Рожков В. И. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии // Горный журнал. – 1885. – № 4. – С. 119–141; № 5. – С. 243–301; № 6. – С. 435–466; № 7. – С. 101–140.

18. Сапоговская Л. В., Рукосуев Е. Ю. Березовская золотопромышленная компания (1874–1917 гг.). – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004. – 233 с.

19. Спасский Г. И. Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова, основателя многих горных заводов, составленная из актов, сохранившихся у его наследников и из других сведений. – СПб.: Тип. и лит. А. Э. Мюнстера, 1877. – [8], 106 с.

20. Территориально-экономическое управление в России XVIII — начала XX в.: Уральское горное управление / К. И. Зубков, Н. С. Корепанов, И. В. Побережников, Е. С. Тулисов. – М.: Наука, 2008. – 355 с.

21. Чупин Н. К. Отдача казенных заводов в частные руки в прошлом столетии // Горный журнал. – 1861. – № 6. – С. 551–591.

22. Шацилло К. Ф. Государство и монополии в военной промышленности России, конец XIX в. – 1914 г. – М.: Наука, 1992. – 268, [2] с.

23. Шумкин Г. Н. Казенные горные заводы Урала в политике горного ведомства в конце XIX — начале XX в. // Уральский исторический вестник. – 2007. – № 16. – С. 38–44.

24. Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд / Науч. совет РАН по проблемам рос. и мировой экон. истории; отв. ред. В. А. Виноградов. – М.: РОССПЭН, 2000. – 622, [1] с.

В. А. Шкерин

АЛЕКСАНДР КЕММЕРЕР — ЧЕЛОВЕК, НАЗВАВШИЙ МИНЕРАЛ ПЕРОВСКИТОМ

В 1830-х гг. на горнозаводском Урале был найден новый минерал, названный перовскитом в честь известного коллекционера, вице-президента Департамента уделов Л. А. Перовского. В то время никто, конечно, не мог предугадать, что в начале XXI века в мировой солнечной энергетике заговорят о грядущей «перовскитовой революции»: за несколько лет коэффициент полезного действия перовскитных солнечных элементов поднялся с 3 до 25 %, и перспективы этого роста весьма обнадеживающие. Статья повествует о времени открытия перовскита, о том, кто и при каких обстоятельствах дал минералу это имя.

Ключевые слова: перовскит, кеммерерит, минералогия, солнечная энергетика, А. Б. Кеммерер, Л. А. Перовский, Густав Розе, история науки, история России, первая половина XIX в.

In the 1830s, a new mineral had been discovered in the mining region of the Urals, which was named perovskite in honor of the famous collector, Vice-president of the Department of Appanages L. A. Perovsky. At that time, no one, of course, could have foreseen that at the beginning of the 21st century, in the world solar energetics, there will be many talks about the coming 'perovskite revolution': in a few years, the efficiency of perovskite solar cells has risen from 3 % to 25, and the prospects for this growth are very encouraging. The article tells about the time of the discovery of perovskite, about who and under what circumstances gave the mineral this name.

Keywords: perovskite, kemmererite, mineralogy, solar energy, A. B. Kammerer (Kämmerer), L. A. Perovsky, Gustav Rose, history of science, history of Russia, the first half of the 19th century.

Пути науки неисповедимы, поэтому значение открытия неверно мерить очевидной сиюминутной выгодой. Иногда временная дистанция от открытия до его использования измеряется веками. Когда в 1830-х гг. на Урале был найден минерал перовскит, не было еще лампы накаливания, и электричество оставалось объектом интереса ученых, не имевшим отношения к обыденной жизни людей. Тем более не существовало понятия солнечной энергетике, в которой в начале XXI века заговорят о грядущей «перовскитной революции».

Профессор университета имени Д. Бен-Гуриона в Негеве (Израиль) Е. А. Кац рассказывает: «Последние несколько лет вместе

с коллегами из нашей лаборатории мы исследуем солнечные элементы на основе перовскитов. Термин “перовскит” сегодня на слуху у всех, кто интересуется разработками возобновляемых источников энергии, Произошло это в связи с невероятным интересом к так называемым гибридным органическо-неорганическим полупроводникам на основе металлогалогенных перовскитов. <...> Беспрецедентный рост эффективности подобных устройств можно считать одним из важнейших научных достижений минувшего десятилетия. Если в 2007 г. КПД перовскитных солнечных элементов обычно не доходил до 3 %, то сегодня этот важнейший для солнечной энергетики показатель превысил 25 %, что довольно близко к рекордной эффективности самых распространенных в настоящее время солнечных элементов на основе кристаллического кремния. А благодаря возможности печатать активные слои из растворных композиций на принтере, тонкопленочные перовскитные элементы могут стать очень дешевыми в производстве. Но основной интерес к новой технологии связан с перспективой создания ... тандемного или двухпереходного солнечного элемента, состоящего ... из двух элементов — верхнего (по отношению к падающему солнечному свету) перовскитного и нижнего, обычного кремниевого. Нанесение дешевого перовскитного слоя практически не увеличит стоимость кремниевого прибора, но повысит его эффективность до 30–35 %» [8, с. 34–35].

Минерал был обнаружен в богатейшей Ахматовской копи на отроге Няземских гор, в Златоустовском казенном горнозаводском округе. Не известно, кто и когда именно его нашел. Зато известно, когда минерал был явлен миру и поименован. Сотрудники Уральского горного университета (Екатеринбург) В. Н. Авдонин и Ю. А. Поленов писали: «В 1839 году А. Б. Кеммерер — обер-бергмейстер, берг-лекарь, минералог и учредитель Минералогического общества в Петербурге проездом через Берлин посетил Густава Розе и доставил ему образец хлористого сланца с ... кубическими кристаллами тогда еще неизвестного минерала. <...> Густав Розе дал ему имя “перовскит”, взятое от имени ревностного любителя минералогии, российского императорского двора гофмейстера и сенатора Льва Алексеевича Перовского» [1, с. 185–186].

Из трех упомянутых в этом отрывке персонажей, двое достаточно хорошо известны. Немецкий минералог и кристаллограф Густава Розе в 1829 г. сопровождал знаменитого географа и натуралиста Александра фон Гумбольдта в путешествии по России и в том же году был избран иностранным членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. Изучением привезенных из этой экспедиции образцов Розе занимался в продолжение следующих десяти лет, идентифицировав при этом несколько новых минералов. Перовский, конечно, не был профессиональным минералогом, но «ревностным любителем минералогии» — несомненно. Министр финансов Е. Ф. Канкрин извещал его 8 февраля 1829 г.: «Милостивый государь Лев Алексеевич! Всемиловитейше учрежденный при Горном кадетском корпусе Ученый комитет по горной и соляной части, состоящий под председательством моим, по предложению г. обер-гиттенфервальтера Меньшенина,¹ в заседании свое 1-го сего февраля избрал Вас своим членом».²

Всё свое движимое имущество, включая богатейшую коллекцию минералов, Лев Перовский завещал «племяннице ... Марии, дочери брата Бориса Алексеевича, с тем, чтобы по продаже всего этого вырученные деньги внести в кредитное учреждение и оставить неприкосновенным до ея совершеннолетия или выхода в замужество».³ После кончины Л. А. Перовского в 1856 г. эту коллекцию приобрел другой известный и состоятельный ценитель природного камня — П. А. Кочубей [17, с. 11]. Не случайно русский минералог и кристаллограф Н. И. Кокшаров⁴ писал, что «имел случай

¹ Меньшенин Дмитрий Степанович — горный офицер, автор научных статей и переводов, член-корреспондент Вольного общества любителей российской словесности. Литератор и критик А. А. Бестужев отмечал: «Меньшенина перевод “Писем о химии” заслуживает внимания равно в прозаическом, как и в стихотворном отношении; он светел, игрив, верен оригиналу и правилам нашего слова» [3, с. 100]. Меньшенин сопровождал Гумбольдта и Розе в поездках по Уралу в 1829 г., принимал цесаревича Александра Николаевича (будущего императора Александра II) и его учителя русского языка В. А. Жуковского в Екатеринбурге в 1837 г. О нем см.: [10, с. 79–80; 14, с. 196–198].

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1021. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.

³ Там же. Д. 40. Л. 3.

⁴ Кокшаров Николай Иванович — директор Горного института в 1872–1881 гг., директор Санкт-Петербургского Минералогического общества с 1865 г. и редактор многих томов «Записок» этого общества [29].

определить многие формы перовскита по образцам из превосходной коллекции П. А. Кочубея и А. Б. Кеммерера» [1, с. 186].

Но предоставим слово самому Густаву Розе. В том же 1839 году он сообщал в немецком научном журнале «*Annalen der Physik und Chemie*», что «герр Кеммерер предложил называть новый минерал в честь вице-президента (Департамента уделов — *В. III.*) герра Перовского ... перовскитом». На свою долю Г. Розе оставлял поддержку этой инициативы, поскольку знал, что Перовского отличало «редкое желание предоставлять сокровища своей превосходной коллекции» для нужд науки минералогии [30, с. 561]. В следующем 1840 году на страницах русского «Горного журнала» Розе обошелся без этих подробностей, сообщив, что «название описанного теперь минерала взято от имени ревностного любителя минералогии, российского императорского Двора гофмейстера и сенатора г. Перовского» [20, с. 375].

Зато в этой второй статье берлинский ученый поделился важной информацией о взаимоотношениях Перовского и Кеммерера. Обстоятельства своего знакомства с пиритом Розе изложил следующим образом: «Этот минерал случилось мне видеть только один раз, на великолепной полевошпатовой друзе, принадлежащей в С. Петербурге помянутому пред сим гофмейстеру и сенатору Перовскому. Друза эта, с его позволения, была мне показана обер-бергмейстером Кеммерером, и вместе с тем я получил позволение отколоть от нея несколько кристаллов для исследования» [20, с. 375]. В этой же статье Розе сообщал о минерале, именуемом им «уральским хризобериллом», кристаллы которого показал ему «Кеммерер во время проезда своего чрез Берлин» [20, с. 389–390]. В России этот минерал уже пользовался именем александрита — в честь цесаревича Александра Николаевича. Найден же он был если не при участии, то в присутствии «герра Перовского». Минералог и геогност профессор Д. И. Соколов так описал современное ему событие: «Ученому вельможе, ревностному любителю наук ... Л. А. Перовскому обязаны мы еще одним любопытный открытием в нашем богатом Урале. Во время его посещения Уральских изумрудных копей открыт в сей самой горе хризоберилл, кристаллами необыкновенной величины» [1, с. 220].

Итак, Лев Перовский позволял Кеммереру не только показывать третьему лицу свою частную минералогическую коллекцию, но даже откалывать фрагменты от образцов. Это, как минимум, говорит о значительном доверии первого лица ко второму. Также возможно, что обер-бергмейстер, как профессионал, на неких условиях заведовал богатой коллекцией «ревностного любителя минералогии». И, во всяком случае, несомненно, что отношения двух петербургских минералогов были весьма тесными.

В завершение сюжета о А. Б. Кеммерере и перовските приведем мнение еще одного весьма осведомленного современника — упомянутого выше Н. И. Кокшарова: «Перовскит был открыт Кеммерером и исследован по его просьбе г. профессором Густавом Розе» [11]. Как именно «был открыт» — посещал ли Кеммерер горнозаводской Урал подобно Перовскому или (что более вероятно) получил образцы уже в Петербурге и первым предположил, что найден новый минерал, — это вопрос, пока остающийся без определенного ответа.

* * *

Что вообще известно об Александре Богдановиче Кеммерере?

На свет он появился в судьбоносном для всей Европы 1789 году в семье лютеранского пастора и доктора богословия в тюрингском городке Артерне (Artern), принадлежавшем в то время Саксонскому курфюршеству. При крещении был наречен Августом-Александром (August Alexander Kämmerer). Один из его старших братьев, Фридрих-Антон Кеммерер, в 1796 г. побывал в Санкт-Петербурге — в гостях у своего деда Иоганна-Фридриха-Августа Рейнгарда, состоявшего галантерейным мастером цеха ювелиров. Вероятно, поездка была не праздная, своего рода разведывательная, и уже в 1797 г. все семейство пастора перебралось в российскую столицу. Профессию деда унаследовал еще один из братьев Кеммереров — Генрих-Вильгельм (1786 г. р.), прошедший путь от подмастерья до купца 3-й гильдии и алдермана (старосты) Петербургского Немецкого цеха ювелирных, золотых, серебряных и граверных дел. В июле 1835 г. Вильгельм Кеммерер, оставаясь саксонским подданным, поступил на службу в Кабинет его императорского величества оценщиком дорогих вещей с жалованием 800 руб.

в год [12, с. 240–243]. Тут уже угадывается протекция Льва Перовского (с 1826 г. Кабинет и Департамент уделов были объединены в структуре вновь созданного Министерства императорского двора [7, с. 419–420]), а, значит, и участие брата Александра.

Александр избрал себе иное сугубо немецкое дело. После окончания школы он пошел работать в частную аптеку, в 1807 г. сдал экзамен на аптекарского ученика и в 1809-м — на провизора. И уже в 1812 г. сумел открыть собственную аптеку во 2-й Адмиралтейской части, в доме Прохорова на Вознесенском проспекте (исторический адрес — д. 14, современный — д. 13) [6, с. 179], которой заведовал в продолжение следующих 14 лет. Вольных аптек в Петербурге в ту пору насчитывалось немного, в этой части города — две. В 1820-е гг. конкурентом Кеммерера выступал Карл Штраух. В последний год «вольной» работы Кеммерера — 1826-й, у обоих аптекарей числились в помощниках провизоры: у Кеммерера — Фердинанд Гумпрехт, у Штрауха — Эрнст Фроме [21, с. 97]. Дело было выгодное (Штраух в середине 1830-х гг. возвел трехэтажный каменный доходный дом, которым его потомки владели до революции 1917 г.), но деятельная натура Кеммерера не позволяла ему удержаться в рамках чистой коммерции. В 1818 г. Александр участвовал в учреждении Русского Фармацевтического общества, затем вступил в Московское общество испытателей природы и в 1822 г. был избран членом Императорского Минералогического общества [13, с. 612].

Вероятно, эта же жажда деятельности привела А. Кеммерера и в ряды петербургской ложи Палестины. Пройдя обряд посвящения весной 1816 г., он был возведен во 2-ю степень в 1817 г. и в 3-ю — 1818-м. Подняться выше по лестнице масонской иерархии в этой ложе было уже нельзя. В 1815 г. помимо Великой Директориальной ложи Владимира к Порядку в России возникла суверенная Великая ложа Астреи, после чего, по выражению масона А. Ф. Бриггена, началась «гражданско-масонская война» [24, с. 212–214]. В чем состояла причина раскола? «Старое масонство отличалось причудливою обрядностью со своеобразной терминологией, преисполненной таинственной символики и аллегории, — отмечал историк С. П. Мельгунов. — Заимствованные из Швеции,

Англии, Германии и Франции системы представляли собой сложную иерархическую организацию (низшие степени, шотландские братья, теоретические братья), которая обязывала младших братьев строгому послушанию просвещенным братьям высших степеней. Иногда масонский орден имел 32 степени. Посвященный обязывался строгим обетом молчания. Истинные масонские цели знали лишь члены высших степеней — свободные каменщики» [16, с. 258]. Движение низших «иоанновских» степеней против высших — «андреевских» началось в 1811 г. с Великой ложи Гамбурга (ритуал Шрёдера) и вскоре проникло в Россию. В союзе Астреи степени выше 3-й были отменены. Ложа Палестины присоединилась к этому союзу второй после столичной ложи Петра к Истине [27, с. 92–93]. В 1817 г. союз Астреи составляли уже 12 лож при 910 членах, а в следующем году — 24 ложи при 1300 членах [25, с. 127–128].

Братство Палестины, таким образом, не сулило Кеммереру надежд стать «рыцарем розового креста» или «иерусалимским принцем», зато могло дать полезные или интересные знакомства. Среди более 220 членов ложи встречались столь значительные и замечательные лица, как граф М. Ю. Виельгорский, С. С. Ланской (будущий министр внутренних дел), князь А. К. Ипсиланти (будущий вождь Греческой революции), А. Д. Балашов (бывший министр полиции), Л. В. Дубельт (будущий управляющий III отделением), князь М. А. Дондуков-Корсаков, князь А. Я. Лобанов-Ростовский, граф В. В. Мусин-Пушкин-Брюс, Н. И. Лорер (будущий декабрист), почетным членом состоял герцог Александр Вюртембергский [26, с. 1070–1073].

Ложа Палестины прекратила работы после рескрипта Александра I от 1 августа 1822 г. о запрете тайных обществ в России. Александр Кеммерер, наряду с прочими, дал подписку: «Я, нижеподписавшийся, объявляю, что я принадлежал к ложе Братства масонов, именуемой Палестины, состоящей в С. Петербургской столице, и что на основании последовавшего ныне Высочайшего повеления обязываюсь я отныне впредь ни сей ложе и ни каким другим ложам или подобным обществам, как в Империи, так и вне ея находящимся, не принадлежать и ни каких сношениях с ними не иметь».¹

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 229. Д. 31. Л. 68.

В августе 1824 г. Кеммерер занял место химика при лаборатории Департамента горных и соляных дел. Начиная со следующего года в «Горном журнале» стали публиковаться его статьи: о химическом разложении диоптаза, о немалите, о способе плавить платину. Новый автор откликался на наиболее актуальные вопросы горных наук. Так, платиновые россыпи были открыты на Урале в 1824 г., но промышленное использование благородного металла поначалу оказалось невозможным из-за очень высокой температуры плавки — 1769°C [23, с. 119–120]. Очевидно, начальство было довольно службой Кеммерера, вследствие чего 3 августа 1826 г. он был назначен управляющим вновь открытой Главной Горной аптекой. От собственной вольной аптеки пришлось отказаться. Не позднее 1827 г. Кеммерер также стал «корреспондентом внутри империи» при Медико-хирургической академии [22, с. 17].

Обратим особое внимание на одну из статей Кеммерера 1828 г. — «Канкринит, ископаемое, открытое на Урале». В 1826 г. немецкий профессор минералогии Йоханнес Менге¹ отыскал в Ильменских горах на Урале «минеральное вещество отчасти светло-фиолетового и отчасти темно-синего цвета», принятое им за дихроит. Кеммерер усомнился в таком выводе и «решил доставить профессору Гмелину в Тюбингене небольшой кусочек ископаемого для точнейшего химического разложения». Фердинанд-Готтлиб фон Гмелин посетовал, что образец слишком мал, чтобы «определить в точности количественное содержание составных частей его», но рискнул предположить, что «онный есть не что иное, как элеолит, состоящий из кремнезема, натра и небольшого количества кали». Опираясь на это авторитетное мнение, Кеммерер дал минералу новое имя: «Поелику сие изменение жирного камня, составляет новое в одном только Урале до сих пор найденное ископаемое, то оно в честь г. министра финансов наименовано канкринитом» [9, с. 128–129]. Позднее братья Густав и Генрих Розе доказали, что найденный Й. Менге минерал идентичен по составу содалиту, ранее найденному на склоне Везувия. И чтобы сохранить славное имя российского министра финансов, Густав Розе назвал канкринитом иной вновь открытый минерал [31, с. 348].

¹ О нем см.: [4].

Для нас в этом эпизоде важна не ошибка Кеммерера, а последовательность событий при выборе имени новому минералу, фактически повторившаяся в истории с перовскитом. Некто находит минерал на Урале; минерал отправляется в Главную Горную аптеку в Петербурге; управляющий аптекой Кеммерер обращается к авторитету немецких профессоров и, получив подтверждение об открытии, дает минералу имя российского сановника (в обоих случаях сановники это вполне заслуживали). Практика подобных «сановных» наименований была весьма распространенной: в 1830 г. Кеммерер назвал новый минерал волконскоитом в честь генерал-фельдмаршала князя П. М. Волконского, в 1832 г. академик Г. И. Гесс назвал уваровит в честь президента Петербургской Академии наук графа С. С. Уварова, в 1839 г. Густав Розе помимо нового канкринита дал имя чевкиниту в честь начальника штаба Корпуса горных инженеров К. В. Чевкина, а в следующем году уже Генрих Розе назвал самарскит в честь горного инженера В. Е. Самарского-Быховца (будущего начальника того же штаба) и т. д. [1, с. 83].

Карьера Александра Кеммерера продвигалась, между тем, весьма успешно. В феврале 1829 г. он был произведен по горному ведомству в берг-гешворены 12 класса, в марте Гейдельбергский университет за одну из публикаций присудил ему докторскую степень. В том же году Кеммерер был определен помощником преподавателя естественных наук при цесаревиче и впоследствии — при прочих детях Николая I. Королева Вюртембергская Ольга Николаевна вспоминала на склоне лет, как в юности была увлечена опытами Кеммерера с электрической телеграфией. Следующий 1830 год начался для Кеммерера с чина гиттенфервальтера 10 класса и завершился производством в маркшейдеры 9 класса. Далее горные чины шли чередой: в декабре 1833 г. — обер-гиттенфервальтер 8 класса, в сентябре 1838 г. — обер-бергмейстер 7 класса, в сентябре 1843 г. — берг-гауптман 6 класса.¹

В 1841 г. финский минералог Н. Г. Норденшёльд² назвал найденный в Сарановском месторождении на Урале минерал

¹ Герб Кеммереров // Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи. — URL: <https://gerbovnik.ru/arms/5571.html> (дата обращения: 15.05.2021).

² О Норденшёльде см.: [29].

кеммереритом: «Минерал сей находится около Бисерска, в Пермской губернии. Так как различие его от лепидолита замечено прежде всех главным горным аптекарем Кеммерером, то я предлагаю назвать его кеммереритом» [18, с. 147].

В марте 1845 г. А. Б. Кеммерер был избран директором Русского Фармацевтического общества. В мае 1849 г. получил чин статского советника и был назначен совещательным членом Медицинского совета при Министерстве внутренних дел (министром в то время был Л. А. Перовский). Возглавлял совет лейб-хирург и доктор медицины М. А. Маркус, в числе непременных членов состояли такие известные доктора, как Н. Ф. Арендт и А. А. Рихтер, совещательными членами были Я. В. Виллие, Д. К. Тарасов, И. В. Буяльский, Н. И. Пирогов, Ф. М. Отсолиг и другие [2, с. 127–128].

В апреле 1857 г. к полувековому юбилею своей фармацевтической деятельности А. Б. Кеммерер был произведен в действительные статские советники. А менее чем через год, 3 февраля 1858 г., он скончался в Петербурге и был погребен на Волковом лютеранском кладбище. В отличие от брата Генриха-Вильгельма (умершего 22 сентября 1854 г. и покоившегося там же в окружении жены, детей и иных родственников), могила Александра Богдановича вроде бы была одинока. Впрочем, на том же кладбище был похоронен и сын А. Б. Кеммерера — Георг-Фридрих [19, с. 360]. Очевидно, на службе, за пределами родственного круга этот представитель следующего поколения Кеммереров звался Егором Александровичем (из-за чего произошла путаница в справочнике «Высшие чины Российской империи», в котором соседствуют два действительных статских советника Кеммерера, появившихся на свет 8 августа 1819 г. и покинувших его 12 января 1890 г. [5, с. 360]). Георг-Фридрих, он же Егор Александрович, Кеммерер послужил в Департаменте уделов и в МВД (т. е. там, где распоряжался Л. А. Перовский, у которого, по словам Н. С. Лескова, было «не перечесть, сколько хороших мест, находящихся в его власти» [15, с. 366]). Но, вероятно, подлинное призвание и, во всяком случае, известность он обрел на постах заведующего Царскосельскими арсеналом и библиотекой, издав несколько небольших по объему описаний как самого арсенала, так и хранившегося

в нем парадного рыцарского вооружения, приписываемого Лжедмитрию I. Помимо сына, у А.Б. Кеммерера были дочери — Мария и Эмилия. Имя жены Александра Богдановича и матери его детей нам пока не известно.

Список литературы

1. Авдонин В. Н., Поленов Ю. А. Очерки об уральских минералах. – Екатеринбург: Изд-во УГГГА, 2002. – 412 с.
2. Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1850 год: В 2-х ч. – СПб.: Имп. Академия наук, 1850. – Ч. 2. – 180 с.
3. Бестужев А. А. Взгляд на старую и новую словесность в России // Декабристы: эстетика и критика. – М.: Искусство, 1991. – С. 83–101.
4. Буторина Л. А. Й. Менге – пионер Ильменской минералогии // Мир камня. – 1996. – № 10. – С. 31.
5. Высшие чины Российской империи (22.10.1721–2.03.1917): Биографический словарь: в 4-х т. / Сост. Е. Л. Потемкин. – М.: Б. и., 2019. – Т. 2. – 627 с.
6. Гордин А. М., Гордин М. А. Пушкинский век: Панорама столичной жизни. – СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2006. – Кн. 2. – 216 с.
7. 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904: Историческое исследование. Сост. по распоряжению главноначальствующего над Кабинетом Его Императорского Величества министра Императорского Двора генерал-адъютанта барона В. Б. Фридерикса. – СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильберг, 1911. – XX, 526, 149 с.
8. Кац Е. А. Перспективный перовскит: три персонажа в истории открытия минерала // Энергия: экономика, техника, экология. – 2021. – № 1. – С. 34–46.
9. Кеммерер [А. Б.] Канкринит, ископаемое, открытое на Урале // Горный журнал. – 1828. – Кн. XII. – С. 128–129.
10. Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале: Биографический справочник. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1981. – 224 с.
11. Кокшаров [Н. И.] О новой кристаллизации перовскита // Горный журнал. – 1844. – Ч. IV. – Кн. X. – С. 110–111.
12. Кузнецова Л. К. Петербургские ювелиры XIX — начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России. О шедеврах, их создателях, владельцах и непростых судьбах в увлекательном изложении непревзойденного знатока ювелирного искусства. – М.; СПб.: Цетрполиграф; Русская тройка. – СПб., 2017. – 730 с.
13. Кулибин С. Кеммерер, Александр Богданович // Русский биографический словарь. – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – Т. VIII: Ибак – Ключарев. – С. 612.
14. Курочкин Ю.М. Уральские находки. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. – 272 с.

15. Лесков Н. С. Совместители: Буколическая повесть на исторической канве // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 6-ти т. – М.: Правда, 1973. – Т. 4. – С. 334–367.
16. Мельгунов С. Дела и люди Александровского времени. – Берлин: Ватага, 1923. – Т. 1. – 341 с.
17. Мохова Н. А., Моисеева М. Л. Коллекция Петра Аркадьевича Кочубея в Минералогическом музее им. А. Е. Ферсмана Российской Академии наук. – М.: Б. и., 2016. – 112 с.
18. Норденшёльд [Н. Г.] Описание кеммерерита, нового минерала из Сибири // Горный журнал. – 1842. – Ч. I. – Кн. I. – С. 143–162.
19. Петербургский некрополь: в 4-х т. Изд. вел. кн. Николай Михайлович. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. – Т. 2: (Д – Л). – 727 с.
20. Розе Г. Описание вновь открытых на Урале минералов // Горный журнал. – 1840. – Ч. I. – Кн. III. – С. 359–392.
21. Российский медицинский список, издаваемый по Высочайшему Его Императорского Величества повелению. На 1826 год. – СПб.: Тип. Медицинского Департамента Министерст. внутр. дел, б. г. – 268 с.
22. Российский медицинский список, издаваемый по Высочайшему Его Императорского Величества повелению. На 1827 год. – СПб.: Тип. Медицинского Департамента Министерст. внутр. дел, б. г. – 284 с.
23. Рукосуев Е. Ю., Курлаев Е. А., Шумкин Г. Н. Горнозаводская промышленность Урала в XVIII — начале XX века: Благородные металлы. – Екатеринбург: УрО РАН, 2020. – 320 с.
24. Сапожников А. И. Неизвестные письма А. Ф. Бриггена к А. И. Михайловскому-Данилевскому // Мера. – 1996. – № 1. – С. 212–214.
25. Семевский В. И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. – 1908. – № 2. – С. 1–50; № 3. – С. 127–170; № 5–6. – С. 379–433.
26. Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энциклопедический словарь. – М.: РОССПЭН, 2001. – 1224 с.
27. Соколовская Т. Из истории масонской ложи Палестины // Русская старина. – 1907. – № 10. – С. 83–94.
28. Шафрановский И. И. Николай Иванович Кокшаров (1818–1892). – М.; Л.: Наука, 1964. – 216 с.
29. Eichwald Ed. Staatsrath Dr. Nils von Nordenskiöld und Wirklicher-Staatsrath Dr. Alexander von Nordmann, nach ihrem Leben und Wirken // Записки Имп. Санкт-Петербургского минералогического общества. – Сер. 2. – Ч. 5. – СПб., 1870. – С. 169–277.
30. Rose G. Beschreibung einiger neuen Mineralien des Urals // Poggendorffs Annalen der Physik und Chemie. – 1839. – Vol. 124. – S. 551–573.
31. Rose G. Ueber den Sodalith und Cancrinit // Journal für praktische Chemie. – Bd. 17. – Leipzig: Verlag von Johann Ambrosius Barth, 1839. – S. 348–351.

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

М. И. Вебер

«ОГРАБЛЕНИЕ ЦЕРКВЕЙ БЕЗУСЛОВНО ВОССТАНАВЛИВАЛО НАСЕЛЕНИЕ ПРОТИВ НАС»: ДЕЛО О МАРОДЕРСТВЕ ПОЛКОВОГО СВЯЩЕННИКА КОЛЧАКОВСКОЙ АРМИИ СЕМЕНА ТРЕЙЕРОВА

Одним из интереснейших аспектов исследований Гражданской войны на Востоке России является изучение истории военного духовенства колчаковской армии. В советский период эта тема освещалась крайне тенденциозно, с подчеркнута антиклерикальных позиций [7, с. 40–45; и др.]. После распада СССР открылись возможности для более объективного изучения данного вопроса. Современная российская историография представлена книгами [10, с. 223–249], статьями [2; 3; 4; 5; 6; 11; 15; 16; и др.] и публикациями источников [13] различных исследователей, среди которых можно особо выделить церковного историка Д.В. Олихова, автора монографии «Временное высшее церковное управление Сибири (1918–1920 гг.). Опыт церковного строительства в эпоху гражданского лихолетья» [12].

В ходе работы с документами Высшего временного церковного управления (ВВЦУ), наряду с примерами высокого героизма и неукоснительного исполнения армейским духовенством служебного долга, были выявлены и отдельные факты девиантного поведения военных священников колчаковской армии в боевой обстановке. Последние проявились, главным образом, во второй половине 1919 г., на фоне военных поражений колчаковской армии и ее разложения. Например, в современной отечественной историографии есть упоминания об инциденте с полковым священником 6-го Сызранского стрелкового полка 4-го Оренбургского армейского корпуса Южной армии Василием Яременко, который распространял панические слухи, а в сентябре 1919 г. дезертировал из полка и перебежал к красным [6, с. 150–151].

Ценным свидетельством о глубине деморализации колчаковской армии летом 1919 г., которая затронула не только рядовой

состав, но и офицеров, и даже военных священников, являются материалы дела о полковом священнике 7-го Кузнецкого Сибирского стрелкового полка 2-й Сибирской стрелковой дивизии Сибирской армии Семене Трейерове, который во время отступления колчаковцев с Урала воровал иконы и драгоценную церковную утварь из храмов городов и сел в полосе отступления полка. Публикуемые документы были выявлены в Российском государственном военном архиве (РГВА) в фондах 39499 «Штаб Верховного главнокомандующего Всероссийского правительства» и 40253 «Управление Главного священника армии и флота».

Судя по документам, Трейеров действовал как опытный мошенник. Когда 7-й Кузнецкий Сибирский стрелковый полк останавливался на отдых в том или ином населенном пункте, Семен Трейеров просил у местного священника одолжить ему на время предметы церковной утвари, якобы необходимые ему для совершения богослужения в полку взамен утерянных во время отступления, а если просьбы не помогали, то ссылался на несуществующие приказы военного командования или даже мог пригрозить оружием. На следующий день полк стремительно отступал из занимаемого села, а вместе с ним и Трейеров, увозя с собой одолженные вещи. Когда местный священник понимал, что его обманули, и возвращать ценные предметы церковной утвари никто не собирается, то жаловаться было уже некому. Таким образом, расчет Трейерова строился на том, что паническое отступление колчаковцев будет продолжаться, и они уже никогда не вернутся в оставляемые города и села. Конечно, до командира 7-го Кузнецкого Сибирского стрелкового полка полковника Ю. Н. Щеткина¹

¹ Щеткин Юрий Николаевич (1886 — ?) — офицер русской армии. Родился 9 сентября 1886 г. Окончил Тифлисский кадетский корпус, в 1908 г. — Киевское военное училище. Служил в 29-м Восточно-Сибирском (с 1910 г. — 29-м Сибирском) стрелковом полку 8-й Сибирской стрелковой дивизии. Подпоручик (1908). Поручик (1912). Участник Первой мировой войны на Северо-Западном и Западном фронтах. Командир роты, затем командир батальона 29-го Сибирского стрелкового полка. Штабс-капитан. Капитан (1917). 29 июня 1915 г. награжден орденом Св. Станислава 3-й ст., 12 декабря 1915 г. — орденом Св. Анны 3-й ст., 30 марта 1916 г. — орденом Св. Станислава 2-й ст., 14 февраля 1917 г. — орденом Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость». Участник Гражданской войны на Восточном фронте. Командир батальона, а с 1 декабря 1918 г. — командир 7-го Кузнецкого Сибирского стрелкового полка 2-й Сибирской стрелковой дивизии. Подполковник с 26 октября 1918 г. Приказом по войскам Сибирской армии от 6 января 1919 г. произведен в полковника. Приказом

доходили какие-то слухи о злоупотреблениях полкового священника, но он не имел возможности их проверить и, при отсутствии официальных жалоб на Трейерова, не давал делу ход.¹

До поры до времени мошенническая схема Трейерова работала безотказно. Однако, в августе 1919 г. отступление колчаковской армии несколько замедлилось, и 7-й Кузнецкий Сибирский стрелковый полк получил приказ занять обратно село Каменское Тюменского уезда Тобольской губернии, расположенное на тракте между городами Ирбит и Тюмень, из которого полк отступил 2 августа 1919 г. Выполняя приказ, 5 августа 1919 г. 7-й Кузнецкий Сибирский стрелковый полк вернулся в с. Каменское. Здесь-то в руки к командиру полка и попала первая официальная жалоба на злоупотребления полкового священника Трейерова: 6 августа 1919 г. настоятель Покровской церкви с. Каменского протоиерей В. А. Космаков² пожаловался полковнику Ю.Н. Щеткину, что в церковный праздник пророка Илии (т. е. 2 августа 1919 г., в день, когда полк отступил из с. Каменского) Семен Трейеров обманом похитил у него серебряную утварь для богослужения и другие вещи.³ Вскоре поступила еще одна официальная жалоба: 9 августа 1919 г. причт Пророко-Ильинской церкви с. Богандинского Тюменского уезда Тобольской губернии обратился к коменданту 7-го Кузнецкого Сибирского стрелкового полка с просьбой вернуть украденные полковым священником 7 августа из этой церкви предметы церковной утвари.⁴

по войскам Сибирской армии от 28 февраля 1919 г. награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. за бой 24–27 января 1919 г. у дер. Афоняты, сорвавшие наступление красных на г. Пермь.

¹ См. док. № 1.

² Космаков Василий Алексеевич (1839 — ?) — священник Русской православной церкви. Родился 23 января 1839 г. в с. Каменское Тюменского округа Тобольской губ. в семье священника. В 1860 г. окончил Тюменскую духовную семинарию. 29 октября 1861 г. рукоположен в священника архиепископом Тобольским и Сибирским Феогностом. В 1861–1862 гг. — священник Рождественской церкви с. Боровинское Ялуторовского округа Тобольской губ. В 1862–1868 гг. — священник Вознесенской церкви г. Ялуторовска. В 1868–1881 гг. — настоятель Скорбященской тюремной церкви г. Ялуторовска. В 1881–1883 гг. — настоятель Рождественской церкви г. Тобольска, в 1883–1888 гг. — Сретенской церкви г. Тобольска. В 1888–1902 гг. — настоятель Покровской церкви с. Каменское Тюменского округа (с 1898 г. — уезда) Тобольской губ. 11 июня 1895 г. возведен в сан протоиерея. В 1902–1916 гг. — настоятель Михаило-Архангельской церкви г. Тюмени. С июня 1916 г. — настоятель Покровской церкви с. Каменское Тюменского уезда Тобольской губ.

³ См. док. № 3.

⁴ См. док. № 4.

По распоряжению командира 7-го Кузнецкого Сибирского стрелкового полка полковника Ю. Н. Щеткина из офицеров полка уже 8 августа 1919 г. была создана специальная комиссия, которая осмотрела личные вещи Трейерова. Жалобы на полкового священника подтвердились: в его вещах комиссия обнаружила иконы, ризы, предметы церковной утвари, украденные из различных церквей, в том числе из кафедральных соборов Перми и Екатеринбургa.¹ Все найденные вещи были подробно описаны комиссией в акте осмотра и, таким образом, сохранились для истории.

Не имея полномочий самостоятельно арестовать полкового священника, полковник Ю.Н. Щеткин предложил ему немедленно покинуть расположение полка в связи с утратой доверия и 9 августа 1919 г. сообщил об инциденте своему непосредственному начальнику — начдиву 2-й Сибирской стрелковой генерал-майору А. Г. Укке-Уговцу.² Начдив, в свою очередь, 11 августа 1919 г. сообщил о происшествии Главному священнику 1-й Сибирской армии, попросив предать Семена Трейерова суду.³

Церковное начальство оперативно отреагировало на вскрывшиеся факты мародерства Трейерова. Главный священник 1-й Сибирской армии временно отстранил его от должности и назначил в 7-й Кузнецкий Сибирский стрелковый полк нового полкового священника — Иоанна Романовского,⁴ ранее служившего в разгромленном красными 63-м Добрянском Сибирском стрелковом

¹ См. док. № 2.

² Укке-Уговец Альфонс Генрихович (1884 — ?) — офицер русской армии. Родился 25 апреля 1884 г. в г. Двинск Витебской губернии. В 1902 г. окончил Двинское реальное училище, в 1904 г. — Чугуевское пехотное юнкерское училище. Участник Русско-японской войны. Подпоручик с 1904 г, поручик — с 1908 г., штабс-капитан — с 1911 г. Участник Первой мировой войны. Командир роты, затем командир батальона и помощник командира 54-го Сибирского стрелкового полка. Капитан с 1915 г. Подполковник с 28 апреля 1917 г. Полковник с 10 сентября 1917 г. Участник Гражданской войны на Восточном фронте. Летом 1918 г. — командир 3-го Томского (затем 7-го Кузнецкого) Сибирского стрелкового полка, с осени 1918 г. — и.о. начальника, затем начальник 2-й Сибирской стрелковой дивизии 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса Сибирской армии. Генерал-майор с 13 августа 1918 г. С 8 августа 1919 г. — помощник командующего 1-й Сибирской армией А. Н. Пепеляева.

³ См. резолюцию на док № 1.

⁴ Романовский Иоанн (? — ?) — священник Русской православной церкви. В 1912 г. служил священником на вакансии диакона в Христо-Рождественской церкви с. Корепино Чердынского уезда Пермской губернии (См.: Справочная книга Пермской епархии на 1912 г. Пермь: Электр. тип. наследников И.Ф. Каменского, 1911. С. 103).

полку 16-й Пермской дивизии.¹ Согласно приказу Главного священника армии и флота протоиерея А. А. Касаткина² № 155 от 25 августа 1919 г., Трейеров официально был объявлен дезертировавшим с военной службы.³ 8 сентября 1919 г. Высшее временное церковное управление лишило Семена Трейерова сана священника.⁴ 9 сентября 1919 г. дело о мародерстве священника Трейерова было передано прокурору общего корпусного суда 1-й Сибирской армии.⁵ Найти в архивах какие-либо документы о поимке Трейерова колчаковскими властями не удалось. Учитывая последовавшее вскоре после объявления его в розыск падение колчаковского режима, можно предположить, что Семену Трейеру удалось избежать уголовного наказания за свои преступления. Вместе с тем, если он всё же попал в руки колчаковского военно-полевого суда, то участь его была незавидной, так как в условиях военного времени мародерство каралось смертной казнью.

К сожалению, в фонде Главного священника армии и флота отсутствует послужной список или иные документы, проясняющие биографию священника-мародера. Ключом к разгадке тайны личности Семена Трейерова стало сношение с просьбой о его розыске, отправленное 27 августа 1919 г. Главным священником армии и флота протоиереем А. А. Касаткиным начальнику Омской уголовной милиции, в котором, в частности, сообщалось: «Приметы

¹ См. док. № 5.

² Касаткин Александр Алексеевич (1868 — ?) — священник Русской православной церкви. Родился 18 октября 1868 г. в Костромской губ. Окончил Костромскую духовную семинарию со степенью студента. С 1889 г. — священник Костромской епархии. С 1897 г. — корабельный священник крейсера «Герцог Эдинбургский» на Балтийском флоте. С 1898 г. — полковой священник 97-го пехотного Лифляндского полка. Участник русско-японской войны. 12 июля 1905 г. награжден орденом св. Анны 3-й ст. с мечами, 25 февраля 1906 г. — золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. С 1905 г. — полковой священник 162-го пехотного Ахалцыхского полка и благочинный 41-й пехотной дивизии 16-го армейского корпуса. В 1910 г. возведен в сан протоиерея. Участник 1-го Всероссийского съезда военного и морского духовенства 1–10 июля 1914 г. (делегат от Казанского военного округа). Участник Первой мировой войны. 4 июля 1915 г. награжден орденом св. Анны 2-й ст. с мечами; 13 июля 1915 г. — орденом св. Владимира 4-й ст. с мечами. В 1917 г. — священник при штабе 1-й армии. Участник Гражданской войны на Восточном фронте. В 1918–1919 гг. — Главный священник армии и флота. [8, с. 272].

³ См. док. № 7.

⁴ См. док. № 9.

⁵ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 40253. Оп. 1. Д. 10. Л. 142.

Трейерова следующие: он известен жителям г. Шадринска, на вид приблизительно 50 лет, роста среднего, лицо круглое, обрюзгшее, темный шатен, волосы стрижет коротко».¹ Как удалось установить, перед Первой мировой войной в Шадринске действительно работал подходящий под это описание по возрасту и по наличию церковного образования человек — учитель пения Семен Михайлович Трейеров. Вероятно, именно он впоследствии принял сан священника и служил полковым священником в 7-м Кузнецком Сибирском стрелковом полку.²

Что же это был за человек? Семен Михайлович Трейеров родился в 1867 г. Окончил духовную семинарию. В 1900–1903 гг. С. М. Трейеров в чине коллежского регистратора работал учителем пения в женской прогимназии г. Чердыни.³ После русско-японской войны из Чердыни он переехал в г. Шадринск. Здесь Семен Трейеров также работал учителем пения в местных учебных заведениях [9, с. 129–130]. В 1907 г. Общество взаимопомощи приказчиков организовало в г. Шадринске курсы хорового пения, куда С. М. Трейеров устроился преподавателем. Кроме того, с 1 августа 1908 г. он начал преподавать пение во 2–7-х классах Шадринской Алексеевской женской гимназии.⁴ 25 февраля 1910 г. Трейеров получил чин губернского секретаря. С 1 января 1911 г. он также исполнял обязанности письмоводителя-бухгалтера в Шадринском реальном училище, проработав в этой должности до 1913 г. В Шадринской Алексеевской женской гимназии Трейеров

¹ См. док. № 8.

² Стоит отметить, что полковым священником 7-го Кузнецкого Сибирского стрелкового полка Семен Трейеров стал не ранее весны 1919 г. — таким образом, прослужил он в полку не более полугода. До него должность полкового священника 7-го Кузнецкого Сибирского стрелкового полка занимал иеромонах Никон, у которого был конфликт с врио командира полка штабс-капитаном Тугиевым (См.: РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1. Л. 240-241).

³ См.: Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1900 год. — Пермь: Изд. Пермского губернского статистического комитета, 1900. — С. 33; Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1902 год. — Пермь: Изд. Пермского губернского статистического комитета, 1902. — С. 39; Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1903 год. — Пермь: Изд. Пермского губернского статистического комитета, 1903. — С. 41.

⁴ См.: Памятная книжка Оренбургского учебного округа на 1912 год. — Уфа: Электр. типо-литография Т-ва Ф. Г. Соловьева, 1912. — С. 354, 357; Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1912 год. — Пермь: Изд. Пермского губернского статистического комитета, 1912. — С. 93.

работал до начала Первой мировой войны.¹ Чем он занимался в годы Первой мировой войны — пока установить не удалось, но можно предположить, что как раз тогда он стал священником Русской православной церкви и, возможно, пополнил ряды военного духовенства русской армии.

В целом, дореволюционная биография С. М. Трейерова — это биография благонамеренного законопослушного гражданина, отца семейства. Ничто не выдавало в скромном учителе пения женской гимназии будущего грабителя церквей. Однако, революционный хаос событий 1917 г. и последовавшей Гражданской войны привел к падению прежних норм морали и нравственности, к коллапсу органов юстиции и правопорядка, к победе насилия над законом и правом, подтолкнув многих ранее добропорядочных граждан стать уголовными преступниками. В этом смысле, судьба Семена Трейерова довольно типична для своего времени, нетипично лишь то, что он был священником, это и делает его случай особенным, заслуживающим внимания историков.

Отступление Сибирской армии с Урала летом 1919 г. сопровождалось массовым дезертирством солдат и деморализацией командного состава, проявлявшейся в пьянстве и падении дисциплины [14]. Участились случаи грабежей мирного населения отступающими войсками [1]. В этих условиях полковой священник должен был быть последним оплотом морали и нравственности, личным примером вселять уверенность в офицеров и ободрять солдат. Трейеров же нарушил свой пастырский долг, занявшись грабежом церковных ценностей. Как видно из документов, порочное поведение полкового священника 7-го Кузнецкого Сибирского стрелкового полка настраивало местное население против колчаковского режима, сужая социальную базу поддержки белых.²

Документы публикуются в современной орфографии и пунктуации, но с сохранением основных стилистических особенностей. Слова и части слов, пропущенные или сокращенные в оригинале, восстановлены по смыслу и обозначены квадратными скобками.

¹ См.: Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1914 год. — Пермь: Изд. секретаря Пермского губернского статистического комитета Н. А. Иванова, 1914. — С. 102.

² См. док. № 1.

Список литературы

1. Вебер М. И. «Приказ приказом, Колчак Колчаком, а морда мордой»: письмо священника Бориса Серебрякова // Вестник Пермского университета. – Серия: История. – 2012. – № 3 (20). – С. 187–196.
2. Волков Е. В. Православное духовенство в войсках А. В. Колчака в годы Гражданской войны // Гражданская война на Востоке России: новые подходы, открытия, находки: Материалы науч. конф. в Челябинске 19–20 апреля 2002 г. – М.: Посев, 2003. – С. 32–36.
3. Волков Е. В. Православное духовенство России в двух гражданских войнах // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2006. – № 16-2. – С. 105–119.
4. Волков Е. В. Православные священники в белых армиях: люди, идеи, судьбы // Военный комментатор. – 2002. – № 2 (4). – С. 4–15.
5. Волков С. В. К вопросу о военном духовенстве в белых войсках Восточного фронта. Доклад на круглом столе «Белая идея и Православие» в рамках XXIII Ежегодной богословской конференции Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 22 января 2013 г. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=1003059> (дата обращения 01.03.2021).
6. Ганин А. В. Оренбургское казачество и церковь в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. // Белая гвардия. – 2008. – № 10. – С. 146–162.
7. Кандидов Б. П. Религиозная контрреволюция 1918–1920 гг. и интервенция (очерки и материалы). – М.: Акц. изд. о-во «Безбожник», 1930. – 148 с.
8. Капков К. Г. Памятная книга военного и морского духовенства Российской Империи XIX — начала XX вв.: Справочные материалы. – М.: «Летопись», 2008. – 752 с.
9. Москвина И. В. Музыкальная культура Зауралья в биографиях видных деятелей: биобиблиографический справочник. – Шадринск: Шадринский Дом Печати, 2010. – 173 с.
10. Нечаев М. Г. Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922. – Пермь: Изд-во ПГПУ, 2004. – 334 с.
11. Новикова Т. М. Православная церковь и правительство А. В. Колчака // Вестник ИрГТУ. – 2010. – № 4 (44). – С. 268–272.
12. Олихов Д. В. Временное высшее церковное управление Сибири (1918–1920 гг.). Опыт церковного строительства в эпоху гражданского лихолетья. – СПб.: Изд-во «Сатисъ», 2017. – 222 с.
13. Суханов А. В. «Большевики... отняли свободу верить и молиться». Пастырское обращение Главного священника Сибирской армии протоиерея Алексея Русецкого к рабочим Мотовилихинского завода. 1919 г. // Исторический архив. – 2015. – № 5. – С. 196–199.
14. Фронт и тыл колчаковской армии в документах разведки и контрразведки (июнь 1919 – март 1920 г.). Сб. документов / Сост. М.И. Вебер. – Екатеринбург: УрО РАН, 2019. – 272 с.

15. Шудьяков В. А. Главный священник Восточного фронта протоиерей Алексей Русецкий (1871–1945) // Вестник Омской православной духовной семинарии. – 2017. – № 2 (3). – С. 41–47.

16. Шудьяков В. А. Главный священник Восточного фронта протоиерей Алексей Русецкий (1871–1945) // Вестник Омской православной духовной семинарии. – 2018. – № 2 (5). – С. 94–125.

Публикуемые документы

№ 1

Рапорт командира 7-го Кузнецкого Сибирского стрелкового полка полковника Ю. Н. Щеткина начальнику 2-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-майору А. Г. Укке-Уговцу № 250 от 09.08.1919 о мародерстве полкового священника С. М. Трейерова

Копия

5 сего августа, вернувшись с полком согласно оперативного приказа обратно в село Каменское, я получил от местного священника заявление, в котором он просил содействия о возвращении церковной утвари, увезенной священником вверенного мне полка Семионом Трейеровым при уходе полка 2 августа из села Каменского. Взятые вещи все ценные и взяты из церкви села Каменского частью самовольно, а частью обманным путем якобы для службы в части полка, находящейся в деревне Кулигинской, полк же весь был расположен в селе Каменском.

Имея и раньше частные непроверенные сведения, что полковой священник занимается мародерством, пользуясь для этого иногда оружием, а иногда просто ссылкой на якобы существующие приказы правительства и командующего армией о реквизиции драгоценной церковной утвари в местностях, оставляемых нами, принимая во внимание всего вышеизложенного, мною 8-го сего августа была назначена комиссия под председательством штабс-капитана Мальцева для осмотра вещей, находящихся у священника Трейерова.

Из прилагаемого при сем акта комиссии видно, что священник[ом] Семенов Трейеровым награблено много ценного имущества почти из всех церквей, расположенных по дороге отхода полка от Глазова.

Ограбление церковей безусловно восстанавливало население против нас, что и замечено было частью из разговора с крестьянками в селе Каменском.

Не имея возможности лично отстранить от должности полкового священника, я предложил ему оставить полк до разбора дела, а на все найденные у него чужие вещи наложил арест.

В ночь с 8-го на 9-е священник Трейеров уехал из полка неизвестно куда, увезя с собой казенную печать и не получив на это никакого документа.

ПРИЛОЖЕНИЕ: акт № 13,¹ заявление² священника о. Космакова и сношение причта села Богандинского Пророко-Ильинской церкви Тобольской епархии Тюменского уезда от 9 августа 1919 года № 149.³

ПОДПИСАЛ: Полковник ЦЕТКИН

Полковой адъютант, Капитан (подпись)

С подлинным верно:

Начальник канцелярии Управления
Главного священника армии и флота,
Священник *Букаев*⁴

Сверял:

Делопроизводитель,
Чиновник воен[ного] времени *Чиглицев*⁵

Резолюция начальника 2[-ой] Сибирской стр[елковой] дивизии [А. Г. Укке-Уговца]: «Главному священнику 1-й армии. Прошу о предании суду священника ТРЕЙЕРОВА, отстранить немедленно от должности, взамен его прошу назначить соответствующего священника. 11.08.19 г. генерал-майор (подпись)»

РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 10. Л. 21. Машинопись. Заверенная копия.

¹ См. док. № 2.

² См. док. № 3.

³ См. до. № 4.

⁴ Букаев Афанасий Никифорович (1883–1937) — священник Русской православной церкви. Родился в с. Покровское Стерлитамакского уезда Уфимской губ. В 1912 г. — настоятель церкви Абалацкой заимки с. Куртамыш Челябинского уезда Оренбургской губ. С 13 февраля 1913 г. — второй священник церкви с. Чумляк Челябинского уезда. 16 октября 1913 г. переведен в Уфимскую епархию РПЦ. В 1916–1918 гг. — настоятель Богородице-Братской церкви в г. Омске. Член правления, казначей и заведующий книжным складом Омского Епархиального братства. Участник Гражданской войны на Восточном фронте. В 1919 г. — начальник канцелярии Управления Главного священника армии и флота. 4 ноября 1937 г. арестован в г. Петропавловске, где работал старшим бухгалтером в тресте мукомольно-крупяной и маслостроительной промышленности «Сельхозмука», по ст. 58-10 УК РСФСР. 3 декабря 1937 г. приговорен к расстрелу тройкой Управления НКВД по Северо-Казахстанской области. Реабилитирован 21 октября 1957 г.

⁵ Чиглицев Кирилл Иванович (1888 — ?) — военный чиновник русской армии. Родился 18 марта 1888 г. в Уфимской губ. в крестьянской семье. Участник Первой мировой войны. Чиновник военного времени 118-й пехотной дивизии. Участник Гражданской войны на Восточном фронте. В 1919 г. — делопроизводитель канцелярии Управления главного священника армии и флота. В 1920 г. взят в плен в Иркутске. До 1923 г. на службе в Красной армии.

№ 2

Акт комиссии офицеров 7-го Кузнецкого Сибирского стрелкового полка № 13 от 08.08.1919 об осмотре личных вещей полкового священника С. М. Трейерова

Копия

АКТ № 13

1919 года августа 8 дня комиссия под председательством штабс-капитана 7-го Кузнецкого Сибирского стрелкового полка МАЛЬЦЕВА¹ и членов того же полка: коменданта — поручика ЭРШКЕ,² подпоручиков: МАНЕЙЛО³ и СОКОЛОВА, согласно личного приказа командира названного полка, произвела осмотр вещей, находящихся у полкового священника Семена ТРЕЙЕРОВА, причем обнаружено:

1) Узел зеленый: 1 серебряный напрестольный крест, 1 епитрахиль⁴ голубая, 1 епитрахиль желтая, 1 покрывало с дароносицей,⁵ с частицами св[ятого]

¹ Мальцев Петр Федорович (1894 — ?) — офицер русской армии. Родился 24 марта 1894 г. в Самарской губ. Участник Первой мировой войны. Окончил 2-ю Одесскую школу прапорщиков. Служил в 530-м Васильсурском пехотном полку 133-й пехотной дивизии 3-й армии на Западном фронте. Подпоручик. Участник Гражданской войны на Восточном фронте. В 1918–1919 гг. служил офицером в 7-м Кузнецком Сибирском стрелковом полку 2-й Сибирской стрелковой дивизии Сибирской (1-й) армии. Поручик с 20 ноября 1917 г. Штабс-капитан с 23 января 1919 г. Взят в плен Красной армией. В начале 1921 г. на службе в 29-й стрелковой дивизии Красной армии. 13 февраля 1932 г. осужден в Новосибирске коллегией ОГПУ по статье 58-11 УК РСФСР и приговорен к 5 годам концлагерей. Досрочно освобожден 22 июля того же года. Реабилитирован 27 июня 1969 г.

² Эршке Виктор Юльевич (? — ?) — офицер русской армии. Родился в семье управляющего спичечной фабрикой «Заря» в г. Томске. Участник Первой мировой войны. В 1916 г. окончил Иркутское военное училище. Прапорщик. Участник Гражданской войны на Восточном фронте. В 1918–1919 гг. вместе со своим братом штабс-капитаном Эрихом-Максом Юльевичем Эршке служил офицером в 7-м Кузнецком Сибирском стрелковом полку 2-й Сибирской стрелковой дивизии Сибирской (затем — 1-й) армии. Поручик. Взят в плен Красной армией. На 25 декабря 1920 г. — служил в Сибирском управлении военно-учебных заведений 5-й армии РККА. В 1930-е гг. работал в Главном управлении материально-технического снабжения Наркомата тяжелой промышленности СССР.

³ Манейло Григорий Иванович (1897 — ?) — офицер русской армии. Родился в с. Залари Иркутской губ. Окончил учительскую семинарию. Участник Первой мировой войны. Прапорщик 43-го пехотного запасного полка на Юго-Западном фронте. Подпоручик с 9 октября 1916 г. Участник Гражданской войны на Восточном фронте. В 1918–1919 гг. — младший офицер в 7-м Кузнецком Сибирском стрелковом полку 2-й Сибирской стрелковой дивизии Сибирской (затем — 1-й) армии. Поручик. Награжден орденом Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (приказ № 124 от 25 марта 1919 г.). Взят в плен Красной армией. 27 сентября 1920 г. арестован в г. Канске и 10 октября того же года приговорен Омской губЧК к заключению в концлагерь за службу в колчаковской армии. В 1923–1924 гг. на особом учете в Новгородском городском военкомате.

⁴ Епитрахиль — предмет богослужебного облачения священника, длинная лента, огибающая шею и обоими концами спускающаяся на грудь, спереди сшита или скреплена пуговницами, надевается поверх подризника или рясы.

⁵ Дароносица — предмет церковной утвари, маленькая переносная дарохранительница. Служит для переноски св. даров за пределы храма с целью причащения больных или умирающих людей.

таинства, 1 дарохранительница¹ с прибором (ковчежец с частицами и сосудом для теплоты,² потир,³ ложка,⁴ напестольный крест малый), 1 риза голубой парчи, ц[ерковные] книги — 4.

2) Узел коричневый: 1 дискос⁵ серебряный, 1 потир серебряный, 1 покрывало желтое, 2 малых серебряных тарели, 1 кропило,⁶ 2 покрывала, 1 воздух,⁷ 1 копие,⁸ 1 ложка, 1 зеленый платок, 1 сиреневая шаль, 1 покрывало цветное, 11 закладок-лент разного цвета, 1 голубой платок, 1 платок зеленый, 1 покрывало, 2 пояса, 2 пары поручей.

3) Узел Бог[о]родицкой церкви г. Перми: 1 напестольный трисвечник,⁹ 1 дарохранительница, 1 сумка для даров, 1 зеленый подризник, 1 синий платок, 1 коричневое покрывало, 1 бордовое покрывало, 1 серое рисунчатое покрывало, 10 книг церковных, 1 завеса, 1 клетчатое покрывало, 1 голубое покрывало, 1 темно-коричневое покрывало, 1 платок серый.

4) Узел иподьякона Екатеринбургского кафедрального собора: 1 икона св[ятых] Петра и Павла, 1 покрывало голубое, 1 евангелие с металлическими накладками.

5) 1 евангелие из села Юскинского с металлическим переплетом.

6) 1 кадило Пермского архиерейского дома.

7) Узел села Каменского: 1 большой серебряный потир, 1 плат, 1 копие серебряное, 1 ложка серебряная, 1 дискос серебряный, 1 звезда,¹⁰ 1 малая

¹ Дарохранительница (киот) — предмет церковной утвари, металлический сосуд в форме часовни или храма, в котором хранятся св. дары, используемые для причащения верующих.

² Теплота — горячая вода, которую вливают в потир во время литургии.

³ Потир — предмет церковной утвари, сосуд в виде глубокой чаши на ножке с широким основанием, используемый во время литургии для совершения таинства причащения.

⁴ Ложка — предмет церковной утвари, небольшая ложка с крестом на конце рукоятки, при помощи которой совершается причащение.

⁵ Дискос — предмет церковной утвари, небольшое блюдо на особой подставке, на которое во время литургии кладутся св. Агнец и частицы просфор.

⁶ Кропило — предмет церковной утвари, кисть для обрызгивания св. водой во время богослужения.

⁷ Воздух — большой четырехугольный покров, которым во время совершения литургии покрываются уже покрытые малыми покрывалами дискос и потир. Воздух символически изображает плащаницу, которой было обвито тело Иисуса Христа.

⁸ Копье — предмет церковной утвари, плоский железный нож, имеющий вид наконечника копья, заостренного с обеих сторон. Символизирует копье, которым римский солдат проткнул Иисуса Христа.

⁹ Трисвечник — предмет церковной утвари, использующийся исключительно во время архиерейского богослужения, подсвечник для трех больших свечей, которые символизируют лики Святой Троицы.

¹⁰ Звезда — предмет церковной утвари, представляющий собой две металлические дуги, соединенные в центре пересечения винтом с гайкой. Символизирует собой Вифлеемскую звезду, указавшую волхвам путь к младенцу Иисусу Христу.

чаша серебряная, 1 белой парчи епитрахиль, 1 напрестольный крест, 2 платка, 4 книги, 1 риза серебряная, 1 малая чаша металлическая.

8) Узел неизвестной церкви: 1 воздух черный шелковый, 2 белых шелковых, 1 бархатный черный, 1 бархатный бордовый, 1 кропило, 1 пара поручей, 1 пояс голубой шелковый, 1 риза из белой парчи, 1 белый набедренник, 1 епитрахиль, 1 парчовый пояс, 1 подризник суров,¹ 1 воздух суров синий, 1 воздух желтый, 1 подризник, 2 покровца, 1 покрывало на аналой бархатное бордовое.

9) Узел Пермского кафедрального собора: 1 подризник, 1 кадило серебряное, 1 маленькое серебряное евангелие, 1 холщ[овое] полотенце, 1 пояс красной парчи, 1 пара поручей красной парчи, 1 епитрахиль красной парчи, 1 плат шелковый красный, 1 антиминс² шелковый плат, 1 воздух белой парчи, 1 икона в ризе Спасителя, 1 икона в ризе Богоматери, 1 покровцы белой парчи, 1 подризник, 1 риза красной парчи, 1 шелковый платок клетчатый.

10) Узел: 1 серебряный потир большой, 1 лжица серебряная, 1 малая серебряная тарель, 1 серебряный дискос, 1 серебряная звезда, [пок]ровец голубой суров, 1 воздух голубой суры, 1 полубархатное покрывало.

11) Узел: 1 напрестольный серебряный крест, 1 чаша для питья серебряная, 1 дарохранительница с набором металлическим, 1 большое блюдо металлическое.

12) Узел: 1 большой металлический крест напрестольный, 1 поручи парчовые, 1 кропило, 1 ручной трисвечник, 1 сумка, 1 напрестольный металлический крест, 1 малый металлический крест, 1 набедренник, 1 дарохранительница с набором серебр[яным] и клетчатый шелковый плат, 1 набор для таинства священства, 1 воздух бархатный черный, 1 копие, 2 аналойных белых покрывала, 1 воздух золотой парчи, 1 воздух зеленого атласа, 1 бархатный воздух, 1 подризник белого шелка, 1 пара поручей, 1 коробка ладану, 1 равное клетчатое покрывало, 1 плат шелковый голубой, 1 покрывало шелковое коричневое, 2 покрывала шелковых коричневых, 1 покрывало шелковое алое, 2 покровца белой парчи, 1 антиминс, свечей разных 2 фунта, свечей 20-копеечных 2 фунта, 2 кружки для сбора денег, ½ бут[ылки] сиропу, 1 медный чайник, 19 книг, 1 обывательский рессорный экипаж на резиновых шинах и к нему две лошади со сбруей, что и постановили занести в настоящий акт.

Председатель комиссии,
штабс-капитан МАЛЬЦЕВ

ЧЛЕНЫ КОМИССИИ:
Подпоручик СОКОЛОВ

¹ Суровьё — ткань с ткацкого станка без окраски и отделки.

² Антиминс — предмет для богослужения, освященный епископом четырехугольный плат из шелковой или льняной материи, с изображением положения во гроб Иисуса Христа после снятия с креста и вшитыми частицами мощей какого-либо святого. Во время литургии на антиминсе стоят сосуды со св. дарами.

Подпоручик МАНЕЙЛО

Поручик ЭРШКЕ

С ПОДЛИННЫМ ВЕРНО:

Начальник канцелярии Управления
Главного священника армии и флота,
Священник *Букаев*

Делопроизводитель,
Чиновник воен[ного] времени *Чиглинецв*

РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 10. Л. 22. Машинопись. Заверенная копия.

№ 3

**Сношение настоятеля Покровской церкви с. Каменского
Тюменского уезда Тобольской губернии протоиерея В. А. Космакова
командиру 7-го Кузнецкого Сибирского стрелкового полка
полковнику Ю. Н. Щеткину № 69 от 06.08.1919 о краже церковной
утвари полковым священником С. М. Трейеровым**

Копия

Полковой священник о. Семеон Трейеров, в праздник св[ятого] пророка Илии совместно со мной служил литургию, и по окончании литургии высказал мне, что он в воскресенье в 3-м ч[асу] намерен служить в часовне деревни Кулиги, где часть полка квартировала. Для служения литургии испросил позволения взять св[ятой] антиминс из теплоты храма св[ятого] праведного Прокопия Устюгского Чудотворца. Взял еще св[ятой] потир-сосуд с принадлежностями к нему: дискосом, звездицею, лжицею, копием, ковшичком и двумя тарелочками, все вещи серебряные. Без позволения самовольно взял крестильный ящик, в котором были св[ятое] миро и елей, струцца¹ для помазания, губка и ноженки. Кроме этого, взял белый шелковый плат — серую шелковую шаль, и св[ятой] крест из деревни Кулиги в часовне. Кроме сих вещей еще взял у меня для справки книгу профессора Булгакова² — книга ценная,³ ныне нельзя ее и достать.

Покорнейше прошу Вас, г[осподин] командир 7[-го] Кузнецкого стрелкового полка, распорядится и обязать священника полка Семеона, чтобы лично при мне все вещи возвратил в храм Каменского прихода.

¹ Струец — предмет церковной утвари, кисточка, используемая для помазания елеем и миром.

² Имеется в виду Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) — священник Русской православной церкви, экономист, философ и богослов, автор ряда книг по политэкономии и теологии. В 1919 г. — профессор политической экономии и богословия Таврического университета в г. Симферополе.

³ Предположительно, речь идет о книге: Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов: в 2 т. — М.: Путь, 1911. — Т. 1. 303 с.; Т. 2. 313 с.

Настоятель храма, протоиерей КОСМАКОВ
24 ИЮЛЯ 1919 г.¹
№ 69

С ПОДЛИННЫМ ВЕРНО:

Начальник канцелярии Управления
Главного священника армии и флота,
Священник Букаев

Делопроизводитель,
Чиновник воен[ного] времени Чиглицев

РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 10. Л. 23. Машинопись. Заверенная копия.

№ 4

**Сношение причта Пророко-Ильинской церкви с. Богандинского
Тюменского уезда Тобольской губернии коменданту
7-го Кузнецкого Сибирского стрелкового полка поручику
В. Ю. Эршке² № 149 от 09.08.1919 о краже церковной утвари
полковым священником С. М. Трейеровым**

Копия

Во время проезда через с. Богандинское 7 сего августа священника вверенного Вам 7-го Кузнец[кого] полка (фамилия коего не выяснена) в местной нашей церкви последним был отслужен молебен, а после молебна священником этого полка из нашей церкви увезены с собой: 1) риза желтой парчи новая, 2) епитрахиль, 3) подризник, 4) шелковый зеленого цвета подризник, 5) два шелковых платка большого размера, 6) плат парчовый, 7) две простыни, 8) металлический трисвечник с жертвенника, 9) служебник новый, 10) 5 акафистов, 11) эмалированный таз, 12) святые дары в дарохранительнице и другие вещи, кои еще не выяснены, просьба о розыске этих вещей и отобрании, а также присылке в нашу церковь.

Член приходского совета церкви Макарий Липчинский негр[амотный].

Псаломщик Т. Фаворский

Означенные вещи поручаем передать члену нашего совета, крестьянину дер. Марай Александру Михайловичу Константинову.

Псаломщик Т. Фаворский

Не подложность подписей члена М. Липчинского и псаломщика Фаворского удостоверяю.

Член Вол[остной] Управы Ефимов

¹ Дата указана священником В.А. Космаковым по старому стилю.

² Фамилия коменданта 7-го Кузнецкого Сибирского стрелкового полка установлена по док. № 2.

С подлинным верно:

Начальник канцелярии Управления
Главного священника армии и флота,
Священник *Букаев*

Делопроизводитель,
Чиновник воен[ного] времени *Чиглинец*

РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 10. Л. 24. Машинопись. Заверенная копия.

№ 5

Репорт Главного священника 1-й Сибирской армии¹ Главному священнику армии и флота протоиерею А. А. Касаткину № 62 от 19.08.1919 о замене полкового священника в 7-м Кузнецком Сибирском стрелковом полку

Копия

При сем представляю на распоряжение дело о священнике 7-го Кузнецкого Сибирского стр[елкового] полка Симеоне Трейерове; причем долгом считаю доложить, что взамен свящ[енника] Трейерова мною временно отстраненного от должности, к исполнению пастырских обязанностей в 7[-м] Кузнецком полку допущен свящ[енник] расформированного 63[-го] Добрянского полка Иоанн Романовский.

Подписал:

Священник 1-й Сибирской армии,
Протоиерей

Верно:

Делопроизводитель,
Титулярный советник *[неразборчивая подпись]*

РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 167. Л. 144. Машинопись. Заверенная копия.

¹ Предположительно, эту должность после разделения Сибирской армии в июле 1919 г. на 1-ю и 2-ю занимал протоиерей Н.Ф. Шелютго. Шелютго Николай Фомич (1863 — ?) — священник Русской православной церкви. Родился в Полоцком уезде Витебской губ. В 1884 г. окончил Витебскую духовную семинарию со степенью студента. С 1885 г. — священник Полоцкой епархии. В 1906 г. награжден камилавкой. С 1907 г. — полковой священник 8-го Сибирского пехотного резервного Томского полка. С 1910 г. — полковой священник 42-го Сибирского стрелкового полка, которым тогда командовал отец А. Н. Пепеляев и в котором служил сам А. Н. Пепеляев. С 1912 г. — благочинный 11-й Сибирской стрелковой дивизии. В 1912 г. награжден наперсным крестом от Св. Синода. Участник Первой мировой войны. 6 июля 1915 г. получил сан протоиерея. 13 ноября 1915 г. награжден орденом св. Анны с мечами. Участник съезда военного духовенства Западного фронта 24–28 мая 1917 г. в г. Минске. Участник Гражданской войны на Восточном фронте. В 1919 г. — благочинный 2-й Сибирской стрелковой дивизии, затем — всего 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса, который 25 апреля 1919 г. был развернут в Северную группу войск Сибирской армии [8, с. 310].

№ 6

**Телеграмма Главного священника армии и флота протоиерея
А. А. Касаткина командиру 7-го Кузнецкого Сибирского
стрелкового полка полковнику Ю. Н. Щеткину о производстве
дознания по делу полкового священника С. М. Трейерова**

[не ранее 19 августа 1919 г.]¹

Прошу дело о священнике Трейерове дополнить производством дознания при депутате с духовной стороны, принять меры к розыску и задержанию Трейерова.

Главсвярмфлота, протоиерей

РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 10. Л. 26. Отпуск телеграммы. Рукопись.

№ 7

**Выписка из приказа Главного священника армии и флота
протоиерея А. А. Касаткина № 155 от 25.08.1919 о дезертирстве
полкового священника С. М. Трейерова**

Копия с копии

Приказ

главного священника армии и флота

№ 155

г. Омск

25 августа 1919 года

§ 2

Полкового священника 7-го Кузнецкого Сибирского полка Семена Трейерова полагать в бегах с 9-го сего августа.

СПРАВКА: сношение начальника 2-й Сибирской стрелковой дивизии от 15 августа 1919 года № 8708 и переписка.

Подлинный подписал: Главный священник армии и флота,
Протоиерей А. Касаткин

С подлинным верно:

Начальник канцелярии,
Священник

Сверял: Делопроизводитель,
Чин[овник] воен[ного] вр[емени]

С копией верно:

Делопроизводитель,
Титулярный советник

[неразборчивая подпись]

РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 167. Л. 148. Машинопись. Заверенная копия.

¹ Датируется по содержанию телеграммы. См. док. № 5.

№ 8

**Сношение Главного священника армии и флота протоиерея
А. А. Касаткина начальнику Омской уголовной милиции
№ 3748 от 27.08.1919 о принятии мер к розыску и задержанию
полкового священника С. М. Трейерова**

Копия с копии

По частным слухам, находящийся в бегах с 9-го сего августа 7[-го] Кузнецкого Сибирского полка священник Семен ТРЕЙЕРОВ, подлежащий преданию военно-полевому суду по обвинению его в мародерстве, скрывается в гор. Омске.

Сообщая о сем, прошу Вашего распоряжения о розыске и задержании Трейерова.

Приметы Трейерова следующие: он известен жителям г. Шадринска, на вид приблизительно 50 лет, роста среднего, лицо круглое, обрюзгшее, темный шатен, волосы стрижет коротко.

По задержании, Трейеров подлежит отправлению под конвоем в распоряжение командира 7-го Кузнецкого Сибирского стрелкового полка.

О результатах розыска прошу меня уведомить.

Подписал: Протоиерей Касаткин.

С подлинным верно:

Начальник канцелярии,

Священник

Делопроизводитель,

Чин[овник] воен[ного] вр[емени]

С копией верно:

Делопроизводитель,

Титулярный советник *[неразборчивая подпись]*

РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 167. Л. 147. Машинопись. Заверенная копия.

№ 9

**Сношение Высшего временного церковного управления
Главному священнику армии и флота протоиерею А. А. Касаткину
№ 2428 от 10.09.1919 о лишении сана священника С. М. Трейерова**

Копия

Высшее временное церковное управление в заседании 26-го августа / 8-го сентября с[его] г[ода]

СЛУШАЛИ: рапорт ВАШЕГО ВЫСОКОБЛАГОРОДИЯ с представлением копии переписки о священнике 7-го Кузнецкого Сибирского стр[елкового] полка Симеоне ТРЕЙЕРОВЕ по обвинению его в мародерстве.

ПОСТАНОВИЛИ: Имея в виду вполне установленные факты мародерства со стороны военного священника Сим[еона] ТРЕЙЕРОВА, исчезновение его из полка без документов, исключительные обстоятельства переживаемого времени, Высшее временное церковное управление находит возможным, ограничившись выше приведенными данными, лишить священника Симеона ТРЕЙЕРОВА священного сана с преданием уголовной ответственности за совершенные им поступки и лишает его такового.

О настоящем доводится до сведения и надлежащих распоряжений ВАШЕГО ВЫСОКОБЛАГОСЛОВЕНИЯ.

ПОДЛИННЫЙ ПОДПИСАЛИ:

Председатель Управления, архиепископ Сильвестр¹

Член Управления, архиепископ Вениамин²

Управляющий канцелярией И. Ардашев

С подлинным верно:

Начальник канцелярии Управления

Главного священника армии и флота,

Священник *Букаев*

Сверял:

Делопроизводитель,

Чиновник военного времени

Чиглицев

РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 167. Л. 141. Машинопись. Заверенная копия.

¹ Сильвестр (Ольшевский Иустин Львович) (1860–1920) — епископ Русской православной церкви. Родился 15 июня 1860 г. в с. Косовка Сквирского уезда Киевской губ. в семье диакона. В 1883 г. окончил Киевскую духовную семинарию, в 1887 г. — Киевскую духовную академию. Кандидат богословия. 2 февраля 1892 г. рукоположен в священника. 12 мая 1902 г. возведен в сан протоиерея. В декабре 1910 г. пострижен в монашество и возведен в сан архимандрита. С 16 января 1911 г. — епископ Прилукский, викарий Полтавской епархии, с 13 ноября 1914 г. — епископ Челябинский, первый викарий Оренбургской епархии, с 4 июня 1915 г. — епископ Омский и Павлодарский. 5 мая 1918 г. возведен в сан архиепископа. В ноябре 1918 г. избран главой Высшего временного церковного управления. Скончался 10 марта 1920 г. в г. Омске.

² Вениамин (Муратовский Василий Антонович) (1856–1930) — епископ Русской православной церкви, один из лидеров обновленческого раскола. Родился 18 апреля 1856 г. в с. Русское Буриашево Свияжского уезда Казанской губ. в семье священника. В 1871 г. окончил Казанское духовное училище, в 1877 г. — Казанскую духовную семинарию, в 1896 г. — Казанскую духовную академию. Кандидат богословия. В 1896 г. пострижен в монашество и возведен в сан архимандрита. С 26 октября 1897 г. — епископ Ямбургский, третий викарий Санкт-Петербургской епархии, с 3 декабря 1898 г. — епископ Гдовский, второй викарий Санкт-Петербургской епархии, с 10 июля 1901 г. — епископ Калужской и Боровский, с 31 декабря 1910 г. — епископ Симбирский и Сызранский. 1 мая 1915 г. возведен в сан архиепископа. В 1918–1919 гг. — член Высшего временного церковного управления в г. Омске. С 13 июля 1920 г. — архиепископ Рязанский и Зарайский. В 1922 г. присоединился к обновленцам. С 6 сентября 1923 г. — обновленческий архиепископ Ярославский, с 8 января 1924 г. — обновленческий митрополит Ленинградский, с 9 сентября 1925 г. — обновленческий митрополит Северо-Западной области, с 19 мая 1927 г. — обновленческий митрополит Московский и Коломенский. В 1925–1930 гг. — председатель Священного синода обновленцев. Умер 6 мая 1930 г.

Л. А. Дашкевич

«ЭТА НЕСЧАСТНАЯ ПРОКЛЯТАЯ ВОЙНА...» (ЗАПИСКИ БЕЛОГО ОФИЦЕРА)¹

Автор приведенных ниже записок² — Иннокентий Александрович Молчанов (1884–1945), доктор геолого-минералогических наук, профессор, один из основателей кафедры геологии и разведки месторождений полезных ископаемых Томского политехнического института, автор 83 научных работ, руководитель многих геологических экспедиций. Биография ученого и педагога хорошо известна, она описана в электронной энциклопедии Томского политехнического университета, нескольких статьях [1; 2; 3], краеведческий музей города Кяхты посвятил деятельности Молчанова специальный стенд.

Молчат биографисты только о самом страшном времени в жизни Иннокентия Александровича — Гражданской войне. В электронной энциклопедии Томского политехнического университета этому периоду отведено лишь несколько строк: «Во время гражданской войны был мобилизован в колчаковскую армию, впоследствии перешел на сторону Красной армии».³ На деле, судя по публикуемым ниже запискам и письмам родственников И. А. Молчанова, факт его перехода в ряды Красной армии был, скорее всего, случайным событием. Во время отступления белых в Сибирь Иннокентию Молчанову поручили руководство одним из эвакуированных эшелонов. На станции Зима эшелон был разграблен чешскими солдатами, и офицеру пришлось догонять свой батальон на попутных поездах. Недалеко от Иркутска, занятого Красной армией, Иннокентий Александрович Молчанов, вместе со своими племянниками Юрием Романовичем Лариковым и Николаем Владимировичем Молчановым, присоединился к Воткинской дивизии, которая на подводах двинулась мимо захваченного противником города по берегам Иркуты и Ангары и байкальскому льду. Во время этого перехода И. А. Молчанов попал в плен. Вот что позднее сообщил об

¹ Е. Ю. Рукосуев был знаком с этим документом и хотел принять участие в его публикации, но, к сожалению, не успел...

² Благодарим Инну Оровну Собенникову за передачу нам сканированных копий записки Н. А. Молчанова и права публикации этого документа.

³ Электронная энциклопедия Томского политехнического университета. URL: wiki.tru.ru/wiki/Молчанов_Иннокентий_Александрович (дата обращения 01.03.2018).

этом эпизоде Юрий Романович Лариков в своем письме к Алексею Павловичу Корецкому: «Когда Кеша был захвачен красными, мы (т. е. остаток Воткинской дивизии) были размещены в маленьком селе Бирка, находящемся на востоке от Борзя. Это был спокойный период, в течение которого ни мы, ни красные не делали каких-либо передвижений. Наш командир, до некоторой степени глупый юнец-полковник фон Вах приказал Кеше сделать несколько набросков местности “no-mans land” (страны отсутствия людей). Кеша пригласил меня присоединиться к его отряду, но я был в этот день на дежурстве и не мог пойти. Так он взял двух всадников из нашей Кавалерийской дивизии и ушел рано утром. Все трое исчезли без следа. Как я обнаружил много позже, Кеша, он, как ты знаешь, был глухой, сидел спокойно на маленьком холме, делая свои наброски, а оба солдата спали около него. Красный патруль их нашел и взял без единого выстрела. Если бы я мог там присутствовать, и была бы, вероятно, маленькая перестрелка, которую, возможно, мы выиграли бы, потому что мы оба (Кеша и я), были хорошими стрелками». Из этого же письма ясно, почему И. А. Молчанов остался в живых: «Он был близок к расстрелу на месте, но спасен красным командиром, который оказался Кешиним одноклассником».¹

Неясно, когда И. А. Молчанов составлял свои записки. Судя по воспоминаниям семьи, писались они ежедневно в годы Гражданской войны и предназначались для передачи супруге Иннокентия Александровича Елизавете Николаевне. Объемный труд офицер разделил на несколько частей и отдал их разным людям. До адресата, однако, записки не дошли. Сохранилась лишь одна часть документа, которая оказалась у Юрия Романовича Ларикова. Тому удалось эмигрировать после войны в Харбин, а затем на Тайвань, где он и умер в 1989 г. Незадолго до смерти Ю. Р. Лариков, пытаясь сохранить память о прошлом И. А. Молчанова, отправил его записки своему родственнику Алексею Павловичу Корецкому в Сан-Франциско. Вот строки из письма Ларикова к Корецкому: «Я послал тебе часть дневника И. А. Молчанова, младшего брата Кланиного отца — Никона. После моей смерти это не будет вызывать интереса ни для кого здесь, но может иметь какую-нибудь ценность, как память

¹ Копия письма хранится в частной коллекции Инны Оровны Собенниковой.

для Вашей семьи».¹ В 1990 г. А. П. Корецкий передал машинописную копию записки в Москву, дочери Иннокентия Александровича Азелле. От нее записки перешли к Инне Оровне Собенниковой. С разрешения Инны Оровны документ публикуется впервые. Заголовки взяты из документа. При публикации полностью сохранены его орфография и пунктуация, а также авторский стиль изложения.

Список литературы

1. Профессора Томского политехнического университета: биографический справочник. – Т. 2. – Томск: Изд-во науч.-техн. лит-ры, 2001. – 216 с.
2. Столетие горно-геологического образования в Сибири / Ред.-сост. В. В. Кривошеев. – Томск: Водолей, 2001. – 704 с.
3. Электронная энциклопедия Томского политехнического университета. URL: wiki.tpu.ru/wiki/Молчанов_Иннокентий_Александрович (дата обращения 01.03.2018).

Из дневника И. А. Молчанова²

ВЫЕЗД ИЗ КРАСНОЯРСКА

После кровавых столкновений на Урале и оставления нами Екатеринбургa, когда вся тяжесть арьергардной железнодорожной службы выпала на долю 4-го Сибирского железнодорожного батальона, и он потерпел крупные

¹ Копия письма хранится в семейной коллекции Инны Оровны Собенниковой.

² Молчанов Иннокентий Александрович родился в 1884 г. в семье богатого кяхтинского купца Александра Аверьяновича Молчанова и его жены Агнии Андреевны. Получил хорошее техническое образование. После окончания реального училища побывал в Германии, Италии, Франции, Австрии, в 1903 г. поступил на обучение во Фрайбергскую горную академию. В 1904 г. вернулся в Сибирь и поступил на горное отделение Томского технологического института, где, как и многие другие студенты, увлекся социалистическими идеями. Вступил в Томскую организацию РСДРП, где работал вместе с С. М. Кировым. В 1906 г. был арестован и, после тюремного заключения, выслан на жительство в Кяхту. В 1907–1909 гг. работал геодезистом, участвовал в геологоразведочной экспедиции в Монголию. За публикацию научных статей о геологическом строении северо-западных районов Монголии был избран действительным членом Русского географического общества. При содействии вице-президента РГО В. П. Семенова-Тянь-Шанского получил право продолжить учебу в Томском технологическом институте. В 1916 г. получил диплом инженера-технолога. Был призван в армию и направлен в Ижорскую военную школу, затем — в запасной саперный батальон в Петроград. Участвовал в событиях Февральской революции в Петрограде. Осенью 1917 г. И. А. Молчанов вернулся в Сибирь. Во время Гражданской войны был мобилизован в армию Колчака, в 1920 г. пленен красными. После окончания Гражданской войны И. А. Молчанов выполнял обязанности главного инженера на угольных копях в Читинской области. В 1924 г. работал в Томске в Сибирском отделении Геологического комитета, затем перешел на преподавательскую работу в Политехнический институт. За большие заслуги в развитии геологической науки ему была присуждена степень доктора геолого-минералогических наук и звание профессора. В 1944 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени. Жизнь И. А. Молчанова оборвалась летом 1945 г. из-за несчастного случая (по сведениям семьи, он погиб на железной дороге, был сбит поездом).

потери, последний был выведен на отдых и пополнение в Красноярск, где и оставался до начала октября минувшего года. 8-го октября было получено распоряжение срочно выступить для эвакуации г[орода] Омска. Все эшелоны: 1) штаба, 2) службы пути, 3) тяги, 4) движения и телеграфа были двинуты туда, за исключением двух: 1) подвижных мастерских и 2) базы, которые впредь до распоряжения были оставлены на ст[анции] Красноярск. С последним, в качестве помощника начальника эшелона, остался и я.

В этот период я получил кратковременный отпуск в Томск и успел съездить повидаться в последний раз со своими, т[ак] к[ак] было ясно для всех, что раньше Иркутска или Байкала натиска красных нам сдержать не удастся.¹ Т. е. 24-го ноября, получив депешу срочно возвратиться к месту службы, т[ак] к[ак] нач[альник] эшелона шт[абс]-кап[итан] П.² вызывается в штаб батальона. Целых восемь суток потребовалось для того, чтобы добраться от Томска до Красноярска. Движение по линии было почти парализовано самоуправством чехов, отбиравших паровозы и задерживавших все не принадлежавшие им эшелоны. Когда я прибыл в Красноярск, шт[абс]-кап[итан] П. там уже не было и мне пришлось принять на себя начальство над эшелоном. Эшелон этот, представлявший главную кладовую батальона, был гружен различным железнодорожным имуществом, различными инструментами, приспособлениями, необходимыми при исправлении мостов, материалами, представлявшими в общем громадную ценность. Кроме того, в состав эшелона входил вагон с 70-ю пудами динамита, цистерна с керосином и два вагона с моторным топливом и проч[ее]. Для охраны всего этого имущества в моем распоряжении было всего 15 человек солдат.

Вскоре получилось приказание двинуть наши стоявшие на ст[анции] Красноярск поезда в Верхнеудинск. Но мы дошли только до ст[анции] Зима, где и были задержаны чешским командованием вследствие забитости ст[анции] Иннокентьевской и невозможности пропустить их через Иркутск.

Ответственны и неприятны обязанности нач[альника] эшелона, когда правильное движение по линии нарушено, станции забиты и железнодорожные служащие переутомлены и при том, когда в одном поезде у вас находятся и динамит, и огнеопасные вещества, вроде керосина и моторного топлива, а остальных восемьдесят с лишком осей перегружены тяжелым железнодорожным имуществом, вроде рельс, болтов, накладок и т[ому] п[одобными] материалами и приспособлениями для исправления мостов, как-то: свай, лебёдок, домкратов, тросов, цемента и прочего не менее тяжелого и громоздкого имущества.

Накануне ухода из Красноярска я целую ночь не спал, т[ак] к[ак] необходимо было добиться и настоять на производстве манёвров с поездом, чтобы

¹ Никон Александрович Молчанов — родной брат Иннокентия Александровича Молчанова.

² Так в документе, полное имя установить не удалось.

разделить вагоны с динамитом, керосином и моторным топливом как между собой, так равно и изолировать их от людских вагонов, дабы предотвратить по возможности крупное несчастье в случае столкновения поездов или возникновения пожара. Тогда всем ещё был памятен случай, имевший место в июле 19-го года на Томской дороге, когда беженский поезд врезался в хвост санитарного, где находились вагоны со спиртом. Благодаря далеко разбрызнувшемуся спирту, вспыхнувшему от паровоза, сгорело 15 вагонов со всеми находившимися в них людьми.

Наконец к утру поезд был составлен так, как я считал это необходимым. День ушел на выправление документов, выяснение времени отправления и прощание со знакомыми. Отправление назначили в 6 часов утра следующего дня, но и в эту ночь мне не удалось сомкнуть глаз. Уже с вечера начали появляться пассажиры с просьбой довести их «до Иркутска или куда пойдёт поезд». Конечно, можно было просто категорически отказать всем и лечь спать, но я не счёл себя вправе поступить таким образом. В чешские поезда попасть было почти невозможно немислимо, а русских было слишком мало, чтоб удовлетворить даже лиц, имевших казённые командировки и поручения. Были тут и военные и гражданские чины, командированные по делам службы, больные и раненые воины, чающие пробраться подальше от фронта, просто частная публика, бегущая от рая, несомого рабоче-крестьянским правительством. Удовлетворить всех было, конечно, немислимо, располагая всего двумя людскими вагонами. Приходилось большинству отказывать и, таким образом, быть свидетелем и причиной драматических сцен. Только удалось покончить с одним, как являются другие с неизменно стереотипной фразой: «Г[осподин] начальник, разрешите проехать с вашим эшеленом» и т. д.

Наконец в 6 часов утра поезд тронулся, имея заполненным каждый уголок жилых вагонов ранеными и командированными офицерами и солдатами. Лиц других категорий я не принимал, несмотря на просьбы и даже слезы, за исключением двух чиновников министерства снабжения, имевших срочные командировки. Пытка моя кончилась, и я мог немного отдохнуть, поручив наблюдение за эшеленом своему помощнику технику К.¹ Часов в десять он меня разбудил: загорелась будка у платформ, гружёных рельсами и стрелками. Виноват был отчасти м[ожет] б[ыть] смазчик, у которого «замерзла смазка», хотя он клялся и божился, что в Красноярске налил во все будки, а может быть неисправна была шейка или подшипники ранее, т. к. эта сплюска платформ с рельсами была подобрана при отступлении службой пути и затем в момент выхода её на фронт была перекинута нам. Пришлось поезд на ближайшей ст[анции] задержать, сменить подшипник, которых у нас в запасе было достаточно, и подписать протокол о простое.

Через несколько перегонов опять загорелась та же будка. По освидетельствовании оказалось, что шейка задралась. Необходимо было менять скат.

¹ Так в тексте, полное имя установить не удалось.

Скатов у нас в запасе не было, да на это потребовалось бы слишком много времени, которым мы не располагали по своему усмотрению. Для перегрузки же не было свободных вагонов (на станции), да это заняло бы также немало времени. Между тем, груз этих платформ составляли рельсы и стрелки, которых на каждой значительной станции можно было найти сколько угодно, и нам в данный момент они совершенно не требовались. Поэтому обе эти платформы с грузом я передал жел[езной] дор[оге] в лице нач[альника] ст[анции], составивши соответствующий акт о передаче.

Больше приключений не случилось, и я мог, наконец, забыться на несколько времени тяжёлым сном усталости. Проснулся я только часов в шесть вечера, разбуженный весёлым, заразительным женским смехом и необычным оживлением, царившим в соседней половине вагона. Оказалось, что пока я спал, на одной из ближайших станций к нам подседа сестра милосердия. Она отстала от своего санитарного поезда, устраивая тяжело раненого брата в госпиталь в Красноярске, и теперь должна была нагонять. Я уже хотел сделать выговор своему помощнику за её посадку без моего разрешения, ибо поместить её было буквально некуда: один офицер уже накануне был вынужден спать на полу, но так моё замечание и умерло у меня на губах.

Едва я отворил дверь в соседнюю половину вагона, как мне представилась следующая картина: сестра делала перевязку одному из ехавших с нами солдат, которые, кстати сказать, уже несколько дней были без перевязки, валяясь на грязном полу ст[анции] Красноярск в ожидании попасть на какой-нибудь уходящий на восток поезд. Ловко и умело делая своё дело помощи, она в то же время весело болтала с остальными, оживлённо сгруппировавшимися около неё, как около какой-то сказочной феи, наперебой помогая ей, кто чем мог. Кто подавал спирт, кто йод, кто воду, кто держал её сумочку с медикаментами и перевязочными материалами, кто лампу. Шутки, острооты и смех служили аккомпанементом работы. По всему было видно, что за каких-нибудь полчаса своего пребывания в вагоне, она уже успела очаровать всю компанию. Это ясно можно было прочесть по тому благоговению, которое было написано на окружавших её лицах. Заметив меня, она очень просто и мило извинилась за свою самовольную посадку, объяснив своё пребывание в вагоне без моего разрешения нежеланием меня беспокоить, т[ак] к[ак] она слышала, что я очень устал, а также обещанием всей команды и пассажиров выхлопотать у меня это разрешение.

Об отказе, конечно, нечего было и думать. Для очаровательной сестры нашлось и место, уступленное одним из офицеров, которому, в свою очередь, потеснившись, дали место другие. Вечером на сцену появились гитара, балалайка, нашлись музыканты, певцы, рассказчики, декламаторы. Я, пожалуй, давно не проводил так весело вечера, как этот в обществе весёлой и славной сестры «Надежды», сумевшей, как по волшебству, объединить и развеселить эту случайную и разношёрстную компанию, хотя, вероятно, не у одного у меня из этой компании скребли в это время на сердце кошки.

На другой день все мы были хорошими знакомыми, как будто прожили вместе много лет, а к вечеру, к сожалению, должны были расстаться, т[ак] к[ак] наш поезд по «техническим соображениям» был задержан в Нижнеудинске на неопределенное время. Сестра вместе с другими нашими пассажирами перебралась в другой уходящий первым поезд. Как ни неприятна была посадка пассажиров, как ни стесняли они нас, нам было жаль расстаться с этой весёлой компанией, внесшей столько оживления в нашу серую монотонную жизнь.

Дня через три получилось приказание двинуться дальше, а 10-го декабря мы прибыли в Зиму, где были опять задержаны. Вновь потянулись скучные будни одиночного заключения в четырёх стенах вагона. Все мои обязанности сводились к разводу караула и проверке постов. Встать раза два ночью и обойти посты вошло в привычку и не составляло большого труда. Днём же совершенно нечего было делать, и я непременно сошел бы с ума, если бы не достал случайно от военнопленных немецко-английского самоучителя Туссена и не нашёл партнёра в шахматы. В шахматы мы сражались ежедневно с пленным офицером — венгром N,¹ по специальности адвокатом. Он и Sch² — тоже офицер австрийской службы (венгр) — были прикомандированы к нашему батальону для обслуживания лаборатории (фотографической). Последняя при уходе батальона на фронт была передана в базу и так и осталась при ней. N и Sch, оба юристы, были большими приятелями между собой. Они оказались интеллигентными в лучшем смысле этого слова, симпатичными людьми, и мы часто беседовали с ними об отвлечённых вопросах и на политические темы, насколько это позволяло моё знание немецкого языка.

Т[ак] к[ак] продукты мы получали с продовольственного пункта в сыром виде и испытывали постоянное затруднение с приготовлением пищи, они предложили мне столоваться вместе с ними. N при этом оказался неплохим кулинаром, угощая нас деликатесами венгерской кухни, главную особенность которой, как известно, составляет обилие перца во всех видах и сочетаниях. Т[аким] о[бразом], обед, ужин и следовавшие обычно за ними шахматные турниры были в то же время временем практических занятий немецким. Утро и вечер я посвящал изучению английского языка, за который я принялся с ожесточением человека, обречённого на бездействие, лишённого каких-либо иных книг и занятий.

С подчиненной мне командой у меня скоро установились хорошие отношения без подбострастия и фамильярности. Большую часть этой команды составляли железнодорожные техники, телеграфисты и студенты, остальные были квалифицированные рабочие. В отношении службы на всех них я мог полагаться совершенно, за исключением разве двух-трех лиц. И вскоре мне пришлось убедиться в этом на деле. Числа 20-го дек[абря] в Зиму прибыл и второй наш поезд подвижных мастерских. Они привезли нам кое-какие

¹ Так в тексте, полное имя установить не удалось.

² Так в тексте, полное имя установить не удалось.

вести с фронта, в общем, неутешительного характера, между прочим, возможную гибель нашего батальона, а также чековые требования на получение продуктов из интендантства. Большого оживления нам прибытие этого эшелона не принесло. С прапорщиком М.,¹ заведующим мастерскими, человеком юным, но не по возрасту заносчивым, мы были далеки, да и он вскоре уехал в Иркутск за получением продуктов из интендантства по привезенным им чековым требованиям и больше к нам не возвращался. С его помощником, инженером П.,² мы были в лучших отношениях, и это был единственный человек в Зиме, с которым я мог поговорить по душам, как с равным. Но с ним у нас было слишком мало точек соприкосновения.

Впоследствии мне пришлось не раз даже сожалеть, что мы стоим не на разных станциях с мастерскими. Команда мастерских, более многолюдная, чем наша, была в то же время и более буйной и распущенной, чем наша. Прапорщик М. совсем не умел ладить с солдатами и распустил их донельзя, когда же он уехал, его заместил инж[енер] П., человек очень слабохарактерный и мягкий, который не мог совершенно с ней ничего поделать. Солдаты пьянствовали, буянили и даже расхищали имущество, создавая плохую славу о нашем батальоне вообще, а, следовательно и о нашем эшелоне в частности. Близость этой буйной команды и постоянное общение между обеими командами, конечно, не могло мне нравиться, что я часто и высказывал инж[енеру] П., прося его подобрать свою команду. Эти замечания, которые он принимал на свой счёт, ещё более нас отдалили. Мы, хотя и продолжали ежедневно бывать друг у друга и часто схватывались относительно текущих вопросов по службе, но и только, более близких, чисто дружественных отношений между нами так и не возникло, хотя в окружающей обстановке данных для этого было больше чем достаточно.

Между тем, тучи на политическом горизонте сгущались все больше и больше. Гроза приближалась. Точных известий до нас не доходило, но носились разные тёмные слухи о гибели нашего батальона, о полном разгроме армии и т. д., по другим данным выходило иначе. Армия отступает и отступает планомерно, отстаивая каждую пядь земли. Строились различные догадки и предположения о том, где она может задержаться, чтоб дать должный отпор противнику. Единственно, что было тут достоверного это то, что советские войска с каждым днем подходят всё ближе и ближе. Это чувствовалось и по нервозности чехов, и по поведению и разговорам деповских рабочих на станции.

Наконец, 3-го января в Черемхово произошёл переворот в пользу Центра Политических Партий,³ а 5-го он перебросился в Иркутск. Что представлял собою этот Центр, оставалось загадкой, было ясно только одно, что он

¹ Так в тексте, полное имя установить не удалось.

² Так в тексте, полное имя установить не удалось.

³ Политический центр — недолговечное правительство, действовавшее в Иркутске в ноябре 1919 — январе 1920 г. Избран 12 ноября 1919 г. Всесибирским совещанием земских собраний и городских дум.

ставил себе целью не пропускать воинские части на восток, чтоб не дать усилиться атаману Семёнову.¹ О продвижении на восток наших эшелонов нечего было и думать, и перед нами, т[о] е[сть] передо мной и инж[енером] П. невольно со всей остротой и ясностью встал знаменитый гамлетовский вопрос: быть или не быть. Если быть, т[о] е[сть] заботиться о сохранении себя и команды, необходимо было бросить поезда и пробираться в чешских поездах инкогнито. Если же ставить себе целью сохранить вверенное нашему попечению имущество, нужно было оставаться на местах до самой последней крайности, чем бы это ни грозило.

Мы решились на последнее, руководствуясь следующими соображениями. Раз армия существует и отступает, то она не может миновать нас, и если мы сумеем продержаться до её прихода, то и продвинемся вместе с её авангардом (предполагать, что эта армия идет походным порядком, минуя жел[езную] дор[огу], мы, конечно, не могли), и, т[аким] о[бразом], сохраним вверенное нам имущество. Если же продержаться до прихода авангарда нам не удастся, имущество это, конечно, попадет в руки противника, т[ак] к[ак] оказать сопротивление со своими слабыми командами мы, конечно, не сможем, но оно не имеет прямого боевого значения и не может способствовать усилению противника, являясь важным лишь для сильной наступающей армии.

Во всяком случае, как только дошли до нас слухи о готовящемся в Черемхово перевороте, я поспешил передать вагон с динамитом под охрану чехо-войск, руководствуясь нижеследующим:

1) Охрана пути находилась в их руках. Сохранить путь было как в их интересах, так и в интересах нашей отступающей армии (т[ак] к[ак], повторяю, я не мог предполагать, чтобы отступающая армия могла обойтись без услуг жел[езной] дор[оги]).

2) О существовании в нашем поезде вагона с динамитом знали все служ[ащие] и раб[очие] ст[анции] Зима и в случае возникновения здесь ревкома, он мог быть отобран у меня, и создавалась бы угроза целостности пути.

3) Оказать сопротивление я бы не мог, располагая лишь караульной командой в 15 человек.

На основании этого вагон с динамитом был передан по соглашению с нач[альником] гарнизона чехо-войск ст[анции] Зима поручику 4-го чехо-словацкого полка Х.² под соответствующую расписку.

Вскоре явилась из Иркутска от нового правительства делегация, состоящая из офицеров и солдат, для организации власти на местах. Программа нового правительства, т[ак] наз[ываемого] Центра Политических Партий, возвещённая этой делегацией, была в общем расплывчата и неясна. Видно было, что новое правительство носит временный характер и недолговечно.

¹ Семенов Григорий Михайлович (1890–1946) — генерал-лейтенант, войсковой атаман Забайкальского казачьего войска, активный деятель Белого движения в Забайкалье и на Дальнем Востоке.

² Так в тексте, полное имя установить не удалось.

Оно ставило своей целью примирение враждующих сторон и предлагало всем офицерам и солдатам оставаться на своих местах и продолжать нести свои обязанности, гарантируя им личную безопасность. Последнее вполне совпадало с намеченной нами линией поведения, а поэтому оно и было принято нами без колебаний.

С воцарением новой власти авторитет начальников окончательно пошатнулся. Если и раньше дисциплина оставляла желать многого, то теперь она окончательно исчезла. Солдаты стали разбегаться по домам. Эшелон подвижных мастерских был обворован своими же солдатами, которые отчасти бежали домой, отчасти примкнули к появившимся в окрестностях отрядам большевиков, остальные пьянствовали и тащили всё, что попадало под руку. В моём эшелоне дело обстояло много лучше, благодаря более интеллигентному составу команды, а так же и тому, что все вагоны были на болтах (железнодорожные болтики мы употребляли вместо замков, т[ак] к[ак] они оказались много надёжнее последних и их легче было достать) и за печатями. Но пагубное влияние мастерских не могло не отразиться на поведении и моей команды.

Числа 12-го января прибыл шт[абс]-кап[итан] П., мой непосредственный начальник, заведующий техническим имуществом, которому я и передал эшелон в целости и сохранности, с большим удовольствием передав ему заботы и ответственность о сохранении казенного имущества. Шт[абс]-кап[итан] П. впервые привез известие о гибели нашего батальона и, что армия генерала Каппеля,¹ будучи окружена красными, с боем пробилась через кольцо и, отступая отчасти по жел[езной] дор[оге], отчасти походным порядком, вероятно, скоро будет здесь. Он всецело одобрил мой план действий и решил проводить его до конца. 14-го шт[абс]-кап[итан] П. заболел, а 18-го его пришлось перевести в местную железнодорожную больницу, т[ак] к[ак] у него обнаружился сыпной тиф, и мне вновь пришлось все его обязанности принять на себя.

В день приезда шт[абс]-кап[итан]а П. из эшелона бежало три солдата совместно с 7-ю человеками из мастерских. Через два дня один из оставшихся напился пьяным и произвел дебош в эшелоне, так что его пришлось для вытрезвления отправить в милицию. Назавтра, вместо наложения взыскания, ему в милиции выдали документ на свободное возвращение домой. Такое отношение в корне подрывало уцелевшие остатки дисциплины. Солдаты стремились разбежаться, и многие подыскивали места на жел[езной] дор[оге] или в почтово-телеграфной конторе и только ожидали удобного случая для этого. Единственной мерой воздействия было убеждение, но и оно мало-помалу теряло свою силу.

Числа 15-го или 16-го власть перешла в руки совдепов. Местный совдеп сразу же взял наш эшелон под подозрение и контроль, установив за нами негласный надзор. Начальник милиции, гарантировавший нам личную

¹ Каппель Владимир Оскарович (1883–1920) — один из руководителей Белого движения на Востоке России, генерал-лейтенант, главнокомандующий Восточным фронтом армии А. В. Колчака.

безопасность после первого переворота, вынужден был взять свои слова обратно, «ввиду изменившейся политической конъюнктуры», как он выразился. У нас из эшелона отобрали часть керосина для нужд местного населения, в чём, впрочем, выдали мне соответствующую расписку. Затем совдеп занялся своими внутренними делами и больше нас не беспокоил. Мастерские уже в 20-х числах ушли в Иннокентьевскую, и я больше их не видал.

29-го янв[аря] в Зиму прибыл Штаб Вост[очно]-Сиб[ирской] Кр[асной] армии.¹ Меня, как начальника единственного русского эшелона, сейчас же вытребовали туда. Я явился в сопровождении своего помощника — техника К., который был кладовщиком нашего поезда. Один я избегал появляться в подобных случаях, во-первых, чтобы вследствие своей глухоты не стать в глупое положение, во-вторых, чтобы быть в курсе всего, что говорится в моём присутствии, хотя бы и без личного обращения ко мне, в-третьих, наконец, чтобы иметь на всякий случай свидетеля и в случае ареста сделать необходимые распоряжения. После опроса, кто я, какой поезд, откуда прибыл, чем гружён, сколько людей, винтовок, патронов и т.д., на что я дал по возможности полные и обстоятельные ответы, мне был предложен вопрос о признании советской власти.

— Вы видите, что я вам подчиняюсь, — усмехнулся я.

— Да, но это не на вопрос. Признаете ли Вы сов[етскую] власть и хотите ли служить ей?

— А если я Вам отвечу «да», Вы мне поверите?

— Н-не знаю.

— Так зачем же ставите этот вопрос? Если Вам угодно меня арестовать, то, пожалуйста, я здесь, к вашим услугам. Только благоволите предварительно принять от меня всё вверенное мне имущество (казённое) и выдать мне соответствующую расписку, ибо казённое имущество остается казённым имуществом, кто бы ни стоял у власти, и я не хочу, чтобы ко всему прочему меня могли бы обвинить как казнокрада, — документы у меня все в порядке.

— Об аресте я ещё ничего не говорил.

— В таком случае Вам должно быть безразлично, признаю я советскую власть или нет.

— Почему это?

— Да потому, что мы не боевая часть, а инженерная, и притом, имея 12–15 человек команды, которая к тому же не сегодня, завтра разбежится по домам, я не смогу оказать Вам ни сопротивления, ни поддержки, если б даже хотел.

После совещания, которое длилось минут десять, адъютант вошел и объявил, что командующий армией приказал оставить меня в занимаемой долж-

¹ Восточно-Сибирская советская армия (ВССА) — сухопутные вооруженные силы, созданные в январе 1920 г. на базе Народно-революционной армии Иркутского Политцентра из партизанских и повстанческих отрядов Прибайкалья, а также восставших частей армии Колчака.

ности впредь до прибытия эшелона в Иркутск, где все имущество будет от меня принято, эшелон же немедленно отправить в Иркутск. Сейчас же выданы мне соответствующее предписание, на которое я и вынужден был ответить рапортом о вступлении в должность нач[альника] эшелона. Эшелон мне не без труда удалось задержать в Зиме, но как потом оказалось, совершенно напрасно.

ГИБЕЛЬ ЭШЕЛОНА

Опасность обычно скрывается там, где её меньше всего ожидаешь. Перед переворотом, выдвинувшим на сцену Полит[ический] Центр, и затем в ожидании большевиков, я приготовился ко всевозможным ужасам красного террора. Сделав все распоряжения как быть в случае моего исчезновения или ареста, какие давать показания при допросах, как поступить с моими вещами, если они уцелеют, и проч[ее], через одного из наших солдат — фотографа М.,¹ семья которого, эвакуировавшись из Сызрани, проживала в Зиме, я познакомился с ней и её квартирными хозяевами — машинистом Х.,² оказавшимися очень симпатичными милыми людьми. Сочувствуя моему затруднительному положению, они предложили мне помочь, чем могут. Я отнес к ним часть своих вещей и денег, на случай, если б мне пришлось бежать и скрываться.

Но благодаря ли тому, что переход к большевизму в Иркутске совершался постепенно, через правительство Центра, которое т[аким] о[бразом] сыграло роль буфера, смягчившего страсти в переходный период, или по каким иным причинам, только оба переворота в Зиме прошли совершенно безболезненно. Не было ни казней, ни насилий, ни даже обысков и арестов. Правда от некоторых совдепчиков я раза два слышал угрозы по своему адресу, однако этим лишь дело и ограничилось. Так что в этом отношении я на красных пожаловаться не могу. Единственным актом, который можно бы было рассматривать с этой точки зрения, было отобраение у нас цистерны с керосином, около 300 пудов для нужд жел[езной] дор[оги] и железнодорожных служащих. Но и это было сделано по официально оформленному акту комиссией, в которую входили представители от железнодорожной администрации, кооператива и местной власти в лице совдепа. За что они в свою очередь нашли необходимым уплатить жалованье за два месяца обеим командам.

30-го января в 2–3 верстах от Зимы произошло сражение между красными и авангардом армии ген[ерала] Каппеля (тогда уже Войцеховского,³ т[ак] к[ак] Каппель за несколько дней перед этим умер). В результате этого

¹ Так в тексте, позднее упоминается фамилия фотографа — Мурзаев.

² Так в тексте, полное имя установить не удалось.

³ Войцеховский Сергей Николаевич (1883–1951) — генерал-майор, один из организаторов Чехословацкого корпуса в России (до марта 1919 г.), один из руководителей Белого движения на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. 25 января 1920 г., после смерти генерал-лейтенанта В. О. Каппеля, сменил его на посту главнокомандующего Восточным фронтом.

сражения красные были смяты и разбежались по тайге, оставив массу пленных. Около 3-х часов дня, когда оружейная и пулемётная пальба достигла своего апогея, отлично слышная и у нас, ко мне в вагон явился отряд, человек 10 чешских солдат под командой унтер-офицера, с требованием отдать имеющееся в эшелоне оружие. На вопрос, где у них офицер, они ответили, что он сейчас придет.

— У меня только 15 винтовок, которые необходимы команде для несения караульной службы.

— Всё равно, давайте всё, что у вас есть: винтовки, патроны, револьверы, бомбы и т. д.

— Хорошо, только по чьему приказанию это делается?

— По приказанию коменданта станции, чтобы не произошло стрельбы на вокзале и не пострадали нейтральные чешские эшелоны.

Мотив избежания провокационной стрельбы на вокзале, чтобы не пострадали нейтральные чешские эшелоны, мне показался убедительным. К чехам до того времени я относился с доверием, работая с ними рука об руку в течение всего прошлого года на Восточном фронте. Кроме того имел знакомых среди офицеров 4-го Пех[отного] ч[ехо]-с[ловацкого] полка — коменданта станции и нач[альника] гарнизона, познакомившись с ними ещё по делу о передаче динамита. Они знали моё отношение к красным и могли в случае надобности быть свидетелями и поручителями. Поэтому я не протестовал против временного отобрания оружия, потребовав только выставления чешского караула на это время для охраны поезда, что и было мне обещано.

Я совершенно не знал, что всего за два или три дня 4-й ч[ехо]-с[ловацкий] полк ушел со ст[анции] Зима. Нач[альник] гарнизона, комендант и нач[альник] охраны сменились, и были новые совершенно незнакомые мне люди. Неизвестно мне было также и то, что нравственная физиономия чехов с прошлого года сильно изменилась, превратив из рыцарей чести в грабителей. Слухи о кое-каких неблагоприятных поступках доходили и до меня, но я упорно отказывался им верить до тех пор, пока не убедился в этом на собственной шкуре.

Поддерживая строгий нейтралитет там, где это касалось открытой борьбы, они не прочь были под шумок поживиться за счет более слабой стороны, особенно, когда это можно было сделать совершенно безнаказанно, и добыча была достаточно заманчивой. Так, видимо, дело обстояло с арестом поезда Колчака в Нижнеудинске,¹ который не мог оказать им должного сопротивления, и с грабежом обозов, отступавших из-под Иркутска анти-советских войск. Там они действовали со стороны красных, о чем советские газеты не преминули протрубить во всеуслышание, приветствуя новых союзников. Когда же успех склонился в пользу каппелевцев, они, под видом возмездия красным, разграбили богатые интендатские склады в Иннокентьевской,

¹ Поезд адмирала Колчака вышел из Нижнеудинска 10 января и прибыл в Иркутск 15 января 1920 г., где А. В. Колчак и был арестован.

и потом каппелевцам же продавали по дешевке предметы обмундирования, снаряжения, консервы и проч[ее]. Но, повторяю, во всём этом я убедился значительно после, совершенно не подозревая в данный момент той ловушки, в которую неожиданно попал.

Когда все оружие было передано в эшелон 1-го Кавал[ерийского] ч[ехо]-с[ловацкого] полка, солдаты этого полка вместе с солдатами 10-го Пехотного полка явились большой толпой и начали грабить эшелон. Замки с кладовых были моментально сорваны, болты, которые оказались гораздо крепче замков, были выворочены вместе с застёжками, и началась форменная вакханалия разнузданной толпы. Я сейчас же выскочил из вагона с целью остановить безобразия и вместе с грабителями пойти к ч[ехо]-с[ловацкому] коменданту станции, чтоб выяснить недоразумение.

Но куда там! Едва я успел сказать несколько слов, как был разоружен пьяными солдатами, которые уже успели добраться до моторного топлива (спирт с бензином) и попробовали его. Послышались возгласы: «Комиссар. Обыскать. У него вероятно есть бомбы и револьвер». Я расстегнулся, чтоб показать, что у меня нет ни того, ни другого. Ощупав все карманы и убедившись, что я безоружен, толпа стала ещё нахальнее. На мое предложение пойти к коменданту станции, послышались насмешки, оскорбления и возгласы: «Что с ним разговаривать, убить». Сейчас же поднялось несколько прикладов. Один удар попал мне в правый локоть и был настолько силен, что приклад сломался. Я едва устоял на ногах и думал, что раздробили мне руку. (Рука оказалась целой). Спас только меховой бешмет, который пострадал при этом порядком. Другой удар пришёлся в голову и совершенно оглушил меня. Шапка слетела с головы, и третьим ударом в обнаженную голову я несомненно был бы убит. К счастью, подоспели N и Sch, вмешавшиеся в толпу в этот момент. Они оттеснили меня к вагону и затащили внутрь, но самим им при этом досталось здорово.

Я был так ошеломлен произошедшим, что несколько времени совершенно не мог сообщать. Наконец, придя в себя, я отправил своего помощника к ч[ехо]-с[ловацкому] коменданту изложить ему положение дела и просить его принять меры к защите эшелона и команды. Но он скоро вернулся, к коменданту его не пустил ч[ехо]-с[ловацкий] патруль, выставленный у нашего поезда. Ясно было, что нас принимают за красных и, пользуясь победой каппелевцев, которую мы ждали с таким упованием и надеждой, как избавление, наш эшелон в качестве приза обречён на поток и разграбление. И когда же? В самый момент осуществления наших надежд.

Разграбление поезда тем временем продолжалось. Покончив с кладовыми, откуда было взято всё, что можно было вынести одному, очередь дошла и до жилых (помещений) вагонов. Совестьившиеся грабители до сих пор окончательно обнаглели. Под видом обыска в вагон ввалилась ватага человек в 10 солдат, перерыли все вещи, уничтожили книги, документы, отобрали деньги и более ценные вещи как у меня, так и у солдат. Ни протесты, ни

указания на книги и документы, свидетельствующие о том, что поезд-база принадлежит 4-му Сиб[ирскому] железнодорожному бат[альону], входящему в состав Сиб[ирской] армии, а не советской, наконец, личные документы мои и солдат команды, не оказывали никакого влияния на грабителей.

— Что вы тычете нам бумажками, — отвечали они, продолжая свое дело.

Наконец часов в 7 вечера, в вагон явился чешский офицер. Я ему заявил о творящихся безобразиях. Показал кое-какие документы, свидетельствующие о принадлежности эшелона к Сиб[ирской] армии, которые уцелели ещё от разгрома.

— Если Вы не верите этим документам, считаете нас большевиками и поезд военным призом, — заявил я, — то должны нас арестовать, допросить и, если найдете нужным, даже расстрелять, но, во всяком случае, не подвергать оскорблениям и издевательствам пьяных солдат, а поезд принять под охрану. А то ведь это форменный грабеж.

Офицер, надо отдать ему справедливость, держался вполне корректно, хотя я высказал ему немало горьких истин.

— Об ограблении поезда только сейчас узнал, меры к прекращению грабежа и охраны поезда мною уже приняты. Вас же и команду я должен объявить под арестом впредь до допроса и выяснения личностей. Поэтому прошу вас из вагона не выходить, так как снаружи поставлены часовые и отдано приказание стрелять. Теперь к вам в вагон никто не придет, — закончил он, удаляясь из вагона.

Часа два прошло действительно спокойно. Мы могли подсчитать потери своих вещей и даже с горя сразиться с N в шахматы. Оказалось, что у нас исчезла вся посуда и продукты, за исключением кастрюли с ужином, стоявшей на плите. Последнее обстоятельство смягчило нашу печаль. У меня исчез френч, шаровары, калоши, шпоры, шёлковое на шерстяной вате одеяло (правда, очень и очень подержанное), 12 тысяч казённых денег и все мои, за исключением нескольких сотен, находившихся в портмоне в кармане. Исчезли также все канцелярские принадлежности и все казённые вещи, находившиеся в вагоне. Самыми ценными из них были, пожалуй, два нивелира Герляха.

В 9 часов к нам опять явились 4 человека чеш[ских] солдат. Одного из них я принял было за офицера по его интеллигентной наружности и манере держаться. Нашивок я не рассмотрел, т[ак] к[ак] было довольно темно. (Потом я его встречал на вокзале и узнал, что это был всадник 1-го Конного полка). Снова начался обыск, закончившийся отобраением у меня шубы-бешмета на лисьем меху, походного ящика, где находилось все мое чистое бельё, хорошие сапоги, новенькая пара частного платья и проч[его]. Т[аким] о[бразом], у меня остались только узел с грязным бельем, да то, что было на мне надето: стоптанные валенки, старые штаны, гимнастерка да солдатская ватная душегрейка.

Мои военнопленные пострадали ещё больше. У них вещей было гораздо больше моего, а после обыска не осталось ровнёхонько ничего, кроме

надетого на них. Особенно жаль было Sch расстаться с акварелями работы его приятеля и сожителя по красноярскому концентрационному лагерю, ценными по связанным с ним воспоминаниями, а также одной бронзовой высокохудожественной миниатюры, работы того же художника. За нежелание расстаться с ними он даже получил удар по физиономии от того интеллигентного с виду человека, которого я принял сначала за офицера.

Но этим дело не кончилось. Едва наши грабители удалились, как в вагон с шумом ввалились ещё трое. Один из них, показывая на меня, стал горячо уверять своих приятелей, что я тот самый комиссар, который 9-го января арестовал его в Куйтуне и хотел отправить на Черемховские копи, что он меня отлично знает и что ему необходимо со мной рассчитаться. Остальные его поддерживали. Мои уверения, что я с поездом прибыл сюда 10-го декабря и никуда отсюда не отлучался, что может подтвердить каждый из присутствующих солдат команды, конечно, ни к чему не привели.

Мне было приказано следовать за ними к «пану полковнику». Когда я стал искать, что бы мне надеть, т[ак] к[ак] на дворе был зверский холод, а шуба моя исчезла, один из них заметил, что это совершенно напрасно, т[ак] к[ак] меня всё равно расстреляют. Уверенность этих людей, что я действительно комиссар, арестовавший одного из них, была так велика, что действительно могла сбить с толку кого угодно. Мне оставалось только проститься с командой и подчиниться своей участи. Что «пан полковник» долго разбираться не будет, а эти архаровцы не упустят случай сорвать свою злобу, у меня не оставалось никаких сомнений, также как и у моих солдат, которые прощались со мной со слезами. Но мои юристы примириться с таким беззаконием не могли и N, накинув на себя пальто, выскочил непосредственно за нами.

Темно. Холодный пронизывающий до костей ветер, крупный рыхлый снег, наметая сугробы, свистит в промежутках между вагонами. Мои стражи горячо спорят друг с другом, поминая «пана полковника» и расстрел, но я уже не вслушиваюсь в это. Зубы мои отбивают мелкую дробь, но не от страха. В душе у меня совершенно пусто после тех переживаний, которые выпали на мою долю в течение этого дня. Того чисто животного ужаса, и сознания «вот конец», который охватил на минуту меня днём, когда ударом приклада была сшиблена шапка и я видел над обнажённой головой в воздухе другой приклад, теперь не было и следа. Обрывки мыслей о доме, о бумагах, которые нужно было передать в Верхне-Удинск отцу, о том, в каком глупом положении я в конце концов оказался, мелькали в разгорячённой голове, не оставляя, впрочем, никакого следа. В то же время я ясно чувствовал холодный ветер, пронизывающий меня насквозь, и сугробы, в которые мы проваливались до колена. Видел N, который выскочил вслед за нами из вагона, был благодарен ему, но ясно сознавал, что заступничество его перед «паном полковником» будет совершенно напрасно и кончится только лишней неприятностью ему.

Вдруг моя стража остановилась, и я разобрал только следующее: «Ну, если ты так уверен, то и считайся с ним сам, нечего беспокоить пана

полковника». Мы были в это время в хвосте стоящих на станции эшелонов у входных стрелок. Мне опять задали тот же вопрос: не я ли арестовывал его в Куйтуне. Что я мог ответить? Чем мог поколебать его уверенность? В этот момент вмешался Н. Дело в том, что один из 3-х, меня арестовавших, был венгр, и мои венгры это сейчас же смекнули. Поговорив с ним довольно долго и горячо по-венгерски, он, по-видимому, убедил его в моем alibi, потому что тот сейчас же заговорил с остальными, предлагая плюнуть на это дело.

— Деньги есть? — был мне вдруг совершенно неожиданно поставлен вопрос.

Я вынул кошелек со словами: «Вот все, что у меня осталось», — и это была сухая правда.

— Выньте все деньги, какие там есть, кошелек же с документами возвратите, пожалуйста, т[ак] к[ак] в этих документах всё моё оправдание от таких обвинений, какие только что возвели на меня вы.

Минут через 10 с облегченным кошельком и сердцем вернулись мы в вагон, где уже не чаяли меня видеть, и в то же время заметили, что стража у вагона отсутствует. Ночью бежать нам было некуда, а утром перед рассветом мы разбежались кто куда, ибо в поезде нам делать было больше нечего.

ЧУДЕСНАЯ ВСТРЕЧА

Оказаться в 5 часов холодного зимнего утра в чужом почти совершенно незнакомом городишке, не имея ни пристанища, ни близких знакомых, ни куска хлеба в запасе, ни гроша денег в кармане, с маленьким легким узелочком грязного белья под мышкой и с ещё более лёгкой душегрейкой на плечах, согласишься, перспектива не из заманчивых. Но я был доволен. После только что пережитой нравственной пытки, продолжавшейся более полусуток, после всевозможных унижений и оскорблений, я был искренне рад очутиться на свежем вольном воздухе, вырвавшись, наконец, из этого ада. Я был рад и ясному морозному утру, и снегу, что весело похрустывает под ногами, лёгкому ветерку, который обвеивает голые щёки и руки, забивается под душегрейку и холодными струйками пробегает по мне, заставляя вздрагивать всё тело, словом тому, что я мыслю, чувствую, живу, существую, что страшный кошмар миновал, что мне удалось вырваться, наконец, из рук цивилизованных грабителей, сухопутных цивилизованных пиратов 20-го века и той предательской западни, в которой я так неожиданно очутился.

Но, радоваться, в сущности, было нечему, впереди было тоже немного утешительного. Куда я пойду, что буду делать, к кому должен явиться по начальству и как теперь примут мою явку. Одно дело, если бы мне удалось сохранить поезд со всем вверенным мне имуществом, командой и документами, или если бы поезд был разграблен красными, и совсем другое, когда я ославлен как комиссар, избит, ограблен, без формы, без документов, без вверенного казённого имущества и с разбежавшейся командой. Но в данный момент все эти вопросы как-то не приходили мне в голову. Совершенно

машинально добрёл я до домика машиниста Х., где проживала семья нашего фотографа Мурзаева и где был я всего раза три или четыре вечерком попить чаю в семейном доме, да перекинуться от нечего делать в бб, когда сидеть в вагоне становилось уже слишком невыносимо.

Как я прошел по улицам сонного города, я совершенно не помню. Знаю только, что ни один патруль, ни один часовой меня не окликнул, не остановил, а между тем город был только что занят прибывшими, наконец, капеллевыми. Дом машиниста Х. был полон спящими вповалку солдатами, но хозяева были уже на ногах, да они едва ли и ложились в эту тревожную ночь. Я был искренне тронут той сердечностью и неподдельной радостью, с которой был встречен этими милыми простыми людьми. О катастрофе поезда, до момента моего избения включительно, они были уже осведомлены одним из солдат нашей команды, скрывшимся во время свалки, фотографа М. Я отпустил немного раньше к семье, и по-видимому, уже не чаяли видеть меня живым. Меня окружили таким вниманием и заботливостью, какие не всегда встретишь даже среди родных.

Когда опасность миновала, нервное напряжение разрешилось бурной реакцией. Меня всего трясло, как в лихорадке, и только теперь я почувствовал страшную усталость во всём теле, сильную головную боль и то, что едва владею правой рукой. Локоть посинел и распух, а мысли в голове мелькали, как в калейдоскопе, перескакивая с предмета на предмет без всякой логической связи, как в бреду. Я едва мог связать несколько фраз, чтоб закончить печальную историю ограбления поезда, начало которой было уже известно моим радушным хозяевам. В этот момент я, вероятно, был похож на помешанного. Напив меня почти насильно горячим чаем, меня уложили в постель в комнатке, занимаемой самими хозяевами, укрыли чем-то теплым и, когда я успокоился, дали мне уснуть крепким ободряющим сном.

6 часов спокойного крепкого сна сделали своё дело. Хотя я и чувствовал ещё сильную слабость во всем организме, и голова продолжала болеть отчасти от нравственных потрясений, отчасти, вероятно, от физического воздействия союзнического приклада, но я уже мог сосредоточиться, обдумать и взвесить случившееся и понять всю неприглядную безвыходность своего положения. В самом деле, уже одним своим видом оборванца я должен был возбуждать подозрительность, а единственный сохранившийся у меня документ — удостоверение личности — не казался теперь достаточно убедительным даже мне самому. Мысли, как тяжелые жернова, едва шевелились в больной измученной голове, притом чувствовалась такая апатия ко всему окружающему, что я решил отложить явку до следующего дня, ограничившись лишь в этот день наведением кое-каких необходимых справок.

От стоявших в доме солдат мы узнали, что на сегодняшний день назначена дневка, что приходит «омская группа», составляющая головную часть отступающей армии, что вся армия движется пехотным порядком на подводах, минуя жел[езную] дор[огу], и её прохождение продлится, вероятно, не менее

1–2 недель. Не все эти сведения оказались достоверными. В частности, проход армии через Зиму продолжался в течение всего 3–4 дней, т[ак] к[ак] части армии шли разными дорогами, дабы не обедать деревни.

Т[аким] о[бразом], период времени, в течение которого я имел возможность явиться, казавшийся мне вначале более, чем удовлетворительным, на самом деле оказался много короче. Через машиниста Х. мне удалось узнать на станции, что 4-й ч[ехо]-с[ловацкий] Пехотный полк, в составе которого я имел 3–4 знакомых офицеров, которые могли бы способствовать выяснению недоразумения и подтвердить в случае надобности кое-какие факты, необходимые для моей реабилитации, и, может быть, содействовать хоть частично возвращению казённого имущества, три дня тому назад ушел на восток. Комендант станции и нач[альник] гарнизона сменились. Стало быть, об обращении к чехам нечего было и думать.

Оставалась одна надежда на команду. Вечером явились трое из моей команды и сообщили, кто, где и как устроился. Техник К., студент Л.¹ и ещё кое-кто из солдат получили места на жел[езной] дор[оге]. Им это было обещано уже давно, т[ак] к[ак] хлопотать об этом они стали с момента первого переворота в Иркутске. Двое других точно так же устроились в местной почтовой конторе, трое на местном лесопильном заводе, двое приютились временно в беженском эшелоне у земляков и, наконец, остальные просто на ст[анции] в ожидании присоединения к армии.

На следующий день (1-го февраля, понедельник) я с утра направился совместно с группой солдат отыскивать Штаб Омской группы, чтоб передать себя и команду в его распоряжение. Но отыскать его оказалось не так просто. Никто из встреченных солдат и офицеров не мог указать, где он находится. Первый штаб, куда я попал, оказался штабом одного из батальонов. Выслушав меня, с плохо скрытым недоверием, мне сказали, что штаб Омской группы стоит, кажется, в Старой Зиме — деревушке, верстах в 3–4 от станции, что насильно идти с собой никого не принуждают и желающим оставаться не препятствуют, что примыкающих к армии добровольцев принимают охотно, но им самим приходится заботиться о средствах передвижения: пешком идти нельзя, т[ак] к[ак] движутся быстро, а подвод свободных не имеется, что не имея средств к передвижению, примкнуть к армии, особенно с командой, почти немисливо. Такое положение дела поставило меня в тупик. Где взять подводы, когда у всей команды сохранилось не более тысячи рублей.

На выручку пришел один из присутствовавших офицеров. Узнав название нашего батальона, он сообщил, что в его полку есть два офицера из нашего батальона: прапорщик Маркман и шт[абс]-кап[итан] Ильвицкий. Услышав знакомые фамилии и узнав, где они стоят, я, конечно, сейчас же бросился к ним. Там меня встретили иначе. Выслушав историю ограбления поезда, шт[абс]-кап[итан] Ильвицкий сейчас же направился в штаб, чтоб

¹ Так в тексте, полное имя установить не удалось.

передать её там и спросить инструкций, как поступить с поездом и командой. Мы же с Маркманом отправились к чешскому командованию с протестом против ограбления поезда и для выяснения того, что ещё сохранилось в нём и есть ли возможность его вернуть.

Печальную картину представлял наш поезд, который всё ещё стоял в том же тупике, как и раньше, хотя уже был захвачен 1-ой ч[ехо]-с[ловацкой] Инженерной ротой. Двери кладовых вагонов поломаны, из вагонов исчезло всё мелкое имущество. Остались там только лебёдки, канаты и проч[ие] неудобно переносимые громоздкие вещи; чисто железнодорожное имущество, вроде болтов и накладок, да паровой копёр с локомотивом, причём с последнего была обснямана вся медная арматура. Моё детище — фотолаборатория, которую я оборудовал и которой заведывал в течение более полуторах лет была превращена в полнейший хаос. Не знавшие толку громилы вскрыли коробки со свежими пластинками и светочувствительной бумагой, и битое стекло, и потерявшая ценность бумага толстым слоем покрывала весь пол вагона, ценный большой аппарат (размер 30 на 40) с анастигматом Цейса, конечно, исчез вместе с кассетами и стативом. В тёмной камере не уцелело даже красное стекло, вмазанное в оконную раму, которое разбили громилы по-видимому прикладами, чтоб пустить свет. И весь этот вандализм произвели люди, смеющиеся хвалиться перед нами своей культурностью.

— Русские все сволочи и свиньи, — слышалось несколько раз в памятный день 30-го января.

Может быть и так, мы прекрасно сознаем свою некультурность и темноту. Ну, а чешские солдаты-громилы, не сволочи? — спросили в свою очередь мы, — а чешские офицеры, отбিরавшие у русских офицеров всё имущество, все деньги за то только, чтоб укрыть их в своем поезде от красных и потом заставлявшие их ещё работать за конюхов или в качестве денщиков чистить им сапоги, — эти чешские офицеры не свиньи? Нет, голубчик, «чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться». Мы теперь, слава Богу, знаем цену пресловутой культурности немцев и чехов и проч[их] не менее славных и культурных народов. И если война, эта несчастная проклятая война, имеет какие-либо положительные стороны, то это познание, несомненно, одно из самых главных.

Мы не только некультурны, но и тупы. Каждый исторический урок нам обходится очень и очень дорого. Мы, как институтки, не можем обойтись без обожания и кумира. Вечно отыскиваем и творим новых божков, раболепно преклоняя колена, и мажем им рыло сметаной, пока, наконец, в один прекрасный день не убеждаемся окончательно и всегда самым печальным образом, что наш божок оказался самым обыкновенным грубым намалеванным болваном. Так было с немцами, так было с чехами, так будет, несомненно, и с японцами, которых мы теперь начинаем боготворить.

Но, извиняюсь за отступление. Начальник ч[ехо]-с[ловацкого] гарнизона выслушал истину ограбления поезда и подтверждение прап[орщика]

Маркмана, что поезд действительно принадлежит Сибир[ской] армии и что об этом инциденте уже доложено в штаб группы, рассыпался в извинениях по моему адресу и обещал принять самые решительные меры к расследованию этого инцидента и просил дать ему письменное изложение происшедшего, дабы дать надлежащий ход делу. С эти мы и расстались.

Шт[абс]-кап[итан] Ильвицкий сообщил, что выяснять дело и требовать о возвращении от чехов казённого имущества штаб не имеет возможности, т[ак] к[ак] уже получено приказание двигаться дальше, что я и часть команды, человека 3–4, если пожелаем, можем присоединиться к ним, остальные пусть примыкают к проходящим частям одиночным порядком. Мне лично названные офицеры предлагали устроиться вместе с ними, но воспользоваться этим заманчивым предложением мне не пришлось, к сожалению.

Прежде всего, я должен был предупредить свою команду и указать им порядок присоединения к армии, во-вторых, у меня не было шубы. Ехать в одной душегрейке было немыслимо, а достать шубу — мудрено. Помимо отсутствия денег, которые я, в крайности, мог одолжить у этих офицеров, необходимо было ещё время, а его-то как раз и не оказалось. Пока мы сообщали друг другу результаты, получилось приказание «вытягиваться», и мне волей-неволей пришлось отложить своё присоединение до другого благоприятного случая.

На другой день я подал копию рапорта начальнику ч[ехо]-с[ловацкого] гарнизона ст[анции] Зима, подлинник которого рассчитывал подать по команде в штаб армии, что мне удалось сделать только по прибытии в город Читу. А ещё через день пошёл справиться о наложении резолюции. Как и следовало ожидать, дело откладывалось в долгий ящик. Копия с моего рапорта, якобы, ушла в Иркутск ген[ералу] Жанену¹ на рассмотрение. Ясно, штаб Омской группы из Зимы ушёл, штаб армии не проходил, неприятных разговоров с русским командованием не предвиделось, а поэтому и дело можно было отложить совершенно спокойно. И я, кроме личных извинений г[осподина] полковника Кра 10-го ч[ехо]-с[ловацкого] полка ничего не получил.

Но представь моё удивление и радость, когда на вокзале я совершенно неожиданно нос к носу встретился с Юрием и Николашкой.² Казалось, сама судьба послала их мне на помощь. Юрий, одетый в солдатский полушубок и в свой красный дождевик с пелериной, делавшей его похожим на ксёндза, таскал в руках свой бешмет и с первых же слов заявил, что он уже два раза

¹ Жанен, Морис (1862–1946) — французский военный деятель и дипломат, генерал, участник Гражданской войны в России. С января 1919 г. — представитель Высшего межсоюзного командования и главнокомандующий союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке. В декабре 1919 г. поддержал восстание против колчаковского правительства в Иркутске. Санкционировал выдачу А. В. Колчака Политцентру, что впоследствии привело к его расстрелу.

² Племянники И. А. Молчанова — Юрий Романович Лариков и Николай Владимирович Молчанов.

покушался его бросить, да всё жаль было. Теперь, говорит, кажется, решусь, слишком уж он мне надоел.

— Так дай лучше мне, у меня как раз вся беда, что нет шубы.

— Вот и отлично, забирай, пожалуйста, не бросать, по крайней мере.

— Но почему ты сам не наденешь его, а полушубок бы дал мне.

— Нет, бешмет не входит на душегрейку, а без неё холодно.

Я сейчас же завладел бешметом, который мне пришёлся как раз впору даже на душегрейку, сбежал проститься с любезными хозяевами, захватил свои скудные пожитки и примкнул к ним с тем, чтобы уже ни в горе, ни в радости не разлучаться. Война и постоянная грозящая опасность делают нас невольно религиозными и даже суеверными. Недаром суеверны все моряки и все побывавшие на войне. Эту чудесную встречу я считал и считаю за указание, посланное мне свыше.

ПО СПОСОБУ АМЕРИКАНСКИХ МИЛЛИАРДЕРОВ

Прошлое письмо я закончил чудесной встречей с племянниками. По возвращении из города, куда мы ходили с Юрием за моими пожитками, на вокзале встретили шт[абс]-кап[итана] П. Бедняга едва двигался после перенесённой тяжелой болезни.

— Сегодня, — говорил он, — кончается срок моего пребывания в больнице. Куда я теперь денусь?

Я познакомил его с Юрием и Колей и сообщил, что думаю двинуться с ними. Он долго колебался, не примкнуть ли к нам, но, в конце концов, решил обождать ещё суток трое в надежде, что за ним приедет жена из Иркутска, но, кажется, прогадал. Сообщение с Иркутском так и не восстановилось, и ему едва ли удалось выбраться из Зимы. Впрочем, и с нами досталось бы ему солоно. Слабый, едва оправившийся от болезни, он едва ли смог бы выдержать это сногшибательное путешествие.

Ты, вероятно, помнишь картинку, одно время обошедшую почти все наши иллюстрированные журналы, где изображён большой американский паровоз. На площадке между передними его буферами сидят несколько фигур в автомобильных очках, меховых шапках, укрытые теплыми пледом и проч[ее] и подписано: «Как любят ездить американские миллиардеры». Во время нашего путешествия нам часто вспоминалась эта картинка, и мы не раз подтрунивали над Колей, что потомки русских миллионеров¹ оказались изобретательнее своих американских коллег и в погоне за сильными ощущениями не довольствуются одними паровозами, но любят ездить также на тендерах, в углярках, на тормозах, на буферах, на крышах вагонов, на угле, на сене с лошадьми и проч[ее], и проч[ее]. И даже пешком по шпалам, так сказать, с экстренным поездом. Действительно, как только мы не ехали!

¹ И. А. Молчанов, Ю. Р. Лариков и Н. В. Молчанов были выходцами из семей состоятельных сибирских купцов.

Вспоминалась мне не раз также и другая картинка. Когда я ехал в первый раз с братом Фёдором в Германию,¹ нам пришлось проезжать через Варшаву и Александрово. На одной из маленьких промежуточных станций Доря обратил моё внимание на массу евреев в длинных чёрных лапсердаках, разгуливавших по платформе вокзала, и что удивительнее всего, разгуливали по два-три человека, не сбиваясь в кучу, не жестикулируя и даже почти не разговаривая друг с другом. Это было действительно необычайно. Дело объяснилось скоро и очень просто. Дали третий звонок, и, свистнув два раза в ответ кондуктору, поезд наш плавно тронулся с места. Вдруг, точно по мановению волшебного жезла, картина резко изменилась. Все эти лапсердаки, чинно и важно прогуливавшиеся по платформе, точно по команде, подвернули свои фалдочки и бросились врассыпную к поезду. Жандармы, тихо дремавшие до того времени у вагонов, так что даже я их не заметил, кинулись им наперерез, хватая, кого за шиворот, кого за фалды. Перемена была столь неожиданна и забавна, что я невольно ещё долго смеялся, её вспоминая. Это были зайцы, чаявшие бесплатного проезда в нашем поезде.

Теперь роль этих зайцев приходилось разыгрывать нам. Попасть в чешский эшелон, даже на тормозную площадку, русскому было труднее, чем в царство небесное, а других поездов не было. Поэтому, узнав окольными путями, который из эшелонов должен первым двинуться со станции, мы избирали соответствующую позицию. Если было не очень холодно, мы складывали свои манатки где-нибудь в укромном уголку, а сами с невинным видом прогуливались около поезда в ожидании сигнала к его отправлению. Если же бывало зверски холодно, а это бывало почти всё время, забирались в ближайшее отапливаемое помещение — будку стрелочника или водогрейку — и там ожидали отправления. Как только поезд трогался, мы стремглав летели к нему, хватались за что ни попало и, держа в одной руке свои пожитки, другой карабкались или на тендер, или на углярку (в каждом чешском эшелоне шел вагон с углем), или на крышу американского вагона, как будто нарочно приспособленного для подобного рода пассажиров.

В ночь с 3-го на 4-е февраля выехали мы из Зимы и только 8-го вечером прибыли в Иннокентьевскую, т[о] е[сть] пять долгих суток, и при том на зверском морозе ехали мы этот злополучный участок. Несколько перегонов ехали мы в углярке одного чешского эшелона, где в конечном счёте к нам уже настолько привыкли, что не ставили препятствий к посадке, и нам не приходилось прибегать к заячьему приёму. Скверно было только одно, помимо, конечно, холода, что углярка была рядом с паровозом, и на ходу нас засыпало сажей и искрами, прожигавшими одежду. После этого нам посчастливилось попасть в румынский интендантский поезд. Здесь нас, хотя и не пустили в теплушки, но по крайности не были враждебно настроены, и мы, с разрешения начальства, устроились на гружёной сеном платформе. Это

¹ И. А. Молчанов после окончания реального училища побывал в Германии, Италии, Франции, Австрии, учился во Фрайбергской горной академии.

было, пожалуй, наиболее комфортабельное перемещение за всю дорогу. Выкопав нору в сене, мы забирались в неё с головой и ногами, вход закрывали Юркиным дождевиком или просто клочками сена и могли спать там, не боясь ознобить ноги. В сене ехали мы около двух суток и немного отдохнули за это время, но на одной кормёжке, когда мы расположились по-человечески пообедать у одного железнодорожного служащего, наше сено уехало, и нам снова пришлось биться на перекладных.

Один перегон ночью, я не помню между какими станциями, по знакомству, нам удалось даже попасть внутрь паровоза, но такое счастье было, конечно, исключением. Из Половины в Батарейную нам пришлось ехать снаружи на паровозе, «как любят ездить американские миллиардеры», и, признаться, я несколько не завидовал им. Было несколько ниже 30°R, что в связи с резким, пронизывающим ветром, особенно сильным по долинам р[ек] Белой и Китоя, не доставляло ровно никакого удовольствия. Юрий, чтоб сохранить свой нос, — он у него был особенно слаб к морозу, — уткнулся им в теплую обшивку паровоза, накрыв голову широченной пелериной своего дождевика, но, увы, это не помогло делу. Острый ветер то и дело срывал пелерину с головы и, пока он снова успевал закутываться, либо щёки, либо нос были уже белыми. Кажется, раз пять или шесть он ознобился на этом перегоне.

Спали мы в течение этих пяти суток где попало и как попало: то в будках стрелочников в ожидании первого поезда, то останавливались специально для этого у кого-нибудь из железнодорожных служащих, когда становилось невтерпёж. Ели тоже где и что придется, то молоко, то консервы, то просто корочку мёрзлого хлеба. Главный недостаток мы испытывали в хлебе, который от железнодорожных служащих нельзя было достать ни за какие деньги: они сами нуждались в нём. В Батарейной ребятам удалось купить несколько банок консервов и две пары бурковых сапог у чехов, разграбивших казённые интендантские склады. Наши запасы опять пополнились, что очень пригодилось в дальнейших переходах в Забайкалье.

8-го к вечеру добрались мы до Иннокентьевской, причем последние пять-шесть вёрст сделали пешком. Что там творилось в этот момент, не поддаётся описанию. Иркутск не был взят, несмотря на неоднократные попытки. Красные успели укрепиться в предместьях и приготовились к решительной обороне города. Образовалась пробка. Движение как чешских эшелонов, так и наших войск остановилось. Весь этот стремительный людской поток, встретив неожиданное препятствие на своем пути, поднялся грозной бурлящей волной и затопил окрестности. Посёлок буквально кишел войсками, мирные жители точно вымерли. Кроме солдат никого нельзя было встретить ни в домах, ни на улицах. Поселковые лавчонки разнесли и из них тащили кто что мог. Голодные солдаты группами бродили по посёлку в поисках чего-нибудь съестного. Офицеры, если сами не участвовали в этих походах, то не хотели, а, пожалуй, и не могли предотвратить их. Слишком уж это носило стихийный характер. Уцелели только железнодорожные служащие.

У них не было даже постоя, несомненно, благодаря покровительству чехов, которые старательно избегали ссориться и даже заигрывали с ними, только бы не встретить с их стороны препятствий в своём движении на восток. Но и у ж[елезной] д[ороги] царила паника в ожидании предстоявшего боя и бомбардировки станции. Носились слухи о совместной с чехами атаке города, которые потом не оправдались.

Достать ничего на вокзале, конечно, было нельзя. Приткнуться нам было тоже некуда. Случайно у меня оказалось знакомство с начальником участка ещё с прошлого года. Волей-неволей пришлось отправиться к нему просить приюта. Приняли нас там хотя и не очень радостно, но всё же приютили и накормили. Вечером открылась пальба по городу, — это наши части нащупывали позиции противника. 9-го с утра ребята отправились выяснять положение. Оказалось, что наше командование отказалось от мысли занять город. Чтобы взять город во что бы то ни стало, потребовалось бы затратить массу энергии и положить много людей, да и то трудно было рассчитывать на успех, имея в виду усталость и падение дисциплины утомлённых небывалым походом войск, между тем, овчинка не стоила выделки. Войска наши двигались походным порядком на подводах, поэтому занятие Иркутска для них не являлось необходимостью. Чехам тоже не было смысла затевать бой с большевиками, тем более что Иркутск согласился пропустить чешские эшелоны, хотя и не более 4-х поездов в сутки, при условии самого строгого контроля людского состава.

Ехать ж[елезной] д[орогой] нам, следовательно, не представлялось возможным. Необходимо было присоединиться к какой-нибудь части во что бы то ни стало. Наши отыскали штаб Воткинской дивизии и были зачислены в ряды в качестве добровольцев, записав также и меня. Так совершилось наше вступление в ряды Добровольческой армии, а вместе с тем и на «Чёртовы качели», с которых, кажется, нет иного выхода, как об землю головой.

В тени косматой ели
Над сонною рекой
Качает чёрт качели
Корявою рукой.
Качает и смеётся —
Вперёд, назад,
Вперёд, назад,
Доска скрипит и гнется.
О сук тяжёлый трется
Натянутый канат.
В тени косматой ели
Хохочет голубой:
«Попался на качели, —
Качайся, чёрт с тобой».¹

¹ Из стихотворения Ф. Сологуба «Чертовы качели»

Один, как видишь, докачался — теперь очередь за нами с Юрием. (Николай¹ умер от тифа).

Много воды утекло уже с тех пор, много за это время было прожито и пережито, но и до сих пор я ещё не разобрался в тех чувствах, с которыми я шёл вступать в Воткинский полк. Смутные это были чувства, хотя едва ли смог бы сказать почему. Предубеждения против них у меня не было, да и не могло быть. Скорее наоборот, поскольку мне приходилось слышать о них, я должен был считать их за испытанных и стойких борцов, не сложивших оружия, несмотря на все превратности судьбы. Перспектива попасть в их среду могла бы казаться скорее заманчивой, чем печальной. Но какое-то странное предчувствие, мрачное и тяжёлое, сжимало мне грудь, когда мы отправились записываться. Именно предчувствие, ибо, как я ни анализирую теперь все мои переживания, я не могу подобрать иного определения этому томительному и тревожному чувству. И это предчувствие не обмануло меня.

Первые впечатления не рассеяли и не ослабили этого предчувствия. Люди без различия пола и положения были буквально набиты в жалких лачугах пос[елка] Иннокентьевского, причем многие были в горячечном тифозном бреду и валялись на полу вперемежку со здоровыми. Уж одно это не предвещало ничего хорошего. В два часа 9-го февраля вступили мы в ряды воткинцев, а в пять часов получилась уже команда «вытягиваться». И вот изо всех дворов и закоулков посёлка потянулись подводы, группируясь поротно. Мы все трое были зачислены в 1-ю роту, и нам только сказали: «Ну, теперь ищите себе место». Но это было далеко не так просто. Здесь оказывается тяжело нагружено, там лошади худые и везут больного, если встанут, будет совсем плохо, ещё дальше едет и без того трое на одной лошади и т. д., одним словом, места нет. Двоим из нас ещё кое-как удалось пристроиться, хотя и без вмешательства ротного командира, третьему же решительно не находилось места. Случилась по счастью какая-то задержка. Пока мы с Колей обсуждали создавшееся положение, Юрий исчез куда-то, и минут через десять, когда обоз уже двинулся, и мы уже начинали беспокоиться, как бы он не отстал, Юрий появился уже верхом на только что купленном коне. Счастливый случай помог нам и тут.

Наша рота, как первая рота Егерского батальона, оказалась во главе колонны, непосредственно за Конным эскадромом и штабом. Длинная чёрная лента обоза, как гигантская змея, тронулась далеко за нами, и хвост её ещё не вышел из поселка, когда мы, миновав переезд и длинный пологий скат, выехали на Иркут и круто под прямым углом завернули вверх по нему. В быстро наступающих зимних сумерках поползла эта гигантская змея, извиваясь и поблёскивая огоньками зажигаемых папирос, сначала вверх по Иркуту через четыре сонных взбудораженных нашим появлением деревушки,

¹ Спутник И. А. Молчанова Николай Владимирович Молчанов умер от тифа в 1920 г.

потом в гору правого склона, в густой тёмный лес. Дорога сначала торная, хорошо накатанная, превратилась мало-помалу в узенькую лесную дорожку, а затем исчезла совершенно. Но это не остановило гигантскую змею. Пробиваясь то через девственную тайгу, то попадая на случайные просеки и тропинки, то снова забираясь в почти непроходимые трущобы, продолжала она свое почти стихийное движение на восток, и только задумчивый лес со снежными шапками на черных деревьях-великанах да яркие звезды, мерцавшие в ясном морозном воздухе, были молчаливыми свидетелями её движения.

Впрочем, мы не были первыми, проложившими путь через эту тайгу. Впереди нас прошла колонна третьей Иркутской дивизии. Кое-где попадались потерпевшие аварию сани, а на второй половине пути стали встречаться и брошенные лошади, бродившие, как привидения, около тех мест, где они были оставлены, не имея сил выбраться к жилью. Эти знаки, оставленные помимо воли впереди шедшей колонны, служили нам путеводными вехами. Но их было не так уж и много, и мы несколько раз сбивались с пути при пересечении мелких лесных дорожек, служащих для вывоза леса к Иркутску.

Только к 10-ти часам утра добрались мы, наконец, до Михалёва. И люди, и лошади были порядком утомлены этим длинным ночным переходом по тайге почти без дорог и почти все время быстрым форсированным маршем. Нужно думать, что мы сделали не меньше 60–70 вёрст, двигаясь непрерывно в течение 15-ти часов. Только одна маленькая остановка была у зимовья угольщиков, где в продолжении 2-х часов дали передохнуть лошадям, да и люди могли немного отогреться. Но и здесь, в Михалёво, отдыхать было нельзя. Враждебный Иркутск был ещё слишком близко. Едва попив чаю, — для варки пищи не было времени, — и покормив лошадей соломой, ибо больше ничего для них достать было нельзя, т[ак] к[ак] Михалёво было уже объедено впереди шедшей колонной, скомандовали «вытягиваться», и змея со скрипом и свистом вновь поползла к востоку. Днём ехать было веселее, да и дорога по Ангаре была много легче, но лошади бежали невесело, и невольно вкрадывалось сомнение за благополучный исход путешествия. Нам уже пришлось сделать перепряжку в Михалёве. Одна из пары лошадей, на которой ехал я с солдатом, устала. Пришлось заменить её лошадью Юрия, и т[аким] о[бразом] мы с ним оказались на одной подводе, на которую теперь, благодаря собственной лошади, имели полное право, чем дальше, тем больше укреплявшееся давностью.

Несколько деревень больших и богатых миновали мы по берегу Ангары до Байкала, но надежды наши заночевать в какой-нибудь из них, покормить лошадей и отдохнуть, не оправдались. Из Михалёва выехали мы около полудня, но вот опять солнце село за скалистыми склонами прибайкальских гольцов, а мы всё едем и едем. С Байкала потянул резкий холодный ветер. Дорога стала гористой и песчаной, т[ак] к[ак] ехать по Ангаре было нельзя. Она в этом месте не замерзает. Дорога проходит по песчаным увалам правого её берега. Лошади стали заметно сдавать. То и дело происходят остановки

для перепряжки лошадей. Вот одна из впереди идущих подвод стала — лошадь не может идти дальше. Происходит минутная остановка, а затем весь поток с неудержимой силой направляется дальше в обход злополучной подводы, предоставляя несчастным пассажирам разделяться, как им будет угодно.

Поздно ночью добрались мы, наконец, до Лиственичного. Это большое, вытянувшееся на несколько вёрст по берегу Байкала село, было сплошь забито проходящими войсками. Приткнуться буквально некуда. Большая улица (едва ли не единственная во всем селе), забита подводами в три ряда. К довершению несчастья, порядок следования колонны, благодаря многочисленным и частым остановкам и последующим подтягиваниям, нарушился, и мы, — да и не одни мы, — потеряли свою часть. Пришлось в этой сутолоке и неразберихе отыскивать район расположения своей части самим, и только к 4-м часам утра 11-го добрались мы до отведенной нашей роте квартиры — в конторе Байкальского пароходства.

Две бессонных ночи и непрерывная езда в течение полуторых суток давали себя чувствовать, но прежде было необходимо позаботиться о лошадях. Предстоял ещё громадный переход через Байкал. Выдержат ли наши орлы это испытание? Здесь в ледяной пустыне Байкала этот вопрос вставал с такой же острой настойчивостью, как и в жгучих песках Аравии, где гибель коня влечет и неминуемую гибель всадника. Нам посчастливилось найти в из одном сараев пароходства немного сена для своих лошадей, и через какие-нибудь полчаса мы со спокойным сердцем храпели на лавках и столах в тесной конторе пароходства.

В Лиственичном дали отдохнуть сутки. В 2 часа ночи на 12-е мы выступили из Лиственичного сначала вдоль берега Байкала на Голоустное с тем, чтобы оттуда по прямой линии пересечь Байкал на Мысовую. Как я уже успел упомянуть, нам посчастливилось достать сена в Лиственичном для своих лошадей, но, по-видимому, не всем выпало на долю такое счастье. Лошади же были подорваны предыдущими полуторасуточными переходами и, если не сумели или не смогли покормить лошадей в Лиственичной, они неминуемо должны были погибнуть.

Дорога по гладкому ровному льду Байкала была бы идеальна, если б не сильный встречный ветер. Под действием этого ветра некованные или плохо кованые лошади едва могли идти даже под всадниками, а упряжка, как бы она ни была незначительна, парусила ещё больше. На протяжении 40-ка вёрст от Лиственичного до Голоустной я насчитал 78 брошенных и павших лошадей, т. е. почти 2 на версту, а мы ещё шли в голове 2-й колонны. Дальнейший переход от Голоустной на Мысовую был ещё более убийственным. В Голоустном мы простояли всего часа три. В этой маленькой рыбацкой деревушке нам едва удалось добыть несколько клочков сена для лошадей. Сильный с утра с[евер]-в[осточный] ветер (Баргузин) крепчал с часу на час, и к полудню превратился в настоящую бурю, при этом снега не было,

но снежная пыль, или, вернее, какая-то серая непроглядная мгла, нависла в воздухе, как вуаль, стирая контуры гор и мешая различать предметы даже вблизи.

На Байкале снега тоже не было: сильный ветер давно уже вымел его начисто, и по гладкому, как зеркало, прибрежному льду лишь едва намечалась слегка протоптанная дорожка, не дававшая никакого упора ногам плохо кованых лошадей. А ветер крепчал и крепчал. Теперь при пересечении Байкала он был нам влоборота навстречу с левой стороны. Сани буквально срывало с дороги и как флюгер поворачивало в лоб навстречу ветру, причем лошадей часто совершенно сбивало с ног оглоблями. Бедные лошади могли с трудом удерживаться на дороге и вынуждены были двигаться как-то боком, приспосабливаясь к необычному положению саней.

Нечего и говорить, что ветер этот проникал во все швы и поры одежды, пробегал холодными струйками по спине и леденил, казалось, не только тело, но и душу. Один из впереди едущих, укрываясь от холодного ветра, привстал, чтобы накинуть на плечи меховое одеяло. Но едва он развернул одеяло, как беднягу сбросило ветром с саней и покатило по скользкому льду вместе с его злополучным одеялом. Спутник его, желая помочь товарищу, выскочил было из саней, но едва он ступил на чистый лед, как его сбilo с ног, и он ползком едва выбрался на дорогу. Каково была дальнейшая судьба человека с одеялом, — выяснить не удалось. Мы видели только, что с каждой попыткой несчастного справиться и выбраться на дорогу, его уносило всё дальше и дальше. Стремительный живой поток быстро увлек нас от этого злополучного места, и несчастный человек с одеялом и ожидающая его подвода скоро потонули в серой мгле наступающих сумерек.

Короткий зимний день погас раньше, чем успели проехать десяток вёрст от берега. Скоро всё потонуло во мраке, без единого маячащего где-либо огонька, без одной звёздочки на небе. Только необозримая ледяная пустыня кругом как бы придвинулась ближе, угрожая поглотить нас, и приняла зловещий и мрачный матово-серый оттенок. Юрий зарылся с ногами и головой в жалкие остатки соломы на дне нашего короба и дрожал, как в лихорадке. Третий наш спутник — солдат Трофим Перевозчиков — то бежал около саней, придерживаясь за них рукою, чтобы не унесло, то забивался носом в солому. Я должен был править. Полуоборотный встречный ветер резал глаза, вызывая на них слезы, которые тотчас же застывали капельками на ресницах и смыкали глаза. Всё время приходилось оттаивать то один, то другой глаз. За этим занятием я совершенно не заметил, как ознобил висок, бровь и переносье в виде полосы, шириной в палец. Это, кроме глаз, было единственным обнаженным местом между воротником и папашой. Знак этот остаётся и поныне в виде грязных пятен на лице и останется, вероятно, до могилы.

Но больше всего доставалось, конечно, лошадям. Бедные измученные животные гибли десятками. Более 120-ти павших и брошенных лошадей насчитал я, пока не сбился со счёта, а ещё ни одного огонька не было видно

впереди, и по времени мы успели сделать лишь немного больше половины пути. По позднейшим данным при переходе через Байкал погибло больше 1000 лошадей, и в этом нет ничего невероятного. Эти брошенные лошади были единственными вехами, указывавшими путь отставшим или оторвавшимся от общей цепочки обоза. И чем дальше мы подвигались, тем чаще и чаще попадались эти вехи. Сначала они попадались поодиночке изредка, потом чем дальше, тем чаще, наконец, группами по 3–5–6 и даже десять голов разом. Иные в предсмертной агонии валялись на самой дороге и уже не в силах были реагировать на удары, набегавших на них саней. Другие силились приподняться, но после немногих тщетных попыток вытягивались на скользком льду, безропотно ожидая своей участи. Только немногие из них, ещё не окончательно выбившиеся из сил, оправлялись и, передохнув немного, уныло брели вслед за обозом, как привидения или какие-то мрачные порождения байкальской мглы. Ты можешь представить себе сама, какие мрачные мысли навевались этой гнетущей картиной.

Глубокой ночью пришли мы в Мысовую, сделав опять почти непрерывный суточный переход через 100-вёрстную ледяную пустыню, и потери этого перехода оказались более ощутительными. Несколько человек тифозно-больных умерло на этом пути. Несколько человек пропало без вести. Несколько десятков серьезно познобили конечности, и мы потеряли чуть не $\frac{1}{4}$ конского состава. И если ещё можно чему-нибудь удивляться, так разве только выносливости сибирского коня.

МЫСОВАЯ. «НЕТ ХЛЕБА, НЕТ МЯСА»

С переездом через Байкал мы вышли из соприкосновения с противником, и могли бы получить вожделенный отдых после этого небывалого в истории перехода, но Мысовая была мало пригодна для этого. Как всё Прибайкалье, Мысовая питается исключительно привозным хлебом, поэтому её население уже давно питалось впроголодь и, конечно, об излишках и запасах нечего было и думать. Ни хлеба, ни сена достать было совершенно невозможно. В течение полуторасуточной днёвки мы питались исключительно мороженой ягодой, а лошадей кормили полученной соломой и жалкими клочками сена, выхваченными где-нибудь из-под спуда у местных жителей. На вокзале были расклеены обширные плакаты — приветствие атамана Семёнова доблестным каппелевским войскам с обещанием мирного приюта и гостеприимства в счастливой Аркадии Семёновского Забайкалья, но, увы, к хорошим словам «добро пожаловать» доблестный атаман не догадался прибавить ничего более существенного для истомлённых небывалым походом войск генерала Капшеля. Немудрено потому, что всё, что можно было обнаружить во дворах и амбарах бедных мысовичей из фуража и продовольствия, — безжалостно отбиралось и съедалось этой тучей голодной саранчи, свалившейся так неожиданно на голову из-за Байкала.

Впрочем, Мысовая не была исключением. Почти для всех деревень, по которым нам приходилось проходить, мы являлись бичом Божиим. Да это

и не могло быть иначе. Пала лошадь — необходима замена. В лучшем случае несчастному владельцу уплачивается небольшая сумма «по соглашению». Но кто же согласится продать лошадь, прокормив её до весны, на «сибирки», на которые ничего не купишь, и которые с каждым днем падают всё ниже и ниже. Ясно, что сделка пахнет насилием. В худшем случае дело происходило ещё преступнее. Так же обстояло дело с приобретением фуража, мяса и хлеба. И если смотреть объективно, то нельзя обвинять войска, ибо перед ними стояла одна дилемма: или деликатничать и погибнуть, или уцелеть самим ценой благосостояния нескольких деревень, случайно оказавшихся на пути. Очевидно, выбирать было не из чего. С одной стороны ставилось благосостояние, с другой — собственная шкура.

Частная коллекция И. О. Собенниковой. Машинописная копия.

М. В. Михеев, Г. Н. Шумкин

ВОПРОС ОБ ОБЬ–УРАЛО–БЕЛОМОРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ, В СВЯЗИ С НОВЫМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ ПОСЛЕДНЕГО ВРЕМЕНИ

Вторая половина XIX — начало XX вв. стали временем активного железнодорожного строительства. Железные дороги соединяли разрозненные регионы страны в единое пространство, связывали их с политическим и экономическим центром, с морскими портами, с границей, создавали условия для эксплуатации прежде «втуне лежавших» богатейших природных ресурсов, а также организации новых производств, задавали направление хозяйственного развития. В это время железная дорога стала маркером экономического развития — густота железных дорог (их протяженность на одну квадратную версту) стала столь же значимым показателем, как и объемы выплавки чугуна и добычи каменного угля на душу населения.

Одним из стратегически важных направлений строительства железных дорог было соединение Архангельска с Уралом или бассейном р. Обь. Существовавший с конца XIX в. путь из Сибири к Белому морю, организованный специально для того, чтобы исключить конкуренцию сибирского хлеба в Европейской России с хлебом местных производителей, направив его напрямую в Европу, был достаточно сложен. По Транссибу сибирские продукты

доставлялись в Челябинск, затем через Екатеринбург, Пермь, Вятку направлялись по железной дороге в Котлас, там перегружались на суда и сплавлялись по Северной Двине к Архангельску. Строительство прямого широтного пути от Архангельска прямо на восток до Северного Урала должно было не только избавить перевозчиков от необходимости перевалки грузов, но и, самое главное, открыть широкие возможности хозяйственного освоения Русского Севера, Северного Урала и Приобья; способствовать организации «правильной» эксплуатации тайги, освоения месторождений полезных ископаемых — каменного угля, графита, нефти, серы, золота, железных руд. Успехи мощнейшего Надеждинского комбината, возведенного на границе Северного и Среднего Урала в середине 1890-х гг., наглядно показывали перспективы развития горнозаводской промышленности Урала — всё дальше на север. Рассматривались самые разные последствия строительства дороги в Архангельск. В частности, по мнению А. Н. Митинского, ее возведение должно было ускорить минерализацию топливного баланса уральской металлургии. В конкурентной борьбе за лес металлургия должна была неизбежно проиграть, поскольку деловая древесина ценилась дороже дров, лучший лес заводы стали бы продавать лесоторговцам-экспортерам, а сами перешли бы, по примеру шведских металлургов, на использование менее ценного топлива (пни, ветки, хвоя) или, что более вероятно, стали бы активнее прокладывать пути к коксующимся углям Экибастуза и Кузбасса. По мнению чинов Лесного департамента, наоборот, активное заготовление деловой древесины в лесах Русского Севера (до 1 млн куб саж.) требовало утилизации отходов производства, вследствие чего уральские заводы получали дополнительный источник дров и древесного угля [2]. Идея соединения Белого моря (или Кольского полуострова) и бассейна р. Обь активно обсуждалась в начале XX в. [1; 3]. Самыми перспективными были два проекта — В. Н. Вольтмана и А. А. Борисова. По проекту железнодорожного инженера В. Н. Вольтмана «Обь-Урало-Беломорская» железная дорога должна была пройти от села Чемашевского на р. Оби, через Уральский хребет, Троицко-Печорск, Ухтинские нефтепромыслы, Пинегу до Архангельска. Против данного

проекта выступило земство Усть-Сысольского уезда, которое не устраивало то, что дорога должна была пройти в стороне (к северу) от Усть-Сысольска. В 1915 г. архангельский художник и полярный исследователь А. А. Борисов предложил другой проект: по его задумке железную дорогу следовало прокладывать южнее — от слияния Оби с Иртышем через Уральские горы, Усть-Сысольск на Котлас. В 1916 г., в связи с пуском Мурманской железной дороги, А. А. Борисов «удлинил» предложенный им маршрут от Котласа до станции Сорока данной дороги. По мнению А. А. Борисова, его проект обладал рядом преимуществ: во-первых, дорога должна была пройти по более лесистым и населенным районам; во-вторых, выход на Мурманскую трассу и незамерзающий Мурманский порт позволял интенсивно эксплуатировать дорогу в течение всего года, а дорога на Архангельск, по причине того, что Белое море замерзало, должна была простаивать, как минимум, по полгода. Однако Совет Министров России склонялся все-таки в пользу проекта Вольтмана. 29 апреля 1916 г. проекты Вольтмана и Борисова были рассмотрены во Втором департаменте Государственного Совета Российской империи, на котором ни один из них не был утвержден.

Публикуемый документ был выявлен в материалах, подготовленных для обсуждения названных проектов в Госсовете. Имя автора установить не удалось. Исходя из содержания документа, можно предположить, что он был подготовлен одним из сторонников первого проекта в ответ на критику А. А. Борисова. Документ публикуется по правилам современной орфографии с сохранением стилистических особенностей оригинала. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Заголовок взят из документа.

Список литературы

1. Голубев А. А. Проект трансполярной магистрали: история и современность // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2020. — Т. 42. — № 2. — С. 42–50.
2. Новоченко В. А. Итоги железнодорожных изысканий в Северном районе. Север. Орган научного северного краеведения. Под общ. ред. Л. И. Андреевского, Н. В. Ильинского и Я. И. Кузьмина. Год издания 2-й. — Вологда, 1924. — № 1(5). — Январь-февраль. — 37 с.
3. Сенин А. С. Дорога к студеному морю // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. — 2019. — № 2. — С. 46–60.

Новые обстоятельства, создавшиеся за последнее время, сводятся вкратце к нижеследующим.

1. Якобы неудовлетворительность Архангельского порта, выяснившаяся во время войны.

2. Сооружение Мурманской дороги (Петрозаводск–Мурманский порт).

3. Разные предложения отдельных лиц по железнодорожному строительству, напр[имер], Котлас–Сорока–Мурман, Пермь–Котлас–Сорока–Мурман, Обь–Котлас–Сорока–Мурман и т[ак] д[алее].

1. Архангельский порт.¹ Нельзя отрицать, что Архангельский порт не в состоянии был выполнить тех задач, которые на него были возложены за последний год; но эта неудовлетворительная работа касается только импорта и объясняется не столько замерзаемостью порта или относительной краткостью его навигации, сколько отсутствием рациональной организации в деятельности порта и неудачностью примыкания существующей Вологодско–Архангельской железной дороги к Архангельску (дорога не доходит до Архангельского порта и конечная ее станция весной даже затопляется). Что касается способности Архангельского порта к вывозу, то она может считаться фактически безграничной и нисколько не сокращается, по отношению к главной категории грузов фактом замерзания порта. В течение последних 10 лет Архангельский порт исправнейшим образом вывозил все, что подавалось к нему водными путями и по водно-железнодорожным путям, а именно — от 40 до 50 миллионов² пудов лесных грузов (в том числе свыше 200 тысяч стандартов,³ то есть 33–34 миллионов пудов пиленого леса) и от 6 до 10 миллионов пудов хлебных грузов. Если же за время войны размеры экспорта из Архангельска сократились, то конечно, причиной этого были не естественные недостатки самого порта, а отсутствие свободных судов для перевозки коммерческих грузов (речных и морских), а также приостановка правильной перевозки частных грузов на железных дорогах. Поэтому с полной обоснованностью можно утверждать, что Архангельский порт после постройки к нему железной дороги вывезет даже без удлинения его навигационного периода все количество массовых грузов, которое будет ему предъявлено, не говоря уже о том, что навигационный период Архангельского порта может быть свободно увеличен до 8 и даже 9 месяцев, если примыкание новой дороги будет сделано рационально.

2. Мурманская железная дорога и Мурманский порт. Национальное, политическое и стратегическое значение Мурманской дороги не подлежит ни малейшему сомнению. Непонятно только, почему этот порт должен считать-

¹ Здесь и далее — подчеркнуто в тексте.

² Подчеркнуто вручную карандашом..

³ Стандарт — 165 кубических фута (4,67 м³) распиленной древесины различных пород, размеров и сортов.

ся специальным спасительным портом для Сибири. Он нужен вообще для России и по теперешним обстоятельствам Петроград, Москва, Киев и Ростов и т[ак] д[алее] нуждаются в нем гораздо более, чем Сибирь. Если же, однако, он выдвигается как специальный порт для Сибири и указывается необходимость соединения его новыми железнодорожными линиями именно с Сибирью, то очевидно, эта идея основывается уже на экономических соображениях. Но именно по этим экономическим соображениям заранее можно определить, что этот порт как отдаленный от Сибири, никогда не будет основным портом для вывоза массовых дешевых грузов, а всегда останется резервным, всегда будет, так сказать, способом страхования для вывоза; основным же портом для Сибири всегда будет и должен быть ближайший географический порт, т[о] е[сть] Архангельский. К сожалению, нет возможности рассчитывать на наличие практического, дешевого и удобного порта восточнее Архангельска, но если бы такой порт был, то, конечно, Сибирь стремилась бы к нему, как к более близкому.

При учете экономического значения Мурманского порта для Сибири, нужно считаться с весьма простым фактом: расстояние этого порта при самой короткой трассе каких бы то ни было спрямительных линий (вроде Сорока–Котлас, Сорока–Котлас–Пермь и т[ак] д[алее]) будет — от Омска 3250–3300 верст, от Ново-Николаевска почти 4000 верст, т[о] е[сть] значительно дальше чем до Петрограда и примерно в таком же расстоянии как от незамерзающих балтийских портов — Виндавы, Либавы. Эти расстояния именно и указывают, что Сибирь прямым железнодорожным соединением в Мурманске не будет устроена также, как не устроена она¹ и теперь.

3. Рассматривая новые обстоятельства, указанные выше в пункте 2,² надлежит сделать в главных чертах сравнение между тремя железными дорогами: а) Обь–Урало–Беломорская ж[елезная] д[орога], б) Котлас–Сорока–Мурман или Пермь–Котлас–Сорока–Мурман и в) Обь–Котлас–Сорока–Мурман (проект художника Борисова). При этом нельзя, прежде всего, не обратить внимания на то обстоятельство, что лишь первая из названных дорог может считаться проектом в смысле определенного предложения, остальные же проекты являются лишь предположениями, высказанными в газетных статьях.

При сравнении названных трех железнодорожных линий надлежит для краткости ограничиться рассмотрением их экономики по отношению к трем категориям грузов, а именно: к лесным, хлебным и горнозаводским. Все остальные соображения о грузах, вроде рыбы, меха, дичи и пр[очего] казались бы не стоит принимать во внимание.

Лесные грузы. Лесные грузы, конечно, наиболее чувствительны к железнодорожным расстояниям; фактические максимальные пробеги их по сети редко превышают 1200–1500 верст, конечно за исключением особо ценных

¹ «Она» — впечатано между над строкой.

² Исправлено в ручную карандашом с «3» на «2».

лесов. Если взять линию непосредственного соединения Сибири с Мурманом, т[о] е[сть] Пермь–Котлас–Сорока, или Котлас–Сорока, то несомненно лесные грузы из Сибири не могли бы по этой линии вывозиться вследствие дальнего расстояния до Мурмана¹ [в] 3300–4200 верст (от Омска или Ново-Николаевска), ибо они вследствие такого же дальнего расстояния не вывозились и не могли вывозиться и до Балтийских портов. Но помимо этого чисто тарифного соображения, необходимо принять во внимание, что сибирские лесные массивы находятся в бассейнах Иртыша и Оби к северу от существующей Сибирской магистрали, т[о] е[сть] к низу по течению названных рек от пересечения их сибирской железной дорогой; таким образом, сплав этих лесов к сибирской магистрали невозможен, так как вывозить их со сотни и тысячи верст к железнодорожной станции против течения, очевидно невыносимо.* Таким образом, непосредственное соединение существующих сибирских дорог с какими бы то ни было портами не даст никаких результатов для эксплуатации лесных богатств Сибири. Вот почему и возникла давно мысль о том, чтобы построить железную дорогу к какому-либо порту (конечно дешевлешему и ближайшему) от реки Оби и притом ниже слияния ее с рекой Иртышем, чтобы в одном пункте схватить сибирские лесные грузы всех водных бассейнов, подобно тому, как Волжские лесные грузы, сплаваемые по Волге, схвачены в Царицыне и направляются в Ростов или Новороссийск. Теперь сравним две линии от Оби: Обь–Архангельск² и Обь–Котлас–Сорока–Мурман.³ Обь–Архангельск даст расстояние железнодорожных перевозок 1200 верст. Обь–Котлас–Мурман — около 2400 верст, т[о] е[сть] в первом направлении за пуд леса заплатят 12 коп[еек], а во втором — 24 коп[ейки]. Эта переплата, конечно, не оправдывается незамерзаемостью, т[о] е[сть] возможностью вывозить лесные грузы даже зимой, так как в большинстве случаев лесной груз является сезонным и сплошь и рядом лесопромышленники предпочитают пилить лес зимой, а отправлять только к весне, чтобы он просох, а значит стал легче весом и дешевле оплачивался бы тарифом. Если даже предположить, что лесные грузы по линии Обь–Котлас–Сорока–Мурманск⁴ могут быть оставлены в месте пересечения только что названной железной дороги с существующей Вологодско-Архангельской, то

¹ «До Мурмана» — впечатано между над строкой.

* Единственное исключение представляет часть лесных массивов Алтайского округа Кабинета Его Величества, которые находятся в верховьях Оби и Иртыша и могли бы сплаваться до существующей сибирской жел[езной] дор[оги], если бы дальнейшая отправка их от станций Омск или Новониколаевск к балтийским или северным портам была бы возможна была бы возможна по тарифным соображениям, т[о] е[сть] по дальности железнодорожного расстояния (прим. автора).

² Подчеркнуто вручную карандашом.

³ Подчеркнуто вручную карандашом.

⁴ «Мурманск» вписано вручную карандашом над строкой.

все же расстояние от Оби к Архангельску будет не 1200 верст, а около 1600¹ верст, т[о] е[сть] более удлиненное и ничем не оправдываемое. Кто же потеряет при переплате тарифа?² Очевидно землевладелец, т[о] е[сть] казна, так как благодаря удлинению расстояния к вывозному порту, будет или меньшая плата за лесной материал (попенная) или же сократится сам отпуск лесных материалов.

Только что высказанные соображения касаются сибирских лесов,³ но ведь не меньшее значение для севера новые железные дороги должны иметь для тех лесных массивов, которые они непосредственно пересекают, то есть для местных лесных грузов. В этом отношении линия Пермь–Котлас–Сорока–Мурманск⁴ ничего сколько-нибудь существенного не даст, так как она между Пермью и Котласом пересекает или Каму или Вятку с их притоками, то есть такие бассейны, из которых и по которым лесные грузы вывозятся на Волжские рынки, а засим пересекают притоки Двины (Луза и пр[очие]), т[о] е[сть] такие водные пути, по которым лесные грузы идут и всегда будут идти в непрерывном водном сообщении к Архангельску. Засим линия от Котласа до пересечения существующей линии Вологда–Архангельск пойдет параллельно к Двине и пересечет реку Вагу⁵ и ее притоки, то есть опять такие реки и бассейны, из которых лес идет и будет идти только водным путем к Архангельску. То же самое следует сказать и о линии Обь–Котлас, проектированной художником Борисовым: по переходе через Урал она войдет сначала в бассейн Камы, а потом в бассейн реки Вычегды,⁶ самого мощного притока реки Северной Двины, т[о] е[сть] опять будет идти параллельно тем путям или через те бассейны, которые неизменно отдают свои лесные грузы или волжским рынкам, или же Архангельску, непрерывным водным путем. Таким образом, обе названные линии будут конкурировать с водными путями, этой конкуренции, конечно, не выдержать и никаких новых объектов эксплуатации и экспорта в отношении лесных грузов не создадут. Совершенно иное положение линии Обь–Урало–Беломорской, принцип которой — пересекать те бассейны, эксплуатировать те леса, которые ныне совершенно не эксплуатируются по особым географическим условиям ее района. Так она пересечет реку Мезень, после слияния ее с рекой Вашкой и это будет первый крупный бассейн новой эксплуатации. Правда река Мезень впадает в Мезенский залив, и Мезенский порт кое-что вывозит леса, но этот вывоз крайне мал, благодаря полной непригодности этого порта. Его вывоз не превышает 1000000 пуд[ов] в год (6000 стандартов), между тем как бассейн Мезени может дать не менее 8 милл[ионов] пуд[ов]. Засим к востоку от Мезени Беломорская дорога пройдет бассейнами Ухтенского района, пересечет Ижму и далее пересечет

¹ Подчеркнуто вручную карандашом.

² Знак вопроса вписан вручную карандашом.

³ Подчеркнуто вручную карандашом.

⁴ Подчеркнуто вручную карандашом; «Мурманск» вписано вручную карандашом на полях.

⁵ Подчеркнуто вручную карандашом.

⁶ Подчеркнуто вручную карандашом.

Печору, т[о] е[сть] опять свежие бассейны, ныне не эксплуатируемые. Правда она захватывает здесь не весь бассейн реки Печоры и пересекает реку Печору в такой местности (около Троицка-Печорского), которая даст возможность утилизировать лес Печоры и ее притоков в количестве всего лишь 5000000 десятин,¹ между тем как лесные массивы всего бассейна Печоры могут исчисляться в количестве 10–12 миллионов десятин, но нужно сказать никакая магистральная дорога не может сразу обслужить весь бассейн Печоры, по особой конфигурации этой реки (которая напоминает собой латинское S² с очень крутыми заворотами). Однако, именно трасса Беломорской дороги как раз дает возможность схватить всю Печору, т[о] е[сть] все ее лесные массивы, находящиеся ниже Троицка-Печорского, постройкой небольшой лесовозной ветки от Беломорской дороги к Усть-Цильме.³ Эта линия входит в план тех особых железнодорожных ветвей (облегченных условий), которые предусмотрены в Уставе Беломорской ж[елезной] д[ороги]. Засим далее Обь-Беломорская дорога пересекает Уральские лесные массивы, ныне совершенно не эксплуатируемые и, наконец, пересекает реки Северную Сосьву и Лозьву, которые также дадут новые лесные грузы. Таким образом, только Обь-Урало-Беломорская жел[езная] дор[ога] и дает казне как единственному лесовладельцу на севере возможность утилизации новых лесов, то есть дает доходы от таких лесных площадей, которые ныне лежат втуне, и как раз эта дорога не конкурирует с водными путями, использует эти водные пути как естественные подъездные пути к⁴ железной дороге. По этому поводу необходимо обратить внимание на то, что именно трасса Обь-Урало-Беломорской ж[елезной] д[ороги] была специально согласована с мнениями и интересами Министерства земледелия, т[о] е[сть] Лесного ведомства. Это последнее определяет минимальные доходы от эксплуатации новых лесов, обслуживаемых новой Беломорской жел[езной] дор[огой] в 6000000 руб[лей] в год. Конечно, эта цифра составлена с чрезмерной осторожностью, между прочим потому, что Министерство земледелия расстояние гужевого подвоза непосредственно к железной дороге или к⁵ сплавным рекам определяет в среднем в 5 верст, между тем как оно ныне даже для уральских районов определяется уже в 10 верст, и таким образом самая площадь лесов, входящих в район влияния дороги исчислена Министерством с излишней осторожностью.

Хлебные грузы. Сравнительное достоинство трех рассматриваемых дорог и для этих грузов определяется разностью тарифных расстояний по железным дорогам Обь–Архангельск 1200 верст, Обь–Котлас–Мурман⁶ около 2400 верст и Ново-Николаевск — Мурман через Пермь–Котлас–Сорока —

¹ Подчеркнуто вручную карандашом.

² «S» вписано вручную карандашом.

³ Подчеркнуто вручную карандашом.

⁴ «К» впечатано над строкой.

⁵ «К» впечатано над строкой.

⁶ Подчеркнуто вручную карандашом.

4000 вер[ст].¹ Вряд ли переплаты по большим железнодорожным расстояниям по сравнению с Архангельском, могут показаться теми выгодами, которые дает незамерзаемый порт, так как минимальная переплата при направлении Обь–Котлас–Мурман, по сравнению с Архангельском, могут покрываться теми выгодами, которые дает незамерзаемый порт, так как минимальная переплата при направлении Обь–Котлас–Мурман, по сравнению Обь–Архангельск, все-таки будет не менее 12–13 коп[еек], т[о] е[сть] превысит вдвое те переплаты по процентам и складочной операции, которые для некоторых случаев отправок будут иметь место в Архангельске. Но независимо от только что сказанного нужно принять во внимание, что базировать какие бы то ни было новые железнодорожные линии для обслуживания Сибири исключительно или преимущественно на хлебных грузах было бы ошибочно, так как Сибирь по чисто торговым условиям будет стремиться вывозить часть² своих хлебов на³ южные порты, для чего и проектируется Южно-Сибирская дорога и другие дороги, сближающие Сибирь с азовскими и черноморскими портами. Во всяком случае, однако, Обь-Урало-Беломорская дорога даст для сибирского хлебородного района несомненно большее улучшение, чем какая бы то ни была трасса из указанных выше.

Уральские горнозаводские грузы. Из трех перечисленных выше линий, линия Пермь–Котлас–Мурман никакого непосредственного отношения к интересам горнозаводского Урала не имеет; равным образом и линия художника Борисова Обь–Котлас–Мурман также ничего не дает для уральского горнозаводского района, между тем Обь-Урало-Беломорская, проходя о восточному Уралу, обслуживает огромные рудные богатства Северного Урала, ныне совершенно не эксплуатируемые. Можно, конечно, возразить, что и проекту художника Борисова можно присоединить для специальных Уральских целей, восточноуральский участок, т[о] е[сть] соединить эту линию после перехода через Урал с Богословской жел[езной] дор[огой] и тогда те же самые рудные богатства будут введены в эксплуатацию. Однако это не есть решение всего вопроса для Урала. Урал нуждается не только в рудах, но и в древесном горючем, а, конечно, заранее можно сказать, что древесное горючее будет получаться дешевле и в большем количестве при⁴ той железной дороге, которая наиболее удачно разрешает вопрос об эксплуатации леса. Согласно изложенному в свое время, мы знаем, что Обь-Урало-Беломорская ж[елезная] д[орога] будет вводить в эксплуатацию большее количество леса и значит будет давать большее количество негодных отбросов и древесного угля, чем какая бы то ни была другая железная дорога. Таким образом, трасса Обь-Урало-Беломорской дороги как бы ставит все леса нашего севера, ныне

¹ Подчеркнуто вручную карандашом.

² Часть» впечатано над строкой.

³ «На» впечатано над строкой.

⁴ «При» впечатано над строкой.

пропадающие даром, между двумя рынками-потребителями: экспортным и уральским, а это, конечно, вполне обеспечивает более интенсивную эксплуатацию лесов, т[о] е[сть] переход от выборочной рубки к массовой и сплошной. Наконец Уральский Горнозаводской район нуждается также в коротком экспортном пути, так как хотя теперь надлежит думать, что страна сама будет потреблять металл в больших количествах, нежели до войны, но несомненно Урал может дать на вывоз значительное количество высококачественного металла, т[о] е[сть] конкурировать с Швецией, а для этого нужно дать кратчайшую дорогу к тем заводам уральским, которые дают наибольшее количество, т[о] е[сть] к Надеждинскому (25% всей выплавки чугуна на Урале) и тем новым заводам, которые, несомненно, будут построены с проведением восточноуральского участка Беломорской ж[елезной] д[ороги].

Не касаясь других второстепенных грузов, надлежит указать еще одно соображение. Линия Пермь–Котлас–Мурман не освободит существующей Пермской дороги в участке Пермь–Екатеринбург и участке Екатеринбург–Тюмень, которые, как указало последнее время, не должны быть обременены новыми перевозками, между тем линия Надеждинский завод — Архангельск именно освобождает весь участок Екатеринбург–Пермь–Вятка; если же принять во внимание, что с¹ сооружением Урало–Беломорской дороги неизбежно будет построена линия Верхотурье–Тюмень (которая безусловно нужна и по местным соображениям и в интересах дорог Пермской горнозаводской, Богословской и Северовосточно-Уральской (Тавдинской)), — то освобождается тогда и весь участок Тюмень–Вятка.

Соединение Обь-Урало-Беломорской жел[езной] дор[оги] с Мурманской жел[езной] дор[огой]. Этот вопрос не входит в проект предпринимателей Обь-Урало-Беломорской ж[елезной] д[ороги], так как те специальные задания, которые возлагаются на Обь-Беломорскую дорогу исполняются удовлетворительно уже примыканием к² Архангельскому порту, но необходимо принять во внимание, во-первых, что правительством уже решено продлить существующую Вологдо-Архангельскую дорогу за город Архангельск к Архангельскому порту и остается лишь вопрос с выбором места для постройки моста через Северную Двину, и с другой стороны правительство проектирует линию для казенной постройки Котлас–Сорока. Таким образом создается такая конфигурация железных дорог в районе Двинской и Онежской губы Белого моря, при которой неизбежно предreshается соединение Архангельска с одним из ближайших пунктов Мурманской дороги, напр[имер] [в] Сороки или к юго-востоку от Сороки, и тогда Обь-Урало-Беломорская дорога будет иметь выход на Мурманскую дорогу, при этом именно по ее трассе выход на Мурман будет самым кратчайшим по сравнению с другими железными дорогами и тогда, если вообще Мурман мог бы иметь особое экономическое значение для Сибири, то как раз только через посредство Обь-Урало-Беломорской железной дороги.

¹ «С» впечатано над строкой.

² «К» впечатано над строкой.

С другой стороны, если указанное соединение было бы сделано, то Обь-Урало-Беломорская железная дорога ничего не теряя и ничего не приобретая, питала бы Мурманскую дорогу, дефицитность которой пока не подлежит сомнению. Само собой разумеется, что предприниматели Обь-Урало-Беломорской дороги очень охотно возьмут на себя постройку и эксплуатацию названной соединительной линии, но вряд ли они могут рассчитывать получить этот соединительный участок и отнять его как доходный от убыточной Мурманской дороги. Нельзя, наконец, не сказать, что указанное соединение архангельского района с сорокинским районом (в той или иной комбинации) не только даст кратчайший выход Сибири к Мурману, но одновременно соединит все беломорские порты: Архангельск, Онегу, Сумский посад, Сороку, Кемь и т[ак] д[алее].

Что касается, наконец, соображений о стоимости постройки Обь-Урало-Беломорской ж[елезной] д[ороги], то, конечно, есть основание думать и ожидать перерасходов против тех исчислений, которые были своевременно сделаны; но ведь финансовые результаты этих перерасходов будут перекрываться и теми изменениями тарифов, которые уже утверждены правительством. Засим самая постепенность осуществления предприятия, предусматриваемая уставом, гарантирует возможную бережливость постройки. При этом, однако, названная постепенность несколько не ослабляет значения дороги для казенных лесных доходов. В самом деле, как только железная дорога дойдет от Архангельска до реки Мезени (230 в[ерст]), так сейчас же немедленно начнется вывоз лесов из бассейна названной реки, т[о] е[сть] получатся казенные доходы от леса, и засим буквально каждая новая верста дороги к востоку будет уже служить новым источником доходов для казны и вместе с тем удешевлением самой постройки вследствие собственных доходов от перевозок о началам временного движения. Те же самые явления, но с прибавлением доходов от руды, будут иметь место и¹ при постройке дороги к северу от Надеждинского завода, начиная даже с 75[-й] версты, где уже подготовлен к эксплуатации так называемый Самский рудник,² и далее на 175 и 200 верст, где имеются огромные залежи магнитных железных руд.

*Центр научно-технической информации и библиотек ОАО «РЖД»
Собрание документов. Урало-Беломорская железная дорога.
О сооружениях. Л. 92–97 об. Подлинник. Машинопись.*

¹ «И» впечатано над строкой.

² Самский рудник был организован в 1912 г. (по другим данным — в 1908 г.) на железорудных месторождениях, открытых на севере Богословского горного округа в долине р. Сама в 1895 — 1898 гг.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бессолицын Александр Алексеевич, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра экономической истории Института российской истории РАН, e-mail: A_Bessolitsyn@mail.ru

Бугров Константин Дмитриевич, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, e-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Вебер Михаил Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, e-mail: mikeveber@mail.ru

Годовова Елена Викторовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета, e-mail: godovova@mail.ru

Голикова Светлана Викторовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, e-mail: avokilog@mail.ru

Дашкевич Людмила Александровна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, e-mail: ldash54@mail.ru

Запарий Владимир Васильевич, профессор, доктор исторических наук, профессор УрФУ, e-mail: vvzap@mail.ru

Зубков Константин Иванович, кандидат исторических наук, заведующий Центром методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН, e-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

Казакова-Апкаримова Елена Юрьевна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, e-mail: apkarimova@mail.ru

Корепанов Николай Семенович, старший научный сотрудник Музея истории Екатеринбурга, e-mail: nk-ekb@yandex.ru

Курлаев Евгений Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, e-mail: kurlaev@el.ru

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Оренбургского государственного педагогического университета, e-mail: svlubich@yandex.ru

Микитюк Владимир Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, e-mail: vmikitjuk@mail.ru

Михеев Михаил Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, e-mail: mikheeviiiauroran@yandex.ru

Неклюдов Евгений Георгиевич, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, e-mail: ntplant9@mail.ru

Шкерин Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальной истории Института истории и археологии УрО РАН, e-mail: shkerin_uit@mail.ru

Шумкин Георгий Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, e-mail: shumk@mail.ru

Научное издание

**Социально-экономическая история Урала XVIII–XX вв.:
проблемы и решения.**

Сборник научных статей и материалов
памяти Евгения Юрьевича Рукосуева

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН*

Ответственный редактор:
к.и.н. К. И. Зубков

Компьютерная верстка:
Е. М. Иванова

Подписано в печать 07.09.2021.
Формат бумаги 60×84 1/16. Гарнитура Times New
Roman. Бумага офсетная. Печать плоская.
Усл. печ. л. 17,21. Заказ 14452. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в Отпечатано в ООО
Универсальная Типография «Альфа Принт» 620049, г.
Екатеринбург, переулок Автоматики, 2ж
Тел.: 8 (800) 300-16-00
www.alfaprint24.ru